

Учредитель:
НОУ ВПО «Московский институт государственного управления и права»

ISSN 2074-9201

Решением Президиума Российской
Академии естественных наук
от 17 сентября 2007 года
«Вестник Академии права и управления»
награжден Почетной
серебряной медалью В.И. Вернадского

Решением Президиума Российской
Академии естественных наук
от 17 марта 2010 года
«Вестник Академии права и управления»
награжден Почетной
серебряной медалью А.С. Попова

ВЕСТНИК
АКАДЕМИИ ПРАВА И УПРАВЛЕНИЯ
№ 1 (46)
2017

Журнал включен в Перечень российских
рецензируемых научных журналов ВАК
и размещен в каталоге научной периодики РИНЦ.

РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС
НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ
id 28542 Science Index *

18+

Редакционный совет

Председатель:

Пузанов Ю.П., кандидат юридических наук, профессор, действительный член Европейской академии естественных наук, президент Московского института государственного управления и права

Члены редакционного совета:

Богословский В.И., доктор педагогических наук, профессор, заместитель проректора по научной работе, начальник Управления подготовки аттестации кадров высшей квалификации Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена;

Бажанов С.В., доктор юридических наук, профессор, старший советник юстиции, ведущий научный сотрудник отдела проблем прокурорского надзора и укрепления законности в сфере экономики НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации;

Дорская А.А., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург);

Дэвид Рейнольдс, действительный член Британской академии наук, профессор истории в Колледже Христа в Кембридже, почетный профессор Колледжа Далвич, Университетов Кембриджа и Гарварда, Небраски, Оклахомы, Нихон (Токио) и По (Париж). В 2004 г. получил премию Вольфсона по истории. С октября 2013 г. возглавляет исторический факультет в Кембридже;

Мкртумян А.Ю., заслуженный юрист Республики Армения, доктор юридических наук, председатель Кассационного Суда Республики Армения;

Нарутто С.В., доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА);

Радько Т.Н., заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

Рагулина Ю.В., доктор экономических наук, профессор, заместитель руководителя научно-экспертного центра НИИ системного анализа Счетной Палаты РФ;

Салихов Б.В., доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и международного бизнеса Московского государственного лингвистического университета, профессор Московского университета имени С.Ю. Витте, полковник запаса

Солодуха П.Ф., доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой Российского государственного социального университета;

Стрекозов В.Г., доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации в отставке;

Тарасов А.М., заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, действительный член РАН;

Тихонов А.В., доктор социологических наук, профессор, действительный член Российской Академии социальных наук, руководитель Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии РАН;

Уоррен Кимбол, почетный профессор исторического факультета Колледжа искусств и наук Рутгерс, профессор Университета Кембриджа;

Шеремет И.А., доктор технических наук, профессор, член Военно-промышленной комиссии при Правительстве Российской Федерации;

Шкодинский С.В., доктор экономических наук, профессор, начальник отдела НИИ Системного анализа Счетной палаты;

Ю Синода, профессор права Университета Хокусэй-Гакуэн, г. Саппоро (Япония).

Редакционная коллегия:

Главный редактор: В.А. Золотарев доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, действительный государственный советник РФ 1-го класса, президент Ассоциации историков Второй мировой войны

Зам. главного редактора: Н.М. Шкурко, кандидат психологических наук, заслуженный работник высшей школы, консультант НОУ ВПО «Московский институт государственного управления и права»

Научный редактор: Д.А. Пашенцев, доктор юридических наук, профессор, консультант по науке НОУ ВПО «Московский институт государственного управления и права»

Выпускающий редактор: В.Е. Чеботарев, кандидат экономических наук, доцент

Технический редактор: М.Ю. Савеличев

Корректор: А.А. Игнашина

Establisher:
NSEI HPE «Moscow Institute of Public Administration and Law»

ISSN 2074-9201

By decision of the Presidium of Academy
for Natural Sciences of the Russian Federation
from September 17, 2007 «The Bulletin of
Academy of Law and Management» is awarded with
V.I. Vernadsky's Honourable silver medal

By decision of the Presidium of Academy
for Natural Sciences of the Russian Federation
from March 17, 2010 «The Bulletin of
Academy of Law and Management» is awarded with
A.S. Popov's Honourable silver medal

BULLETIN
ACADEMY OF LAW AND MANAGEMENT
№ 1 (46)
2017

By the decision of the Higher Commission on Attestation Ministry of Education
and Science of the Russian Federation. The magazine has been put
on the «List of the front-line reviewing scientific magazines and printing editions,
where chief scientific results of dissertation researches, pretending to get
an academic degree, doctor or candidate of sciences, must be published»

«The Bulletin of Academy of Law and Management» is included
in the Russian Science Citation Index (Rints, in Russian), a bibliographic database
of scientific publications in Russian at the academic periodicals, based
at the eLIBRARY.RU website platform of the Russian Scientific Electronic Library

ACADEMY OF LAW AND MANAGEMENT
BULLETIN № 46
ISSN 2074-9201 – Vestnik Akademii prava i upravleniâ
Editorial Board

Chairman:

Puzanov Y.P., *PhD in Law, Professor, Full Member of the European Academy for Natural Sciences,
President of the Moscow Institute of Public Administration and Law*

Editor-in-chief:

Zolotarev V.A., *Doctor of Law, Doctor of History, Professor,
Full State Counsellor of the Russian Federation, 1-st class*

Members of Editorial Board:

Bogoslovskiy V., *Doctor of Pedagogy, Professor, Deputy of Pro-Rector for Research, Head of Department of Preparation of Merit Rating of Staff of Highest Qualification of the Russian State Pedagogical University named after A. Herzen;*

Bazhanov S., *Doctor of Law, Professor, Senior Counselor of Justice, Leading Researcher of the Department of Issues of Public Prosecutor's Supervision and Consolidation of Legality in the Matter of Economy of the Research Institute of Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation;*

David Reynolds, *Full Member of the British Academy of Sciences, Professor of History in Christ College of Cambridge, Honored Professor of Dulwich College, Cambridge and Harvard Universities, Nebraska, Oklahoma, Nikhon (Tokyo), Po (Paris). In 2004 he was awarded the Wolfson History Prize. From October of 2013 he heads the History Faculty at Cambridge;*

Dorskaya A., *Doctor of Law, Professor, Head of Chair of International Law of the Russian State Pedagogical University of A. Herzen (Saint-Petersburg);*

Mkrtyumyan A., *Honored Lawyer of the Republic of Armenia, Doctor of Law, Chairman of Court of Cassation of the Republic of Armenia;*

Narutto S., *Doctor of Law, Professor of Chair of Constitutional and Municipal Law of the Moscow State Law University named after O. Kutafin;*

Rad'ko T., *Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor;*

Ragulina Yu., *Doctor of Economics, Professor, Deputy Director of Scientific and Expert Center of the Research Institute of System Analysis of the Account Chamber of the Russian Federation;*

Salikhov B., *Doctor of Economics, Professor, Professor of Chair of Economics and World Business of the Moscow State Linguistic University, Professor of the Moscow Witte University, Retired Colonel*

Sheremet I., *Doctor of Technical Sciences, Professor, Fellow of the Military-Industrial Committee Affiliated of the Russian Government;*

Shkodinskiy S., *Doctor of Economics, Professor, Head of Department of the Research Institute of the Account Chamber;*

Solodukha P., *Doctor of Economics, Professor, Head of Chair of the Russian State Social University;*

Strekozov V., *Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation (ret.);*

Tarasov A., *Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Full Member of the Russian Academy for Natural Sciences;*

Tikhonov A., *Doctor of Sociology, Professor, Full Member of Russian Academy of Humane Sciences, Head of the Centre of Sociology of Management and Social Technologies ISRAS;*

Warren Kimbol, *Honored Professor of Historic Faculty of the Rutgers College of Arts and Sciences, Professor of Cambridge University;*

Yu Sinoda, *Professor of Law of Khokusay-Gakuan University, Sapporo city (Japan).*

Editorial Board

Editor-in chief: Zolotarev V., Doctor of Law, Doctor of History, Professor, 1st Class Full State Counselor of the Russian Federation, President of the Historical Association of the World War Two

Deputy Chief Editor: Shkurko N., PhD in Psychology, Honorary Figure of the Russian Higher Education, Consultant of Non-State Educational Institution of Higher Professional Education "Moscow Institute of Public Administration and Law"

Science Editor: Pashentsev D., Doctor of Law, Professor, Consultant on science of Non-State Educational Institution of Higher Professional Education "Moscow Institute of Public Administration and Law"

Executive Editor: Chebotarev V., PhD in Economics, Associate Professor

Make-up Editor: Savelichev M.

Proofreader: Ignashina A.

© Group of Authors, 2017
© Moscow Institute
of Public Administration and Law, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

С ЮБИЛЕЕМ!11

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Шугрина Е.С.,

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В РОССИИ:
ИНСТИТУТ ВЛАСТИ ИЛИ ИНСТИТУТ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА12

Нарутто С.В.,

КОНСТИТУЦИОННАЯ МОДЕЛЬ РОССИЙСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ23

Михайлова Н.В., Шингарева Н.В.,

СТАНОВЛЕНИЕ БЮДЖЕТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ РОССИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТА В 1905-1907 ГГ.31

Бажанов С.В., Бут Н.Д.,

НЕЗАКОННЫЙ ВЫВОД БАНКОВСКИХ АКТИВОВ
ЗА РУБЕЖ КАК ФАКТОР, ДЕСТАБИЛИЗИРУЮЩИЙ
ОБСТАНОВКУ НА ФИНАНСОВОМ РЫНКЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ35

Глухарева Л.И.,

ДОГМА ПРАВА В ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ40

Казаков В.Н., Шамаров П.В.,

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ48

Таева Н.Е.,

ИЗБЫТОЧНОСТЬ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВЕ:
ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ АСПЕКТЫ54

Крупеня Е.М.,

ИНСТИТУТ СТАТУСНОГО ПУБЛИЧНОГО ПРАВА:
ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
В КОНТЕКСТЕ ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИХ УСТАНОВОК60

Жарова А.К., Елин В.М.,

ИСТОЧНИКИ ПОНЯТИЙ «ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ»
И ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ ЛИЦА В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ69

Анненков А.Ю.,

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ КАТЕГОРИИ
«ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ»79

Егунов В.А.,

СУЩНОСТЬ И ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА НЕНАДЛЕЖАЩЕЙ РЕКЛАМЫ85

Куницын А.С.,

НАУКА ПОЛИТИКИ ПРАВА КАК ФОРМА ОРГАНИЗАЦИИ ПРАВОВОЙ ЖИЗНИ
В ИСТОРИИ РУССКОЙ ЕСТЕСТВЕННО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ93

Климова А.О.,

ОСОБЕННОСТЬ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА ВЫСОКОСКОРОСТНОЙ
ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ МАГИСТРАЛИ «МОСКВА-КАЗАНЬ»101

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

Усманова Т.Х., ИННОВАЦИОННЫЕ РЕШЕНИЯ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ В МИРОВОЕ ХОЗЯЙСТВО	107
Салихов Б.В., Салихова И.С., Олигова М.Б., ФЕНОМЕН «ОРГАНИЧЕСКОЙ НООСФЕРЫ» КАК СИСТЕМНЫЙ ФАКТОР АКТУАЛИЗАЦИИ НОВОГО КАЧЕСТВА КРЕАТИВНОГО КАПИТАЛА	116
Анисимов В.Г., Анисимов Е.Г., Сауренко Т.Н., Смоленский А.М., МОДЕЛЬ ОПРЕДЕЛЕНИЯ РАЦИОНАЛЬНОГО ОБЪЕМА ЗАПАСОВ ПРОДУКЦИИ В ЦЕПЯХ ПОСТАВОК СО СЛУЧАЙНЫМ СПРОСОМ	124
Ольховик И.В., ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ СТИМУЛИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВУЗА ИННОВАЦИОННЫМИ ФОНДАМИ	129
Гендон А.Л., АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКИХ ГОРНО-ХИМИЧЕСКИХ КОМПАНИЙ	134
Казюлин Ю.В., ТЕНЕВАЯ ЭКОНОМИКА В РОССИИ	141
Тепляков И.И., Маковкина С.А., ЭКОНОМИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ КРУПНЫХ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	144

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕДАГОГИКИ

Богословский В.И., Аниськин В.Н., Ильмушкин Г.М., ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СИСТЕМЫ ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ ХОЛИСТИЧНОЙ ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ВУЗА	153
Безбородова Л.А., Безбородова М.А., АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ШКОЛЬНОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	162
Володарская Е.А., Разина Т.В., СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИКОНОГРАФИЧЕСКОЙ ФИКСАЦИИ ГЕНДЕРНОГО НЕРАВЕНСТВА В НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	167
Гончарук А.Ю., СОЦИОКУЛЬТУРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ АРТ-ТЕРАПИЯ ДЕТЕЙ-ИНВАЛИДОВ СРЕДСТВАМИ МУЗЫКАЛЬНОГО ИСКУССТВА	173
Клушина Н.П., Яшуткин В.А., ВЛИЯНИЕ СТИЛЕЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО РУКОВОДСТВА НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ СОВМЕСТНОЙ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ	178
Шкурко Н.М., Козьяков Р.В., Поташова И.И., ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ ПО ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОМУ СОПРОВОЖДЕНИЮ ОБУЧАЮЩИХСЯ В УСЛОВИЯХ ИНКЛЮЗИИ	184

Магомедова А.Н., Харченко Л.Н., МОДЕЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ, ОСНОВАННАЯ НА НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЯХ БИОЭТИКИ	190
Исаева М.А., ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОЕКТНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ.....	195
Комарова В.В., Ануфриева О.В., ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ НА ОСНОВЕ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ	201
Цуникова Т.Г., Щенникова Ю.В., АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К УПРАВЛЕНИЮ ФОРМИРОВАНИЕМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ТЕХНИЧЕСКОМ КОЛЛЕДЖЕ	204

CONTENTS

HAPPY ANNIVERSARY!	11
--------------------------	----

THEORY AND PRACTICE OF SCIENCE OF LAW

Shugrina E., THE TERRITORIAL SOCIAL SELF-REGULATION IN RUSSIA: POWER INSTITUTION OR CIVIL SOCIETY INSTITUTION	12
Narutto S., THE CONSTITUTIONAL MODEL OF RUSSIAN FEDERALISM: DEVELOPMENT PROBLEMS AND PROSPECTS	23
Mikhaylova N., Shingareva N., THE ESTABLISHMENT OF BUDGETARY AUTHORITIES OF THE RUSSIAN PARLIAMENT IN 1905-1907.....	31
Bazhanov S., Booth N., THE ILLEGAL WITHDRAWAL OF BANK ASSETS ABROAD AS A DESTABILIZING FACTOR OF THE SITUATION IN THE FINANCIAL MARKET OF THE RUSSIAN FEDERATION	35
Glukhareva L., DOGMA OF JURISPRUDENCE WITHIN THE MEANING OF ESTHETICS.....	40
Kazakov V., Shamarov P., THE NATIONAL SECURITY: THEORETICAL-LEGAL ANALYSIS	48
Taeva N., LEGAL REGULATION REDUNDANCY IN THE CONSTITUTIONAL LAW: THE EXTERNAL AND INTERNAL ASPECTS	54
Krupenya E., THE INSTITUTION OF STATUS PUBLIC LAW: ONTOLOGICAL CHARACTERISTICS IN THE CONTEXT OF GNOSEOLOGICAL PRECEPTS.....	60
Zharova A., Elin V., THE SOURCES OF CONCEPTS "PERSONAL DATA" AND PRIVATE LIFE OF A PERSON IN RUSSIAN LAW	69
Annenkov A., REVISITING THE ESSENCE OF THE CATEGORY "STATE-LEGAL ENFORCEMENT"	79
Egupov V., THE IMPLICATION AND LEGAL NATURE OF IMPROPER ADVERTISING.....	85
Kunitsyn A., THE LAW POLICY SCIENCE AS AN ORGANIZATION FORM OF LEGAL LIFE IN HISTORY OF THE RUSSIAN NATURAL-LEGAL THOUGHT	93
Klimova A., THE INVESTMENT ACTIVITY PECULIARITY IN THE RUSSIAN FEDERATION DURING THE IMPLEMENTATION OF A PROJECT OF THE "MOSCOW-KAZAN" HIGH-SPEED RAILWAY LINE.....	101

ISSUES OF ECONOMICS AND MANAGEMENT

Usmanova T., INNOVATION SOLUTIONS WITH A VIEW TO ENSURE ECONOMIC SECURITY IN THE CONDITIONS OF INTEGRATION INTO THE WORLD ECONOMY	107
--	-----

Salikhov B., Salikhova I., Oligova M., THE PHENOMENON OF “ORGANIC NOOSPHERE” AS A SYSTEMIC FACTOR OF THE NEW QUALITY CREATIVE CAPITAL UPDATING.....	116
Anisimov V., Anisimov E., Saurenko T., Smolenskiy A., A DETERMINATION MODEL OF THE PRODUCTION RATIONAL VOLUME OF STOCKS IN SUPPLY CHAINS WITH INADVERTENT DEMAND.....	124
Ol'khovik I., THE INTERNATIONAL EXPERIENCE OF INNOVATION ACTIVITY ENCOURAGEMENT OF A HIGHER EDUCATION INSTITUTION BY INNOVATION FUNDS	129
Gendon A., ANALYSIS OF THE RUSSIAN MINING-CHEMICAL COMPANIES DEVELOPMENT	134
Kazyulin Yu., THE SHADOW ECONOMY IN RUSSIA.....	141
Teplyakov I., Makovkina S., THE ECONOMIC–LEGAL FOUNDATIONS FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF MAJOR MUNICIPAL ENTITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION.....	144

TOPICAL ISSUES OF PEDAGOGY

Bogoslovskiy V., Anis'kin V., Il'mushkin G., THE PEDAGOGICAL MODEL OF STUDENTS' EDUCATION SYSTEM UNDER THE CONDITIONS OF A HIGHER EDUCATION INSTITUTION HOLISTIC INFORMATION-EDUCATIONAL ENVIRONMENT	153
Bezborodova L., Bezborodova M., THE RELEVANT ISSUES OF SCHOLASTIC MUSIC EDUCATION	162
Volodarskaya E., Razina T., THE SOCIAL-PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE ICONOGRAPHIC FIXING OF GENDER DISPARITY IN THE SCIENTIFIC-RESEARCH ACTIVITY	167
Goncharuk A., THE SOCIAL-CULTURAL-PEDAGOGICAL ART-THERAPY FOR THE CHILDREN WITH DISABILITIES THROUGH THE MUSIC ART MEANS.....	173
Klushina N., Yashutkin V., THE INFLUENCE OF PEDAGOGICAL LEADERSHIP STYLES ON THE EFFICIENCY OF STUDENTS'TRAINING JOINT-COOPERATION	178
Shkurko N., Koz'yakov R., Potashova I., THE PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR CONTINUING PROFESSIONAL EDUCATION IMPLEMENTATION OF THE TEACHING STAFF ON PSYCHO-PEDAGOGICAL SUPPORT OF TRAINEES IN THE INCLUSION CONDITIONS	184
Magomedova A., Kharchenko L., THE MODEL OF EDUCATION, FOUNDED ON BIOETHICS MORAL WORTH.....	190
Isaeva M., THE PEDAGOGICAL CONDITIONS OF DESIGNED-RESEARCH CULTURE FORMATION OF THE STUDENTS MAJORING IN PEDAGOGIES.....	195
Komarova V., Anufrieva O., THE YOUTH LEGAL EDUCATION THROUGH THE TRADITIONAL VALUES	201

Tsunikova T., Shchennikova Yu.,

THE ANTHROPOLOGICAL MANAGEMENT APPROACH OF PROFESSIONAL
COMPETENCE FORMATION AT A TECHNICAL COLLEGE.....

204

Юрий Петрович Пузанов – человек с удивительной биографией. Он окончил юридический факультет Московского института МВД, пережил и испытал немало трудностей при исполнении служебного долга по обеспечению прав и свобод человека и гражданина в Чеченской Республике. Награжден Орденом Мужества, и медалью к ордену «За заслуги перед Отечеством» II степени и другими наградами, в т.ч. иностранными.

Перечень званий и должностей работы Юрия Петровича столь же обширен, как и перечень его научных интересов. Президент Московского института государственного управления и права» (МИГУП), один из его организаторов и соучредителей, заведующий кафедрой ЮНЕСКО «Психология и педагогика высшего образования» МИГУП, Председатель редакционного совета журнала «Вестник Академии права и управления», профессор. Имеет большой опыт организаторской, управленческой и педагогической деятельности.

Для обмена и изучения зарубежного опыта неоднократно выезжал во Францию, США, ФРГ и многие другие страны. Организовывал подготовку российских полицейских, направляемых в миротворческие миссии по линии Организации Объединенных Наций. Автор более 60 статей в области юриспруденции и управления, в том числе книги «ЮНЕСКО и высшее образование».

Под его руководством в 2014 году издан сборник документов «Международно-правовой статус учителей и преподавательских кадров высших учебных заведений» (на русском и английском языках) со вступительными статьями представителя ЮНЕСКО в Российской Федерации Д. Бадарчи. Сборник получил положительную оценку Отдела ЮНЕСКО «Преподаватели: политика и развитие», а также – Комитета по образованию Государственной Думы Российской Федерации.

В течении ряда лет занимал ответственные должности в Центральном аппарате МВД России, руководил Управлением профессиональной подготовки, а также работал в Управлении по внутренней политике Президента Российской Федерации. В отличие от большинства коллег, сосредоточившихся только на управленческой деятельности, Юрий Петрович занимается научными исследованиями на кафедре ЮНЕСКО, работает со студентами и именно эта работа для него остается источником его жизненной энергии.

Уважаемый Юрий Петрович!

Примите сердечные поздравления с Днем рождения! Ваш профессионализм, знания, эрудиция, глубокое понимание происходящих в России экономических и политических процессов, объективная оценка этих событий, вызывают уважение коллег, общественности, делового сообщества.

Благодаря Вашему умению создать и сплотить коллектив журнала «Вестник академии права и управления» журнал совершенствуется и у него растет число авторов и читателей. Редакция, а также авторы журнала, все поколения верных читателей, подписчиков, друзей, высоко ценят Ваш вклад в работу редакционного совета.

От всей души желаем Вам здоровья, счастья и благополучия, творческого вдохновения и созидательной энергии!

УДК 342

Шугрина Е.С.,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного университета имени О.Е. Кутафина, директор Центра поддержки и сопровождения органов местного самоуправления Высшей школы государственного управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В РОССИИ: ИНСТИТУТ ВЛАСТИ ИЛИ ИНСТИТУТ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

В статье обсуждается политико-правовая природа территориального общественного самоуправления и его элементы на разных этапах развития российского государства в советский и постсоветский период. В данной работе констатируется, что если в начале 1990-х годов территориальное общественное самоуправление являлось полноценным элементом системы местного самоуправления, то органы территориального общественного самоуправления рассматривались как особая разновидность органов власти и могли наделяться полномочиями органов местного самоуправления и финансироваться из местного бюджета. В настоящее время территориальное общественное самоуправление воспринимается как элемент гражданского общества, обладающий особым статусом и имеющий четкую территориальную привязку, а органы территориального общественного самоуправления рассматриваются как некоммерческие организации.

Ключевые слова: территориальное общественное самоуправление, местное самоуправление, орган общественной самодеятельности, муниципальное образование

Shugrina E.,

Doctor of Law, Professor, Professor of Chair of Constitutional and Municipal Law of the Moscow State University named after O. Kutafin, Director of the Center of Supporting and Supervision of Local Self-Government Authorities of the Higher Level Public Administration School of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

THE TERRITORIAL SOCIAL SELF-REGULATION IN RUSSIA: POWER INSTITUTION OR CIVIL SOCIETY INSTITUTION

This article discusses the political-legal nature of territorial social self-regulation and its elements at different stages of the Russian state development in Soviet and post-Soviet period. This paper states that if in the early 1990s the territorial social self-regulation was a full part element of local self-government system, then territorial social self-regulation authorities were regarding as a special kind of public authorities and they could be given powers of local self-government authorities as well as ones could be financed by the local budget. At the present time the territorial social self-regulation is perceived as an element of the civil society with a special status, having a definite territorial binding, but the territorial self-regulation authorities are regarded as non-profit organizations.

Keywords: territorial social self-regulation, local self-government, authority of public initiative, municipal unit

1. Особенности формирования и развития территориального общественного самоуправления в России

В советское время в текстах юридических документов отсутствовал термин «территориальное общественное самоуправление», вместо него использовались иные – общественное самоуправление, общественная самодеятельность и т.п. Наличие именно таких терминов уже определенным образом указывает на роль и место территориального общественного

самоуправления в системе взаимоотношений власть-общество-государство.

Единого понимания элементов общественно-самоуправления в советском государстве также не было. Функции общественного самоуправления выполняли сельские, уличные, квартальные комитеты в населенных пунктах [1], домовые комитеты [2], товарищеские суды [3,4] и другие органы общественной самодеятельности

В большинстве нормативных актов советского периода констатировалось, что местные советы осу-

ществляют свою деятельность в тесной связи с общественными организациями и трудовыми коллективами, организуют широкое участие граждан в решении вопросов местного и общегосударственного значения, развивают общественную самодеятельность населения, выносят наиболее важные вопросы на обсуждение граждан, вовлекает их в работу постоянных комиссий, исполнительного комитета и других подотчетных советам органов. Зачастую акцент делался на то, что именно советы руководят работой органов общественной самодеятельности населения [5].

Одним из первых документов, комплексно регулирующих вопросы территориального общественного самоуправления в советском государстве, стал Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 03.09.1985 «Об утверждении Положения об общественных сельских, уличных, квартальных комитетах в населенных пунктах РСФСР».

Как и в предыдущих документах советского периода, в Указе предусматривалось, что органы территориального общественного самоуправления – это органы общественной самодеятельности. Так, в статье 1 Указа говорилось, что общественные сельские, уличные, квартальные комитеты в населенных пунктах РСФСР являются органами общественной самодеятельности населения, призванными активно содействовать Советам народных депутатов в широком привлечении граждан к участию в решении вопросов местного и общегосударственного значения.

Эти общественные комитеты должны были образовываться по территориальному принципу. Территория их деятельности определялась исполнительным комитетом соответствующего местного совета.

Общественные комитеты избирались на общем собрании, сходе граждан или их представителей, проживающих на территории деятельности общественного комитета, открытым голосованием сроком на два с половиной года. Количество членов общественного комитета устанавливалось общим собранием, сходом граждан или их представителей, однако их число не могло быть менее пяти. Избранными в состав общественного комитета считались лица, получившие более половины голосов граждан, присутствовавших на общем собрании, сходе. Члены комитета из своего состава избирали председателя, заместителя председателя и секретаря комитета.

Общественные комитеты в своей деятельности были подотчетны избравшим их общим собраниям, сходам граждан или их представителей, соответствующему Совету народных депутатов и его исполнительному комитету.

В Указе перечислялись основные полномочия общественных комитетов, предусматривалось, что они выполняют также отдельные поручения исполкома местного совета.

Институциональное оформление территориального общественного самоуправления стало происходить в начале 1990-х гг. В Законе СССР от 09.04.1990 «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» территориальное общественное самоуправление стало рассматриваться как элемент системы местного самоуправления. Позже, в декабре 1990 года термин был перенесен и в текст Конституции СССР. Подобные изменения были внесены в Конституцию РСФСР, соответствующий закон РСФСР. Российский закон был более подробным и совершенным, чем его союзный аналог.

Согласно статье 2 Закона СССР от 09.04.1990 «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» система местного самоуправления включала местные советы, органы территориального общественного самоуправления (советы и комитеты микрорайонов, жилищных комплексов, домовые, уличные, квартальные, поселковые, сельские комитеты и другие органы), а также местные референдумы, собрания, сходы граждан, иные формы непосредственной демократии.

Местные советы были вправе передавать часть своих полномочий органам территориального общественного самоуправления (статья 6 Закона). Органы территориального общественного самоуправления в соответствии с законами Союза ССР, союзных и автономных республик могли наделяться правами юридического лица. Финансовые ресурсы территориального общественного самоуправления образовывались за счет добровольных взносов и пожертвований предприятий (объединений), организаций, учреждений, населения, доходов от созданных предприятий, проводимых мероприятий. Местные советы были вправе передавать часть своих финансовых ресурсов органам территориального общественного самоуправления (статья 21 Закона).

Данные нормы являлись частью общей концепции реформирования местного самоуправления, внесли существенное изменение в правовое регулирование территориального общественного самоуправления, серьёзно изменяли его место в системе взаимоотношений власти и общества.

В статью 145 Конституции СССР была добавлена часть 2 [6], согласно которой в системе местного самоуправления, кроме местных советов народных депутатов, могли действовать в соответствии с законодательством республик органы территориального общественного самоуправления, собрания граждан, иные формы непосредственной демократии. Таким образом, территориальное общественное самоуправление предусматривалось на конституционном уровне и регулировалось конституционными нормами.

Анализ правового регулирования территориального общественного самоуправления в новейшей

российской истории позволяет выделить несколько этапов, обусловленных принятием концептуально разных федеральных законов о местном самоуправлении¹:

1 этап (1991 – 1995 гг.) – территориальное общественное самоуправление является полноценным элементом системы местного самоуправления; органы территориального общественного самоуправления рассматриваются как особая разновидность органов власти, могут наделяться полномочиями органов местного самоуправления и финансироваться из местного бюджета;

2 этап (1995 – 2003 гг.) – территориальное общественное самоуправление имеет смешанную природу, которая по разному трактовалась в субъектах РФ;

3 этап (2003 – н./вр.) – территориальное общественное самоуправление рассматривается скорее как элемент гражданского общества, хотя и обладающий особым статусом и имеющий четкую территориальную привязку; органы территориального общественного самоуправления рассматриваются как некоммерческие организации.

Наиболее значимые различия проявляются в:

- политико-правовой природе территориального общественного самоуправления;
- особенностях правового регулирования;
- учреждении и регистрации территориального общественного самоуправления и его органов;
- наличии собственных властных полномочий, взаимоотношениях с органами местного самоуправления;
- финансов-экономических основах территориального общественного самоуправления.

Рассмотрим особенности территориального общественного самоуправления на каждом этапе. Следует оговориться, что более детальная характеристика отдельных элементов территориального общественного самоуправления будет представлена в других главах.

Особенности осуществления территориального общественного самоуправления в 1991-1995 гг. Основным нормативным документом этого периода являлся Закон РСФСР от 06.07.1991 № 1550-1 «О местном самоуправлении в РСФСР». В Законе была целая глава, посвящённая особенностям осуществления территориального общественного самоуправления – глава 10.

¹ Строго говоря, за точку отсчета следует брать Закон СССР от 09.04.1990 «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР». Большая часть положения этого закона так и не были воплощены в жизнь из-за слишком короткого периода его действия. Поэтому с определенной долей условности за точку отсчета взят его российский аналог, который был принят в 1991 году и содержал уже существенно переработанную концепцию организации местного самоуправления и территориального общественного самоуправления как его части.

После принятия данного закона в Конституцию РСФСР 1978 г. были внесены изменения [7]. Глава 17 Конституции РСФСР стала называться «Местные Советы народных депутатов и органы территориального общественного самоуправления». В статье 138 Конституции РСФСР перечислялись элементы системы местного самоуправления, в том числе назывались органы территориального общественного самоуправления. В статье 144 Конституции предусматривалось, что система органов территориального общественного самоуправления, их компетенция, порядок организации и деятельности регулируются законом РСФСР.

В части 1 статьи 2 Закона РСФСР от 06.07.1991 № 1550-1 «О местном самоуправлении в РСФСР» предусматривалось, что местное самоуправление осуществляется населением через представительные органы власти – местные советы народных депутатов, соответствующие органы управления – местную администрацию, местные референдумы, собрания (сходы) граждан, иные территориальные формы непосредственной демократии, а также органы территориального общественного самоуправления населения.

Согласно Закону система территориального общественного самоуправления населения включала в себя общие собрания (сходы), конференции граждан, местные референдумы, иные формы непосредственной демократии; органы территориального общественного самоуправления населения (советы или комитеты микрорайонов, жилищных комплексов, поселков, сельских населенных пунктов), а также иные органы самоуправления населения по месту жительства (советы или комитеты улиц, кварталов, домов и тому подобное). Таким образом, законодатель разделял органы территориального общественного самоуправления населения и органы самоуправления населения по месту жительства.

Территории, на которых действуют органы территориального общественного самоуправления населения, устанавливались по предложению граждан соответствующим местным Советом.

Выборы органов территориального общественного самоуправления населения могли проводиться на общих собраниях (сходах) или конференциях граждан по месту их жительства, а также на основе всеобщего равного прямого избирательного права при тайном голосовании по избирательным участкам на срок полномочий местного Совета. Общее собрание (сход) или конференция жителей было вправе установить и другой срок полномочий органов территориального общественного самоуправления. В общем собрании (сходе), конференции принимают участие граждане, достигшие 16 лет.

В Законе предусматривалось, что расходы, связанные с подготовкой и проведением выборов, производятся за счет местных Советов при их согла-

сии. Выборы органов территориального общественного самоуправления населения по избирательным участкам признавались состоявшимися, если в них приняли участие не менее половины избирателей, внесенных в списки. Избранными в состав органов общественного самоуправления считались граждане, получившие большинство голосов от числа избирателей, принявших участие в голосовании.

Таким образом, на формирование органов территориального общественного самоуправления были фактически распространены нормы, применяемые к формированию органов местного самоуправления, что лишний раз подчеркивает их властную природу, встроенность в единую систему органов власти.

Территориальное общественное самоуправление должно было обладать собственным положением (уставом). Предусматривалась двойная регистрация – регистрация территориального общественного самоуправления путем установления его границ (в местном совете) и регистрация органа территориального общественного самоуправления как юридического лица (в местном совете, а с 1992 года в местной администрации).

Компетенция органов территориального общественного самоуправления населения определялась их положениями (уставами) с учетом полномочий, передаваемых им местными советами и местной администрацией. Местные советы и местная администрация могли устанавливать сферы совместной компетенции с органами территориального общественного самоуправления населения по согласованию с ними, а также перечень вопросов, решения по которым не могут быть приняты без согласования с органами территориального общественного самоуправления населения.

Органы территориального общественного самоуправления населения были вправе заниматься экономической деятельностью. Финансовые ресурсы органов территориального общественного самоуправления населения состояли из собственных, заемных средств, а также средств, передаваемых им местными советами и администрацией.

Местные советы, местная администрация, территориальные депутатские группы должны были содействовать органам территориального общественного самоуправления населения в осуществлении их полномочий. Органы территориального общественного самоуправления населения были вправе участвовать в работе сессий местных советов при рассмотрении вопросов, затрагивающих их интересы.

Особенности осуществления территориального общественного самоуправления в 1995 – 2003 гг. Основным нормативным актом этого периода был Федеральный закон от 28.08.1995 №154-ФЗ «Об общих принципах организации местного само-

управления в Российской Федерации», содержащий всего одну довольно короткую статью, посвященную территориальному общественному самоуправлению.

В данном законе появилось легальное определение территориального общественного самоуправления населения. Под территориальным общественным самоуправлением понималась самоорганизация граждан по месту их жительства на части территории муниципального образования (территориях поселений, не являющихся муниципальными образованиями, микрорайонов, кварталов, улиц, дворов и других территориях) для самостоятельного и под свою ответственность осуществления собственных инициатив в вопросах местного значения непосредственно населением или через создаваемые им органы территориального общественного самоуправления. Основные полномочия по правовому регулированию территориального общественного самоуправления были возложены на субъекты РФ и муниципальные образования.

В федеральном законе предусматривалось, что органы территориального общественного самоуправления могут быть юридическими лицами и что порядок организации и осуществления территориального общественного самоуправления определяется уставом муниципального образования в соответствии с законами субъекта РФ и нормативными правовыми актами органов местного самоуправления.

Как правило, отдельные нормы, регулирующие общие вопросы территориального общественного самоуправления, содержались в законах субъектов РФ о местном самоуправлении, реже – в специальных законах о территориальном общественном самоуправлении. Степень регулирования вопросов территориального общественного самоуправления в законах субъектов РФ также была различная [8].

Например, законодатели ряда субъектов РФ в законах о местном самоуправлении при раскрытии понятия территориального общественного самоуправления не оговаривали какие элементы входят в систему территориального общественного самоуправления [9]. В законах других субъектов раскрылось это понятие. Причем, законодатели ряда субъектов РФ вводили не только понятие органы территориального общественного самоуправления, но и органы общественной самодеятельности. Зачастую происходило смешение понятий «система местного самоуправления» и «система территориального общественного самоуправления». На уровне муниципальных образований этот вопрос решался более корректно.

Ключевым элементом системы территориального общественного являлись его органы. В субъектах РФ не было однозначного понимания политико-правовой природе органов территориального

общественного самоуправления. Ряд субъектов РФ продолжали считать их разновидностью органов местного самоуправления. Но стали появляться и представления о том, что органы территориального общественного самоуправления – это некоммерческие организации.

Например, в статье 4 закона города Москвы о территориальном общественном самоуправлении [10] было закреплено, что органы территориального общественного самоуправления (территориальная община и создаваемые ею органы) – добровольная, самоуправляемая не имеющая членства некоммерческая организация, созданная по инициативе граждан – жителей микрорайона, квартала, улицы, двора, дома или иного жилого комплекса, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей, определенных уставом.

В Государственной Думе осенью 1996 года были проведены парламентские слушания по проекту федерального закона «Об органах территориального общественного самоуправления» [11]. В соответствии с Проектом орган территориального общественного самоуправления – местное общественное объединение, учрежденное посредством выборов большинством граждан Российской Федерации, проживающих на данной территории и обладающих избирательным правом, для защиты собственных прав и интересов и решения тех или иных вопросов местного значения. Налицо появление нового подхода к пониманию природы территориального общественного самоуправления.

Анализ уставов муниципальных образований позволяет выделить несколько подходов к решению вопросов о создании органов территориального общественного самоуправления. В некоторых случаях сохраняли порядок, действовавший с 1991 года (регистрацией органов территориального общественного самоуправления как юридических лиц занималась местная администрация) [12]. Реже, эти функции возлагали на органы юстиции. В городе Воронеже [13] был предложен смешанный порядок регистрации, предполагавший участие и органов юстиции, и органов местного самоуправления. В соответствии с 53 статьей Устава города «принятое общим собранием (сходом), конференцией жителей положение должно было направляться в орган юстиции для регистрации, после чего городская администрация в соответствии с порядком, установленным муниципальным Советом, оформляла за органом территориального общественного самоуправления права юридического лица».

В большинстве нормативных правовых актов предусматривалось, что территория территориального общественного самоуправления – это часть территории муниципального образования. Анализ

региональных и муниципальных правовых актов позволяет выделить разные подходы к установлению территориальных пределов действия органов территориального общественного самоуправления:

- администрациями районов на основе предложений жителей данных территорий с учетом административно-территориального деления и иных особенностей территории (например, город Омск);
- по предложению администраций районов города городским Советом (например, город Новосибирск);
- учредительным собранием жителей (например, город Москва).

Во многих нормативных актах регионального и муниципального уровня предусматривалась возможность передавать органам территориального общественного самоуправления отдельные полномочия по решению вопросов местного значения либо принимать решения с учетом мнения органов территориального общественного самоуправления.

Таким образом, концепция территориального общественного самоуправления была довольно противоречива. Если в одних регионах органы территориального общественного самоуправления продолжали рассматривать как полноценный элемент местного самоуправления, обладающий соответствующими властными полномочиями, то в других территориальное общественное самоуправление все активнее трансформировали в элемент гражданского общества, особую некоммерческую организацию [8].

Особенности осуществления территориального общественного самоуправления после 2003 г. В настоящее время основным нормативным актом является Федеральный закон от 6 октября 2003 г. №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». В данном законе не содержится указаний на то, что у субъектов РФ есть полномочия по правовому регулированию территориального общественного самоуправления.

В соответствии со статьей 27 Закона под территориальным общественным самоуправлением понимается самоорганизация граждан по месту их жительства на части территории поселения, внутригородской территории города федерального значения, внутригородского района для самостоятельного и под свою ответственность осуществления собственных инициатив по вопросам местного значения.

Границы территории, на которой осуществляется территориальное общественное самоуправление, устанавливаются представительным органом поселения, внутригородской территории города федерального значения, внутригородского района по предложению населения, проживающего на данной территории.

Территориальное общественное самоуправление осуществляется непосредственно населением путем проведения собраний и конференций граждан, а также создания органов территориального общественного самоуправления. Таким образом, элементами системы территориального общественного самоуправления являются собрания, конференции граждан, органы территориального общественного самоуправления. Органы территориального общественного самоуправления избираются на собраниях или конференциях граждан, проживающих на соответствующей территории. Как и раньше, в собраниях могут принимать участие граждане в возрасте от 16 лет.

В первоначальной редакции Закона говорилось, что собрания, конференции являются правомочными, если в них принимает участие не менее половины жителей соответствующей территории, достигших определенного возраста. В 2011 году эта норма была снижена; в настоящее время для правомочности собрания, конференции достаточно не менее одной трети жителей.

Территориальное общественное самоуправление считается учрежденным с момента регистрации устава территориального общественного самоуправления уполномоченным органом местного самоуправления соответствующих поселения, внутригородской территории города федерального значения, внутригородского района. Порядок регистрации устава территориального общественного самоуправления определяется уставом муниципального образования и (или) нормативными правовыми актами представительного органа муниципального образования. Территориальное общественное самоуправление в соответствии с его уставом может являться юридическим лицом и подлежит государственной регистрации в организационно-правовой форме некоммерческой организации.

Таким образом, в Законе разделяется учреждение и регистрация территориального общественного самоуправления с одной стороны, учреждение и регистрация юридического лица с другой. Причем в Законе говорится о том, что юридическим лицом может быть именно территориальное общественное самоуправление (термин «орган территориального общественного самоуправления» в данном контексте отсутствует, хотя, возможно, подразумевается). Это дает основание некоторым экспертам утверждать, что юридическим лицом может являться только само территориальное общественное самоуправление, но не его органы. Для сравнения следует привести формулировку из действовавшего ранее Федерального закона от 28.08.1995 № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» «в соответствии с уставом муниципального образования указанные органы могут являться юридическими лицами» (статья 27).

В настоящее время Министерством юстиции России готовятся предложения по правовому регулированию территориального общественного самоуправления, призванные снять определенные противоречия между законодательством о местном самоуправлении и некоммерческими организациями [14].

2. ТОС в системе институтов гражданского общества

Существует много разных подходов к определению того что есть гражданское общество и какова его структура. Не вдаваясь в теоретические дискуссии, следует выделить такой аспект: гражданское общество – это сфера активности, самостоятельности, инициативы граждан, которая предполагает существование независимых от государства и преследующих социально-значимые цели общественных институтов, а также совокупность отношений между ними [15]. Деятельность институтов гражданского общества направлена на общее благо, преследует общественно значимые цели. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что гражданское общество не может быть полностью независимо от государства. Государственное регулирование необходимо обществу, так как иначе оно не сможет нормально функционировать. Цель такого регулирования – обеспечение в обществе законности и правопорядка. Поэтому в гражданском обществе должен соблюдаться определенный баланс интересов, основанный на конституционно значимых ценностях.

Вопрос о структуре гражданского общества до сих пор является спорным в науке. К институтам гражданского общества как правило относят общественные объединения, религиозные объединения, адвокатура, профессиональные объединения, средства массовой информации и др. институты, через которые происходит удовлетворение экономических, политических, культурных, религиозных, профессиональных, национальных и других общественно значимых интересов людей.

Наиболее подробно местное самоуправление как институт гражданского общества исследуется в трудах Н.С. Бондаря [15]. В его работах обосновывается, что гражданское общество – воплощение баланса частных и публичных, государственных и местных интересов [17]. Н.С. Бондарь констатирует, что местное самоуправление, с одной стороны, результат и, с другой – институциональное средство развития гражданского общества во всех его основных характеристиках. Синхронизация всех форм осуществления местной власти в системе единой российской государственности, предполагающая недопустимость противопоставления местного самоуправления и государственной власти, не исключает необходимость учета специфики местного самоуправления не только

как одной из форм публично-властной деятельности, но и гражданского института самоорганизации населения. Без развития местного самоуправления невозможно ни становление гражданского общества, ни утверждение реальной демократии по месту жительства граждан [17]. Сама природа органов местного самоуправления, с одной стороны, объясняется производностью и тесной связью с государством, с другой – внутренней потребностью во взаимодействии с гражданским обществом [18].

В.И. Васильев подчеркивает, что местное самоуправление в самой общей форме можно определить как рубежный институт, где гражданское общество «встречается» с государством и где мера «погружения государства в общество, так же как и мера «восхождения» общества в государство, определяется конкретными историческими обстоятельствами [19].

К подобному выводу приходит и А.А. Сергеев, который подчеркивает, что, не являясь самостоятельным уровнем публичной власти, территориальное общественное самоуправление, тем не менее, признается одним из институтов местного самоуправления. По замыслу законодателя, на этом уровне не требуются инструменты публично-властного воздействия и полномочия по изданию правовых актов, а достаточно механизмов самоорганизации населения. Определение оптимальных путей решения локальных проблем населения и добровольное исполнение жителями принимаемых на себя обязательств должны составлять основное содержание территориального общественного самоуправления [20].

Как вытекает из правовых позиций Конституционного Суда РФ, выраженных в его определениях от 10 апреля 2002 г. № 92-О, от 18 декабря 2003 г. № 471-О и от 29 сентября 2011 г. № 1048-О-О, территориальное общественное самоуправление по своей конституционно-правовой природе является специфической формой участия граждан в осуществлении местного самоуправления, которая реализуется на добровольной основе в соответствии с уставами муниципальных образований, является элементом системы местного самоуправления и при этом имеет свои законные интересы, подлежащие защите от каких бы то ни было ограничений, в том числе со стороны муниципального образования. Этим предполагается, что территориальное общественное самоуправление не может быть противопоставлено местному самоуправлению в том смысле, что оно не должно подменять его собой на определенной части территории муниципального образования [17].

Таким образом, для понимания места территориального общественного самоуправления в системе институтов гражданского общества надо проанализировать его сходства и различия с институтами публичной власти, некоммерческими объединениями.

Входя в систему местного самоуправления, **территориальное общественное самоуправление существенно отличается от привычных институтов публичной власти.** Это проявляется в следующем [21].

Органы территориального общественного самоуправления не входят в систему органов местного самоуправления, о которой говорится в статье 34 Федерального закона №131-ФЗ. Эти органы не могут быть отнесены и к иным органам местного самоуправления, поскольку не обладают признаками органов местного самоуправления, перечисленным в статьях 2 и 44 Федерального закона №131-ФЗ – они не наделены собственными полномочиями по решению вопросов местного значения, но предназначены для осуществления собственных инициатив по вопросам местного значения.

Итак, органы территориального общественного самоуправления не обладают властными полномочиями; принимаемые ими решения не обеспечены механизмами государственного принуждения. Решения, принимаемые органами территориального общественного самоуправления, не являются обязательными для всех субъектов права, расположенных в пределах территории, на которой действуют данные органы. Для сравнения можно привести норму, содержащуюся в статье 7 Федерального закона №131-ФЗ: муниципальные правовые акты, принятые органами местного самоуправления, подлежат обязательному исполнению на всей территории муниципального образования. Кстати, вопрос об природе решений, принимаемых органами территориального общественного самоуправления, регулярно возникает в судебной практике [22].

Территориальное общественное самоуправление создается по инициативе, по желанию жителей, оно не должно быть в каждом муниципальном образовании, субъекте РФ. По данным Минюста России по состоянию на 1 марта 2016 г. в Российской Федерации насчитывается 22,4 тыс. муниципальных образований; органы территориального общественного самоуправления функционируют в 4,2 тыс. муниципальных образований [23]. Для сравнения можно привести позицию Конституционного Суда РФ, высказанную еще в 2000 году в отношении местного самоуправления: как само муниципальное образование, так и право проживающих на его территории граждан на осуществление местного самоуправления возникают на основании Конституции РФ и закона, а не на основании волеизъявления населения муниципального образования [24].

Таким образом, территориальное общественное самоуправление относится к факультативным, т.е. не обязательным, формам участия населения в местном самоуправлении. Однако для его создания одного желания жителей недостаточно – помимо инициативы на-

селения для создания ТОС требуется решение представительного органа муниципального образования [25].

Территория, в пределах которой осуществляется территориальное общественное самоуправление, хоть и устанавливается в особом порядке, но не обладает признаками публично-правового образования, характерными для территории муниципального образования, субъекта Федерации или государства в целом; органы территориального общественно-самоуправления не пользуются правами муниципального образования [21], территориальное общественное самоуправление ни в одной из его форм не вправе подменять собой органы местного самоуправления: оно не вправе действовать от имени муниципального образования или принимать решения, распространяющиеся на всю территорию муниципального образования [26].

Это позволяет Н.Л. Пешину сделать вполне логичный вывод о том, что территориальное общественное самоуправление – это особый институт гражданского общества, тесно связанный с местным самоуправлением, постоянно взаимодействующий с ним, но при этом не относящийся к какой-либо из организационных форм осуществления местного самоуправления, а потому занимающий место особого элемента в системе местного самоуправления [26].

В части 5 статьи 27 Федерального закона №131-ФЗ предусматривается, что территориальное общественное самоуправление в соответствии с его уставом может являться юридическим лицом и подлежит государственной регистрации в организационно-правовой форме некоммерческой организации (в том числе общественного объединения и такой его разновидности, как орган общественной самостоятельности). Однако «обычной» или **«стандартной» некоммерческой организацией территориальное общественное самоуправление не является, имеет существенные отличия.** Это проявляется, в частности, в следующем.

Существуют разные правила установления территориальных пределов действия территориального общественного самоуправления и общественного объединения (некоммерческой организации) – в первом случае территорию устанавливают представительные органы местного самоуправления на основании обращения органа территориального общественного самоуправления и органы территориального общественного самоуправления действуют на части территории муниципального образования, населенного пункта; местные общественные объединения действуют в пределах территории органа местного самоуправления, т.е. в границах муниципального образования. Более того, некоммерческих организаций или общественных объединений в пределах конкретной территории может быть несколь-

ко (особенно, если у них разные цели деятельности и разные названия); территориальное общественное самоуправление может быть только одно на соответствующей территории.

А.А. Сергеев обращает внимание на то, что деление граждан по территориальному принципу – важнейший признак публичной власти; регистрация гражданина по месту жительства на территории муниципального образования влечет автоматическое и не зависящее от его воли включение этого гражданина в число жителей данного муниципального образования [27]. Подобный механизм действует и в отношении территориального общественного самоуправления. По мнению А.В. Колесникова, территориальное общественное самоуправление – особая публично-правовая форма самоорганизации граждан по локально-территориальному принципу [28].

О.Е. Кутафин подчеркивал, что в отличие от общественных объединений органы территориального общественного самоуправления объединяют население не на основе членства, связанного с какими-либо условиями (соблюдение устава, уплата членских взносов и т.п.), а на основе совместной работы по выполнению определенных задач в области обслуживания общественных потребностей граждан, удовлетворения их культурно-бытовых и иных запросов, охраны их прав и интересов [29].

В дополнение к этому В.И. Васильев обращает внимание еще и на то обстоятельство, что органы территориального общественного самоуправления учреждаются большинством граждан, проживающих на данной территории. А органы общественной самостоятельности могут создаваться и меньшинством населения. Деятельность органов территориального общественного самоуправления ограничивается исключительно вопросами местного значения. А органы общественной самостоятельности могут заниматься другими, например, политическими, вопросами. Это позволяет ему прийти к выводу о том, что общественное территориальное самоуправление, не имея свойств публичной власти, служит как бы общественно-властным «продолжением» местного самоуправления, входит в этом качестве в его систему [30].

Приближенность органов территориального общественного самоуправления к населению, простота порядка их формирования и, главное, тесная связь их деятельности с повседневными жизненными интересами граждан обеспечивают массовость этих органов, определяют необходимость последовательного повышения их роли в системе местного самоуправления [29].

А.И. Казанник обращает внимание и на особый характер природы устава территориального общественного самоуправления, который по своим формально-юридическим признакам не может быть

нормативным правовым актом, поскольку субъекты территориального общественного самоуправления не наделены публично-властными полномочиями и не вправе принимать общеобязательные правовые акты. «Но устав нельзя отнести и к локальным правовым актам, разновидностью которых является устав объединения граждан. Он неизбежно станет уставом не объединения граждан, а деятельности по осуществлению территориального общественного самоуправления, процесса выдвижения и реализации гражданами различных инициатив по вопросам местного значения» [31].

В 1990-е годы органы территориального общественного самоуправления могли финансироваться непосредственно из местного бюджета, наделяться полномочиями по решению вопросов местного значения или участвовать в этом; руководители органов территориального общественного самоуправления оформлялись на работу в муниципальном образовании, могли быть муниципальными служащими. Действующее законодательство иначе регулирует эти вопросы, однако отголоски привычной ранее практики периодически возникают.

Так, иногда возникает вопрос о целесообразности более активной включенности органов территориального общественного самоуправления в деятельность органов местного самоуправления (например, наделение их отдельными полномочиями или включение решения органа территориального общественного самоуправления в качестве обязательной стадии при принятии решения органом местного самоуправления по определенному вопросу). Согласно Федерального закона №131-ФЗ органы территориального общественного самоуправления наделены правом правотворческой инициативы в органах местного самоуправления – это также отделяет их от иных видов некоммерческих организаций или общественных объединений.

Исследуя данный вопрос, Г.Н. Чеботарев обращает внимание на то, что полномочия территориального

общественного самоуправления могут вытекать из специальных законов. Так, согласно Земельного кодекса РФ органами территориального общественного самоуправления осуществляется общественный земельный контроль за соблюдением установленного порядка подготовки и принятия исполнительными органами государственной власти и органами местного самоуправления решений, затрагивающих права и законные интересы граждан и юридических лиц, а также за соблюдением требований использования и охраны земель. В случае передачи отдельных полномочий органов местного самоуправления органам территориального общественного самоуправления, по сути, трансформируется сугубо общественная природа органов территориального общественного самоуправления, они во многом становятся муниципально – общественными органами [32].

Особенный характер территориального общественного самоуправления как института гражданского общества проявляется и в том, что в нем сочетаются одновременно представительные и непосредственные начала деятельности граждан. Принято выделять два направления осуществления территориального общественного самоуправления: а) проведение собраний и конференций граждан; б) создание органов территориального общественного самоуправления, которые избираются на собраниях или конференциях граждан, проживающих на соответствующей территории [33]. Вместе с тем, территориальное общественное самоуправление является одной из форм участия граждан в осуществлении местного самоуправления. И в этом смысле выполняет важную функцию вовлечения граждан в развитие общественных гражданских инициатив.

Территориальное общественное самоуправление сочетает в себе свойства общественного объединения и института публичной власти; его можно рассматривать по меткому выражению Е.И. Колюшина «как нулевой этаж местного самоуправления» [34], важный институт гражданского общества.

Список литературы

1. Закон РСФСР от 19.07.1968 «О поселковом, сельском Совете народных депутатов РСФСР».
2. Жилищный кодекс РСФСР (принят ВС РСФСР 24.06.1983).
3. Указ Президиума ВС РСФСР от 01.07.1982 «Об утверждении Положения о совете народных заседателей при районном (городском) народном суде».
4. Постановление Совмина РСФСР от 29.10.1982 №575 «Об утверждении Положения об управлении внутренних дел исполнительного комитета краевого, областного Совета народных депутатов».
5. Закон РСФСР от 29.07.1971 «О районном Совете народных депутатов РСФСР».
6. Закон СССР от 26.12.1990 №1861-1 «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР в связи с совершенствованием системы государственного управления».
7. Закон РСФСР от 24.05.1991 №1329-1 «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР в связи с реформой местного самоуправления».
8. *Шугрина Е.С.* Муниципальное право. М., 1999. С. 143–153.
9. Закон Тюменской области от 29 ноября 1995 года «О местном самоуправлении». Тюмень. 1995. 31 с.
10. Закон города Москвы от 10 июля 1996 года № 26–77 «О территориальном общественном самоуправлении в городе Москве».

11. Проект Федерального закона «Об органах территориального общественного самоуправления», внесенный депутатами Государственной Думы Фильшиным М.В., Полдниковым Ю.И., Шевелухой В.С., Шелищем П.Б., Тарасовым В.М. М., 1996.
12. Устав города Калининграда. Утвержден решением городской Думы Калининграда от 25 сентября 1996 года № 299.
13. Устав города Воронежа. Утвержден постановлением Воронежского городского муниципального Совета от 29 декабря 1995 года №189 (в ред. от 27 февраля 1996 года).
14. *Алешкова Н.П.* Некоторые проблемы правового регулирования организации территориального общественного самоуправления в городах // Актуальные проблемы российского права. 2015. №6. С. 95 – 99.
15. *Нарутто С.В., Таева Н.Е., Шугрина Е.С.* Конституционное право России. М., 2012. С. 98.
16. *Бондарь Н.С., Джагарян А.А.* Сильное местное самоуправление – сильное государство: история и современность // Конституционное и муниципальное право. 2016. №4. С. 62 – 74
17. Муниципальное право Российской Федерации. В 2 т. Т. 1. / под ред Н.С. Бондаря. М., 2016. С. 205.
18. *Тимофеев Н.С.* Государство, местное самоуправление и гражданское общество: аспекты и пределы взаимодействия // Конституционное и муниципальное право. 2005. №9. С. 10.
19. Муниципальная реформа в Российской Федерации: правовое и экономическое исследование / под общ. ред. Т.Я. Хабриевой. М., 2010. С. 29.
20. Комментарий к Федеральному закону «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (постатейный) / И.В. Бабичев, В.В. Волков, А.В. Мадьярова и др. / под ред. И.В. Бабичева, Е.С. Шугриной. 2-е изд., перераб. и доп. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2015. С. 255.
21. *Чиркин В.Е.* Система государственного и муниципального управления. М., 2008. С. 408.
22. *Шугрина Е.С.* Судебная практика по вопросам, связанным с созданием и ликвидацией территориального общественного самоуправления // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2012. №1. С. 20 – 25.
23. Информационно-аналитические материалы о развитии системы местного самоуправления в Российской Федерации (данные за 2015 г. – начало 2016 г.). Мониторинг Минюста РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://minjust.ru/ru/press/news/monitoring-razvitiya-sistemy-mestnogo-samoupravleniya>.
24. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.11.2000 № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Устава (Основного Закона) Курской области в редакции Закона Курской области от 22 марта 1999 года «О внесении изменений и дополнений в Устав (Основной Закон) Курской области».
25. Муниципальное право России: учеб. / С.А. Авакьян, В.Л. Лютцер, Н.Л. Пешин и др. / отв. ред. С.А. Авакьян. М.: Проспект, 2009. С. 257.
26. *Пешин Н.Л.* Муниципальное право Российской Федерации. М., 2011. С. 209.
27. *Сергеев А.А.* Местное самоуправление в Российской Федерации: проблемы правового регулирования. М., 2006. С. 121.
28. Муниципальное право Российской Федерации / под. ред. А.В. Колесникова. М., 2013. С. 132.
29. *Кутафин О.Е., Фадеев В.И.* Муниципальное право Российской Федерации. М., 2006. С. 217.
30. *Васильев В.И.* Муниципальное право России: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2012. С. 274.
31. Муниципальное право России / под ред. А.Н. Костюкова. М., 2007. С. 274–275.
32. *Чеботарев Г.Н.* Территориальное общественное самоуправление в системе местного самоуправления // Конституционное и муниципальное право. 2013. №11. С. 72 – 77.
33. *Овчинников И.И.* Муниципальное право Российской Федерации. М., 2010. С. 326.
34. *Колюшин Е.И.* Муниципальное право России. М., 2008. С. 112.
35. *Баженова О.И.* К проблеме правового регулирования территориального общественного самоуправления // Местное право. 2015. №5. С. 77–106.
36. *Бялкина Т.М.* ТОС: простой, понятный и близкий людям формат решения местных проблем // Практика муниципального управления. 2016. №1. С. 21–27.
37. *Васильев С.А.* Место института территориального общественного самоуправления в российской правовой системе // Государственная власть и местное самоуправление. 2010. №12. С. 28 – 30.
38. *Шугрина Е.С.* Муниципальное право. М., 2014. 576 с.
39. *Шугрина Е.С.* Отдельные вопросы территориального общественного самоуправления в материалах судебной практики // Местное право. 2011. № 4. С. 17–30.

Reference list

1. Law of the RSFSR of 19.07.1968 “On settlement, rural Council of people’s deputies of the RSFSR”.
2. Housing Code of the RSFSR (Adopted by the Supreme Soviet of the RSFSR in 24.06.1983).
3. The Decree of the Supreme Soviet of the RSFSR dated 01.07.1982 “On approval of a Regulation on the Soviet of people’s assessors in a district (town) public court”.
4. The Decree of Ministers Council of the RSFSR dated 29.10.1982 №575 “On approval of a Regulation on the administration of internal affairs of the executive committee of the territorial, regional Soviet of people’s deputies”.
5. Law of the RSFSR of 29.07.1971 “About the district Soviet of people’s deputies of the RSFSR”.

6. The Law of the USSR dated 26.12.1990 №.1861-1 "On amendments and additions to the Constitution (Fundamental law) of the USSR in connection with improvement of public administration system".
7. The Law of the RSFSR of 24.05.1991 №1329-1 "On amendments and additions to the Constitution (Fundamental law) of the RSFSR in connection with the reform of local self-government".
8. *Shugrina E.* The municipal law. M., 1999. P. 143–153.
9. The Law of the Tyumen' region dated November 29th, 1995 "About local self-government". Tyumen'. 1995. 31 p.
10. The Law of the Moscow city from 10th of July, 1996 № 26-77 "About territorial social self-regulation in the city of Moscow".
11. The Draft of Federal Law "About territorial social self-regulation", submitted by the deputies of the State Duma Fil'shin M., Poldnikov Yu., Shevelukha V., Shelishch P., Tarasov V. M., 1996.
12. The Charter of the Kaliningrad city. Approved by the decision of City Duma of Kaliningrad from September 25th, 1996. №299.
13. The Charter of the Voronezh city. Approved by the decision of the Voronezh Municipal Council dated 29th of December, 1995. №189 (as amended on 27th of February, 1996).
14. *Aleshkova N.* Some issues of organization legal regulation of territorial social self-regulation in the towns // Actual Issues of the Russian law. 2015. №.6. P. 95 – 99.
15. *Narutto S., Taeva N., Shugrina E.* The constitutional law of Russia. M., 2012. P. 98.
16. *Bondar' N., Dzhagaryan A.* The strong local self-government – powerful state: History and modernity // Constitutional and Municipal Law. 2016. №4. P. 62 – 74.
17. The municipal law of the Russian Federation. In 2 volumes. Vol. 1. / Under the editorship of N. Bondar'. M., 2016. P. 205.
18. *Timofeev N.* The state, local self-government and civil society: Aspects and interaction limits // Constitutional and Municipal Law. 2005. №9. P. 10.
19. The municipal reform in the Russian Federation: The legal and economic analysis / Under the general editorship of T. Khabrieva. M., 2010. P. 29.
20. The Commentary to the Federal Law "On general principles of organization of local self-government in the Russian Federation" (itemized) / I. Babichev, V. Volkov, A. Mad'yarov and etc. / Under the general editorship of I. Babichev, E. Shugrina. The second edition; revised and enlarged. M.: NORMA, INFRA-M, 2015. P. 255.
21. *Chirkin V.* The system of public and municipal administration. M., 2008. P. 408.
22. *Shugrina E.* Court practice on issues connected with the establishing and liquidation of territorial social self-regulation // Municipal service: Legal issues. 2012. №1. P. 20 – 25.
23. Information and analytical proceedings about the development of a system of local self-government in the Russian Federation (data for 2015 and early 2016). Monitoring of the Ministry of Justice of the Russian Federation [Electronic resource]. Access mode: <http://minjust.ru/ru/press/news/monitoring-razvitiya-sistemy-mestnogo-samoupravleniya>.
24. The Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 30.11.2000 №15-P "On the case about a control of constitutionality of separate provisions of the Charter (Fundamental Law) of Kursk region in edition of the Law of Kursk region of 22nd of March, 1999 "About modification and additions in the Charter (Fundamental Law) of Kursk region".
25. The municipal law of Russia: Textbook. / S. Avak'yan, V. Lyutzer, N. Peshin, etc. / Executive editor S. Avak'yan. M.: Prospekt, 2009. P. 257.
26. *Peshin N.* The municipal law of the Russian Federation. M., 2011. P. 209.
27. *Sergeev A. A.* The local self-government in the Russian Federation: Issues of legal regulation. M., 2006. P. 121.
28. The municipal law of the Russian Federation / Under the editorship of A. Kolesnikov. M., 2013. P. 132.
29. *Kutafin O., Fadeev V.* The municipal law of the Russian Federation. M., 2006. P. 217.
30. *Vasil'ev V.* The municipal law of Russia: Textbook. The second edition; revised and enlarged. M.: Yustitsinform, 2012. P. 274.
31. The municipal law of Russia / Under the editorship of A. Kostyukov. M., 2007. P. 274-275.
32. *Chebotarev G.* Territorial social self-regulation in the local self-government system // Constitutional and Municipal Law. 2013. №11. P. 72 – 77.
33. *Ovchinnikov I.* The municipal law of the Russian Federation. M., 2010. P.326.
34. *Kolyushin E.* The municipal law of Russia. M., 2008. P.112.
35. *Bazhenova O.* To the issue of legal regulation of territorial social self-regulation // Local Law. 2015. №5. P. 77-106.
36. *Byalkina T.* Territorial social self-regulation: An ordinary, understandable format of local problems resolve – a close by people // Practice of Municipal Management. 2016. №1. P. 21-27.
37. *Vasil'ev S.* A place of institution of territorial social self-regulation in the Russian legal system // State Power and Local Self-Government. 2010. №12. P. 28 – 30.
38. *Shugrina E.* The municipal law. M., 2014. 576 p.
39. *Shugrina E.* Separate issues of territorial social self-regulation in proceedings of jurisprudence // Local Law. 2011. №4. P. 17–30.

УДК 342.5

Нарутто С.В.,

доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права
Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина

КОНСТИТУЦИОННАЯ МОДЕЛЬ РОССИЙСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Данная статья посвящена проблемам конституционного закрепления основных характеристик российского федерализма. Анализируются особенности федеративного развития России и связанные с этим трудности, связанные с количественным и качественным составом субъектов федерации. Обращается внимание на то, что в федеративном государстве должно органично сочетаться единство и многообразие, позволяющее развиваться многонациональному государству. Наряду с этим делается вывод о недопустимости критического различия в социально-экономической жизни регионов. Отмечается безуспешность принимаемых Правительством мер в направлении выравнивания уровня жизни в субъектах федерации.

Критически анализируется конституционно-правовая модель разграничения предметов ведения и полномочий между федерацией и ее субъектами. Наибольшее количество замечаний касается правовой неопределенности в закреплении и финансировании полномочий субъектов Российской Федерации по предметам совместного ведения. Также в статье анализируются предложения ряда ученых о реорганизации российского федерализма. Делаются выводы о чрезмерном усилении централизации власти, направленной на насаждение единства в федеративных отношениях, о необходимости федеральной власти стимулировать принятие регионами самостоятельных решений, способствующих их социально-экономическому развитию.

Ключевые слова: федерализм, Конституция, разграничение предметов ведения и полномочий, субъект федерации, предметы совместного ведения, централизация, бюджет

Narutto S.,

Doctor of Law, Professor of Chair of Constitutional and Municipal Law
of the Moscow State Law University named after O. Kutafin

THE CONSTITUTIONAL MODEL OF RUSSIAN FEDERALISM: DEVELOPMENT PROBLEMS AND PROSPECTS

This article is discussed the issues of constitutional consolidation of key characteristics of the Russian federalism. There are analyzed the characteristics of Russia's federal development and related difficulties thereto, associated with the quantitative and qualitative composition of federal entities. The article author is directed the attention that unity and diversity must be organically combined in a federal state, it allows to develop a multinational state. As the same time the conclusion is made about inadmissibility of the critical difference in a social – economic life of the regions. There is noted the failure of the actions taken by Government towards living standards equalization in the federal entities.

The constitutional-legal model of divisions of jurisdiction and powers between federation and entities is critically analyzed in the article. The greatest number of comments is concerned with the legal uncertainties in securing and funding powers of the Russian Federation entities on the subjects of joint jurisdiction.

Similarly, the article analyzes the proposals of a number of scientists on the Russian federalism reorganization. Conclusions are made about the excessive power centralization, which is aimed at the imposition of unity in the federal relations, about the federal power necessary to stimulate the adoption of independent decisions by the regions, which would contribute their social-economic development.

Keywords: federalism, Constitution, division of jurisdiction and powers, federal entity, joint jurisdictional issues, centralization, budget

Российская Федерация, как и любое федеративное государство, является «сложной многомерной социальной системой, представляющей собой, с одной стороны, совокупность составляющих ее элементов (государств, государственно-территориальных и территориальных образований), а с другой – определенную целостность, государственное единство» [20]. Российский федерализм уникален, прежде всего, полинациональным характером, влияющим на все стороны общественной жизни, сочетанием национальной и территориальной основ, обуславливающим особенности в правовом положении субъектов РФ. При этом одни ученые видят в таком сочетании соответствие международно-признанному коллективному праву народов на самоопределение, которое может способствовать интеграции государства и преодолению противоречий между различными этносами [24], другие – причины конфликтности, искусственно стимулирующие развитие национального фактора, разрушающе воздействующего на государственность России [28]. Институты государственности субъектов Российской Федерации отличаются в силу наличия у субъектов объективных особенностей – географических, геополитических, экономических, политических, этнических и иных. Субъекты одного типа, например, края или области тоже отличаются друг от друга. Существенные отличия имеют край и области, в составе которых находятся автономные округа. Российский федерализм предполагает многогранность территориальной, социальной и национальной организации жизнедеятельности общества, дифференциацию возможностей государственной власти применительно к региональной и локальной специфике объективных условий, приближение власти к человеку и окружающим его проблемам. Единство в федеративном государстве может быть только единством многообразия. Еще Аристотель отмечал, что благо – только единство, выстроенное на учете многообразия. Искусственное стремление ликвидировать это многообразие неизбежно приводит к искажению содержательной стороны федерализма, нарушению права населения на сохранение своей самобытности, права самостоятельно определять условия своего развития и самоопределения в пределах, четко установленных основополагающим документом федерации и не подлежащих одностороннему изменению центральной властью [17]. «Устройство разумного государственного строя, – писал о. П.И. Флоренский, – зависит, прежде всего, от ясного понимания основных положений, к которым и должна приспособляться машина управления. Мудрость государственного управления – не в истреблении тех или других данностей и даже не в подавлении их, а в умелом направлении, чтобы своеобразие и противоречия давали в целом государственной жизни нужный эффект» [29].

Однако различия, прежде всего в социально-экономическом развитии субъектов РФ столь критичны, что влекут негативные процессы в социальной, демографической, культурной и других сферах жизни. Эти различия проявляются в неравномерном размещении производительных сил, расселении населения на территории страны. Согласно официальным данным, объемы валового регионального продукта (ВРП) на душу населения по регионам страны отличается более чем в 45 раз. Различия в размере заработной платы работников одной профессии и квалификации составляет до 4 и более раз. Так, в Ямало-Ненецком и Ненецком автономных округах размер средней заработной платы составляет соответственно 77272 и 71230 рублей, а в Республике Дагестан и Алтайском крае – 19239 и 20090 [21]. Часть регионов признаются устойчиво депрессивными. Существенны различия в части транспортной обеспеченности между европейской частью России, с одной стороны, и районами Сибири и Дальнего Востока, с другой стороны. Например, 6 субъектов РФ не имеют железнодорожного сообщения с другими регионами страны.

В целях сокращения различий в уровне социально-экономического развития субъектов РФ, уменьшения разрыва по основным показателям социально-экономического развития между наиболее развитыми и отстающими регионами Правительством принималась Федеральная целевая программа «Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации (2002 – 2010 годы и до 2015 года)» [19], однако поставленных целей Программа не достигла. Несмотря на проводимые органами государственной власти мероприятия, направленные на снижение дифференциации субъектов РФ, неравенство доходов между наиболее и наименее финансово обеспеченными субъектами только росло [12].

Значительны национально-языковые различия. На территории России проживают представители 193 национальностей, используются 277 языков и диалектов; в государственной системе образования используются 89 языков, из них 30 – в качестве языка обучения, 59 – в качестве предмета изучения [25]. Значимо различается и демографическая ситуация в регионах, требующая в ряде субъектов РФ, где за последние годы более чем на 15 процентов сократилась численность населения, незамедлительного реагирования [26].

В качестве начала, генерирующего системные взаимосвязи, обуславливающие единство федеративного государства со столь различающимися субъектами, следует рассматривать конституционные принципы федерализма, наполняющиеся конкретным содержанием федеральными законами и законами субъектов федерации, которые не просто повторяют федеральные нормы, а регулируют то особенное, что объ-

единяет население той или иной территории и всей страны в целом. Базовые начала российской федеративной государственности закреплены в главе 1 «Основы конституционного строя» Конституции РФ: 1) государственная целостность России, предполагающая государственный суверенитет Федерации; 2) равноправие и самоопределение народов России; 3) единство системы государственной власти; 4) разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и субъектов РФ; 5) юридическое равноправие субъектов РФ (ч. 3 ст. 5). Данные принципы «обуславливают закономерности, динамику и тенденции развития суверенной России как единого целостного организма, а также ее составных частей – субъектов» [18].

На конституционном уровне помимо принципов федеративных отношений закреплены и иные основы федеративной социальной системы закреплены – состав федерации, виды субъектов федерации и основы их статуса, модель разграничения предметов ведения и полномочий между федерацией и ее субъектами. В отношении многих основ федерализма в научной сфере не прекращаются дискуссии.

Так, у многих ученых и политиков вызывает возражение количественный и видовой состав субъектов РФ: 85 – общее число и 5 – видов. Многие ученые разделяют мнение о необходимости укрупнения регионов. Однако начавшийся процесс объединения субъектов РФ сегодня прекратился. Отношение к объединительному процессу в среде ученых неоднозначно. Сторонники развития процесса укрупнения субъектов РФ видят в нем условие оптимизации системы государственного управления в нашей стране [4], условия для проведения более эффективной социально-экономической политики государства [2], сбалансированности доходов и расходов в рамках укрупненных субъектов РФ с целью повышения уровня жизни населения регионов и укрепления их экономической базы [4], укрепления единого правового пространства [11]. Т.А. Золотухина пишет, что «практическая реализация идеи укрупнения субъектов Российской Федерации – одно из важнейших условий формирования в России эффективно функционирующего федеративного государства, в котором будет обеспечено подлинное равноправие российских регионов» [10]. Противники укрупнения регионов считают, что оно ведет к ухудшению управленческой взаимосвязи с населением, к ухудшению экономического положения региона-донора, к росту национализма среди нерусского населения и к другим негативным явлениям [15]. Ряд ученых предлагают укрупнение существующих административно-территориальных единиц и субъектов РФ, в частности, создание 20 агломераций на основе крупных административных центров субъектов РФ, представляющих собой слож-

ную многокомпонентную динамическую систему с интенсивными производственными, транспортными и культурными связями [7]. Представляется, что объединительный процесс продолжится для равномерного и сбалансированного социально-экономического развития укрупненных территорий (макрорегионов).

Проблематичен и вопрос определения статуса сложносоставных субъектов РФ – автономных округов, которые в соответствии с ч. 4 ст. 66 Конституции РФ могут входить в состав других субъектов – краев и областей. Показательно, что объединение субъектов федерации затронуло именно сложносоставные субъекты и привело к общему сокращению их числа, а также количества автономных округов [1].

В настоящее время только два субъекта РФ имеют в своем составе другие субъекты РФ – автономные округа: Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа входят в состав Тюменской области, Ненецкий автономный округ входит в состав Архангельской области. При этом округа остаются равноправными субъектами РФ. Например, согласно ст. 4 Устава Архангельской области в состав Архангельской области входит Ненецкий автономный округ – государственно-территориальное образование, являющееся субъектом РФ и одновременно частью области (ст. 4). Такая юридическая конструкция представляется фикцией, причем не только юридической. Договорами, заключаемыми между областью и округом, фактически признается юрисдикция областных органов государственной власти по отдельным вопросам, относящимся к компетенции округа, что порождает много вопросов с определением компетенции органов государственной власти субъектов РФ в пределах их территорий [13].

Основу федеративных отношений составляет модель разграничения предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами. Рациональное распределение властных полномочий между центром и регионами является самой сложной проблемой федерализма, поскольку от того насколько правильно он решен зависит политическая и социально-экономическая обстановка в стране, а также ее международное положение. Модель разграничения предметов ведения и полномочий в конкретной стране, безусловно, зависит от многих объективных факторов, а также от менталитета народа, традиций в государстве. В научной литературе как прошлых, так и нынешних лет не прекращается дискуссия по вопросу трехчленной модели разграничения компетенции Федерации и ее субъектов. Некоторые ученые отрицают компетенцию в сфере совместного ведения. Другие – отвергают исключительную компетенцию, как у Федерации, так и у ее субъектов. Третьи вообще говорят о невозможности разграничения компетенции. Однако большинство ученых под-

держивают модель трехчленного разграничения, закрепленного в ст. 71-73 Конституции Российской Федерации.

Наиболее проблемными признают предметы совместного ведения из-за неопределенности, неясности разграничения по ним конкретных полномочий федеральных и региональных органов государственной власти. Как известно, в 2003 году в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» был установлен перечень полномочий региональных органов государственной власти по предметам совместного ведения, осуществляемых данными органами самостоятельно за счет средств бюджета субъекта РФ. Этот перечень полномочий практически ежегодно изменяется, ныне насчитывает порядка 80 наименований, и постоянно подвергается критике со стороны ученых и практиков. За пределами этого перечня допускается осуществление органами субъектов РФ иных полномочий, не отнесенных к федеральным полномочиям. Очевидно, что такая детализация в федеральном законе полномочий органов субъектов РФ свидетельствует о тенденции централизации федеративных отношений, ограничении деятельности субъектов РФ по предметам совместного ведения. А.Н. Кокотов по этому поводу высказался, что в таких условиях сфера совместного ведения за рамками указанного перечня, по сути, превратилась в придаток исключительных федеральных полномочий (ст. 71), а субъекты в рамках такой политики потеряли право комплексного правового регулирования [14]. Во многих федеральных законах по вопросам совместного ведения можно отметить излишнюю детализацию, не оставляющую субъектам РФ возможности для собственной регламентации. Причем, Конституция РФ и федеральные законы не определяют пределы федеральных законодательных полномочий по предметам совместного ведения, предоставляя тем самым федеральному законодателю безграничную свободу усмотрения. Учитывая, что преобладающее количество законов субъектов РФ принимается по предметам совместного ведения, прежде всего в социально-экономической сфере, можно сделать вывод об ограничении их правосубъектности в этих сферах. Не случайно, законы субъектов РФ стали фрагментарными и называются «Об особенностях правового регулирования...», «Об отдельных полномочиях...», «Об отдельных вопросах правового регулирования...», «О регулировании отдельных отношений...», «Об отдельных вопросах организации...», «О некоторых вопросах...» и т.п. И все потому, что значительная часть регулируемых ими полномочий не относится к категории «осуществляемых самостоятельно», поскольку основы нормативного регулирования содержатся

именно в федеральных актах. И это на самом деле далеко не основы, а детальное регулирование, которое не позволяет субъектам РФ оперативно выявлять нуждающиеся в регулировании общественные отношения и эффективно восполнять законодательные пробелы, вносить коррективы в нормативные правовые акты, максимально учитывая местные особенности, интересы своего населения.

Более того, и по предметам собственного ведения субъектов РФ, перечень которых они определяют в своих конституциях (уставах), субъектам фактически не остается возможности для самостоятельного законодательного регулирования и управления. Хотя ч. 6 ст. 76 Конституции РФ и закрепляет приоритет законов субъектов по этим предметам, неизвестно ни одного решения Конституционного Суда РФ в защиту предметов собственного ведения субъектов РФ, признающего норму федерального закона неконституционной как вторгшейся в предмет ведения субъекта.

Данная ситуация наглядно свидетельствует о развитии современных федеративных отношений в сторону чрезмерного усиления централизации власти, направленной на насаждение единства в федеративных отношениях. И если в конце 90-х – начале 2000-х гг. такая централизация была оправдана тенденцией сепаратизма и неподконтрольности субъектов РФ, то в настоящее время является избыточной, и даже вредной с позиций ориентации регионов на собственное социально-экономическое развитие, на выработку стимулирования регионов к самостоятельному развитию, к созданию у них точек экономического роста. Об этом говорили руководители Татарстана, Калужской области, Красноярского края, Владимирской и Калининградской областей на Гайдаровском форуме 2017 года, чьи выступления СМИ назвали «губернаторским демаршем» (Казань не поделила с Москвой бюджетный «пирог»: <https://eadaaily.com/ru/news/2017/01/17/kazan-ne-podelila-s-moskvoy-byudzhethnyy-pirog-mnenie>; Гайдаровский форум: «бунт губернаторов», неяркий Медведев и намек на отмену санкций // <https://ok-inform.ru/politics/domestic/82565-gajdarovskij-forum-bunt-gubernatorov-neyarkij-medvedev-i-namek-na-otmenu-sanktsij.html>).

В настоящее время в Совете Федерации, Государственной Думе (см., напр., «Альтернативы российскому федерализму не существует» <https://regnum.ru/news/society/2147346.html>), в научной среде обсуждаются новые направления развития федерализма, причем как в рамках действующей Конституции, так и при ее пересмотре. В частности, ученые обращают внимание на то, что разработка новой концепции развития федеративных отношений должна включать решение вопроса о статусе субъектов РФ, о допустимых различиях между ними в условиях единства пра-

вового статуса граждан РФ, о децентрализации в ходе разграничения компетенций и финансовых средств между центром и регионами [22]. Очевидно, не следует радикально изменять существующую конституционную модель, проводить «ревизию» и перестраивать основы федеративного устройства, потому что это вызовет расшатывание основ государственного строительства Российской Федерации.

В последние годы мы неоднократно слышим призывы ликвидации национальных автономий (округов и республик), с чем невозможно согласиться. Задачей российского государства является сохранение этничности всех народов, населяющих Россию, недопущение «плавильного котла», в котором исчезнут самобытные национальные культуры, сохранение политико-правовой самобытности России. Это соответствует и историческим традициям России, и ментальности русского народа, и прагматическим интересам современной Российской Федерации.

Иногда предлагается создать некую Русскую Республику. Хотя сегодня слово «русский» фактически стало прилагательным. Не случайно, иностранцы о выходцах из России говорят «русский еврей», «русский татарин». Русские собрали в своей стране огромное количество разных культур и разделили с ними свой суверенитет. Теперь каждая из этих культур стала русской, продолжая оставаться еврейской, татарской, или якутской. Российская нация воспринимается как мультикультурная русская нация, как «политическое согражданство». Одной из основных проблем российского федеративного государства является неравномерное социально-экономическое развитие субъектов РФ. На протяжении многих лет расходные обязательства большинства субъектов РФ, связанные с реализацией собственных полномочий, не соответствуют объему имеющегося у них финансового обеспечения. Федеральными законами на региональные органы власти возложено более 630 полномочий, а свыше 500 полномочий установлены различными федеральными законами без определения их четкого статуса и механизма финансирования. На реализацию этих 500 с лишним полномочий не предоставляются субвенции из федерального бюджета. Они финансируются по факту за счет средств субъектов РФ (<http://aartyk.ru/obshestvo/item/7968-dmitriy-azarov-iz-630-polnomochiy-tolko-107-polnomochiy-vozlozhenno-s-soblyudeniem-poryadka>). Однако, далеко не все субъекты в состоянии реализовывать эти полномочия в связи с отсутствием средств. В 2016 году в 76 субъектах РФ бюджеты исполнены с дефицитом, и регионы не имеют возможности финансировать программы развития (<http://bujet.ru/article/290749.php>). Поэтому одной из приоритетных задач оптимизации российского федерализма, выравнивания реального положения субъектов федерации является установление

разумного соотношения полномочий и финансов. При этом федеральной власти необходимо стимулировать принятие регионами самостоятельных решений, способствующих их экономическому и социальному развитию, а также смягчить жесткую модель централизации налоговых доходов и обеспечить финансовое выравнивание уровней бюджетной обеспеченности субъектов РФ.

Совершенствование федеративной государственности должно основываться на оптимальном сочетании стабильности и развития, которое вносит упорядоченность в федеративные отношения. Государственность современной России – явление чрезвычайно динамичное. Как тут не вспомнить известные слова Н. В. Гоголя: «В десять лет внутри России столько совершается событий, сколько в другом государстве не совершится в полвека» [3]; в нем постоянно присутствуют элементы неупорядоченности, нарушения сложившихся связей и способов их регуляции, ведь любое развитие связано с тем или иным нарушением стабильности. Но уровень неупорядоченности федеративных процессов не должен понижаться до такой степени, когда возникает очевидная и реальная угроза единству государства. В данной ситуации на федеральные органы власти ложится задача обеспечения гомеостаза – динамического внутрисистемного равновесия, позволяющего сохранить качественную определенность государственно-правовой системы вопреки разрушающим воздействиям и приспособить ее к современным реалиям с целью дальнейшего совершенствования.

В федеративных отношениях всегда присутствует не только гармоничное взаимодействие федерации и ее субъектов, но и дисгармоничное, противоречивое. Однако не все противоречивые федеративные отношения могут быть охарактеризованы как деструктивные. Понимая противоречие, конфликт как движущую силу развития федеративной государственно-правовой системы, как принципиально позитивный феномен, следует оговориться, что это в полной мере может относиться лишь к управляемым противоречиям, т.е. таким, которые можно и должно направить в соответствующее русло. Анализируя диалектику противоречий в праве и отличая их от юридических коллизий, В.С. Жеребин пишет, что она ведет к тому, что правовая система непрерывно обновляется и тем самым наполняется свойствами, ориентированными на будущее [9]. Кроме того, необходимо иметь в виду, что разрешение противоречия есть утверждение вместо него нового противоречия, с новыми опосредствованиями [16].

На наш взгляд, в федеративном государстве неизбежны противоречия между тенденциями симметрии и асимметрии, централизации и децентрализации, унитарным и федеральным началами. Кроме

того, российская государственность испытывает на себе, с одной стороны, тенденцию к интеграции в европейское и мировое сообщество, к формированию общего политико-правового и культурного пространства, а с другой, – стремление к курсу на самостоятельность и самообеспечение через регионализацию и децентрализацию при сохраняющейся тенденции к единству и целостности исторически сложившегося государства. Федеративная система не может иметь лишь одну из этих тенденций. Как показывает практика, данные тенденции могут накладываться одна на другую, пересекаться, этот процесс сопровождается разного рода противоречиями и конфликтами. Центростремительный и центробежный процессы составляют сущность федерализма, они создают синтез, который определяет тот или иной характер федерализма. Центробежные тенденции возникают в результате постоянно существующих противоречий между центром и субъектами федерации как составными элементами государственно-правовой системы. Центр всегда стремится ограничить автономность субъектов федерации, а последние всегда пытаются увеличить свою самостоятельность. Центробежные и центростремительные тенденции федерализма содержат в себе потенциал для управления, урегулирования и разрешения неизбежных противоречий. Благодаря сочетанию этих элементов, федерализм содействует поддержанию и развитию здоровой конкуренции между центром и субъектами федерации, способствует уменьшению отчужденности, возникающей между ними, облегчая тем самым разрешение противоречий, приобретающих организованный и «прозрачный» характер [5]. В противоречивости и конфликтности федеративной системы некоторые ученые видят «своеобразный российский путь к выздоровлению, позволяющий держать на плаву сложнопостроенный и неравномерный каркас государственного устройства. Пока идет противостояние центра и составных частей России, у каждой из сто-

рон сохраняется надежда на то, что путь к совершенству остается открытым... Противостояние... нацелено на поиск гармонии сосуществования, но не на разделение и размежевание» [27]. При этом, несомненно, принципиальное значение имеет совпадение конечной цели – сохранение единой государственности. Следует признать ошибочной позицию некоторых авторов, что стабильности федерации будет способствовать заложенная в федеральной Конституции и соответствующая интересам субъектов федерации перспектива их развития в качестве самостоятельных государств [8].

Унитарное и федеральное начала присущи любому федеративному государству и определяют его облик в зависимости от преобладания одного из них. Как утверждает немецкий ученый О. Киминних, «если исчезает унитарное начало, то союзное государство подвергается опасности дезинтеграции; если нежизнеспособным оказывается федерализм, союзное государство превращается в абсолютно единое» [6]. Большинство российских государствоведов придерживаются аналогичной точки зрения, справедливо полагая, что всякий жизнеспособный федерализм должен нести в себе унитарную идею, идею единства и целостности государства [30]. Унитарный компонент российского федерализма четко прослеживается во многих статьях Конституции РФ, в правовых позициях Конституционного Суда РФ. Представляется вполне обоснованным мнение А.Б. Венгерова о том, что «есть вопросы, при решении которых централизация, понимаемая как монополия центра, не только неизбежна, но и полезна делу». Но есть другие вопросы, «где объективно требуется децентрализация функций государства» [23].

Заложенный Конституцией Российской Федерации прогрессивный потенциал в отношении федеративной государственно-правовой системы себя не исчерпал, хотя и может вызывать критические замечания.

Список литературы

1. Брежнев О.В. Организация конституционного правосудия в сложносоставных субъектах Российской Федерации: проблемы и перспективы // Российская юстиция. 2016. № 3. С. 44.
2. Галкин А.Н. Укрупнение регионов как условие и средство оптимизации управления, более эффективной социально-экономической политики Российской Федерации // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2008. № 8. С. 95 – 96.
3. Гоголь Н.В. Нужно проехать по России (из письма к гр. А. П. Т....му) // В кн.: Русская идея / Сост. и авт. вступ. ст. М. А. Маслин. М., 1992. С. 106.
4. Гончаров В.В. О некоторых вопросах укрупнения субъектов Российской Федерации как условия оптимизации системы государственного управления: современные проблемы и перспективы развития // Юридический мир. 2010. № 2. С. 12.
5. Гоптарева И.Б. Федерализм как политико-правовой и социальный способ управления конфликтами и как средство их перманентного разрешения // Credo. 1998. №6, 1999. №1 (13).
6. Государственное право Германии. М., 1994. Т. 1. С. 80.
7. Добрынин Н.М., Глигич-Золотарева М.В. Управление развитием Федерации: прикладной системный анализ в сфере государственно-территориального устройства. Часть 2. Проблемы федеративной системы: постановка и пути решения // Право и политика. 2011. № 1. С. 16.

8. Дударенко А.Ф. Некоторые теоретические вопросы национально-государственного строительства в Российской Федерации // В кн.: Личность и власть (конституционные вопросы): Межвузовский сборник научных работ. Ростов-н Дону, 1995. С. 155-162.
9. Жеребин В.С. Диалектика социальных противоречий при социализме и право. М., 1986. С. 63-64.
10. Золотухина Т.А. Правовая политика в области укрупнения российских регионов // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 5. С. 34 – 36.
11. Карапетян М.Г. Механизм реализации правовой политики в сфере укрупнения субъектов Российской Федерации // Юридическая мысль. 2009. № 2. С. 33.
12. Кириенко Г.С. О некоторых проблемах экономического развития субъектов Российской Федерации // Российская юстиция. 2012. № 2. С. 12.
13. Княгинин К.Н. Развитие конституционного статуса автономных (национальных) округов в составе края или области: цепь решений «как лучше» // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 21. С. 20.
14. Кокотов А.Н. Разграничение и согласование полномочий РФ и субъектов РФ // Российское право: образование, практика и наука. 2005. № 1. С. 20.
15. Коломейцева Т.А. Проблемы укрупнения субъектов Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 6. С. 42-46.
16. Кумф Ф., Оруджев З. Диалектическая логика: основные принципы и проблемы. М., 1979. С. 114.
17. Крылов Б.С. Федерализм и его будущее // Журнал российского права. 1999. №1. С. 110.
18. Михалева Н.А. Конституции и уставы субъектов Российской Федерации (сравнительно-правовое исследование). М.: ЮРКОМПАНИ, 2010. С. 39.
19. Постановление Правительства РФ от 11 октября 2001 г. № 717 // Собрание законодательства РФ. 2001. № 43. Ст. 4100.
20. Проблемы суверенитета в Российской Федерации / Б.С. Крылов, И.П. Ильинский, Н.А. Михалева и др. М.: Республика, 1994. С. 105.
21. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: Р32. Стат. сб. / Росстат. М., 2016. С. 18 – 19.
22. Современные проблемы организации публичной власти: монография / рук. авт. кол. и отв. ред. С.А. Авакьян. М.: Юстицинформ, 2014. С. 103.
23. Теория государства / под ред. А. Б. Венгерова. М., 1995. С. 157.
24. Чиркин В. Е. Современный федерализм: сравнительный анализ. М., 1995. С. 33.
25. Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 52. Ст. 7477.
26. Указ Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 42. Ст. 5009.
27. Умнова И.А. Современная конституционная модель российского федерализма: проблемы совершенствования и тенденции эволюции // Государство и право. 1999. № 11. С. 6.
28. Умнова И.А. Современные основы российского федерализма. М., 1998. С. 91.
29. Флоренский П. А. Предполагаемое государственное устройство в будущем // Собр. соч.: В 4-х т. М., 1995. Т. 2. С. 647– 648.
30. Эбзеев Б.С., Карапетян Л.М. Российский федерализм: равноправие и асимметрия конституционного статуса субъектов // Государство и право. 1995. № 3. С. 4.

Reference list

1. Brezhnev O. The organization of the constitutional justice in composite subjects of the Russian Federation: Problems and prospects // Russian Justice. 2016. № 3. P. 44.
2. Galkin A. The integration of regions as a condition and means of the management optimization, by more effective socio-economic policy of the Russian Federation // Bulletin of the South Ural State University. 2008. № 8. P. 95 – 96.
3. Gogol' N. You'd need to travel across Russia (extract from a letter to Mr. A.P. T...m) // In the book: The Russian Idea / Compiler and author of the welcoming remarks M. Maslin. М., 1992. P. 106.
4. Goncharov V. About some questions of enlargement of constituent entities of the Russian Federation as a condition of optimization of state management system: current problems and prospects of development // Yuridicheskiy Mir. 2010. № 2. P. 12.
5. Goptareva I. Federalism as a political-legal and social method of conflicts management and as a means of their permanent resolution // Credo. 1998. №6., 1999. №1(13).
6. Constitutional Law of Germany. М., 1994. Vol. 1. P. 80.
7. Dobrynin N., Gligich-Zolotareva M. Management development of the Federation: Applied systemic analysis in the sphere of state and territorial structure. Part 2. Problems of the federal system: Formulation and solution ways // Law and Policy. 2011. № 1. P. 16.
8. Dudarenko A. Some theoretical issues of national-state construction in the Russian Federation // In the book: Identity and power (constitutional matters): Interuniversity collection of scientific works. Rostov -on- Don, 1995. P. 155–162.

9. *Zherebin V.* The dialectic of social contradictions under socialism and the law. M., 1986. P. 63-64.
10. *Zolotukhina T.* Legal policy in the field of enlargement of the Russian regions // Constitutional and Municipal Law. 2013. № 5. P. 34 – 36.
11. *Karapetyan M.* The mechanism of realization of legal policy in the sphere of enlargement of constituent entities of the Russian Federation // Yuridicheskaya Misl'. 2009. № 2. P. 33.
12. *Kirienko G.* On some issues of economic development of entities of the Russian Federation // Rossiyskaya Yustitsiya. 2012. №. 2. P.12.
13. *Knyagin K.* The development of the constitutional status of the Autonomous (national) okrugs in the composition of the territory or region of: The chain of decisions "as the best" // Constitutional and Municipal Law. 2009. № 21. P.20.
14. *Kokotov A.* Differentiation and coordination of authorities of the Russian Federation and entities of the Russian Federation // Russian law: Education, practice and science. 2005. № 1. P.20.
15. *Kolomeytseva T.* The problems of constituent entities enlargement of the Russian Federation // Constitutional and Municipal Law. 2010. №6. P. 42–46.
16. *Kumpff F., Orudzhev Z.* Dialectical logic: Basic principles and issues. M., 1979. P.114.
17. *Krylov B.* Federalism and its future // Journal of Russian Law. 1999. № 1. P. 110.
18. *Mikhaleva N.* Constitutions and charters of entities of the Russian Federation (comparative-legal research). M.: YURKOMPANI, 2010. P.39.
19. The Resolution of the Russian Federation Government of 11th of October, 2001, № 717 // Collection of the legislation of the Russian Federation. 2001. № 43. Art. 4100.
20. The issues of sovereignty in the Russian Federation / B. Krylov, I. Il'inskiy, N. Mikhaleva and others. M.: Respublika, 1994. P. 105.
21. The regions of Russia. Socio-economic indicators. 2016: R32. Articles Collection / Rosstat. M., 2016. P. 18 – 19.
22. The contemporary issues of public authority arrangement: Monograph / Head of author group and executive editor S. Avak'yan. M.: Yustitsinform, 2014. P. 103.
23. The theory of the state / Under the editorship of A. Vengerov. M., 1995. P. 157.
24. *Chirkin V.* Modern federalism: The comparative analysis. M., 1995. P. 33.
25. The Decree of the President of the Russian Federation from December 19, 2012 № 1666 "On the strategy of state national policy of the Russian Federation for the period until 2025" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2012. № 52. Art. 7477.
26. The Decree of the President of the Russian Federation of 9th of October, 2007 № 1351 "On approval of the concept of demographic policy of the Russian Federation for the period till 2025" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2007. № 42. Art. 5009.
27. *Umnova I.* Modern constitutional model of Russian federalism: Issues of improvement and development trends // State and Law. 1999. №11. P.6.
28. *Umnova I.* Contemporary foundations of the Russian federalism. M., 1998. P. 91.
29. *Florenskiy P.* In advance of the state system in the future // Collected works: In 4 volumes. M., 1995. Vol. 2. P. 647–648.
30. *Ebzeev B., Karapetyan L.* Russian federalism: Equality and asymmetry of the entities constitutional status // State and Law. 1995. №3. P.4.

УДК 340.1

Михайлова Н.В.,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры истории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации

Шингарева Н.В.,

кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

СТАНОВЛЕНИЕ БЮДЖЕТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ РОССИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТА В 1905-1907 ГГ.

Одной из основных форм контроля представительных органов за деятельностью правительства являлись бюджетные полномочия Государственной Думы. Возможности российского парламента по контролю над исполнительной властью в финансовой сфере были ограничены следующими обстоятельствами: наличием статей расходов, не подлежащих рассмотрению парламентариев; наличием расходов и доходов, которые при рассмотрении росписи не могли быть сокращены или увеличены; установленным порядком утверждения государственных расходов по параграфам сметы ведомства, что давало возможность министерствам и ведомствам менять назначение кредитов, включая в один параграф самые разнообразные расходы; существованием правила о сверхсметных кредитах.

Ключевые слова: бюджет, бюджетные полномочия, император, Государственная дума, Государственный совет, Совет министров

Mikhaylova N.,

Doctor of Law, Professor, Professor of Chair of History of State and Law of the Moscow University of Interior Ministry of Russia named after V. Kikotya, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation

Shingareva N.,

PhD in Law, Associate Professor of Chair of History of State and Law of the Moscow University of Interior Ministry of Russia named after V. Kikotya

THE ESTABLISHMENT OF BUDGETARY AUTHORITIES OF THE RUSSIAN PARLIAMENT IN 1905-1907

One of the major forms of representative institutions supervision for the government performance was budgetary authorities of the State Duma. The occurrences of the Russian Parliament under the supervision over executive power in the financial sector were limited by the following circumstances: the presence of expenditure items, which are out of court by parliament members; the presence of costs and revenues, which could not being cut and increased by action line reading; the prescribed order the government expenditures approvals on the clauses of government agency estimate, that gave an opportunity to the ministries and departments to change purpose of loans, included the various costs in one clause; the existence of a rule about extra-budget loans.

Keywords: budget, budget authorities, Emperor, Sate Duma, State Council, Ministerial Council

В основе европейского бюджетного права начала XX в. лежали три принципа: утверждение бюджета в законодательном порядке, годичный бюджетный период и специальность кредитов [1, с.437-439]. В ходе реформы 1905-1906 гг. Государственная дума и Государственный совет, получили бюджетные права, содержание и объем которых становится ясным после рассмотрения предшествующего опыта принятия бюджета в России, а также сравнения с западноевропейским бюджетным правом.

В дореформенный период государственная роспись доходов и расходов (бюджет) утверждалась в формально-законодательном порядке [2, с.65]. Н.И. Лазаревский отмечал, что государственная роспись, с формальной точки зрения, «имела характер законодательного акта» [1, с. 445]. Главной особенностью принятия российского бюджета было его рассмотрение административными органами: он утверждался императором по докладу министра финансов. Помимо этого, бюджет являлся закрытым

для большинства государственных органов и высших должностных лиц. И лишь с 1862 г. смета доходов и расходов получает гласный характер, тем самым был положен конец «патриархальному автократизму» [3, с.33]. Был установлен следующий порядок формирования, рассмотрения и принятия бюджета. С 1 августа по 15 сентября ведомства представляли свои бюджеты в Государственный совет, министру финансов и государственному контролеру. До 1 ноября происходил процесс рассмотрения спорных вопросов между ведомством, государственным контролером и министерством финансов. В этот же промежуток времени, к 1 октября, государственный контролер представлял отчет об исполнении сметы за предыдущий год, который служил материалом для сметных предложений на следующий год. К 1 ноября министр финансов составлял общую государственную роспись, которая, со всеми межведомственными разногласиями, передавалась в Государственный совет. До середины декабря он проводил примирительные работы и до 1 января государственная роспись должна была быть внесена на утверждение монарха.

Благодаря созданию Государственной думы в 1905 г. в России появился институт парламентского бюджетного контроля. Однако внесенные изменения в бюджетный процесс были незначительными, так как законосовещательная Дума в области бюджета выступала в качестве предварительной инстанции по отношению к Государственному совету. Ведению Думы подлежали «финансовые сметы министерств и главных управлений, государственная роспись доходов и расходов и денежные ассигнования из казны, росписью не предусмотренные» [4].

Манифест 17 октября, провозглашая создание законодательной Думы, оставил без внимания ее прерогативы в бюджетной области [5, с.68]. Учреждение Государственной думы 20 февраля 1906 г., подробно регламентируя порядок прохождения законопроекта, не внесло изменений в рассмотрение сметы: п.2 ст.31 Учреждения Государственной думы 20 февраля 1906 г. повторял п. «б» ст.33 Учреждения от 6 августа 1905 г. В результате, как отмечал Л. Яснопольский, «в основу российского бюджетного права в широком смысле» легли добавленные к ст. 31 ст.ст. 29, 53, 69 нового Учреждения Государственного совета 1906 г. и ст.ст. 13, 20, 21, 23, 96 и 114-118 Основных Государственных Законов 1906 г. [6, с.17].

8 марта 1906 г. были изданы Правила «О порядке рассмотрения государственной росписи доходов и расходов, а равно о производстве из казны расходов, росписью не предусмотренных». Некоторые исследователи считают, что бюджетные права Думы были крайне ограничены по сравнению с аналогичными полномочиями европейских парламентов. Однако не стоит забывать о том, что российский конституциона-

лизм находился лишь в самом начале своего развития, и в истории России еще никогда не существовало законодательного представительного органа, наделенного правом принятия бюджета [7, с.99; 8, с.267]. После принятия Основных Государственных Законов 23 апреля 1906 г. заседания Думы стали ареной борьбы «со стремлениями отдельных министерств увеличить ассигнуемые им суммы» [1, с. 445]. Гарантией «законности и целесообразности, внесенных в смету статей была проверка их двумя ведомствами, оберегавшими казенный интерес, министерством финансов и государственным контролем» [1, с.445].

Все доходы и расходы по Правилам 8 марта делились на три категории: 1) расходы, не подлежавшие обсуждению Государственной думой и Государственным советом (ст. 5 и 6 Правил, ст. 115 Основных законов); 2) расходы и доходы, которые при рассмотрении росписи не могли быть сокращены или увеличены (ст. 7 и 9 Правил, ст. 114 Основных законов); 3) расходы и доходы, по отношению к которым были возможны изменения, внесенные в сметном порядке (весь остальной бюджет).

Первые две категории расходов и доходов составляли так называемую «бронированную» часть бюджета (ст.ст. 5, 6, 7, 9 Правил). Наибольшее значение имела ст. 9, согласно которой «при обсуждении проектов государственной росписи не могут быть исключаемы или изменяемы такие доходы и расходы, которые внесены в проект росписи на основании действующих законов, штатов, расписаний, а также Высочайших повелений, в порядке верховного управления последовавших». Аналогичного права были лишены министры и главноуправляющие, на практике его осуществляющие. Недопущение Думы и Совета к этим категориям бюджета было объяснено необходимостью обеспечить «на будущее время такой порядок, при котором исключена была бы возможность принятия поспешных, недостаточно обдуманных решений относительно сокращения сметных назначений или, наоборот, их увеличения против предположенных по проекту росписи размеров» [6, с.677]. При этом отмечалось, что данные ограничения ни в коей мере «не посягают на право их законодательной инициативы» [6, с.672]. П.Б.Струве считал, что статья 9 соответствует законосовещательной Думе и является более консервативной, чем ее японский аналог (статья 67 Конституции Японии 1889 г.) [9, с.308]. Именно бронированная часть бюджета вызывала критику в Государственной думе. Так, при обсуждении государственного бюджета в III Думе, П.Н. Милюков, требуя расширения ее бюджетных прав, заявил, что «роль Думы по отношению к этой части бюджета действительно сводится к роли простого совещательного учреждения» [10, с. 80].

Правила 8 марта закрепляли положения, ограничивающие бюджетный контроль Государственной

думы и Государственного совета. Во-первых, было установлено вотирование бюджета по параграфам и номерам. Статья 4 гласила, что «постановления госсовета и Госдумы составляются (голосуются) относительно доходов – по параграфам, а относительно расходов – по номерам (главным подразделениям) гос.росписи». Этим определялась специализация кредитов в бюджете – «право для исполнительной власти заменять недостатки сбережениями в пределах номеров (главных подразделений) росписи» [6, с.357]. Во-вторых, если ранее Государственный совет контролировал распоряжение финансами министерствами и ведомствами, то теперь он являлся противовесом Государственной думе в ее финансовых разногласиях с Советом министров.

Бюджетные сметы, согласно ст. 1 Правил, вносились одновременно в обе палаты, но согласно ст. 2, проект росписи рассматривается в «общем порядке обсуждения законодательных дел». Это означало, что Государственный совет рассматривал законопроекты, по которым уже состоялось решение Думы. Такое двойное положение было выгодно с той точки зрения, чтобы дать возможность Государственному совету предварительно ознакомиться с проектом бюджета [11, с.1549-1556]. К тому же, на практике дело обстояло следующим образом. С одной стороны, указы монарха о созыве думских сессий не совпадали с началом рассмотрения росписи. Таким сроком было 1 октября, а три подряд думские сессии открывались 20 февраля, 1 ноября и 15 октября. То есть, присутствовала несоразмерность между началом думской сессии и началом бюджетного года. С другой стороны, Дума только приобретала первый опыт работы с бюджетом. В связи с этим, вотирование бюджета Думой постоянно запаздывало [12, с.222].

При возникновении разногласий между палатами по поводу бюджета, предусматривалось образование согласительной комиссии на паритетных началах (ст. 12 Правил). По итогам работы комиссии «дело с согласительным ее предположением» должно было быть внесено в Думу и подлежать дальнейшему рассмотрению. Если разногласия оказывались неустраняемыми, то согласно ст. 13 Правил кредит вносился «в роспись в цифре назначения последней, установленным порядком утвержденной росписи».

Таким образом, ст. 12 и ст. 13 Правил 8 марта установили для росписи изъятие из общего порядка прохождения законопроекта. Ведь по общему правилу, законопроект мог быть представлен на утверждение монарху лишь в том случае, когда он одобрен обеими палатами в тождественной редакции. Вторым отклонением от общего законодательного процесса было правило однократного рассмотрения в согласительной комиссии спорных кредитов.

Общей тенденцией бюджетного законодательства являлось наделение Думы правом отвергать только новые кредиты или увеличивать старые. При этом Государственный совет обладал правом вето «на все попытки Думы изменить положение вещей» [14, с. 137]. Также российское бюджетное право содержало правило о сверхсметных кредитах, позволявшее их открывать даже во время думской сессии и вносить в следующую сессию (ст. 17 Правил 8 марта). В этом случае кредит на неотложные расходы открывался по постановлению Совета министров [6, с.214; 13].

Важной характеристикой российского бюджетного права являлось ограничение прав Думы при открытии государственных займов [15]. Согласно ст. 118 Основных Государственных законов, займы для покрытия как сметных, так и сверхсметных расходов устанавливались в общем порядке при наличии двух исключений: займы для покрытия расходов в случаях и в пределах, предусмотренных в ст. 116, а также займы для покрытия расходов на потребности военного времени (ст. 117) разрешались императором в порядке верховного управления., то есть, без участия парламента. Время и условия займов определялись в порядке верховного управления через Комитет финансов, состоявший из председателя Совета министров, министра финансов, государственного контролера и других членов, назначенных по высочайшему усмотрению [16].

Таким образом, право утверждения бюджета являлось важнейшим рычагом давления на правительство со стороны Думы. Но его реальное использование сопровождалось множеством препятствий. Дума могла уменьшить те кредиты, которые не относились к бронированным, но неутверждение бюджета вело к восстановлению этих кредитов в размере предыдущей сметы.

Список литературы

1. Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. СПб., 1910. Т.1.
2. Котляревский С.А. Юридические предпосылки русских Основных Законов. М., 1912.
3. Вопросы государственного хозяйства и бюджетного права. СПб., 1907. Вып.1.
4. Полное Собрание Законов. Собр.3. Т.XXV. № 26661.
5. Котляревский С.А. Юридические предпосылки русских Основных Законов. М., 1912.
6. Яснопольский Л. К характеристике нашего бюджетного права // Право. 1909. № 1.
7. Пажитнов К. К вопросу о русской конституции // Образование. СПб., 1907. № 12.
8. Давидович А.М. Самодержавие в эпоху империализма. М., 1975.

9. *Струве П.Б.* К вопросу о нашем бюджетном праве // Вопросы государственного хозяйства и бюджетного права. Спб., 1907. Вып.1.
10. Государственная Дума. 1906-1917. Стенографические отчеты. М., 1995. Том III.
11. *Яшунский И.В.* Права Думы и Государственного Совета по отношению к бюджету // Право. 1908. № 28. С.1549–1556.
12. *Кравец И.А.* Конституционализм и российская государственность в начале XX в. М., 2000. С.222.
13. Конституция Японской Империи 1889 г. (Ст.ст.8, 67, 70, 71) // Современные конституции. СПб., 1905. Т.1.
14. *Яцкова А.П.* Основные государственные законы Российской Империи 23 апреля 1906 г. – первая российская Конституция. Диссер. к.ю.н. М., 2001.
15. *Михайлова Н.В.* История государства и права России (XIX–начало XXI в.): учебное пособие. М.: КНОРУС, 2014.
16. Учреждение Комитета Финансов. Свод законов Российской империи. Спб., 1906.Т.1. Кн.III.

Reference list

1. *Lazarevskiy N.* Lectures on the Russian constitutional law. SBR., 1910. Vol.1.
2. *Kotlyarevskiy S.* Legal backgrounds the Russian Fundamental Laws. M., 1912.
3. Issues of the state economy and budget law. SBR., 1907. Number1.
4. The Complete Collection of Laws. Coll.3. Vol. XXV. №. 26661.
5. *Kotlyarevskiy S.* Legal backgrounds the Russian Fundamental Laws. M., 1912.
6. *Yasnopol'skiy L.* The characterization of the budget law. 1909. №. 1.
7. *Pazhitnov K.* Revisiting the Russian Constitution // Education. SBR., 1907. № 12.
8. *Davidovich A.* Autocracy in the era of imperialism. M., 1975.
9. *Struve P.* Revisiting the budget law // Issues of the State Economy and Budget Law. SBR., 1907. Number 1.
10. The State Duma. 1906-1917. Verbatim records. M., 1995. Tom III.
11. *Yashunskiy I.* The rights of the Duma and State Council in relation to the budget // Law. 1908. № 28. P. 1549–1556.
12. *Kravets I.* Constitutionalism and the Russian statehood in the early twentieth century. M., 2000. P. 222.
13. The Constitution of the Empire of Japan of 1889 (Art.art.8, 67, 70, 71) // Contemporary Constitutions. SBR., 1905. Vol.1.
14. *Yatskova A.* Basic state laws of the Russian Empire of 23rd of April, 1906 – the First Russian Constitution. Thesis of PhD in Law. M., 2001.
15. *Mikhaylova N.* History of state and law of Russia (the XIX–beginning of the XXI century): Textbook. M.: KNORUS, 2014.
16. The Institution of the Finance Committee. The laws of the Russian Empire. SBR., 1906.Vol.1. Book III.

УДК 343.3

Бажанов С.В.,

доктор юридических наук, профессор, академик Петровской академии наук и искусств, старший советник юстиции, ведущий научный сотрудник отдела проблем прокурорского надзора и укрепления законности в сфере экономики НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

Бут Н.Д.,

доктор юридических наук, старший советник юстиции, заведующая отделом проблем прокурорского надзора и укрепления законности в сфере экономики НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

НЕЗАКОННЫЙ ВЫВОД БАНКОВСКИХ АКТИВОВ ЗА РУБЕЖ КАК ФАКТОР, ДЕСТАБИЛИЗИРУЮЩИЙ ОБСТАНОВКУ НА ФИНАНСОВОМ РЫНКЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье анализируются причины наблюдаемого в Российской Федерации с начала 1990-х годов непрерывного оттока капитала за рубеж, поскольку в 2008 г. он превысил 130 млрд. долларов, а в последующие 5 лет – 350 млрд. долларов, что сопоставимо с годовым федеральным бюджетом. Авторы акцентируют внимание на увеличении числа описываемых случаев во времена важнейших политических событий, делая обоснованный вывод о том, что в настоящее время преднамеренное банкротство все чаще используется для передела собственности и установления над ней «корпоративного» контроля. Результатом этого становится полное поглощение банкрота или его расчленение на две обособленные структуры, новую – с чистым балансом и доходными активами и старую, включающую безнадежные ко взысканию долги мелких (частных) клиентов (вкладчиков).

Ключевые слова: банковские активы, незаконный вывод, хозяйствующие субъекты, территориальные учреждения Банка России, кредитные организации, банкротство, банковский надзор

Bazhanov S.,

Doctor of Law, Professor, Academician of the Petrovskaya Academy of Sciences and Arts, Senior Counselor of Justice, Leading Researcher of the Department of Issues of Public Prosecutor's Supervision and Consolidation of Legality in the Matter of Economy of the Research Institute of Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation

Booth N.,

Doctor of Law, Senior Counselor of Justice, Head of the Department of Issues of Public Prosecutor's Supervision and Consolidation of Legality in the Matter of Economy of the Research Institute of Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation

THE ILLEGAL WITHDRAWAL OF BANK ASSETS ABROAD AS A DESTABILIZING FACTOR OF THE SITUATION IN THE FINANCIAL MARKET OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article discusses the causes of the observable uninterrupted outflows of capital abroad in the Russian Federation of 1990-s, it has exceeded 130 billion dollars since 2008, but 350 billion dollars in the following 5 years, which is comparable to the annual federal budget. The article authors are focused on expanding number of described cases in times of important political events, making a well-founded conclusion about the fact, that at the present time a deliberate bankruptcy is increasingly frequently being used for the property redistribution and established the "corporate" governance over one. The result of it is full dismemberment in two separate structures, a new one with net balance and profitable assets and the old one, including uncollectable debts of small (private) clients (depositors).

Keywords: bank assets, illegal withdrawal, economic subjects, territorial institutions of Bank of Russia, financial establishments, bankruptcy, bank supervision

Негативные явления, наблюдаемые в кредитно-банковской отрасли российской экономики, обуславливают всевозможные злоупотребления, разрастающиеся вследствие неэффективности финансовых санкций (других мер ответственности), применяемых к руководителям (учредителям) кредитных организаций, игнорирующим установленные Банком России правила, низкого порога прозрачности собственности, а также уровня взаимодействия регулятора с правоохранительными органами, Федеральной службой по финансовому мониторингу и другими контролирующими, в частности, налоговыми органами.

Практика искусственных банкротств кредитных организаций, особенно системообразующих, и распродажа их активов в большинстве случаев не отвечает интересам кредиторов. Арбитражные управляющие идут на любой обман последних, представляющих интересы, прежде всего, государства, поскольку имеют собственные корыстные интересы или являются ставленниками различных организованных преступных групп.

В соответствии с Федеральным законом от 29.12.2006 № 247-ФЗ «О внесении изменений в статьи 50.36 и 50.39 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций» и статью 72 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» [1] назначаемый в кредитную организацию, находящуюся в стадии банкротства, арбитражный управляющий в своей деятельности подотчетен исключительно арбитражному суду, что позволяет ему по личному усмотрению или по заказу третьих лиц свободно оперировать финансовыми и материальными активами, поскольку эффективность банковского надзора за его деятельностью весьма прозаична.

При изучении опыта банкротств кредитных организаций выявлено несовершенство Федерального закона от 25.02.1999 № 40-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций» [2] в части регулирования ликвидационных процедур, позволявших учредителям и менеджерам проблемных кредитных организаций максимально затягивать окончательное разорение последних. Своевременное прекращение их деятельности зависело от оперативности издания Банком России приказа об отзыве лицензии на банковскую деятельность и рассмотрения в арбитражном суде дела о банкротстве. В случае если на данном этапе действия регулятора не подвергались прессингу, каждое состоявшееся решение арбитражного суда незамедлительно оспаривалось в судебном порядке.

Несовершенство федерального законодательства проявляется также в отсутствии механизма предупреждения незаконного вывода банковских активов за рубеж, поскольку руководители кредитных орга-

низаций имеют достаточно полномочий для заключения любых договоров и могут быть лишены их только по решению учредителей. В Федеральном законе от 08.07.1999 № 144-ФЗ «О реструктуризации кредитных организаций» [3], как известно, была легализована новелла, предоставлявшая Агентству по реструктуризации кредитных организаций право оспаривания таких сделок при их выявлении. У Банка же России в настоящее время отсутствуют эффективные рычаги для принятия аналогичных мер. К тому же Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» [4] запрещает регулятору вмешиваться в оперативную деятельность коммерческих банков (ст. 55). Между тем изучение материалов арбитражных дел о банкротствах кредитных организаций, в которых обнаруживались признаки преступлений, свидетельствует о том, что инстанциями различных уровней арбитражных судов зачастую принимались прямо противоположные решения по одним и тем же вопросам. Подобная практика стала возможной вследствие несовершенства федерального законодательства о банкротстве и наличия таких субъективных факторов как личная заинтересованность и усмотрение отдельных арбитражных судей в принятии решений о распределении конкурсной массы.

Сегодня преднамеренное банкротство все чаще используется для передела собственности и установления над ней «корпоративного» контроля. Результатом этого становится полное поглощение банкрота или его разделение на две обособленные структуры, новую – с чистым балансом и доходными активами и старую, включающую безнадежные ко взысканию долги мелких (частных) клиентов (вкладчиков).

Массовое банкротство кредитных организаций после августа 1998 г. показало, что регулирование банковской деятельности, а также надзор за ней со стороны Банка России в целом носят поверхностный характер. Почти все утратившие платежеспособность кредитные организации представляли недостоверную отчетность, проходя при этом (одновременно) международный аудит. Контроль Банка России в лице его территориальных учреждений (ТУ) оказался малоэффективным в результате их зависимости от региональных (местных) властей, заинтересованных в функционировании строго определенных кредитных организаций, а также несовершенства федерального законодательства, несогласованности общих и специальных (банковских) норм.

Состояние законности в кредитно-банковской сфере, особенно в условиях финансовых кризисов, во многом определяется качеством контроля за деятельностью кредитных организаций, получающих средства государственной поддержки, которое зависит от тщательности анализа операций последних,

проводимых в отмеченный период, в том числе падающих под категорию «сомнительных», включая операции, не имеющие видимого экономического смысла, операций, ведущих к недостоверному отражению в учете или отчетности собственных средств (капитала) и принятых на себя рисков.

Говоря о нарушениях, обуславливающих незаконный вывод банковских активов за рубеж, следует иметь в виду и такие ситуации, когда кредитные организации создают управляющие компании, в свою очередь, организующие паевые инвестиционные фонды, а затем «сбрасывающие» туда проблемные ссуды, и получая паи, оцениваемые по текущей справедливой стоимости. Тем самым, они восстанавливают резерв по ссудам. При этом в описываемом «реверансе» происходит подмена актива, в то время как риски сохраняются.

Также в рамках использования паев реализуется другая схожая схема, когда кредитная организация покупает паи закрытых паевых инвестиционных фондов за «живые» деньги, а управляющая компания выдает заемщикам финансовые средства для погашения кредитов перед кредитной организацией. Описываемая метода в любом случае выглядит привлекательно, однако риски в конечном итоге опять же «оседают» на банке.

Не в полной мере обеспечивается риск-ориентированный (содержательный) надзор за деятельностью кредитных организаций в целях предупреждения и раннего реагирования на неблагоприятные тенденции в их деятельности. ТУ Банка России не всегда владеют исчерпывающей информацией о характере проводимых ими операций и принимаемых в связи с этим рисков, оперативно не отслеживают причины значимых изменений состава и объемов проводимых операций.

Не обращается должное внимание на различные оценки рисков по заемщикам, кредитующимся одновременно в нескольких банках одного и того же региона, не оценивается реальный уровень концентрации кредитного риска по взаимосвязанным заемщикам.

В ряде случаев надзорные подразделения ТУ Банка России упускают из виду кредитные организации, у которых наблюдаются существенные изменения в составе собственников и (или) участников, что, как правило, влечет изменение их политики на рынке банковских услуг.

Применяемые к кредитным организациям меры банковского реагирования не всегда своевременны, последовательны и адекватны выявляемым нарушениям. В отдельных случаях происходит необоснованное затягивание сроков принятия решений, при ухудшении показателей деятельности или выявлении повторных нарушений меры воздействия не ужесточаются. При обнаружении серьезных нару-

шений, в том числе требований Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [5], ТУ ограничиваются предупредительными мерами или штрафами. В то же время в отдельных случаях применяются меры воздействия, не предусмотренные ст. 74 Федерального закона «О Банке России», к Совету директоров банка, а также к службе внутреннего контроля предъявляются формальные требования об улучшении показателей финансовой устойчивости в целях признания ее достаточной для участия в системе страхования вкладов (ССВ), предписывается проведение аттестации сотрудников на знание нормативных правовых актов Банка России.

В отдельных ТУ сложилась практика, когда при выявлении нарушений в деятельности кредитных организаций им предъявляются требования о разработке и представлении плана мероприятий по их устранению, которые в последующем многократно продляются.

Заслуживают особого внимания ситуации, когда в отношении многофилиальных банков ТУ применяют меры воздействия за одни и те же нарушения, выявленные в различных филиалах, что свидетельствует о щадящем подходе к выработке надзорных решений.

Участились случаи, когда филиалы региональных банков в значительных объемах осуществляют сомнительные операции по обналичиванию денежных средств, выдаче высокорискованных кредитов. Вместе с тем ТУ, на территории которого располагается головной банк, не всегда реагируют в полной мере на подобные факты.

Нельзя обойти вниманием недостатки в осуществлении мониторинга за соответствием кредитных организаций, участников ССВ, требованиям Федерального закона от 23.12.2003 № 177-ФЗ «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации» [6], поскольку свобода экономической деятельности включает в себя и свободу инвестирования. Главным образом, это отсутствие должного контроля за совокупностью параметров несоответствия участия в ССВ. На стадии, когда у кредитных организаций имеются предпосылки к несоответствию показателей их деятельности требованиям к участию в ССВ, ТУ не выясняют причин приближения к пороговым значениям показателей финансовой устойчивости, не ставят перед руководством кредитных организаций вопрос о предпринимаемых мерах по обеспечению соответствия показателей установленным стандартам.

В ряде случаев в предписаниях, направляемых ТУ в адрес кредитных организаций, отсутствуют указания на конкретные нарушения и недостатки в их де-

тельности, а также ссылки на федеральные законы и нормативные правовые акты Банка России.

Явно недостаточно ТУ изучают консолидированную отчетность банковских групп и банковских холдингов, как правило, не проводя проверок полноты и качества ее составления. При изучении отчетности и в ходе проверок банков, являющихся головными в банковской консолидированной группе, или входящих в банковскую группу, не оцениваются их риски с учетом внутренних операций, не применяются меры воздействия за недостоверность представляемой консолидированной отчетности.

Незаконному выводу банковских активов за рубеж способствуют также нарушения, проявляющиеся при государственной регистрации и лицензировании кредитных организаций. Представляемые в Банк России заключения его ТУ о возможности принятия решения о государственной регистрации вновь создаваемых кредитных организаций не в полном объеме соответствуют предъявляемым требованиям. В ряде случаев положительные заключения ТУ Банка России о бизнес-планах кредитных организаций не содержат принципиальных оценок обеспечения прозрачности структуры учредителей и их групп, позволяющих однозначно идентифицировать лиц, в том числе не являющихся учредителями кредитной организации, но имеющих возможность прямо или косвенно влиять на решения, принимаемые органами её управления.

Имеют место нарушения сроков рассмотрения документов при принятии решения о государственной регистрации кредитной организации, а также рассмотрения документов соискателей лицензии, которые незаконно ограничивают свободу экономической деятельности добросовестных хозяйствующих субъектов [7].

В связи с изложенным думается, что одним из существенных факторов, влияющих на деятельность Банка России по предупреждению незаконного вывода банковских активов за рубеж, является поступающая из его ТУ информация о работе кредитных организаций, отражаемая, в том числе в ежеквартальных аналитических записках «О недостатках в работе действующих кредитных организаций региона и мерах, принимаемых к ним в процессе надзора».

Между тем, изучение имеющейся практики позволяет констатировать, что информация ТУ Банка России в аналитических записках, отражающих сведения об организации надзора за деятельностью кредитных организаций соответствующего региона, нередко сводится к формальной фиксации изменений показателей их деятельности, отдельных статей баланса без подробного раскрытия причин соответствующих изменений. Реальные же нарушения вообще опускаются и не отражаются в указанных записках, что препятствует принятию своевременных мер со

стороны регулятора. Складывается впечатление, что Банк России не видит или не хочет видеть указанную проблему на местах, в то время как её ранняя диагностика в состоянии оказывать действенную помощь в дальнейшем. Например, по результатам рассмотрения аналитических материалов, в адрес некоторых Главных управлений Банком России направлялись жесткие письма с требованием об оценке их работы в кризисной ситуации, где отражались факторы накопления рисков – нарастание доли вкладов физических лиц, увеличение объемов кредитования, например, в строительство. Казалось бы, что во избежание угрозы стабильности кредитно-банковской системы подобные случаи должны были бы вызывать неподдельный интерес у адресатов, обуславливать проведение ими структурного и динамического анализа с тем, чтобы заблаговременно увидеть диспропорцию в структуре активов и пассивов, приводящую к угрозе срыва планомерной работы кредитной организации. На практике же подобной активности у подразделений Банка России не наблюдается.

В ряде случаев в аналитических записках отсутствует информация о результатах изучения деятельности кредитных организаций регионов, о выявленных в их деятельности сферах повышенного риска, операциях, существенно влияющих на изменение их финансового состояния. Недостаточно освещаются вопросы, касающиеся приоритетов в деятельности кредитных организаций в отчетном периоде, произошедших изменений в их политике, планов собственников по реализации, принадлежащих им акций (долей), намерений по изменению места нахождения, открытию филиалов, смене руководства и т.д.

При исследовании текущей ситуации в кредитных организациях практически не используются показатели прозрачности структуры собственности, организации системы управления рисками и службы внутреннего контроля, а также показатели, характеризующие рентабельность банковской деятельности.

Представляется, при отражении в аналитических записках результатов исследования деятельности кредитных организаций ТУ Банка России в недостаточной степени используются данные инспекторских, аудиторских проверок, информация правоохранительных, налоговых и иных контролирующих органов. Отсутствуют сведения об оценке деятельности кредитных организаций, отражаемой в обращениях, письмах и жалобах клиентов, сообщениях средств массовой информации (СМИ).

Таким образом, многие кредитные организации не прозрачны для ТУ Банка России, которые до конца не знают структуру их активов и пассивов, изменение балансовых статей, что оказывает негативное влияние на состояние законности в рассматриваемой сфере.

Список литературы

1. Федеральный закон от 29.12.2006 № 247-ФЗ (ред. от 22.12.2014) «О внесении изменений в статьи 50.36 и 50.39 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций» и статью 72 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // Свод Законов РФ. 2007. № 1 (ч. 1). Ст. 10.
2. Федеральный закон от 25.02.1999 № 40-ФЗ (ред. от 14.10.2014) «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций» (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.11.2014); (утратил силу) // Свод Законов РФ. 1999. № 9. Ст. 1097.
3. Федеральный закон от 08.07.1999 № 144-ФЗ «О реструктуризации кредитных организаций» (утратил силу) // Свод Законов РФ. 1999. № 28. Ст. 3477.
4. Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // Свод Законов РФ. 2002. № 28. Ст. 2790.
5. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ (ред. от 28.12.2016) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Свод Законов РФ. 2001. № 33 (ч. 1). Ст. 3418.
6. Федеральный закон от 23.12.2003 (ред. от 03.07.2016) № 177-ФЗ «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации» // Свод Законов РФ. 2003. № 52 (ч. 1). Ст. 5029.
7. *Бажанов С.В., Бут Н.Д.* Состояние законности в кредитно-финансовой сфере в условиях экономического кризиса // Банковское право. 2016. № 2. С. 23 – 28.

Reference list

1. Federal Law of 29.12.2006 № 247-FL (as amended on 22.12.2014) "On amending Articles 50.36 and 50.39 of the Federal Law "On insolvency (bankruptcy) of financial establishment" and Article 72 of the Federal Law "On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia)" // Code of Laws of the Russian Federation. 2007. № 1 (Part 1). Art. 10.
2. Federal Law of 25.02.1999 № 40-FL (as amended on 14.10.2014) "On insolvency (bankruptcy) of financial establishments" (as amended, entered into force since 20.11.2014); (repealed) // Code of Laws of the Russian Federation. 1999. № 9. Art. 1097.
3. Federal Law of 08.07.1999 №144-FL "On restructuring of financial establishment" (repealed) // Code of Laws of the Russian Federation. 1999. № 28. Art. 3477.
4. Federal Law of 10.07.2002 № 86-FL (new version from 03.07.2016) "On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia)" (as amended, entered into force from 01.01.2017) // Code of Laws of the Russian Federation. 2002. № 28. Art. 2790.
5. Federal Law of 07.08.2001 № 115-FL (as amended on 28.12.2016) "About counteraction to legalization (laundering) of incomes obtained in a criminal way, and terrorism financing" // Code of Laws of the Russian Federation. 2001. № 33 (Part 1). Art. 3418.
6. Federal Law of 23.12.2003 (new version form 03.07.2016) № 177-FL "On insurance of deposits of individuals in banks of the Russian Federation" // Code of Laws of the Russian Federation. 2003. № 52 (Part 1). Art. 5029.
7. *Bazhanov S., Booth N.* The state of law in the financial sector in conditions of economic crisis // Banking Law. 2016. № 2. P. 23 – 28.

УДК 340.1

Глухарева Л.И.,

доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой международного права Российского государственного гуманитарного университета

ДОГМА ПРАВА В ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В статье представлена догма права как эстетико-правовое явление, выделены наиболее значимые для правовой сферы категории эстетики, раскрыто понятие красоты как критерия эстетической оценки правовой догмы, указаны показатели, формирующие представление об интеллектуальной красоте догмы – простота, правильность, мера, гармония, симметрия, порядок. Утверждается, что абстрактность формы-содержания правовой догмы позволяет последнюю оценивать в качестве явления, обладающего интеллектуальной красотой. На примере применения эстетико-правового метода к характеристикам догмы права продемонстрирована практическая направленность эстетики и выдвинуто предположение, что развитие эстетической мотивации юристов к красоте собственного дела позволит праву как сфере культуры действительно вступить в стадию гуманистического мышления и человекообразной деятельности.

Ключевые слова: догма права, эстетическое, правовая эстетика, красота, простота, правильность, мера, гармония, симметрия, порядок

Glukhareva L.,

Doctor of Law, Associate Professor, Head of Chair of International Law of the Russian State Humanitarian University

DOGMA OF JURISPRUDENCE WITHIN THE MEANING OF ESTHETICS

This article presents dogma of jurisprudence as the esthetic and law phenomenon; most important for legal sphere characteristics of esthetics are marked in the article; the concept of beauty is articulated as the criteria of esthetic accounts of dogma of jurisprudence: simplicity, correctness, measure, harmony, symmetry, discipline are pointed out as factors imagining an intellectual beauty of dogma. It is argued that dogma of jurisprudence should be deemed as a phenomenon of intellectual beauty due to abstractedness of its form and content. The practical focus of esthetics is shown in the article as exemplified by application of esthetic and law method to characteristics of dogma of jurisprudence. It is made an assumption that development of esthetic motivation of lawyers for beauty of their business shall give impulse to jurisprudence, as a culture sphere, effectually; reach a stage of humanistic mentality and human-conformable activity.

Keywords: dogma of jurisprudence, aesthetic, legal aesthetics, beauty, simplicity, correctness, measure, harmony, symmetry, order

Эстетической стороне своей деятельности, теоретической и практической ее направленности отечественное сообщество юристов уделяет мало внимания, если не сказать более – считает занятие подобного рода излишним и чужеродным для решения основных своих задач. В.П. Малахов, например, прямо пишет, что «интерпретация права в каркасе эстетических понятий является их избыточной эстетизацией» [10: с. 59]. Пухова Т.Б. отмечает тенденцию «подавления эмоциональных проявлений в юридической практике» [12: с.12]. Об этом же свидетельствуют и публикации, немногочисленные и большей частью посвященные некоторым вкраплениям эстетики в авторское право, право интеллектуальной собственности, интерпретацию символов государства и т.п. Теоретико-правовых работ, специально нацеленных на прояснение эстетических потребностей права или

раскрытию тех или иных сторон эстетико-правового метода – единицы [13: с. 55-59; 14: с. 21-27; 3: с.105-111].

Тому есть свои объяснения. Прежде всего, малое присутствие в эстетике собственно юридическое, весьма немного общих или пересекающихся линий в их содержании, признаках, способах мышления и проч. Праву, как известно, присуща нормативность, которая рассчитана на средний и типовой уровень личности в восприятии и выполнении правовых положений. С точки же зрения эстетики, сделать что-то достаточно хорошо – недостаточно хорошо (Урсула Ле Гуин). Актуализация сознания в полосе правовой нормативности приводит правопользователей, как верно заметил В.П. Малахов, к «нравственно-эстетической глухоте» [10: с. 61], притупляющей эмоционально-чувственное отношение к юридическому

пространству, снижает понимание роли возвышенного в работе, делает безразличным к красоте слова, текста, действия. Эстетически-эмоциональное «бесчувствие» юристов подпитывается и принятым в юриспруденции рационализмом – догматическим (абстрактно-логическим) стилем мышления и речи. Играет свою роль и язык права, который обходится без многих эстетико-значимых меток. Эстетический язык образный и красочный, а юридический – словесно-формальный и лапидарный, отсюда – и ненуждаемость письма и речи последнего в эмоционально-чувственных окрасках.

Свою лепту безразличного отношения правовой сферы к эстетическим началам вносит и современная российская действительность. Это и низкое знание населением (в первую очередь юристами) художественного богатства, своеобразия, правил написания и пользования общеразговорным русским языком. Серьезно понижен уровень нравственно-моральных отношений в обществе («мораль испаряется»), без которых не рождаются эстетические идеалы, не формируется эстетический вкус. Сказываются и рыночные приоритеты, «товарная психология» и юридическое обслуживание клиентов по формуле «чего изволите» и т.п. Все это отражается на общей культуре и содержании правового сознания юристов, притупляет потребность в красоте своего дела, поддерживает правовой нигилизм.

Тем не менее, было бы поспешным отвергать наличие «юридической красоты» тех или иных правовых явлений, процессов, деятельности и т.д. В праве имеют место свои образцы высокого нравственно-эстетического уровня. В качестве примера можно привести правовую догму – наследницу римского права с его афористическим и формулярным языком, которое было рецепировано западными народами исключительно вследствие того, как утверждает Р. Иеринг, что удовлетворяло их эстетическому вкусу [7: с. 537]. Эстетические черты присущи античным политико-правовым произведениям, поэтические строчки из которых были первоначально оценены в качестве аксиом и максим, а затем укрепились и как принципы права. Эстетическими качествами наделены сентенции римских юристов, заложившие основу современного объективного права. Некоторые судебные решения превратились в прецеденты не только потому, что были убедительны своей аргументацией, но и формой подачи вызывали эмоционально-положительные отклики специалистов. Логика и красноречие известных русских адвокатов XIX-начала XX вв. (П.А. Александрова, С.А. Андреевского, А.Л. Боровиковского, В.И. Жуковского, Н.П. Карабчевского, Ф.Н. Плевако, В.Д. Спасовича, А.И. Урусова, Н.И. Холева, А.И. Языкова и др.) вошли в копилку классики риторики и до сих пор вызывают восхищение коллег по цеху.

Примеры можно продолжить, но все они свидетельствуют о том, что юридический мир и истина познаются не только с помощью формальной логики, являющейся, как известно, ведущим методом в исследовании и применении права, но и с помощью постижения красоты, ведь красота – это чувственная видимость заложенных в предмете идей, где царят мера, порядок и гармония. Недаром в современной эпистемологии красота возведена в ранг методологического принципа научного познания [19: с. 393].

По сути, право действует через различные каналы коммуникаций, а не только посредством прямого регулирования (управления) со стороны государства. А если его образования (слово, текст, действие) эстетически выразительны, то в этом случае они приобретают в глазах окружающих особую притягательность, вес, авторитет и преимущества. Эстетическая привлекательность правовых норм, институтов, решений и др. сильнее влияют на чувства и волю людей, что делает возможным более быстрое и широкое их признание в обществе. В результате, как очевидно, повышается авторитет права, оптимизируется его регулятивный потенциал.

Здесь важно обратить внимание на тот факт, что излагаемый ниже материал демонстрирует на примере догмы права практическую направленность эстетики, причем понимаемую в классическом своем варианте. То есть в данном случае характеристики догмы представлены посредством таких категорий эстетики, как совершенство и красота, выражающие идею некоего высшего стандарта, с которым соотносятся цели и результаты реальной юридической деятельности. При этом догма не идеализируется и не романтизируется, совершенство и красота используются как критерии для показа некоторых достижений юристов на этом поприще.

Эстетическое выражается через призму отношений, вкуса, идеала, ценностей, эмоций, формируемые посредством когнитивных и чувственных процессов [21: с.447; 9: с. 244, 567]. Эстетическое проявляется каждый раз, когда автором ставится вопрос о необходимости «совершенствовать» тот или иной элемент права. Конечно, оценка явления (процесса) с эстетических позиций – это не констатация того, что идеал достигнут и объект с юридической точки зрения совершенен, она указывает лишь на движение отражающего объект знания к нему (совершенству, красоте) либо от него. Именно поэтому умение распознать и вербально сформулировать идеальный образ правового явления подвигает исследователя к исправлению имеющихся недостатков и изъянов последнего, к его совершенствованию.

В классической эстетике обычно под ее предметом понимают материальные свойства объектов, вызывающие чувство переживания встречи с совер-

шенством и красотой. В эстетике господствуют эмоции, доставляющие человеку своеобразную радость, особое удовольствие (или неудовольствие). В формировании эстетического участвуют не только чувства, но и интеллект, без сопряжения с которым невозможно появление эстетических оценок, представлений об идеальном, актуализация вкуса. Однако в сфере эстетического все-таки превалирует чувственно-эмоциональный компонент, который «подчиняет» и особым образом «возвышается» над рациональной составляющей. Этот факт, вероятно, и останавливает юристов активно исследовать область эстетического и внедрять эстетические нормы в юридическую практику.

Следует также отдельно заметить, что эстетика – не самостоятельный вид деятельности человека, а сторона и важнейшая характеристика, как утверждают философы, любой, в том числе и юридической, деятельности. Она включена во всякий вид практик, соразмерна природе человека, его творческим силам и мастерству. Поэтому направленность на эстетическое «достраивание» юридической повседневности является тем знаком, что подтверждает (может подтвердить) действительное вступление права как сферы культуры в стадию гуманистического мышления и человекообразной деятельности. Поэтому и ставится вопрос о необходимости укрепления (развития) мотивации юристов к красоте собственного дела как движения к совершенству своей профессии.

Понятие и признаки догмы права в контексте эстетического подхода. Понятие догмы права в отечественной теоретико-правовой литературе во многом не определено, имеются разночтения по поводу времени его самоопределения, доктринальных и легальных форм существования, соотносительности с социально-правовой действительностью. Сегодня догма помещена в рамки юридической техники, где ей придан статус средства (инструмента) правотворческой или правоприменительной деятельности и где она трактуется как гарантия определенности и логической непротиворечивости положительного права. Будучи производением, главным образом, формальной логики и социально-правовых отношений, юридическая догма, тем не менее, обладает, как это будет показано ниже, и эстетическими качествами.

Догма права сконструирована, т.е. выступает искусственным и рассудочным феноменом, «выдуманным» на основе представлений об идеальном образе юридической реальности, понимания должного в общественных отношениях и возможного в поступках людей. Она создана в ответ на потребности практики при помощи таких исследовательских средств, как описание, обобщение, классификация, сравнение, составление определений и т.п., примененных к процессу обработки материалов юридических дел. Юридическая догма конвенциональна, поскольку,

с одной стороны, отличается идеальной природой, с другой – признана юридическим сообществом. Ее положения прошли проверку многовековой общественной практикой, поэтому стали элементарными и исходными истинами юриспруденции. Структурно догма включает конструкции, определения и принципы, которые, как принято считать, отражают систему положительного права и связаны между собой особым (формально логическим) стилем мышления.

Правовые *конструкции* определяются в юридической науке как теоретические схемы или матрицы, выступающие неким аналогом правовой реальности [5: с.100], это «смысловая основа юриспруденции и практики нормирования, регуляции и суда» [10: с. 16]. Они выражены как типичные образцы для решений практических ситуаций [16: с. 250], как своеобразные «нормативные обобщения с существенными моментами предвидения, прогноза и нацеленностью на предельную разумность и окончательность подобного обобщения» [1: с. 227]. Все конструкции самоопределялись, а потом и корректировались по мере развития правовой науки. Конструкциями являются, например, «субъективное право», «правоотношение», «законность», «источник права», «толкование», «акты правоприменения», т.е. практически весь категориальный аппарат права.

Дефиниции выступают как суждения, необходимые для придания точного и достаточно строгого смысла тому или иному языковому обозначению объекта. Они решают задачу образования понятий о предметах, установления общих и отличительных их признаков, играют существенную роль при построении теоретических доказательств и выдвижения аргументов, они незаменимы в ситуациях, при которых чрезвычайно важна согласованность смысловых трактовок используемых терминов. Пример дефиниции: «Состав правонарушения – это совокупность юридически значимых элементов и их признаков, необходимых и достаточных для привлечения лица к юридической ответственности».

Под именем *«принцип»* понимается общая мысль, присутствующая в отдельных правовых предписаниях или в совокупных объединениях правовых норм. Принцип не содержится в виде готового утверждения, он «улавливается по некоторым частным и косвенным признакам», «вскрывается юристами» [18: с. 271]. В принципах фиксируется обобщенное знание о сути (идеи) предмета и чаще всего представляется в лаконичных формулах (максимах, аксиомах). Принципы указывают на идеал, цель и ценности как ориентиров для практики. Ряд принципов, действующих в современных правовых системах, заимствован из классического римского права, например: «нет судьи без истца»; «где есть право, там есть и его защита»; «суд имеет дело с теми доказательствами, кото-

рые перед ним», «никто не может быть судьей в собственном деле»; «отягчающий ответственность закон не имеет обратной силы»; «общеизвестные факты доказыванию не подлежат» и др.

Значение догмы права и ее элементов для юриспруденции, особенно для отраслевой науки и юридической практики, трудно переоценить. Так, правовая догма стала неотъемлемой частью правового мировоззрения европейской цивилизации и западного обихода мысли. Р. Давид писал, что «законодатель не может воздействовать на нее, точно так же, как на наш язык или нашу манеру размышлять» [4: с. 19-20]. Догма фиксирует наиболее устойчивые смысловые черты и элементы права, тем самым обеспечивая преемственность в понимании и применения его положений. Она «транслируется через эпохи, сохраняя свою ценность независимо от философских картин мира, этических императивов и научных парадигм» [16: с. 257]. Она удобна для правоприменительной деятельности, нейтральна в ценностном отношении, противостоит любым идеологическим конструктам, способным лишь разрушить стройное здание системы права [11: 52, 64, 69]. Догма упорядочивает хаотичный эмпирический материал правовой жизни, позволяя построить «элегантную систему правил, соответствующих источникам позитивного права, согласованных между собой и способных дать ответ на любой вопрос» [8: с. 9]. Она ограничивает, как вполне обоснованно заметила М.Л. Давыдова, пределы свободного усмотрения законодателя, требует от него соблюдения законов правовой логики и заставляет облекать свою мысль в заранее заданные мыслительные структуры [5: с.155]. Обобщающее значение правовой догмы замечательно выразил А.М. Михайлов: догма остается одним из основных способов мышления права юристами, она превратилась в интеллектуальную собственность юридического сообщества, стала корпоративной традицией, лежащей в основании профессиональной юридической культуры [11: с. 81].

Несмотря на описанные выше роль и значение догмы нельзя не заметить и множество негативных эпитетов, которыми награждают ее в юридической литературе [17: с. 38-39; 2: с.54]. Прежде всего, ее упрекают в насаждении догматизма и схоластики, при которых абстракции кажутся более реальными, чем конкретно-эмпирические явления, отсюда – и обвинения в крайнем формализме, неоправданной усложненности правовых схем и построений, в спекулятивных и умозрительных рассуждениях, играх в понятия. Утверждается, что размещение правовой догмы в рамках юридического позитивизма ограничивает мыслительный кругозор юриста, делает его неспособным к критическому мышлению, закабаляет профессиональное сознание понятийной сеткой, отнюдь не способствующей развитию права. Поэтому

за догматикой прочно закрепилось мнение, что она стопорит развитие научной мысли, в лучшем случае ей приписывают статус описательной методологии и дисциплины низшего теоретического порядка. Свою лепту в негативные оценки догмы вносит и включение ее в инструментальные средства юридической техники, действительно уводящей мысль от гуманитарной сущности права в целом.

Таким образом, главная претензия к юридической догме сводится к ее абстрактной форме-содержанию и вытекающих из этого последствий. Отсюда поневоле возникает вопрос: как можно при подобных характеристиках-претензиях говорить об эстетичности и красоте догмы? Тем не менее, думается, что именно абстрактность формы-содержания правовой догмы рождает эмоциональное переживание догмы как явления, обладающего интеллектуальной красотой.

Красота как критерий эстетической оценки догмы права. Благодаря тому, что догма права абстрактна, она позволяет проводить в жизнь величайший и фундаментальный принцип права и правового регулирования – равноправие (хотя и не только его), т.е. предъявлять единые требования к поведению людей с одинаковым статусом и оказавшимся в типичной ситуации. Известные негативы, следующие из такого положения вещей, устраняются правилами той же догмы права.

В эпистемологии, как известно, абстракции характеризуются как отвлечения от некоторых несущественных для данного отношения свойств явлений и акцентируют свойства существенные, таким способом ограничивается разнообразие и легче познаются явления сложные, зависящие от множества деталей (принцип редукции). Абстракции фундированы определенного рода гносеологическим смыслом, ориентированным на решение строго конкретной познавательной задачи, а потому они способны пресекать произвол в толковании своего содержания пределами фактов и условиями логической непротиворечивости заложенной в них информации. Ответ на вопрос о постороннем в содержании абстракции обычно дают опыт и эмпирика. Отсюда прямой путь к аксиоматическому методу и указанию на идеалы. Идеальный – это и образцовый, и совершенный, и в то же время не реальный, существующий лишь как абстрактная идея. В идеале соединяются два понятия: суть предмета, или его идея, и его наилучшее совершенное состояние. Позитивно идеал выполняет функции императива, утверждения должного и задает ориентиры целостности явления. Будучи абстракцией, догма права несет собой все эти качества. Догма выдумана и рассудочна, в ней нет ничего лишнего, а это уже эстетично.

Отталкиваясь от особенностей догмы как абстракции, многие авторы, подмечая ее известные

недостатки, не обходят, тем не менее, и ее положительные стороны, которые, при предметном анализе оказываются и эстетическими характеристиками. Например, подчеркивают «логическую завершенность», «особую строгость», «четкость», «определенность», «доходчивость», «стройность» понятийной системы догмы, «почти тождественную правовой реальности схематичность». Ее отличают, по мнению многих специалистов, суждения емкие, предельно сжатые и пытающиеся не допустить нескольких толкований. С.С. Алексеев акцентирует «отшлифованные формулировки» конструкций догмы права, добавляющие «твердость и непререкаемость» самой правовой основе и придающие ей «определенность, устойчивость, постоянство (вечность)» [1: с. 96, 241]. Язык правовой догмы, действительно, в большинстве случаев демонстрирует ее филигранную тонкость в отражении юридического мира, ощущение изящности, стремления к совершенству, что выражается в переживании удовольствия от формы-содержания.

Закон юридической красоты правовых конструкций в свое время был выведен Рудольфом фон Иерингом (1818-1892) в знаменитой работе «Юридическая техника», в которой автор утверждал, что чувства изящного и чувства красоты требует сам предмет юриспруденции. Он отмечал, что одни конструкции удовлетворяют нас своей естественностью, прозрачностью, простотой и наглядностью, другие отталкивают противоположным, кажутся натянутыми, неестественными и т.д., «хотя их и нельзя назвать превратными». Чем проще конструкция, подчеркивал великий юрист, тем более совершенна она, нагляднее, прозрачнее, естественнее, и «здесь в наивысшей простоте сказывается наивысшее искусство» [6: с. 92-94].

Безусловно, не каждый элемент догмы права обладает эстетической привлекательностью и достигает своих высот. Как раз, может быть всё наоборот: глубокую неудовлетворенность испытывает исследователь от формы-содержания конструкции, дефиниции, принципа. Но главное здесь в другом: ориентиром в оценках и причиной позитивной или негативной эмоциональности выступает собственно эстетическое, позволяющее, как точка отсчета, судить о движении формы-содержания объекта права к совершенству или от него.

В качестве примера можно привести выдержку из работы американского ученого Пьера Шлага, который, как и его коллеги, весьма нелестно, но именно в категориях эстетики характеризует право и юридическую деятельность. Так, он пишет, что «право имеет дело с множеством грязи». Его поддерживают французский правовой мыслитель Пьер Лежандр, считающий, что юристы являются «сборщиками мусора» и что «право представляет собой свалку». Чарлз Фрид, например, описывает «образ юристов, не как творцов

общества, но как его мусорщиков». Довольно примечательно, что герой юриспруденции Р. Дворкина, сверхчеловек Геркулес, оказывается конюхом, чистящим Авгиевы конюшни [19: с. 10-11]. Эти красочные изображения, продолжает Шлаг, «будучи наименее лестными для юридической профессии, тем не менее, являются подходящими. Юристы получают хлам, который никто более – ни стороны, ни социальные работники, ни законодательные органы – не в состоянии разобрать. Юристы убирают грязь. Вымытая в кислоте цинизма, империя права является хламом общества. Понятно, что постоянные контакты с социальной неопрятностью порождают в профессиональных юристах желание антисептического права». И далее: право может быть рассмотрено как попытка защитить его от заразы, «самые престижные участки права – это самые антисептические, наиболее четко отделенные от хлама. Прототипом является навороченная юридическая фирма, занимающаяся корпоративным правом на тридцать восьмом этаже, где неземные, идеально сформулированные слова безупречно одетых юристов оказывают весьма опосредованное, во многом невидимое влияние на грязное тело человечества, находящееся внизу» [19: с.10-11].

Эстетическое – это метакатегория, т.е. самая объемная и фундаментальная категория эстетики, отражающая то общее, что присуще прекрасному и безобразному, возвышенному и низменному. А атрибуцией для обозначения совершенного служит эстетический термин «красота», указывающий на соответствие понятия о том или ином явлении своему идеалу. Представление о красоте, в свою очередь, складывается при сочетании очень многих условий, благодаря не только рассудочному, но и интуитивному, бессознательному и эмоциональному восприятию объекта. Здесь, например, может повлиять убедительность найденной формы выражения явления, экономия в использованных познавательных средств, обнаружение кратчайшего пути к поставленной цели, сведение сложного к простому без потери содержания, открытие общего принципа, облегчающего понимание, установление новых связей между структурами, богатство и значительность научных выводов при минимальном числе использованных правдоподобных предположений и др. При этом в красоте находит свое отражение не только совершенство вещей правового мира, это и красота логических рассуждений о нем [19: с. 393].

Представление о красоте (или безобразии), а равно переживание этого эстетического качества возникают не только благодаря профессиональному сознанию юриста, но и через чувства (эмоции) и вкус, приобретаемые и развиваемые на базе полученных знаний о праве, усвоенных закономерностей о нем, умений и навыков обращения с его средствами и т.п.

Мышление о красоте – синтетическая форма познания, в которой мысль тесно связана с чувственной энергетикой субъекта, а также и с эмоциональной составляющей. Слияние мысли с переживанием наиболее адекватны предмету и проблематике эстетико-правового познания. Как подчеркивает философ и методолог С.А. Лебедев, «глубина чувств и переживания мысли есть не менее важная составляющая ее усвоения, чем само предметное содержание мысли» [9: с. 505]. Правда, эстетическое отношение и эстетическая оценка красоты догмы права выражают не знание, а мнение, которое не является истинным или ложным, хотя может быть справедливым или несправедливым.

Представляется, что параметрами, измеряющими красоту правовой догмы, показателями, из которых она может «складываться», являются такие ключевые нормы эстетики, как: простота, правильность, мера, симметрия, гармония и порядок.

Составляющие красоты догмы права. Красота догмы права – обобщающее понятие, формирующееся на основе явной и неявной информации, следующей отдельно или совокупно, а подчас и необъяснимо, под влиянием многих эстетических трансляторов. Среди последних наиболее значимыми оказываются следующие:

простота. Правовые отношения многообразны и часто сложны, поэтому в догме права отсечена избыточная и не значимая для типовых случаев информация, обретающая в связи с этим лаконичное выражение формулы (схемы), например, «правоотношение», «презумпция невиновности», «частное право» и др.;

правильность. Образ догмы и истолкование ее формы-содержания означает соответствие заложенной в ней мысли действительности, тому должному, верному, нормальному, не отступающему от правил, что обычно ждут от объективного права. Правильность догмы права зависит от культурно-исторического времени, политического устройства общества, исповедуемых ценностей и проч. Поэтому, например, для либерально-ориентированного общества правильным будет понимание прав человека, закрепленных в догме, как свободы, а для демократического – как социальных задач;

мера. Мера означает соединение качественных и количественных характеристик, она выражается в нормативности, требованиях, возможных для исполнения каждым средним человеком. Мера в

догме, понимаемой, например, с антропологических позиций, означает то, что право человекоразмерно. Наиболее яркими примерами мерности выступают фундаментальные правовые конструкции – «субъективные права», «юридические обязанности», «закон», «наказание», «договор» и др.;

симметрия. Идею симметрии можно выразить такими словами, как уравновешенность, соразмерность, пропорциональность, одинаковость и др. Симметрия понимается как единство тождества и различия парных объектов, причем при преобразовании одного из них эквивалентно изменяется другой, но эти изменения не затрагивают их сущностных характеристик. Категории тождества и различия, сохранения и изменения неразрывно связаны с категориями части и целого, структуры и элементов, внутренних и внешних связей. Так, симметричны права и обязанности, защита и обвинение, преступление и наказание;

гармония. Гармония означает связанность и соразмерность частей объекта, выходящих на холистский идеал прекрасного, где все элементы, аспекты и проявления внутренне сбалансированы. Гармония противостоит хаосу и беспорядку, наблюдается везде, где есть хоть какая-то упорядоченность, составляет основу стабильности правовой системы (хотя, нужно заметить, избыточный порядок вреден для правовой жизни, вносит в нее дисгармонию). С этих позиций, например, понятна критика положений ст. 2 Конституции РФ, позволяющих толковать права и свободы отдельной личности как приоритетные по сравнению с интересами государства и общества;

порядок. Объект, лишенный внутренней организации, не признается красивым, как и чрезмерно жесткая, навсегда заданная организация. Порядок ассоциируется с исходной целесообразностью, должной пропорцией, ясностью. Все правовые конструкции, принципы и дефиниции, например, «правовая система», «законность», «правопорядок» и др. направлены на утверждение порядка в обществе.

В.С. Соловьев (1853-1900), знаменитый философ, поэт и публицист, в статье «Красота в природе» убедительно показал, что за истинной красотой кроется способность глубоко и сильно воздействовать на реальный мир, что эстетически прекрасное ведет к реальному улучшению действительности, «к свободе или автономии бытия, полноте содержания или смысла жизни, к совершенству выражения или формы» [15: с. 318]. Требования вполне справедливые и для догмы права.

Список литературы

1. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. 2-е изд. М.: Изд-во НОРМА, 2002. 608 с.
2. Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М.: Юридическая литература, 1976. 264 с.
3. Глухарева Л.И. Эстетический контекст искусства правоприменения // Общественные науки и современность. 2016. № 3. С. 105-111.

4. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. Пер. с фр. М.: Международные отношения, 1996. 400 с.
5. Давыдова М.Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии: монография. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. 318 с.
6. Иеринг Р. Юридическая техника. Пер. с нем. СПб: 1905. 105 с.
7. Иеринг Р. Задача современной юриспруденции // Юридический вестник: Август. Изд-е Московского Юридического Общества. М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1883. № 8. С. 533-573.
8. Карпетов А.Г. Политика и догматика гражданского права: исторический очерк // Вестник Высшего арбитражного Суда. 2010. № 5. С. 8-11.
9. Лебедев С.А. Философия науки: краткая энциклопедия (основные направления, концепции, категории). М.: Академический Проект, 2008. 692 с.
10. Малахов В.П. Право в контексте форм общественного сознания. Принцип правопонимания: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015. 159 с.
11. Михайлов А.М. Генезис континентальной юридической догматики. М.: Юрлитинформ, 2012. 496 с.
12. Пухова Т.Б. Эстетические основания права: автореф. дис... канд. юрид. наук. Владимир, 2008. 24 с.
13. Сигалов К.Е. Эстетическое бытие права // Юридический мир. 2009. № 9. С. 55-59.
14. Сергеева С.Л. Проявления эстетики в праве, ее культурная и социальная ценность // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 3 (16). С. 21-27.
15. Соловьёв В.С. Красота в природе. Избранные произведения. Серия «Выдающиеся мыслители». Ростов-на-Дону: «Феникс», 1998. С. 276-332.
16. Тарасов Н.Н. Методологические проблемы юридической науки: монография. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета, 2001. 264 с.
17. Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. В 2 т. Т. 1. Основы. Пер. с нем. М.: Международные отношения, 2000. 480 с.
18. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Вып. 4 М.: Изд-во Бр. Башмаковых, 1912. 805 с.
19. Шлаг П. Эстетики американского права // Российский ежегодник теории права. 2010. № 3. 2010. С.-Пб.: Издат. Дом СПбГУ, 2011. С. 112-180.
20. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. 1248 с.
21. Эстетика: Словарь / под общ. ред. А.А. Беляева и др. М.: Политиздат, 1989. 447 с.

Reference list

1. Alekseev S. Ascendancy to the right. Searches and solutions. The second edition. М.: Publishing house NORMA, 2002. 608 p.
2. Vasil'ev A. Legal categories. Methodological aspects of the development of law theory categories system. М.: Yuridicheskaya Literatura, 1976. 264 p.
3. Glukhareva L. The aesthetic context of art law enforcement // Public Sciences and Modernity. 2016. №. 3. P. 105-111.
4. Rene David, Camille Jauffret-Spinosi. The Main Legal Systems of Modernity. Translation from French. М.: International Relations, 1996. 400 p.
5. Davydova M. Legal technique: Issues of theory and methodology. Volgograd: VolSU publishing office, 2009. 318 p.
6. Ihering R. The Legal Technique. Translation from German. SBR: 1905. 105 p.
7. Ihering R. The task of contemporary jurisprudence // Legal Bulletin: August. Published by the Moscow Law Society. М: Typography of A. Mamontov and Co., 1883. №. 8. P. 533-573.
8. Karapetov A. Politics and civil law dogma: Historical sketch // Bulletin of the Supreme Arbitration Court. 2010. №. 5. P. 8-11.
9. Lebedev S. Philosophy of science: Brief encyclopedia (basic directions, concepts, categories). М.: Akademicheskij Proekt, 2008. 692 p.
10. Malakhov V. The law in the context of social consciousness forms. The principle of law understanding: Monograph. М.: YUNITI-DANA: Law and Right, 2015. 159 p.
11. Mikhaylov A. The genesis of continental legal dogmatics. М.: Yurлитinform, 2012. 496 p.
12. Pukhova T. Aesthetic foundations of law: Synopsis of a thesis of PhD in Law. Vladimir, 2008. 24 p.
13. Sigalov K. Aesthetic law being // Yuridicheskij Mir. 2009. №. 9. P. 55-59.
14. Sergeeva S. The manifestations of aesthetics in law, its cultural and social value // Actual Issues of the Russian Law. 2010. №. 3 (16). P. 21-27.
15. Solov'ev V. The beauty in nature. Selected works. Series "Outstanding thinkers". Rostov-on-Don: "Feniks", 1998. P. 276-332.
16. Tarasov N. Methodological issues of legal science: Monograph. Ekaterinburg: Publishing office of the Humanitarian University, 2001. 264 p.
17. Zweigart K., Kotz H. Introduction to Comparative Law in the Field of Private Law. In 2 volumes. Vol. 1. The Basics. Translation from German. М.: International Relations, 2000. 480 p.

18. *Shershenivich G.* The general theory of law. Vol. 4 M.: The Br. Bashmakovs' Publishing house, 1912. 805 p.
19. *Shlag P.* The aesthetics of American law // Russian Yearbook of Legal Theory. 2010.№. 3. 2010. SBR.: Publishing House of SPSU, 2011. P. 112-180.
20. Encyclopedia of epistemology and philosophy of science. M.: "Kanon+" RPODP "Reabilitatsiya", 2009. 1248 p.
21. Aesthetics: Dictionary / Under the general editorship of A. Belyaev., M.: Politizdat, 1989. 447 p.

УДК 340

Казаков В.Н.,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственного и административного права
Тулского государственного университета

Шамаров П.В.,

кандидат военных наук, докторант Национального института им. Екатерины Великой

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

В статье на основе научного и сравнительного анализа феномена «национальная безопасность» обосновывается необходимость его теоретико-правового исследования в целях уточнения сущности и содержания этой комплексной и многоаспектной дефиниции.

Анализируются причины недостаточности политико-юридического анализа данного феномена, выделяется ряд наиболее часто встречающихся методологических подходов к раскрытию сущности и содержания категории «безопасность».

Резюмируется, что современная концепция национальной безопасности Российской Федерации приобрела в последнее десятилетие интегративный характер, объединяющий в единое целое либерально-демократический и общественно-государственный подходы, и направлена на обеспечение безопасности личности, общества и государства.

Ключевые слова: безопасность, национальная безопасность, общественная безопасность, государственная безопасность

Kazakov V.,

Doctor of Law, Professor, Professor of Chair of State and Administrative Law of the Tula State University

Shamarov P.,

PhD in Military Sciences, Doctoral student of Ekaterina the Great National Institute of Russia

THE NATIONAL SECURITY: THEORETICAL-LEGAL ANALYSIS

Through the scientific and comprehensive analysis of the phenomenon "national security" this article defines the need for its theoretical-legal research with a view to clarify the nature and content of this comprehensive and multi-aspect definition.

There are analyzed the causes of a political-legal analysis imperfection of this phenomenon, it is defined some of the most common methodological approaches to disclosure of the nature and content of the category "security".

The article is presumed that the modern conception of the Russian Federation national security has obtained the integrative nature in the last decade, connecting liberal-democratic and public-state approaches in one strong unit, and it is aimed at ensuring security of the personality, society and state.

Keywords: security, national security, public security, state security

Формирование научного понятия безопасности с теоретической точки зрения является вопросом принципиально важным, так как, во-первых, это понятие должно отразить сущность данного явления, и, во-вторых, корректно его сформулировать, выделить наиболее важные содержательные элементы [1]. Традиционно под безопасностью понимаются, прежде всего, физическое выживание государства, защита и сохранение его суверенитета и территориальной целостности, способность адекватно реагировать на любые реальные и потенциальные угрозы.

В русском языке слово «безопасность» образовано по принципу антинимии (противоречия между

двумя положениями, каждое из которых признается логически доказуемым) [2], т.е. за счет добавления приставки «без» к слову «опасность». Такой негативистской ограничительной лексической конструкции было, наверное, достаточно для нужд старой русской жизни [3].

Однако, несмотря на такую длительную историческую и теоретическую проработку, сегодня, к сожалению, приходится отмечать, что как на Западе, так и в отечественной науке проблема с неопределенностью сущности и содержания категории «безопасность» все еще не решена. Так, в частности, В. Спиридонова отмечает: «Термин «безопасность» в научной

литературе весьма многозначен, до сих пор не выработано четкого и строгого определения этого понятия. Иногда безопасность рассматривается как цель, в других случаях как концепция, в-третьих, как научная программа или научная дисциплина».

В отечественной науке категория «безопасность» имеет политрактовку. В словарях русского языка С. Ожегова и В. Даля указывается, что безопасность – это положение, при котором не угрожает опасность кому-либо или чему-либо; состояние защищенности от опасности; защита от опасности [4]; отсутствие опасности; сохранность, надежность [5]. В советскую эпоху в академическом Словаре современного русского языка это понятие трактовалось так же, но в несколько урезанном виде: как отсутствие опасности, сохранность. В Политической энциклопедии: «Безопасность – состояние надежной защищенности жизненно важных интересов и коренных основ существования личности, общества и государства, а также мирового сообщества от внутренних и внешних угроз» [6].

Как видно, авторы словарей подходили к рассмотрению понятия «безопасность» как к сложному, многостороннему явлению. Это привело к философскому осмыслению понятия «безопасность» как такого «состояния, тенденций развития (в том числе латентных) и условий жизнедеятельности социума, его структур, институтов и установлений, при которых обеспечивается сохранение их качественной определенности и свободное, соответствующее собственной природе и ею определяемое функционирование» [7].

Методологических подходов к раскрытию сущности и содержания категории «безопасность» в научной литературе много: психологи, например, определяют его как ощущение, восприятие и переживание потребности в защите жизненных потребностей и интересов людей; философы – как состояние, тенденции развития и условия жизнедеятельности социума, его структур, институтов и установлений, при которых обеспечивается сохранение их качественной определенности, оптимальное соотношение свободы и необходимости [8].

Политологи трактуют этот социальный феномен как свойство определенной системы и результат деятельности ряда систем и органов государства, а также сам процесс деятельности, направленный на достижение поставленных задач по обеспечению защищенности личности, общества и государства [9]. Если обратиться к конкретным авторам, можно встретить подходы, квалифицирующие безопасность как отсутствие угроз [10], защищенность национальных интересов [11], сохранение ценностей, духовно-нравственных ориентиров, задающих базовые параметры функционирования общества [12], воспроизводство образа жизни страны [13], комплексную деятельность государства и общества по выявлению, предупрежде-

нию, ослаблению, устранению и отражению опасностей и угроз [14] и др.

Думается, что из всего этого многообразия трактовок применительно к теории государственной безопасности можно выделить несколько наиболее часто встречающихся методологических подходов к раскрытию сущности и содержания категории «безопасность».

Во-первых, некоторые авторы дают определение понятия «безопасность» через использование противоположного по значению понятия «опасность». Так, в частности, профессор А.П. Дмитриев утверждает, что «безопасность» означает отсутствие, предотвращение или устранение опасности [15]. И.А. Лазарев отмечает, что под безопасностью принято понимать состояние отношений между субъектами (личностями, социальными группами, нациями, государствами), при которых их существованию, развитию и суверенитету не угрожает военная, экономическая, экологическая или другая опасность [16].

Анализ этих определений показывает, что указанные авторы наличие безопасности связывают с отсутствием угрозы и опасности или с их удержанием на определенном уровне. Однако с данным подходом к трактовке безопасности, считает К. В. Фатеев, можно согласиться, но только как с «предварительным», так как, во-первых, практически невозможно найти ситуацию, когда в отношении какого-либо субъекта отсутствует всякая опасность. Во-вторых, содержание понятия «опасность» связано с функционированием субъекта, его социальной ролью, выполняемой в действительности: при определении понятия «безопасность» через понятие «опасность» будут исключены из дефиниции многие явления и процессы, которые должны быть в ней отражены [17].

Кроме того, обсуждая соотношение опасности и безопасности в их различных аспектах, стоит согласиться с мнением А.П. Дмитриева, который предлагает вспомнить одно из положений «Философии жизни», получившей заметное развитие в конце XIX – начале XX вв. Суть этого положения в том, что человек обречен на опасности, ибо жизнь опасна во всех своих проявлениях. Тот, кто хотел бы обеспечить ее полную безопасность, просто не должен был родиться. Следует отметить, что это мнение в общих чертах коррелирует и с приведенным нами ранее мнением А. Прохожева.

Во-вторых, отмечают в научной литературе и подходы к категории «безопасность» через понятие защищенности. Н. Н. Рыбалкин отмечает, что понимание безопасности как состояния защищенности в настоящее время получило наибольшее распространение и принято многими отечественными исследователями в качестве концептуального основания проводимых теоретических изысканий [18].

Например, А.В. Гыскэ указывает на то, что безопасность можно представить как уровень (степень) защищенности какого-либо субъекта от тех или иных угроз, вследствие воздействия которых ему (субъекту) может быть нанесен определенный ущерб [19]. А.В. Болятко определяет безопасность как систему гарантий защиты жизненно важных интересов государства, общества и личности внутри и вне страны. Она может проявляться на различных уровнях: мирового сообщества, региона, отдельного государства, социальной общности, личности и др. [20].

Однако и в этом подходе, считают некоторые исследователи, есть проблема. Трактовка понятия «безопасность» как состояния защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, не в полной мере отражает ее сущность. Исследователи указывают на то, что безопасность характеризуется не степенью защищенности от внешних и внутренних угроз, а уровнем условий для существования, функционирования и развития самой системы (общества, государства и проживающих в нем людей) [21]. Можно констатировать, что определение безопасности через понятие «защищенность» охватывает не все опасные состояния. В связи с этим следует подчеркнуть, что безопасность как состояние сохранности, надежности предполагает поддержание определенного баланса между негативным воздействием на субъект окружающей его среды и его способностью преодолеть это воздействие либо собственными ресурсами, либо при помощи соответствующих, специально для этого созданных органов или механизмов.

Мы полностью согласны с мнением К. Фатеева, который считает, что защитить значит сохранить, спасти от кого-либо, чего-либо неприятного, враждебного, опасного, т.е. безопасность как состояние защищенности предполагает в буквальном смысле наличие угроз и противодействие им; если таковых нет, то вроде бы проблема безопасности снимается [17].

В-третьих, профессор О.А. Бельков трактует категорию «безопасность через учет и опасности, и защищенности. «Безопасность – состояние, тенденции, развития (в том числе латентные) и условия жизнедеятельности социума, его структур, институтов, при которых обеспечивается сохранение их качественной определенности с объективно обусловленными инновациями в ней и свободное, соответствующее собственной природе и ею определяемое функционирование. Различаются два типа безопасности: 1) гипотетическое отсутствие опасности, самой возможности каких-либо потрясений, катаклизмов для социума; 2) реальная защищенность от опасностей, способность надежно противостоять им» [22].

По мнению профессора А. И. Позднякова, рассмотрение безопасности через опасность и защищенность весьма уязвимы для критики. Во-первых, в

них скрыта тавтология, поскольку понятия «угроза» и «опасность» относятся к одному смысловому ряду. Фактически получается, что безопасность определяется как защищенность от опасностей. Во-вторых, словосочетания «угрожать интересам», «защищать интересы» весьма сомнительны с научной точки зрения. Ведь интересы – это осознанные потребности, нужды, ценностные устремления людей. И их следует не столько защищать, т.е. сохранять, сколько продвигать, удовлетворять, снимать, реализовывать [23].

В-четвертых, с методологической точки зрения интересен подход к сущности категории «безопасность» через деятельность людей, общества, государства, мирового сообщества, народов по выявлению (изучению), предупреждению, ослаблению, устранению (ликвидации) и отражению опасностей и угроз, способных погубить их, лишит фундаментальных материальных и духовных ценностей, нанести неприемлемый (недопустимый объективно и субъективно) ущерб, закрыть путь для выживания и развития [24].

Приведенная нами классификация методологических подходов не претендует на новаторство, ибо в научной литературе можно встретить и более широкие. Так, например, в конце 1990-х гг. обширную классификацию понятий безопасности, исходя из различных методологических подходов, привел в своей диссертации доктор политических наук С.З. Павленко. Он выделил пять групп определений безопасности: к первой группе отнесены определения, которые характеризуют безопасность как состояние защищенности интересов личности, общества и государства; ко второй – те, которые определяют безопасность через отсутствие опасности; к третьей – определения, где безопасность является свойством системы; к четвертой – определения, характеризующие безопасность как специфическую деятельность государственных органов; к пятой – дефиниции, обозначающие безопасность как определенное состояние [25].

Профессор А. И. Поздняков считает, что наиболее распространены три концептуальных подхода: официальный, системно-философский и аксиологический.

В контексте официального подхода безопасность определяется как защищенность интересов (в том числе и национальных) от угроз.

Сторонники системно-философского подхода в определении безопасности акцентируют внимание на сохранении целостности, устойчивости, стабильности, нормального функционирования, устойчивого развития системы (страны, государства, общества как социальной системы).

В рамках аксиологического подхода под безопасностью понимается защищенность ценностей, принадлежащих субъекту (стране, обществу, коллек-

тиву, личности), от значимого для него ущерба. В этом подходе национальная безопасность определяется как защищенность национальных ценностей, национального достояния от значимого ущерба.

Сравнительный анализ указанных концептуальных подходов позволил А.И. Позднякову утверждать, что наиболее корректным с научной точки зрения следует считать аксиологический подход. Аксиологический подход позволяет, во-первых, снять тавтологию, идеологичность и логическую противоречивость понимания безопасности как защиты интересов. Более того, защита условий реализации интересов входит в содержание аксиологической трактовки безопасности через понятие упущенной выгоды. Иными словами, аксиологический подход в теории безопасности включает в свое содержание и официальный подход, трактуя его как частный случай и, на наш взгляд, глубже объясняя его суть.

Во-вторых, аксиологическое понимание безопасности позволяет снять и недостатки системно-философского подхода, поскольку эти недостатки связаны с неопределенностью ценностных координат при рассмотрении состояния и свойств системы.

В-третьих, в контексте аксиологического подхода основные понятия теории безопасности можно увязать в логически стройную и последовательно выводимую систему. И это самое важное его достоинство [26].

Безопасность с позиций ценностного подхода логичнее определить как защищенность от получения значимого ущерба. Достигается она тогда, когда величина (с учетом вероятности) возможного ущерба (по отношению к любому из существующих источников опасности) меньше уровня, начиная с которого требуется принятие мер по его предотвращению, снижению. Этому же мнению придерживаются и политолог А. Уолферс, считая, что «безопасность в объективном плане предполагает отсутствие угроз приобретенным ценностям, в субъективном – отсутствие страха в отношении того, что этим ценностям будет нанесен ущерб», и авторы научного труда под редакцией В. И. Якунина, которые под безопасностью в ее фундаментальном, наиболее общем смысле предлагают понимать такие условия существования любого рассматриваемого объекта (включая состояние объекта как его имманентную характеристику), при которых его свойства не подвергаются нежелательным изменениям (т.е. причинению вреда и нанесению ущерба), или, что точнее, нежелательные изменения минимизируются [27].

Особенно точно, по нашему мнению, отражает методологические подходы к определению безопасности и классификация, предложенная М. Бондаренко. Все имеющиеся в настоящее время в социально-гуманитарных науках определения и характеристики

безопасности, несмотря на их противоречивость, с учетом их содержания и смыслового наполнения, М. Бондаренко условно подразделил на две основные группы.

Первую составляют определения, основывающиеся на сопоставлении опасности и безопасности, их диалектике, на непосредственном смысле слова «безопасность», определяемом семантикой русского языка (безопасность – отсутствие опасности или ее угрозы кому-либо или чему-либо, сохранность, надежность). Эти определения правомерно назвать охранительными. В них безопасность характеризуется как гипотетическое отсутствие опасности, самой возможности каких-либо потрясений, катаклизмов для объекта, системы, как их реальная защищенность от опасностей, способность надежно противостоять опасностям и угрозам.

Вторая группа – это определения, в которых безопасность рассматривается в более широком контексте, с позиций внутренней организации, функционирования и развития какого-либо объекта, системы, их взаимодействия с окружающей средой. Такие определения можно назвать охранительно-функциональными, деятельностными. Безопасность в них трактуется не только как возможность и способность кого-либо или чего-либо охранять, оборонять себя, а, прежде всего, как свойство объекта, системы выживать, развиваться и совершенствоваться, их способность сохранять свои особые качества, как отсутствие противоречий в функционировании и развитии объекта, системы, которые могут привести их к разрушению [28].

В современной науке, считает П. Гречко, утвердились два подхода к национальной безопасности.

Первый подход заключается в том, что национальная безопасность обеспечена в том случае, когда обеспечена безопасность личности. Это подход западного толка.

Второй подход в том, что на первый план в национальной безопасности выдвигается безопасность государства и общества. Второй подход ближе нашему национальному характеру, чем первый. Гражданин России исторически видел всегда в государстве своего защитника. Активное насаждение ценностей западной цивилизации приводит к их отторжению, что, при определенных условиях, способно серьезно затормозить развитие национального самосознания российских граждан и представляет собой угрозу национальной безопасности России как самодостаточному государству, отдельной высочайшей цивилизации. При втором подходе нормативная концепция национальной безопасности обретает привычные черты. Ее основное содержание составляют: защита единства и целостности государства; проведение дальновидной демографической и экологической по-

литики; социально-политическое и культурное самоопределение, свободное от вмешательства извне; достаточный (довольно высокий) престиж государства в мире, позволяющий успешно продвигать отечественные товары на зарубежные рынки и защищать интересы своих граждан за границей; стратегически продуманная геополитическая активность, опирающаяся на экономические и иные возможности страны [29].

Таким образом, в результате анализа научной и нормативной литературы по проблемам сущности и содержания категории «безопасность», как основной категории теории национальной безопасности, можно сделать вывод, что границы ее понимания учеными нашей страны в сравнении с предыдущими разработками в этой области существенно расширились.

Список литературы

1. Линдэ А.О. Международно-правовые основы борьбы государства с угрозами национальной безопасности : автореф. дис.... канд. юрид. наук. М., 2008.
2. Словарь иностранных слов. 19-е изд., стер. М. : Рус. язык, 1990. С. 44.
3. Миграция и безопасность России / под ред. Г. Витковской и С. Панаренко. Московский центр Карнеги. М. : Интердиалект+, 2000. С. 17.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М. : Русский язык, 1981. С. 40.
5. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1. М., 1981. С. 67–68.
6. Политическая энциклопедия. М., 2000. Т. 1. С. 104.
7. Назаренко В.А. Национальная безопасность России (современная парадигма). М.: Изд-во НИЦ, 2012.
8. Безопасность: информационный сборник фонда национальной и международной безопасности. 1994. № 3(19).
9. Безопасность: информационный сборник фонда национальной и международной безопасности. М., 1994. № 6(22). С. 114.
10. Хлобутов О. Права человека и интересы национальной безопасности. М. : Моск. шк. прав человека, 1999. С. 102–103.
11. Пирумов В.С. Некоторые аспекты методологии исследования проблем национальной безопасности России в современных условиях // Геополитика и безопасность. 1993. № 1. С. 7–17.
12. Проблемы глобальной безопасности (материалы семинаров 1994-1995 гг.). М., 1995. С. 55.
13. Логунов А.Б. Региональная и национальная безопасность. М.: Вузовский учебник, 2009. С. 15.
14. Серебрянников В., Хлопьев А. Социальная безопасность России. М.: ИСПИ РАН, 1996. С. 16.
15. Дмитриев А.П. Соотношение стабильности и безопасности государства как проблема политической теории и практики // Современные проблемы национально-государственной и межгосударственной безопасности. М.: Военная академия Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, 1992. С. 38.
16. Лазарев И.А. Теория безопасности, ее состояние и перспективы развития // Современные проблемы национально-государственной и межгосударственной безопасности. М.: Военная академия Генерального штаба Вооруженных сил РФ, 1992.
17. Фатеев К.В. Обеспечение военной безопасности Российской Федерации: теория и практика правового регулирования. М.: За права военнослужащих, 2005.
18. Рыбалкин Н.Н. Природа безопасности : автореф. дис.... д-ра филос. наук. М., 2003.
19. Гыскэ А.В. Борьба с преступностью в системе обеспечения внутренней безопасности российского общества. М., 2001. С. 28.
20. Болятко А.В. Задачи военной безопасности и обеспечение их решения // Военная мысль. 1993. № 4. С. 10–13.
21. Тимохин П.К. К формированию концепции безопасности России // Информационный сборник фонда национальной и международной безопасности. М., 1993. № 6. С. 30.
22. Бельков О.А. Понятийно-категориальный аппарат концепции национальной безопасности // Безопасность. 1994. № 3. С. 91.
23. Концептуальные проблемы национальной безопасности Российской Федерации // Материалы Круглого стола. М., 2008. С. 7–8.
24. Серебрянников В., Холوپьев А., Казаков Н.Д. Безопасность и синергетика (опыт философского осмысления). М., 1994. С. 62–63.
25. Павленко С.З. Безопасность Российского государства как политическая проблема: дис.... д-ра полит. наук. М., 1998. С. 94–99.
26. Поздняков А.И. Система основных понятий теории национальной безопасности с позиций ценностного (аксиологического) подхода // Безопасность России в XXI веке. М. : РИЦ ИСПИ РАН, 2006.
27. Концептуальные проблемы национальной безопасности Российской Федерации // Материалы Круглого стола. М. : РАГС, 2008. С. 7–8.
28. Бондаренко М.В. Безопасность как социальная категория: формирование категориально-понятийного аппарата. Наука и практика. Орел: Орловский юридический институт МВД России, 2010. С. 18–19.
29. Гречко П.К. К вопросу о понятии «национальная» безопасность // Социально-политический журнал. 1998. № 3. С. 105.

Reference list

1. *Linde A.* The international legal framework of the fight against the state and threats to national security: Synopsis of a thesis of PhD in Law. M., 2008.
2. Dictionary of foreign words. 19th edition. M. : Russkiy Yazyk, 1990. P. 44.
3. Migration and security in Russia / Under the editorship of G. Vitkovskaya nad S. Panarenko. The Carnegie Center of Moscow. M.: Interdialekt+, 2000. P. 17.
4. *Ozhegov S.* Dictionary of the Russian language. M. : Russkiy Yazyk, 1981. P. 40.
5. *Dal' V.* Explanatory dictionary of the living Great Russian language: In 4 volumes. T. 1. M., 1981. P. 67–68.
6. Political encyclopedia. M., 2000. Vol. 1. P. 104.
7. *Nazarenko V.* The national security of Russia (Modern paradigm). M.: Publishing house NITS, 2012.
8. Security: Information collection from the national and international security. 1994. №3 (19).
9. Security: Information collection from the national and international security. M., 1994. № 6(22). P.114.
10. *Khlobustov O.* The human rights and national security interests. M.: Moscow human rights school, 1999. P. 102–103.
11. *Pirumov V.* Some aspects of the methodology of research of national security issues of Russia in contemporary conditions // Geopolitics and Security. 1993. № 1. P. 7–17.
12. Issues of global security (Workshop proceedings 1994-1995). M., 1995. P.55.
13. *Logunov A.* Regional and national security. M.: University textbook, 2009. P. 15.
14. *Serebryannikov V., Khlop'ev A.* Social security of Russia. M.: ISPI RAS, 1996. P. 16.
15. *Dmitriev A.* The ratio of stability and security of the state as an issue of political theory and practice // Contemporary issues of national-state and interstate security. M.: Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, 1992. P. 38.
16. *Lazarev I.* Security theory, the status and prospects of development // Modern issues of national-state and interstate security. M.: Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, 1992.
17. *Fateev K.* The military security of the Russian Federation: Theory and practice of legal regulation. M.: For the rights of servicemen, 2005.
18. *Rybalkin N.* Nature of security: Synopsis of a thesis of Doctor of Philosophy. M., 2003.
19. *Gyske A.* The fight against crime in the system of internal security of the Russian society. M., 2001. P. 28.
20. *Bolyatko A.* The tasks of military security and the security of their solution // Voennaya Mysl'. 1993. № 4. P. 10–13.
21. *Timokhin P.* To the formation of the concept of security of Russia // Bulletin of the Foundation of national and international security. M., 1993. № 6. 30.
22. *Bel'kov O.* Conceptual-categorical apparatus of the concept of national security // Security. 1994. № 3. P. 91.
23. Conceptual issues of national security of the Russian Federation // Proceedings of the Round table. M., 2008. P. 7–8.
24. *Serebryannikov V., Khlop'ev A., Kazakov V.* Security and synergetics (experience philosophical understanding). M., 1994. P. 62–63.
25. *Pavlenko S.* The security of the Russian state as a political issue: Thesis of Doctor of Political Sciences. M., 1998. P. 94–99.
26. *Pozdnyakov A.* A system of basic concepts of the theory of national security from the standpoint of values (axiological) approach // Security of Russia in XXI century. M.: RITS ISPI RAS, 2006.
27. Conceptual problems of national security of the Russian Federation // Proceedings of the Round table. M.: RASS, 2008. P. 7–8.
28. *Bondarenko M.* Security as a social category: the formation of categorical-conceptual apparatus. Science and practice. Orel: Orel Law Institute of the Interior Ministry of Russia, 2010. P. 18–19.
29. *Grechko P.* Revisiting the concept of "national" security // Social-Political Journal. 1998. №3. P.105.

УДК 342

Таева Н.Е.,кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права
Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина**ИЗБИТОЧНОСТЬ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВЕ: ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ АСПЕКТЫ**

В статье анализируется проявление избыточности в конституционно-правовом регулировании, а также объективные и субъективные причины, вызывающие такую тенденцию развития норм конституционного права. Автором выделяется внешняя и внутренняя избыточность норм конституционного права. К проявлениям внешней избыточности автор относит включение в предмет конституционного права новых групп общественных отношений; принятие норм, в которых отсутствует объективная необходимость, создание законов, не вносящих ничего нового в систему правового регулирования. Также выделяется избыточное правовое регулирование на федеральном уровне относительно регионального регулирования. Проявлением внутренней избыточности автор считает размывание абстрактного характера норм конституционного права, диффузию (или раздвоение) норм. При этом такое раздвоение имеет место не только в отношении актов федерального уровня и уровня субъектов федерации, но и применительно к актам одного уровня.

Ключевые слова: нормы, конституционное право, конституция, правовое регулирование, закон, юридическая техника, законодательство

Taeva N.,PhD in Law, Associate Professor of Chair of Constitutional and Municipal Law
of the Moscow State Law University named after O. Kutafin**LEGAL REGULATION REDUNDANCY IN THE CONSTITUTIONAL LAW:
THE EXTERNAL AND INTERNAL ASPECTS**

This article is discussed the redundancy manifestation in the constitutional legal regulation, as well as the objective and subjective grounds, causing this a trend of constitutional law norms development. The article author is distinguished the external and internal redundancy of the constitutional law norms. The contributor is mentioned the inclusion of new kinds of public relations into the constitutional law subject towards the external redundancy manifestations; norms adoption where there is no objective necessary, laws creation, which is nothing new introducing in the legal regulation system. Likewise, there is distinguished the redundant legal regulation on the federal level regarding the regional regulation. The author considers that the internal redundancy manifestation is the weakening of the abstract nature of constitutional law norms, diffusion (or duality) of the norms. Herewith this duality has taken place that not only towards federal level acts and federal entities level, but the acts of the same level in respect of.

Keywords: norms, constitutional law, Constitution, legal regulation, law, legal technique, legislation

Важной тенденцией развития норм является избыточность в сфере конституционно-правового регулирования. Здесь можно согласиться с Д.А. Азми, что тенденция избыточности в системе права не столь нова и, скорее, является не тенденцией, а усиливающейся негативной закономерностью [2. С. 10-11]. Для обозначения этого явления используются такие термины как юридификация, излишнее правовое регулирование, правовое загрязнение, инфляция. Весьма удачный, на наш взгляд, термин

был предложен Н.С.Бондарем. Ученый говорит о существующем на сегодняшний день профиците норм в конституционном праве (правда употребляет его в несколько ином смысле, чем будем рассматривать мы в данной статье). Правовой профицит Н.С. Бондарь связывает с конституционно-правовой глобализацией [4. С.284-285], следствием которой является то, что нормами конституционного права охватывается все больше сфер жизни общества. Посредством принятия норм конституционного права происходит втор-

жение государства в социальную, экономическую и, в особенности, в политическую сферы. То есть в данном случае актуализируется проблема определения предмета конституционного права, так как речь идет об объеме отношений, входящих в сферу регулирования данной отрасли.

Если же сводить профицит к избыточности, перегруженности законодательства, то здесь можно выделить два аспекта данной проблемы. Во-первых, следует вести речь о внешней правовой избыточности, суть которой заключается в том, что одни и те же отношения регулируются множеством норм, то есть присутствует заурегулированность, перенасыщенность законодательства. Вторым аспектом профицита является так называемая внутренняя избыточность, которая заключается в размывании абстрактного характера и диффузии норм конституционного права.

Внешняя правовая избыточность

Внешняя правовая избыточность имеет отношение к форме выражения нормы, в первую очередь, нормативному правовому акту, и имеет разнообразные проявления. Прежде всего, профицит в указанном аспекте означает создание большого числа правил, в которых отсутствует объективная необходимость. Современный законодатель, принимая тот или иной нормативный правовой акт, стремится учесть все ситуации, которые так или иначе проявляются на практике. Зачастую принятие новых норм служит конкретной сиюминутной цели без какого-либо прогнозирования не только потенциала ее реализации, но и «вне системы» других норм права. В результате мы видим огромные по своему объему конституционно-правовые акты, детально устанавливающие все возможные варианты «развития событий». Любая проблема, возникающая при применении нормы конституционного права, приводит к принятию новых норм, ее конкретизирующих, дополняющих, развивающих. Перегруженность законодательства выражается и в том, что в нормативных актах часто закрепляются правила, в которых в принципе отсутствует потребность: нефункциональные термины, определения, иные конструкции, которые делают текст непонятным, неудобочитаемым для рядового пользователя правовой информации [8. С. 250]. Так, Лексин И.В., анализируя законодательство субъектов федерации в сфере административно-территориального устройства называет такие проявления избыточности правового регулирования как нормативное обозначение того или иного города в качестве исторического центра субъекта федерации; включение в нормативные акты субъектов федерации их географических характеристик; упоминание в актах субъектов федерации советского законодательства, кото-

рым были учреждены данные субъекты федерации и другие [8. С. 250-252].

Одним из проявлений профицита норм в вышеуказанном понимании можно считать и избыточное правовое регулирование на федеральном уровне по вопросам совместного ведения. В.Д. Зорькин пишет, что в данном случае имеет место нарушение правового баланса в сфере федеративных отношений, недостаточно учитывается федеративная природа российского государства, отмечая, что это не только не согласуется с конституционной природой федеративных отношений, но и в известной степени влечет за собой нарастание на региональном уровне «иждивенческих настроений» [7. С. 1-5]. К примеру, в части 2 ст. 26.3 Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» дан перечень полномочий органов государственной власти субъекта Российской Федерации по предметам совместного ведения, осуществляемых данными органами самостоятельно за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации, который включает 100 пунктов. Причем, данный перечень постоянно меняется, появляются новые пункты, исключаются другие.

Внешняя правовая избыточность норм конституционного права – это в том числе принятие «пустых» законов, нормы которых не вносят ничего нового в систему правового регулирования либо законов, содержащих общие декларативные положения. Примерами таких законов, с нашей точки зрения, являются ФЗ от 13 мая 2013 г. № 77-ФЗ «О парламентском контроле» (представляющий собой, по сути, компиляцию уже нормативно урегулированных форм парламентского контроля), ФЗ от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» (содержит перечень прав и свобод соотечественников, который уже определен в Конституции РФ) и другие. Принятие такого рода законов усиливает тенденцию профицита, ведь «пустые» законы требуют их дальнейшей конкретизации. В результате мы наблюдаем два последствия. Во-первых, «уход» в подзаконное регулирование. Наполнение смысловым содержанием законов, состоящих по большей части из декларативных положений, пишет С.В. Нарутто, вызывает необходимость принятия многочисленных подзаконных ведомственных актов [10. С. 9-10]. Во-вторых, начинают приниматься законы, вносящие поправки в уже действующие законы, которые изначально не отражали особенностей регулирования той или иной сферы. Нарастание общего количества актов расширяет диапазон возможностей неоднозначных и несогласованных юридических конструкций [10.С. 10].

Профицит ведет к негативным последствиям в реализации норм гражданами, их объединениями и другими субъектами конституционно-правовых отношений, значительно затрудняет ее. В работе «Социальные основания права» Г.В. Мальцев называет две основных причины переизбытка норм. Во-первых, это субъективная причина, которая кроется в желании законодателя при помощи нормативного регулирования быстро решать политические и социальные задачи. Г.В. Мальцев пишет: «Еще библейские пророки осуждали манеру «законников» нагромождать «правило на правило, закон на закон», хитроумно плести сети, в которых запутываются простые люди. До сих пор не удалось изжить эту манеру, хотя прошли тысячелетия. Тот, кто приставлен к законам, склонен видеть в них источник своей силы, способ быстрого решения социальных и политических задач, поэтому, сталкиваясь с трудными проблемами, он первым делом берется за перо, чтобы «начертать» новый закон в надежде, что все остальное к этому приложится» [9. С. 743-745]. Законодатель легко утрачивает чувство меры при определении объемов законодательства, увлекается излишней детализацией, игнорирует самоочевидность некоторых положений, не может избежать соблазна наставлять, инструктировать людей по всяким поводам вплоть до мелочей.

Во-вторых, объективная причина. Объем законодательства зависит от сложности общественных отношений. Усложнение социальных связей в условиях информационного общества приводит к увеличению объемов правового регулирования. «Если законодатель теряет контроль за соответствующими процессами, способность управлять ими, – пишет Г.В. Мальцев, – он скорее всего получит переизбыток юридических норм со всеми вытекающими отсюда последствиями» [9. С. 744].

Обе указанных причины представляются особенно актуальными для норм конституционного права. Переизбыток норм создает видимость того, что законодатель предоставил на выбор множество вариантов поведения, а в действительности усилил вероятность случайного правоприменения, создал ситуацию «нормативной инфляции» [9. С. 745]. Как итог – система правового регулирования функционирует неэффективно.

Говоря о профиците норм конституционного права, нельзя не затронуть проблему их недостатка или *дефицита*. Так, дефицитом норм считают отсутствие тех или иных законов, которые необходимо принять, но они до сих пор не приняты. В качестве примера здесь обычно приводят до сих пор не принятый федеральный конституционный закон о Конституционном Собрании РФ. Вместе с тем, дефицит норм нельзя понимать так упрощенно – как отсутствие тех или иных нормативных актов. На наш

взгляд, следует согласиться с Г.В. Мальцевым, который считал, что дефицит норм – это отсутствие притока принципиально новых юридических решений, юридический застой в обществе» [9. С. 745]. Дефицит конституционно-правовых норм в таком понимании в совокупности с переизбытком (профицитом) норм, не имеющих первичного значения в системе правового регулирования, ведет к кризису системы правового регулирования в целом. Преодоление внешней избыточности возможно через использование технико-юридических приемов. Например, создание отсылочных и бланкетных норм; правильное сочетание в конституционно-правовых актах норм различных видов и, в первую очередь, норм общерегулятивных и конкретнорегулятивных. Не обязательно каждый нормативный акт начинать с перечня дефиниций или принципов, аналогичные которым уже закреплены в другом нормативном акте; вместо простых норм использовать в правовом регулировании абстрактные сложные нормы; свести к минимуму дублирование норм. Одним из выходов здесь традиционно является кодификация либо принятие рамочных законов; мониторинг и экспертиза законодательства. Однако, и здесь есть опасность принятия законов, в которых отсутствует объективная необходимость. Например, Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 183-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации» был принят с целью унификации законодательства субъектов федерации в этой сфере. Так ли уж необходима такая унификация в федеративном государстве.

Внутренняя правовая избыточность

Внутренняя избыточность относится к сущности и содержанию нормы. Под внутренней избыточностью понимается, прежде всего, размытие абстрактного характера нормы, превращение норм конституционного права из абстрактных правил поведения в подробные, детальные инструкции, при этом часто не доступные для понимания рядовых граждан. С.А. Авакьян справедливо говорит о том, что любой закон должен быть обращен к двум адресатам: во-первых, к обычному гражданину, во-вторых, к исполнителю. Для обычного гражданина закон является средством познания материи, своего места в соответствующих отношениях. Однако, это совершенно не учитывает законодатель. «Разрастаются» и все более детализируются даже законы, которые традиционно были достаточно краткими и небольшими по объему: о политических партиях, о гражданстве, о правовом положении иностранных граждан, о публичных мероприятиях. И уж совершенно не доступными для понимания рядовых граждан стали избирательные законы. Относительно них С.А. Авакьян отмечает, что

в этих актах чисто законодательная материя составляет не более 30 процентов, все остальное – это инструкции (чаще всего процедурные). Их надо читать тем, кто имеет непосредственное отношение к соответствующим избирательным действиям [1. С. 3-12]. В качестве примера такой «трудноусвояемой» обычными гражданами, не имеющими специального образования, можно привести статью 89 ФЗ от 22 февраля 2014г. № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», закрепляющую методику пропорционального распределения депутатских мандатов.

Другим проявлением внутренней избыточности является *диффузия* (или «раздвоение», дублирование) норм в конституционном праве [12]. Так, прослеживается процесс дублирования общефедеральных норм права на уровне субъектов Российской Федерации. В результате мы наблюдаем, как нормы, содержащиеся в федеральных нормативных правовых актах, дословно воспроизводятся в нормативных правовых актах субъектов Российской Федерации. Например, в ст. 13 ФЗ от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» названы обстоятельства, исключающие назначение и проведение референдума: «Референдум не назначается и не проводится в условиях военного или чрезвычайного положения, введенного на территории Российской Федерации либо на территории, на которой предполагается проводить референдум, или на части этой территории, а также в течение трех месяцев после отмены военного или чрезвычайного положения». Вместе с тем, в законодательстве практически всех субъектов Российской Федерации о референдумах субъектов и о местных референдумах имеются статьи, также устанавливающие обстоятельства, в которых референдум не назначается и не проводится. Так, в ст. 4 Закона Республики Алтай «О референдумах в Республике Алтай» содержится следующая норма: «Референдум не назначается и не проводится в условиях военного или чрезвычайного положения, введенного на территории Российской Федерации либо на территории, на которой предполагается проводить референдум, или на части этой территории, а также в течение трех месяцев после отмены военного или чрезвычайного положения». Как говорится, найдите хотя бы одно отличие. Это положение полностью дублирует указанную выше ст. 13 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Такая же картина наблюдается при обращении к законам других субъектов. Например, ст. 6 Закона г. Москвы от 18 апреля 2007 г. №11 «О референдумах в городе Москве», ст. 8 Закона республики Бурятия от 29 декабря 2005 г. № 1449-III «О референдуме Республики Бу-

рятия», ст. 11 Закона Республики Башкортостан от 26 ноября 2007 г. № 487-з «О референдуме Республики Башкортостан», ст.10 Закона Республики Татарстан от 9 августа 2003 № 33-ЗРТ «О референдуме Республики Татарстан» и др. Практически дословно в законодательстве субъектов РФ воспроизводятся нормы ФЗ от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», касающиеся принципов проведения референдумов – принцип всеобщего, равного, прямого волеизъявления при тайном голосовании; принцип свободного и добровольного участия в референдуме (ст. 3 ФЗ). Полностью дублируются нормы, закрепляющие, что в референдуме могут участвовать граждане Российской Федерации, достигшие возраста 18 лет. При этом не имеют права участвовать в референдуме граждане, признанные судом недееспособными или содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда (ст. 4 ФЗ).

В законах некоторых субъектов Российской Федерации о публичных мероприятиях полностью воспроизводятся нормы-дефиниции, закрепляющие определения понятий «публичное мероприятие», «собрание», «митинг», «шествие», «демонстрация», «пикетирование», а также нормы о сроках подачи уведомления о проведении публичного мероприятия. Например, в законах г. Москвы, Республики Ингушетия, Республики Алтай, Алтайского края. Справедливости ради надо отметить, что большинство субъектов федерации пошли по другому пути. Во избежание дублирования норм федерального законодательства в них приняты законы, регулирующие лишь порядок подачи уведомления о проведении публичного мероприятия (собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования). Это, например, Республика Саха (Якутия), Северная Осетия Алания, Чеченская Республика, Краснодарский край, Красноярский край, Амурская область, Магаданская область, Орловская область, Саратовская область, Томская область. В Законе Республики Татарстан от 16 января 2006 г. «О порядке подачи уведомления о проведении собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирований в Республике Татарстан» прямо установлено, что «в настоящем Законе используются понятия в том же значении, что и в Федеральном законе» (ст. 2). Аналогично урегулирован вопрос в Республике Хакасия, Тюменской области, Еврейской автономной области.

Региональные законы, пишет И.В.Лексин, перенасыщены повторами. Например, в законах большинства субъектов федерации содержатся положения о порядке изменения границ между субъектами, хотя данному вопросу посвящены положения Конституции РФ и конституций (уставов) субъектов РФ. При этом субъекты федерации здесь не вносят ничего нового в правовое регулирование данного вопроса, а

воспроизводят в своих законах соответствующие положения названных актов [8. С. 250-251].

Раздвоение норм имеет место и на уровне учредительных актов. Конституции республик в составе Российской Федерации содержат одинаковое с федеральной Конституцией изложение прав, свобод и обязанностей граждан. Так, нормы Конституции Российской Федерации о принципах правового статуса личности (равноправия граждан, неотчуждаемом характере прав и свобод личности); о правах, свободах и обязанностях человека и гражданина повторяются в Конституциях и Уставах субъектов Российской Федерации. Например, глава 1-2 раздела 2 Конституции Республики Адыгея; раздел 2 Конституции Республики Алтай; глава 2 Конституции Республики Башкортостан; глава 2 Конституции Республики Коми практически полностью воспроизводят содержание главы 2 Конституции Российской Федерации. Практически все основные законы субъектов РФ закрепляют положения о республиканской форме правления, дают характеристику государства как демократического, правового, социального. По аналогии с российской Конституцией конституции и уставы субъектов РФ провозглашают примат норм международного права. В целом они дословно воспроизводят основополагающие принципы конституционного строя, закрепленные в федеральной Конституции [6. С. 57-58].

Дублирование (раздвоение) в последнее время становится характерным и для норм, принимаемых на одном уровне (федеральном или субъекта федерации). Как правило, здесь мы имеем дело с нормами, содержащимися в акте общего характера и акте специального характера. Такими «раздвоенными» нормами особенно изобилует избирательное законодательство (положения о полномочиях избирательных комиссий, о наблюдателях, порядке составления списков избирателей, правилах ведения предвыборной агитации и другие).

В теории права дублирование норм рассматривается часто как дефект правового регулирования. Причем выделяют два вида такого дублирования: *простое дублирование*, при котором смысл нормы и ее текст совпадают; *смысловое дублирование*, когда нет текстового повторения нормы, но смысл норм идентичен. В приведенных выше примерах дублирования тексты статей конгруэнтны, они полностью совпадают при их «наложении» друг на друга. Иначе говоря, статьи и здесь имеет место простое дублирование. Поэтому возникает закономерный вопрос: при конгруэнтности статей мы имеем дело с одной нормой права или это все-таки разные нормы? Ответ на этот вопрос кроется, на наш взгляд, в выяснении того, что является объектом правового регулирования в каждом случае. Общественные отношения, которые регулируются дублирующими нормами, «не раздваиваются».

Следовательно, объект регулирования двух одинаковых текстуально, но принятых на разных уровнях государственной власти норм – совпадает. Кроме того, как известно, статья нормативного акта и норма права – не одно и то же. То есть речь идет об одной и той же норме права, которая воспроизводится еще раз в нормативном акте субъекта Российской Федерации (или актах одного уровня), а имеются две статьи, две формулировки, которые выражают одну и ту же норму. Именно по этой причине мы считаем, что диффузия является проявлением внутренней избыточности. Если мы удалим из системы правового регулирования избыточную формулировку, то система не потерпит изменения. В законодательной практике это будет характеризоваться как отмена. Между тем непосредственно отмены нормы не произойдет, из текста нормативного акта будет удален лишь ее дублирующий текст. Сама же норма останется в системе [3. С. 216].

Как следует оценивать диффузию: отрицательно или положительно? В этом явлении, на наш взгляд, есть и плюсы и минусы. Минусы очевидны. Это перегружает законодательство, делает его громоздким. Так, Н.А. Власенко считает, что дублирование отрицательно сказывается на развитии системы права [5. С. 24]. Повторение норм ведет к тому, что законодательство становится громоздким, неоправданно увеличивается количество нормативных правовых актов и их объем. Кроме того, дублирование нормы закона федерального уровня в законодательстве субъекта приводит к снижению значения федерального законодательства. Возможны и правоприменительные проблемы, которые могут и возникают в судебной практике органов конституционного контроля. Здесь уместно вспомнить небезызвестное дело с законом Челябинской области о транспортном налоге, который рассматривался в Уставном Суде Челябинской области, а впоследствии проверялся на соответствие Конституции РФ Конституционным Судом РФ (речь идет о Постановлении Конституционного Суда РФ от 2 декабря 2013 г. № 26-П). Причем суды пришли к прямо противоположным решениям. Решение этой проблемы видится, прежде всего, в систематизации законодательства и, в частности, одном из ее видов – кодификации. Кодификация позволит устранить дублирование норм, унифицировать законодательство. Так, в настоящее время остро стоит вопрос о кодификации избирательного законодательства, миграционного законодательства, где наиболее сильно выражена диффузия норм. В то же время диффузия норм может и положительно влиять на реализацию норм и, в свою очередь, на правоприменение. Ведь если бы не было дублирования нормы в законодательстве субъекта РФ или акте специального характера, это означало бы необходимость постоянного обращения правоприменителя к законодательству Российской

Федерации или акту общего характера, в том числе и посредством бланкетных норм.

Делая вывод относительно избыточности правового регулирования в конституционном праве, согласимся с мнением теоретика А.И. Овчинникова, который верно отмечает, что в познании бесконечного многообразия социальной жизни человеческий разум ограничен и надо признать, что нельзя создать

систему правил на все времена и все случаи жизни. Получается замкнутый круг: правила применения правил также требуют применения и новых правил. В результате создания казуистичных норм мы не облегчаем правоприменение, а наоборот усложняем его, так как правоприменитель вынужден «втискивать» тот или иной казус в «прокрустово ложе» нормы [11.С. 109].

Список литературы

1. *Авакьян С.А.* Пробелы и дефекты в конституционном праве и пути их устранения // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 8.
2. *Азми Д.А.* Тенденции развития системы права и системы законодательства в Российской Федерации // Адвокат. 2016. № 10. С. 9–16
3. *Альчуррон К.Э., Булыгин Е.В.* О понятии правового порядка. В кн.: «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм / под ред. Е.Н. Лисанюк. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2013. 380 с.
4. *Бондарь Н.С.* Судебный конституционализм в России М.: Норма, 2011. 544 с.
5. *Власенко Н.А.* Логико-структурные дефекты системы советского права // Правоведение. 1991. № 3. С. 21–26
6. *Жученко А.А.* Соотношение конституций республик в составе Российской Федерации с Конституцией России: проблемы теории и практики. М.: Авиаиздат, 2001. 148 с.
7. *Зорькин В.Д.* Конституция живет в законах. Резервы повышения качества российского законодательства // Журнал конституционного правосудия. 2015. № 3. С. 1–5
8. *Лексин И.В.* Территориальное устройство России. М.: Ленанд, 2014. 432 с.
9. *Мальцев Г.В.* Социальные основания права. М.: Норма. 2014. 800 с.
10. *Нарутто С.В.* К вопросу о правовой определенности законодательства // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 11. С. 9–19.
11. *Овчинников А.И.* Неявное правотворчество в процессах конкретизации юридических норм / Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики: Материалы Международного симпозиума (Геленджик. 27-28 сентября 2007 года) / Под ред. В.М.Баранова. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2008.
12. *Таева Н.Е.* Нормы конституционного права в системе правового регулирования Российской Федерации. М.: Проспект, 2016. 352 с.

Reference list

1. *Avak'yan S.* Omissions and imperfections in the constitutional law and ways of their addressing // Constitutional and Municipal Law. 2007. № 8.
2. *Azmi D.* Development tendencies of law system and system of legislation in the Russian Federation // Lawyer. 2016. № 10. P. 9–16
3. *Al'churron K., Bulygin E.* The concept of the legal order. In the book: "Regulatory system" and other work on law philosophy and logic of norms / under the editorship of E. Lisanyuk. SBR.: Publishing office of the Saint-Petersburg University, 2013. 380 p.
4. *Bondar' N.* Judicial constitutionalism in Russia, M.: Norma, 2011. 544 p.
5. *Vlasenko N.* Logical-structural imperfections of the Soviet law system // Jurisprudence. 1991. №3. P. 21–26.
6. *Zhuchenko A.* The ratio of the Republics' constitutions of the Russian Federation with the Constitution of Russia: Issues of theory and practice. M.: Aviaizdat, 2001. 148 p.
7. *Zor'kin V.* The Constitution keeps in the law. Reserves of quality improvement of the Russian legislation // Journal of Constitutional Justice. 2015. №3. P. 1–5.
8. *Leksin I.* Territorial structure of Russia. Moscow: Lenand, 2014. 432 p.
9. *Mal'tsev G.* Social foundations of law. M.: Norma. 2014. 800 p.
10. *Narutto S.* Revisiting the legal certainty of the legislation // Topical issues of the Russian Law. 2015. №11. P. 9–19.
11. *Ovchinnikov A.* Implicit lawmaking in the processes of legal norms concretization / The specification of laws as a techno-legal admission of regulatory, interpretative, enforcement practices: Proceedings of the International Symposium (Gelendzhik. 27th -28th of September, 2007) / Under the editorship of V. Baranov. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Interior Ministry of Russia, 2008.
12. *Taeva N.* The norms of constitutional law in the system of legal regulation of the Russian Federation. M.: Prospekt, 2016. 352 p.

УДК 340.1

Крупеня Е.М.,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права
Юридического института Московского городского педагогического университета

ИНСТИТУТ СТАТУСНОГО ПУБЛИЧНОГО ПРАВА: ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ В КОНТЕКСТЕ ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИХ УСТАНОВОК

В статье изложена авторская версия онтологии статусного публичного права – комплексного института в системе публичного права в масштабе правовой системы общества. Обосновывается идея о том, что онтологические характеристики статусного публичного права поставлены в зависимость от гносеологических установок и принципов исследования. Автор выявляет свойства статусного публичного права под влиянием исследовательской установки о том, что само право, как матричная структура – явление полимодальное, концептуальных идей о персоноцентризме (человекоцентризме) и междисциплинарности в современных условиях развития социогуманитаристики. В заключении автор конструирует понятие «статусное публичное право», формулирует его определение, определяет перспективы дальнейшей теоретико-правовой разработки.

Ключевые слова: право, публичное право, статус гражданина, статусное публичное право, институт права, реализация статусного публичного права, формы реализации статусного публичного права, публично-правовая активность, правопорядок, онтология, гносеология, персоноцентризм

Krupenya E.,

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of Chair of Theory and History
of State and Law of the Law Institute of the Moscow City Pedagogical University

THE INSTITUTION OF STATUS PUBLIC LAW: ONTOLOGICAL CHARACTERISTICS IN THE CONTEXT OF GNOSEOLOGICAL PRECEPTS

This article presents the author's version of status public law ontology – a complex institution in the public law system in the scope of society legal system. There is a substantiated idea that the ontological characteristics of status public law are putted in a position of dependence on gnoseological precepts and research principles. The article author is identified the status public law features under the influence of research attitude to the effect that law itself is a matrix structure – a polymode phenomenon, a phenomenon of conceptual ideas about person-centrism (human being centrism) and interdisciplinary in the contemporary conditions of socio-humanistic development. In the conclusion, the article author is developed the conception “status public law”, formulated its attribution and defined the prospects of the future theoretical-legal development.

Keywords: law, public law, citizen status, status public law, law institution, status public law enforcement, enforcement forms of status public law, public-legal activism, legal order, ontology, gnoseology, person-centrism

Гипотеза работы заключается в том, что в процессе теоретико-правового исследования статусного публичного права как комплексного института в правовой системе его сущностные характеристики полно и всесторонне раскрываются в контексте той аналитической установки, которая исходит из полимодальности самого права. Л.С. Мамут верно подметил, что право «как неперемнная часть определенной социальной реальности полимодально, полиморфно, т.е. складывается из ряда взаимозависимых величин, среди которой нет доминантной. Он (этот ряд независимых величин) образуется совокупностью состояний, из которых и возникает (а возникнув,

бытийствует) часть определенной социальной реальности, именуемой правом» [11:С.8].

Предложенная Л.С. Мамутом интерпретация сущности права коррелирует рассуждениям С.И. Максимова. В процессе поиска ответа на вечный и неразрешимый вопрос из области философии права – «что есть право?» – исследователь приходит к следующему заключению. Ответ на вопрос о том, что есть право, по его мнению, сопряжен с ответами на другие, смежные с первым вопросы. А именно: как право существует, каков способ его бытия и к какому типу реальности оно относится? [12:С. 23-24].

Методологические подходы, избранные для настоящего исследования, основываются на 2 –х концептуальных идеях:

1). Статусное публичное право как комплексный правовой институт в правовой системе раскрывается с позиции человеческого измерения. При этом человек и как обладатель специального публичного статуса, и как рядовой член гражданского общества – центр правовой системы общества. Кроме этого человек (гражданин) презентуется как правовое существо, т.е. феномен, которому черты права присущи имманентно, для которого «правовое бытие является всеобъемлющим и самодостаточным». Как верно заметил В.П. Малахов, «единственно возможным условием для объяснения факта понимания права может быть только признание человека правовым существом, включенным в правовую жизнь, пребывающим, бытующим в ней, органичным ей» [13:С.39]. Принципиально также иметь в виду, что индивидуальный обладатель публичного статуса детерминирован социокультурными особенностями, которые в свою очередь фиксируются и в специфике правовой культуры.

2). Реализованные в ходе анализа прямые корреляции между правом публичных статусов и их обладателем – человеком (гражданином) детерминируют синтетический метод описания и объяснения статусного публичного права – органической части материи позитивного права и социально-правового феномена – благодаря использованию операционного ресурса не только позитивизма, но и непозитивистского типа правопонимания и понимания государства. К числу эвристически перспективных объяснительных моделей сущности права в исследовании статусного публичного права, относится либертарная школа права (В.С. Нерсисянца, Н.В. Варламова, В.В. Лапаева, В.А. Четвернина и др.). Данная интерпретация государственно-правовой реальности дополнена также восприятием сущности права как системного явления (Г.В. Мальцев, В.П.Малахов, С.И.Максимов). Выдвижение на передовые позиции в исследовании человека (гражданина) дополняет инструментарий человекоцентристской методологии (В.М.Шафиров) социальной антропологии права (И.Л.Честнов).

Персоноцентризм (человекоцентризм), избранный ведущим принципом анализа статусного публичного права, позволяет выявить сущностные и содержательные характеристики объекта исследования в пограничных с общей теорией государства и права сферах научной рациональности (социология, политология, культурология, общая и социальная психология и др.). Именно персоноцентризм открывает перспективы получения в познавательной экспансии статусного публичного права многомерного знания о нем. Как принцип рационального описания

и объяснения данный принцип организует и обеспечивает единство (системность) средств познания статусного публичного права в контексте гуманитарного измерения.

* * * * *

Понятие «статусное публичное право» конструируется на основе осмысления наличествующего в теоретической юриспруденции знания относительно ряда общетеоретических понятий.

Основным в этом ряду выступает понятие «юридический статус» гражданина (человека), значимость которого обусловлена функциональной характеристикой Человека в публичном пространстве-обществе. Экспертам в области общей теории государства и права хорошо известно, что благодаря юридическому закреплению публичных статусов человека в обществе решаются задачи социального регулирования, управления и контроля и др., нацеленные на сохранение и воспроизведение социума как системы.

Принципиально отметить, что объективные основания теоретико-правового освоения данного социально-правового явления сформировались и располагаются в той области общественных отношений, в которой консервируются наиболее позитивные, целесообразные, значимые для общества и государства функции (роли) человека (гражданина) – его социальные статусы, а также происходит их ранжирование в зависимости от общественного престижа.

Другим теоретическим основанием статусного публичного права, передающим ему определенный и точный смысл, а также задающим вектор в понимании формы и развития, выступает широко известное академической науке и профессионалам в области теоретико-правового анализа понятие «публичное право». Авторитетный исследователь досоветского периода развития юриспруденции Н.М. Коркунов в известном своем труде «Лекции по общей теории права» утверждал, что объективируемое на основе размежевания с «частным правом» «публичное право» признается «почти всеми» [4:С. 208]. Суждение российского ученого сохраняет свою значимость и сегодня, о чем можно судить на основе анализа работ отечественных и зарубежных авторов (С. С Алексеев, М. Н. Марченко, Р.Давид, К. Жоффре-Спинози, Ю. А. Тихомиров и др.).

В качестве логико-смысловой конструкции «статусное публичное право» используется для обобщенного обозначения совокупности статусов гражданина в сфере публичного права. По своей юридической природе оно позиционируется в качестве межотраслевого института.

Теоретико-правовое обоснование статусного публичного права как межотраслевого института осу-

ществляется в логике научно-исследовательского подхода в разработке институтов права, который отличается от доминирующего. Известно, что в теоретико-правовой литературе сохраняет лидирующее положение исследовательская позиция, согласно которой юридическая природа правового института может быть понята только в его связи с отраслью права [24:С. 15].

Тем не менее, в научном дискурсе сформировалось суждение исследователей, которые резонно полагают, что наравне с отраслевыми институтами существует и межотраслевые институциональные образования. Их наличие объясняется тем, что в рамках системы права нормы могут блокироваться, во-первых, под влиянием, потребностей общественного развития, т.е. объекта правового регулирования. А, во-вторых, под влиянием творца позитивного права – государства в лице правотворческих органов. Указанные критерии обуславливают вывод о том, что институты права могут быть различные и не только отраслевые, но и межотраслевые или комплексные.

Но только этими показателями комплексный отраслевой институт себя не исчерпывает. В этом легко убедиться, обратившись к научным достижениям правовой догматики как специфически юридического метода познания положительного права [15: С.7], который обеспечивает соблюдение в процессе научной разработки принципиальных требований, среди которых соответствующее своему значению место занимают научность, конкретность, эмпиризм и др.[13:С10-11].

В процессе познания публично-правовых статусов человека юридическая догматика позволяет использовать формализованное в логико-смысловых конструкциях наличное знание о праве как целом, системе норм, между которыми существует разное уровневые связи, позволяющие нормам блокироваться в рамках институтов, отраслей и правовых сфер. Иными словами именно юридическая догматика конституирует юридический тип понимания и объяснения онтологии статусного публичного права.

Методологический арсенал юридической догматики применительно к публичным статусам гражданина позволяет говорить, прежде всего, о формально-юридическом (субъективном факторе) обособления в пределах матери позитивного права норм, регламентирующих публичные статусы индивидуального субъекта.

Юридические основания обособления статусного публичного права как института обусловлены развитием позитивного права, дифференциацией отдельных сфер, образованием новых в процессе его изменения. Детализируется юридические основания обособления института статусного публичного права несколькими факторами. Во-первых, объектом правового регулирования – им выступают связи и отношения по поводу власти, в том числе государствен-

ной, в масштабе политической системы гражданского общества.

Во-вторых, императивным методом правового регулирования, который наиболее адекватно соответствует объекту правового регулирования.

В-третьих, количественной достаточностью правовых норм. На нормативном уровне институт публичных статусов включает в себя совокупность юридических норм различной отраслевой принадлежности, как материального (конституционное право, административное право и др.), так и процессуального права, объединяющего нормы таких процессов как конституционный, уголовный, гражданский, административный и др.

Единство категориального аппарата и специальной юридической терминологии, которую использует законодатель в процессе формального закрепления функции индивидуального субъекта публичного права: «гражданин», «права и свободы», «обязанности и ответственность», «права и свободы человека (гражданина)» и др.. Используемые в процессе правотворчества при конструировании публичного статуса правовые понятия в статике выражают совокупность общегражданской и специальной (компетентностной, служебной) правосубъектности граждан. Это, в-четвертых.

Субстанционально статус субъекта публичного права в зависимости от избранного подхода видения можно представить разнообразно, однако центральным и базовым среди них будет тот, что произведен и раскрывает идею прав и свобод человека и гражданина. Права человека в контексте настоящей темы представляют собой нравственное политико-правовое явление, которое, с одной стороны выражает притязания личности на достойное существование, а в публичной сфере – притязание на признание, уважение и участие в решении общих дел. С другой стороны, права человека – это самообязывание лица уважать права и свободы. Другого (всех членов общества) и поддерживать установленный правопорядок. Таким образом, права человека в соотношении с публичным статусом представляют собой правообязанности (правообязанности). Абсолютно все права и свободы человека и гражданина значимы для понимания содержания публичного статуса, тем не менее, ведущую роль среди них, все-таки, играет группа гражданских (личных) и политических прав.

В – пятых, юридическим основанием обособления статусного публичного права можно считать специфику правовых режимов. В контексте настоящей темы уместно говорить о видах своеобразии режимов правового регулирования в зависимости от субъектного состава публичных статусов и выделить режим граждан с общей правосубъектностью и тех, кто обладает компетенционной правосубъектностью. Субъ-

ектом статусного публичного права является каждый человек (и прежде всего гражданин), обладающий гражданскими (личными) и политическими правами и выполняющий корреспондирующие им обязанности. Другим субъектом выступает носитель публичной власти, наделенный двойственным статусом: с одной стороны, он выполняет властные функции и благодаря этому ограничен в своих правомочиях, но с другой – имеет права и обязанности, несет ответственность в качестве гражданина государства. При этом ведущими показателями статуса субъекта-носителя власти нужно считать те элементы, которые выражают его положение, прежде всего, в качестве гражданина страны, поскольку именно индивид как человек, личность и гражданин с его взглядами, позициями и отношениями является создателем всего правового.

В-шестых, принципы публичного права, которые выступают активным идейным центром, «притягивающим» нормы публичных статусов. Исходя из презумпции, что законодатель в процессе нормирования общественных отношений и оформления публичных статусов человека (гражданина) выступает как ответственный субъект власти, важно признать и то, что творец права уже на уровне нормирования общественных отношений активно продвигает в социально-правовую практику значимые для общества ценности и идеалы.

В этой связи принципиально, а не второстепенно обратить пристальное внимание и на идейно-ценностную основу статусного публичного права. Она представлена фундаментальными началами, выраженными в правовых принципах, проясняющих метафизические основания существования, эффективного применения на практике, т.е. функциональной достаточности публичных статусов человека. Это, в частности, такие принципы как разумно организованное демократическое, правовое и социальное государство – высоко значимый социальный феномен, – способное действенно ограждать права человека от злоупотребления властей предержажих; государственная дисциплина и контроль над государством в условиях, когда органы управления руководят социальными, политическими и экономическими процессами в обществе периода глобализации и системных реформ (устанавливают различные ограничения, регламентируют профессиональную деятельность, выдают разрешения и лицензии, жалуют льготы и привилегии и др.); независимое правосудие, распространяющееся, в том числе, и на органы административной юрисдикции; самоуправление, демократия и др. Усиленные мощным этическим элементом правовые принципы выступают нормопроизводящими и нормосохраняющими структурами статусного публичного права.

В дополнение к названным показателям институциональной природы статусного публичного права

следует указать и позитивный тип правового регулирования.

Излишне, думается, упоминать о том, что соблюдение норм (в нашем случае норм, закрепляющих публичные статусы человека (гражданина) имеет и более глубокие основания, находящиеся внеправовой материи. Речь идет о социологическом основании, суть которого – объективные условия общественной жизни. Они находятся за пределами самой системы позитивного права и, как следствие, за пределами публичных статусов человека (гражданина) в материи позитивного права. Конкретизируется социальный фактор, объясняющий наличие публичных статусов человека в системе права, в таких общественных явлениях и процессах как общественная дифференциация, разделение труда в процессе социального управления. Детерминантами продвижения позитивного права по пути усложнения выступают социальные отношения между обладателями различных социальных функций и все более специализированных социальных ролей (функций) человека (гражданина, которые находят свое отражение в его публичных статусах, «проигрываются» [18] гражданами, а также престижем этих ролей в политической системе общества. В результате чего в обществе объективно формируется такой порядок общественных связей и отношений, который нацелен на консервацию социальных статусов человека и обмен этими статусами в интересах общественной корпорации.

Принимая во внимание изложенное выше, все же заметим, что «сводить» понимание сущности статусного публичного права только к нормам (нормам, закрепляющих публичные статусы человека; нормам-принципам) было бы принципиально неверно. Прав И.Л. Честнов, который утверждает, что «право – это не статичная структура, редуцируемая либо к безличному индивиду (методологический индивидуализм школы естественного права), либо воле законодателя (юридический позитивизм), либо к основной норме (юридический нормативизм), а процесс воспроизведения правовой реальности» [19:С.13]

Право поддерживает собственную идентичность в качестве социального явления благодаря деятельности людей [25:С.63-70]. В подтверждение сказанному обратимся к авторитетному мнению Н.М Коркунова. Знаменитый отечественный ученый верно заметил, что не существует помимо действий человека! Напротив, право – есть порядок, установленный самими людьми для себя. Подчиняется ли в своей деятельности человек закону причинности или действует свободно, произвольно, – в данном вопросе это безразлично. «Как бы то ни было по закону причинности и по закону свободы все же создается не помимо, а напротив, не иначе, как через деятельность человека, через его посредство» [4:С.341].

Аналогичным образом рассуждал и Г.В. Мальцев, который последовательно проводил в своих работах и отстаивал мысль о том, что в обществе действуют не право и государство, в обществе действуют люди и никого кроме них! Справедливо это утверждение и в отношении публичных статусов человека(гражданина). Они, как и нормы, вообще, сами по себе не действуют. Действуют лишь граждане, которые либо совершают поступки в соответствии с предписаниями публичного статуса, либо воздерживаются от таковых, оставляя тем самым свой публичный статус в дезактивированном состоянии.

Воспроизведение оформленной при помощи инструментов и средств юридической техники в публичных статусах человека социальной реальности – публичных функций человека (публичных ролей) в системе отношений по поводу власти (в том числе и государственной), конечно, предполагает и уровень их реализации [5:С. 59–63].

Реализация статусного публичного права представляет собой телеологическое осуществление Человеком (гражданином) прав и обязанностей, физическое воплощение в социальную практику предписаний публичных юридических статусов посредством реальных и конкретных действий. Именно благодаря этому происходит объективизация норм статусов и правовых ценностей в публичные правоотношения и реальный правопорядок, который меняет свое качество, обретая свойства правопорядка органического типа. Он в отличие от механистичного правопорядка соответствует ценностям права и связанного с ним исторически, онтологически, сущностно и содержательно прав человека.

Правореализационный уровень публичных статусов человека в отличие от нормативного является динамичной формой существования общегражданских и специальных статусов человека и в качестве значимого элемента формирует правопорядок органического типа в масштабе правовой системы общества.

Выявлению характеристик статусного публичного права способствует выделение разнообразных форм его реализации. Так, в зависимости от способа внешнего выражения акта поведения субъекта статусного публичного права, можно выделить две формы реализации публичных статусов: активная и пассивная. Проиллюстрируем сказанное примером из практики. На выборах в МГД 14 сентября 2014 года только 20,52% избирателей воспользовались своим правом избирать своих представителей в органы власти в активной форме – пришли на избирательные участки и отдали свой голос. 80% реализовали свое избирательное право пассивно [16].

В зависимости от сфер публичной жизни целесообразно выделять формы реализации, осуществля-

емой в рамках государственных (законодательной, исполнительной и судебной и др.) институтов (с учетом институционального и функционального разделения властей) и в рамках институтов гражданского общества.

Сколь бы не были разнообразны виды и формы реализации публичных статусов гражданином, очевидно одно: в масштабе национальной правовой системы реализация индивидуальными субъектами публичных юридических статусов [2:С.64] выступает средством коммуникации между нормативным и социальными уровнями существования данного правового института.

Принимая во внимание, изложенное выше, трудно игнорировать то, что выявление онтологических характеристик статусного публичного права едва ли возможно вне Человека (гражданина), выступающего в роли творца всех правовых явлений и процессов. Поэтому оговоримся и обратим внимание на то, что в связи с выдвижением Человека в качестве центральной проблемы исследований в современной юридической науке заметно возросла роль концептуального мышления и широких социальных обобщений [1:С. 82–120; 20:С.66; 19], обусловленных неклассической методологией. Антропологический «поворот» [21: С. 131–132; 22:С. 28–38] изменил представления о научном знании, способах его представления, средствах разработки и т.п. В современных условиях изучение государства и иных субъектов публичного права нуждается в более широком исследовательском подходе, привлечении культурологических [14:С.12; 17:С.103–104, 107], социально-психологических, аксиологических и т.п. методов, т.е. в комплексном освещении.

В связи с тем, что на передовые позиции в исследовании выдвигается Человек – социокультурная переменная величина – полно и всесторонне описать сущностные характеристики статусного публичного права можно лишь на основании адекватной ей методологии [3: С. 59–68], т.е. всего того из арсенала средств научного исследования, «что может способствовать пониманию объекта во всех его смыслах» [13:С. 6].

Выше уже было обращено внимание на то, что в исследовательской программе статусного публичного права соответствующее своему значению место занимает юридическая догматика – инструмент юридического позитивизма. Переоценить эвристический ресурс этого сегмента в исследовательской программе статусного публичного права едва ли возможно. Тем не менее, в современной юриспруденции все в большей степени проявляется неспособность позитивистского мировоззрения адекватно и всесторонне объяснить многообразие государственно-правовых явлений, процессов и состояний, обусловленных фактической реализацией гражданами публичных статусов.

Внимание к Человеку(гражданину), который приводит в действие свой публичный статус и поддерживает правопорядок органического типа в масштабе правовой системы общества, не позволяет ограничиваться средствами юридической догматики. В этой ситуации актуализируются непозитивистские исследовательские программы и, в частности, персонцентризм (человекоцентризм).

Человекоцентристская методология теоретико-правового описания статусного публичного права объективировалась в рамках непозитивистского типа правопонимания и либертарной теории права в связи с тем, что ее отправной идеей является измерение публичных отношений с позиции Человека (гражданина). Персонцентристская методология уточняет, детализирует эвристический ресурс антропоцентризма [20:С. 49-62.], находящегося в основе широкой междисциплинарности, характерной для современных научных разработок в области социогуманитаристики. При этом ведущим принципом анализа статусного публичного права избран персонцентризм (человекоцентризм), который позволяет выявить сущностные и содержательные характеристики статусного публичного права в пограничных сферах научной рациональности (социология, политология, культурология, общая и социальная психология и др.). Именно персонцентризм открывает перспективы получения в познавательной экспансии статусного публичного права многомерного знания о нем через Человека(гражданина), несущего в глубинах своей субъективной реальности образы права, государства и своего собственного места в публично-правовом порядке. Однако «остается еще множество вопросов, связанных с образом права, которые было бы желательно в дальнейшем прояснить. Есть ожидание ответов на вопрос о том, каковы точные психологические средства и методы, совокупно формирующие образ права у его носителей, персонификаторов правового. Здесь, естественно, слово за психологией вообще, особенно – за социальной психологией» [11:С.24.].

Как принцип рационального описания и объяснения персонцентризм организует и обеспечивает единство (системность) средств познания статусного публичного права в контексте гуманитарного измерения.

Расположенный в основе методологии исследования статусного публичного права принцип персонцентризм (человекоцентризм), конкретизируемый в личности гражданина и обосновывающий известный атомизм в анализе, тем не менее, едва ли стоит абсолютизировать. В процессе государственной (правотворческой и правоприменительной) и общественной деятельности на человека как субъекта статусного публичного права, активно созидającego

и поддерживающего политико-правовую жизнь социума, ограничивающее, сдерживающее воздействие оказывают ряд объективных факторов.

Во-первых, институты общественной власти и государственные институты, поскольку субъектом статусного публичного права являются и юридические лица, действующие в публичной сфере (правительство, суды, парламент, партия, правозащитная организация и т.п.). Во-вторых, сформированный культурой общества нормативно-ценностный комплекс.

Именно человекоцентристская методология с ее отправной идеей гуманитарного измерения публичных общественных отношений выступает организующим идейным центром комплексной исследовательской программы статусного публичного права. Это означает, что акцент в характеристиках статусного публичного права и его субъектов должен быть поставлен не только на субъективных правах, свободах, обязанностях и ответственности, но и на психолого-правовых, духовно-нравственных и ценностных аспектах – правосознании[6: С. 30–39; 7: С. 70–77], правовой культуре [8:С.124–130; 9:185–195], ментальности, публично-правовой активности [10:С.149-155] гражданина.

Предложенное решение вопроса о субъекте статусного публичного права и его определяющей роли в функционировании институтов политической системы общества и государства мировоззренчески смещает акцент в оценке лидирующей роли институционального начала, довлеющего над индивидуальным субъектом права. Благодаря этому институциональная тотальность в области публичного права подвергается определенной коррекции[23:С. 58-66].

Одновременно такой подход в исследовании индивидуальных статусов в правовой общности публичного права обозначил широкие возможности и перспективы для использования и практического применения «человеческого измерения» в политико-правовых стратегиях и тактиках, при решении актуальных задач общественного развития, государственного строительства, функционирования публично-правовой сферы социальной жизни современной России.

Успешное решение задачи по формированию правовой культуры и публично-правовой активности гражданина субъекта статусного права в России может, как представляется, способствовать изменению в публично-правовом пространстве общества соотношения статусов человека и государственной власти. Последняя вынуждена будет трансформировать свою традиционную стратегию отношений с гражданами. Самым современным и значимым в исторической перспективе требованием к власти становится ее способность к рациональному самоограничению и формированию нового кодекса служения не самой себе или абстрактной «державе», а живым людям, ее

населяющим, в соответствии со ст.ст. 2 и 3 Конституции РФ.

В завершении, подводя итог предпринятого анализа, отметим следующее.

В гносеологическом плане научная перспективность теоретико-правового осмысления статусного публичного права определяется рядом показателей. Среди них, во-первых, то, что в систему понятий и категорий теоретической юриспруденции введено понятие «статусное публичное право» и предложено его определение.

Статусное публичное право как комплексный институт публичного права в правовой системе представляет собой нормативно-ценностную систему, обособление которой в структуре позитивного права осуществляется не только по критерию объекта правового регулирования и др. известных критериев, но и индивидуального субъекта публичного статуса, а внутрисистемные связи обусловлены тем, что общегражданский и компетенционные (служебные) статусы гражданина находятся в тесной взаимосвязи, оказывая непосредственное влияние друг на друга.

Во-вторых, исследование публичных статусов Человека реализовано в рамках исследовательской программы, которая не ограничивается классическим позитивизмом, а расширяется благодаря сложной, синтетической методологии как одного из вариантов интегративного объяснения статусного публичного права в традиции неклассической научной парадигмы. Результаты исследования публичных статусов человека посредством синтетического метода позволяют более глубоко уяснить содержание и структуру публичного права в целом, уточнить ряд характери-

стик правовых статусов, ввести культурологические, социологические и психологические показатели в объяснение юридических явлений и процессов.

Выявлены онтологические характеристики статусного публичного права как полимодального социально – правового явления (единство правовых норм, отношений, ценностей), характеризующееся совокупностью разных состояний (статика, динамика) из которых возникает, а появившись и существуют, выполняя значимые для общества и государства функции. Это, в – третьих.

В-четвертых, в связи с изложенным выше активизируется роль статусного публичного права в формировании и поддержании правопорядка организационного типа, т.е. правопорядка, отвечающего гуманитарным ценностям и обеспечивающего права и свободы человека (гражданина).

В-пятых, полученные в ходе исследования результаты могут служить средством систематизации и гармонизации теоретического знания, выраженного в ее понятийном аппарате, особенно в части уточнения существующих представлений о социально-психологическом механизме действия публичного права, публично-правовых отношениях, публично-правовой активности субъекта как основного актора его действительности в ракурсе трактовки обществоведческой категории «гражданственность».

Представляется, что теория статусного публичного права имеет достаточные перспективы и в плане выявления социокультурных особенностей правосознания и правовой культуры граждан как субъектов статусного публичного права в Российской Федерации.

Список литературы

1. Варламова Н.В. Типология правопонимания и современные тенденции развития права. М.: Государственный университет – Высшая школа экономики, ИГП РАН, 2010. 136 с.
2. Дорская А.А., Честнов И.Л. Эволюция системы права России: теоретический и историко-правовой подходы. СПб., 2010. 306 с.
3. Зинченко В.П. О методологической культуре психологов (от монизма к плюрализму) // Культурно-историческая психология. 2012. №1. С. 59–68.
4. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права / Н. М. Коркунов. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2003. 430 с.
5. Крупеня Е.М. Теоретические аспекты реализации статусного публичного права // Евразийский юридический журнал. 2010. №3. С. 59–63.
6. Крупеня Е.М. Правосознание субъекта статусного публичного права: теоретические аспекты // Вестник РГГУ. Серия «Юридические науки». 2010. №14. С. 30–39.
7. Крупеня Е.М. Правосознание в правовой реальности современного социума [Текст] / Е.М. Крупеня // Вестник Академии права и управления. 2016. №42. С. 70–77.
8. Крупеня Е.М. Правовая культура субъекта статусного публичного права как условие модернизации России // Модернизация правовой системы России: проблемы теории и практики. Муромцевские чтения. Материалы XI Международной научной конференции. Москва, 14 апреля 2011 г. / под ред. Н. И. Архиповой, С. В. Тимофеева. М.: РГГУ, 2011. С. 124–130.
9. Крупеня Е.М. Правовая культура – новация субъекта статусного публичного права как условие модернизации государства // Модернизация правовой системы России. Сборник научных статей / под общей ред. д.ю.н., проф., члена-корреспондента РАН Г. В. Мальцева. М.: Изд-во РАГС, 2011. С. 185–195.

10. *Крупеня Е.М., Смолина И.Г.* Публично-правовая активность гражданина в структуре правовой культуры избирательного процесса // *Право и культура. Материалы международной научной конференции / Под ред. д.ю.н, профессора, Почетного работника высшего профессионального образования Т.А.Сошниковой.* М.: Издательство Московского гуманитарного университета. 2012. С. 149–155.
11. *Мамут Л.С.* Полемодалность права // *Правовая коммуникация и правовые системы / Труды института Государства и права Российской академии наук.* 2013. №4. С.5–25.
12. *Максимов С.И.* Концепция правовой реальности // *Постклассическое онтология права: коллективная монография / под общ.ред. И.Л.Честнова.* СПб.: АЛТЕИЯ, 2016. 684 с.
13. *Малахов В.П.* Общая теория государства и права. К проблеме правопонимания: учебное пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. 143 с.
14. *Медушевская Н. Ф.* Интеллектуально-духовные основания российского права // *Автореф. дис.... д-ра юр. наук.* М., 2010. 56 с.
15. *Михайлов А.М.* Формирование и эволюция идей юридической догматики в Романо-германской традиции (XII-XIX в.в.). Автореф. ...к.ю.н. М., 2012. 28 с.
16. *Новости выборов 14 сентября 2014 [сайт] // Режим доступа: <http://100bestnews100.ru/archives/298/> (дата обращения: 17.02.2017).*
17. *Павлова С.В.* Культурологические основы юридической науки // *Наука теории и истории государства и права в поисках новых методологических решений: коллективная монография / Ответ ред А.А. Дорская.* СПб.: Астерион, 2012. 483 с.
18. *Статный В.М.* Целевой, ценностно-смысловой и предметный генезис правоохранительной деятельности [сайт] // *Режим доступа: URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw>.* Психология и право. 2011. №3 (дата обращения: 17.02.3017).
19. *Честнов И.Л.* Постклассическая теория права. СПб.: Издательский дом АЛЕФ-ПРЕСС, 2012. 650 с.
20. *Честнов И.Л.* Переосмысление предмета теории права с позиций постклассической эпистемологии // *Наука теории и истории государства и права в поисках новых методологических решений: коллективная монография / Ответ ред. А.А. Дорская.* СПб.: Астерион, 2012. 483 с.
21. *Честнов И. Л.* Постклассическая картина мира и постклассическое правопонимание // *Разуваев Н. В., Чесноков А. Э., Честнов И. Л.* Источник права: классическая и постклассическая парадигмы / под общ.ред. И.Л. Честнова. СПб.: ИВЭСЭП, 2011. 169 с.
22. *Честнов И.Л.* Антропологическое измерение конституционализма // *Актуальные проблемы конституционного права. Учебник для вузов / под ред. В.П.Журавлева, А.Э Чернокова.* Часть первая. СПб.: ИВЭСЭП, 2012. 519 с.
23. *Честнов И.Л.* Субъект права в постмодернизме // *Постклассическая теория права.* СПб.: Издательский дом АЛЕФ-ПРЕСС, 2012. 650 с.
24. *Шаповалов А.А.* Отрасль современного российского права (вопросы теории). Автореф. ... к.ю.н. Белгород, 2011. 21 с.
25. *Шагиева Р.В.* Правовая деятельность: эволюция теоретических представлений и ее современное осмысление // *Государство и право.* 2014. №4. С.63–70.

Reference list

1. *Varlamova N.* The typology of legal understanding and modern trends in the development of the law. M.: State University – Higher School of Economics, ISL RAS, 2010. 136 p.
2. *Dorskaya A., Chestnov I.* The evolution of the law system of Russia: Theoretical and historical-legal approaches. SBR., 2010. 306 p.
3. *Zinchenko V.* On the methodological culture of psychologists (from monism to pluralism) // *Cultural-historical psychology.* 2012. №1. С. 59–68.
4. *Korkunov N.* Lectures on the general theory of law // *N. Korkunov. SBR.: R. Aslanov's Publishing hose "Yuridicheskiy Tsentr Press", 2003. 430 p.*
5. *Krupenya E.* Theoretical aspects of status public law enforcement // *Eurasian Law Journal.* 2010. №3. P. 59–63.
6. *Krupenya E.* The consciousness of the status public law subject: Theoretical aspects // *RSSU Bulletin. Series "Legal science".* 2010. №.14.P. 30–39.
7. *Krupenya E.* Legal consciousness in the legal reality of contemporary society [Text] // *Bulletin of Academy of Law and Management.* 2016. №42. P. 70–77.
8. *Krupenya E.* The legal culture of the status public law subject as a condition of modernization of Russia // *Modernization of the legal system of Russia: Issues of theory and practice. Muromtsevskie Chteniya. Proceedings of the XI International Scientific Conference. Moscow, 14th of April, 2011 // Under the editorship of N. Arkhipova, S. Timofeev.* M.: RSSU, 2011. P. 124–130.
9. *Krupenya E.* Legal culture – innovation of the status public law subject as a condition of modernization of the state Modernization of the Russian legal system. Collection of scientific articles // *Under the editorship of Doctor of Law, Professor, RAS Corresponding-member G. Mal'tsev.* M.: Publishing office of RAGS, 2011. P. 185–195.

10. *Krupenya E., Smolina I.* Publicly-legal activity of a citizen in the structure of legal culture of an electoral process // Law and culture. Proceedings of the International Scientific Conference / Under the editorship of Doctor of Law, Professor, Honorary worker of higher professional education T. Soshnikova. M.: Publishing office of the Moscow Humanitarian University. 2012. P. 149-155.
11. *Mamut L.* The polymodality of law // Legal communication and legal system / Proceedings of the Institute of State and Law, the Russian Academy of Sciences. 2013. № 4. P. 5–25.
12. *Maksimov S.* The concept of legal reality // Post-classical law ontology: Collective monograph / Under the editorship of I. Chestnov. SBR.: ALETHEIYA, 2016. 684 p.
13. *Malakhov V.* The general theory of state and law. Revisiting the issue of the law understanding: Textbook. M.: YUNITI-DANA, 2013. 143 p.
14. *Medushevskaya N.* The intellectual-spiritual foundations of Russian law // Synopsis of a thesis of Doctor of Law. M., 2010. 56 p.
15. *Mikhaylov A.* The formation and evolution of the ideas of legal dogmatics in the Roman-Germanic tradition (XII-XIX century). Synopsis of a thesis of PhD in Law. M., 2012. 28 p.
16. Poll news 14th of September, 2014 [Website] // Access mode: <http://100bestnews100.ru/archives/298/> (date of access: 17.02.2017).
17. *Pavlova S.* The culturological foundations of legal science // Science of theory and history of state and law in the search for new methodological solutions: Collective monograph / Executive editor A. Dorskaya. SBR.: Asterion, 2012. 483 p.
18. *Statniy V.* The targeted, value-semantic and genesis of the subject of law enforcement activities [Website] // Access mode: URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw>. Psychology and Law. 2011. №3 (date of access: 17.02.2017).
19. *Chestnov I.* Postclassical theory of law. SBR.: Publishing house ALEF PRESS, 2012. 650 p.
20. *Chestnov I.* Rethinking the subject of theory of law from the position of postclassical epistemology // Science of theory and history of state and law in the search for new methodological solutions: Collective monograph / Executive editor Dorskaya A. SBR.: Asterion, 2012. 483 p.
21. *Chestnov I.* The post-classical picture of the world and post-classical law understanding // Razuvaev N., Chesnokov A., Chestnov I. Source of law: Classical and postclassical paradigm / Under the editorship of I. Chestnov. SBR.: IIEREL, 2011. 169 p.
22. *Chestnov I.* The anthropological dimension of constitutionalism // Actual issues of constitutional law. Textbook for higher education institutions / Under the editorship of V. Zhuravlev, A. Chernokov. Part one. SBR.: IIEREL, 2012. 519 p.
23. *Chestnov I.* The subject of law in the post-modern // Post-classical theory of law. SBR.: Publishing house ALEF PRESS, 2012. 650 p.
24. *Shapovalov A.* The branch of modern Russian law (Issues of theory). Synopsis of a thesis of PhD in Law. Belgorod, 2011. 21 p.
25. *Shagieva R.* Legal activities: Evolution of theoretical ideas and its modern interpretation // State and Law. 2014. № 4. P. 63–70.

УДК 342

Жарова А.К.,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры инноваций и бизнеса в сфере информационных технологий Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Елин В.М.,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры информационной безопасности Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

ИСТОЧНИКИ ПОНЯТИЙ «ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ» И ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ ЛИЦА В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ¹

Несмотря на то, что институт защиты конфиденциальной информации в РФ существует с середины 20 го века, с того времени, когда в Конституции СССР, появилась норма о праве граждан на конфиденциальную информацию, вопрос о соотношении персональных данных и частной жизни лица остается все еще актуальным и до настоящего времени.

В статье исследуется вопрос о том, какая именно информация, относимая к персональным данным может составлять частную жизнь лица и какие правовые процедуры должны быть применены для обеспечения защиты данных правовых институтов, с учетом того, что частная жизнь лица защищается нормами уголовного права, а частная жизнь лица нормами гражданского права. Какими нормами должен руководствоваться правоприменитель при таком пересечении двух институтов. Рассматривается проблема комплексного подхода к защите персональных данных, как с точки зрения частного права, так и с точки зрения публичного права. Сравниваются подходы российского и американского законодательства в области защиты персональных данных и частной жизни лица. В качестве выводов предложено: увеличить существующие административные штрафы, т.к. на данный момент величина штрафов не создает стимулов для компаний принимать все возможные меры для защиты персональных данных, поскольку риски перевешиваются потенциальной прибылью; использование международных стандартов ИСО для операторов персональных данных и других частных компаний.

Были сделаны следующие рекомендации:

- 1) Уточнить законодательное определение «персональных данных» для включения анонимных записей, которые в будущем могут использоваться в сочетании с другой информацией для идентификации отдельных субъектов данных.*
- 2) Разработать четкие рекомендации для использования понятия «персональные данные» в практике, и помощи компаниям, выполнять свои юридические обязанности.*
- 3) Повысить уровень административной ответственности за нарушения в области персональных данных.*
- 4) Совершенствовать модели гражданской ответственности за нарушения в области персональных данных.*
- 5) Дополнить законодательство о персональных данных, обязанностью оператора персональных данных информировать соответствующие органы об утечке личных данных.*

Ключевые слова: информационная безопасность, защита персональных данных, тайна частной жизни, правовое регулирование

Zharova A.,

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of Chair of Innovations and Business In Field of Information Technologies of the Higher School of Economics National Research University

Elin V.,

PhD in Pedagogy, Associate Professor of Chair of Information Security of the Higher School of Economics National Research University

THE SOURCES OF CONCEPTS “PERSONAL DATA” AND PRIVATE LIFE OF A PERSON IN RUSSIAN LAW

Despite the fact that the Institution of the Protection of Confidential Information in the Russian Federation has existed since the middle of the 20th century, since the time when in the Constitution of the USSR was established a rule on the right of citi-

zens to confidential information, the issue of the correlation of personal data with the private life of a person is still relevant and until now.

The article analyses the issue of what kind of information attributed to personal data can constitute the private life of a person and what are legal procedures should be applied to ensure the protection of these legal institutions, given that the private life of a person is protected by criminal law, and the private life of persons is protected by the rules of civil law. What norms the law enforcer should be guided, at such a crossing of the two legal institutions. The problem of an integrated approach to the protection of personal data is considered, both from the point of view of private law and from the point of view of public law. The approaches of Russian and American legislation are compared, in the field of personal data protection and private life of a person.

As conclusions, it was proposed to: to increase existing administrative fines. At the moment, the amount of fines does not create incentives for companies to take all possible measures to protect personal data, because the risks are outweighed by the potential profit; to use of ISO standards for personal data operators and other private companies.

The following recommendations were made:

- 1) Clarify the legislative definition "personal data" for the inclusion of anonymous records, in the future which can be used in combination with other information to identify individual data subjects.
- 2) Develop clear recommendations for the use of the concept of "personal data" in practice, and help companies perform their legal duties.
- 3) Increase the level of administrative responsibility for violations in the field of personal data.
- 4) Improve models of civil responsibility for violations in the field of personal data.
- 5) To supplement the legislation on personal data, the duty of the personal data operator to inform the relevant authorities about the leakage of personal data.

Keywords: information security, personal data protection, privacy, legal regulation

Впервые в 1997 г. термин «персональные данные» был определен в Указе Президента Российской Федерации № 188 «Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера» [1]. Под персональными данными понималась категория конфиденциальной информации ограниченного доступа, являющаяся «сведениями о фактах, событиях и обстоятельствах частной жизни гражданина, позволяющие идентифицировать его личность». Содержание понятия «персональные данные» на уровне федерального закона было закреплено в 2006 г. в Федеральном Законе от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее Закон № 152). ФЗ № 152 определяет персональные данные как «любую информацию, относящуюся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)». В соответствии с данным определением любые данные, в том числе деперсонализированные, можно отнести к персональным данным. Российский и европейский подходы к защите персональных данных в большинстве отношений сходны. Т.к. в 2005 г. в России принят Федеральный Закон «О ратификации Конвенции Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных» [2].

Однако российская правовая традиция обеспечения безопасности privacy имеет более глубокие

корни. Уже в Конституции 1937 года [3] закреплено право неприкосновенности жилища граждан и тайны переписки. Статья 40 Конституции 1978 года определила права граждан на неприкосновенность его частной жизни, на тайну переписки, телефонных переговоров, телеграфных и иных сообщений [4]. Значимость данной категории правоотношений подтверждается включением в Уголовный кодекс 1961 года статьи 135, предусматривающей ответственность за нарушение тайны переписки, телефонных переговоров и телеграфных сообщений граждан [5]. Данные положения российского права можно соотнести с американскими confidentiality or privacy, о которых писали в работе Samuel D. Warren and Louis D. [6].

В новой российской Конституции 1993 г. [7] сохранены понятия личной и семейной тайны, тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, (ст. 23) Нормы Конституции Российской Федерации корреспондируются с нормами ст. 12 Всеобщей декларации прав человека о том, что никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь. Данные права защищаются нормами уголовного и гражданского законодательства. Однако защита персональных данных обеспечивается только нормами административного права (ст.13.11 КоАП РФ нарушение установленного законом порядка сбора, хранения, использования или распространения информации о гражданах (персональных данных)). Уголовная

¹ Работа подготовлена по гранту РГНФ № 16-03-00679 «Сравнительно-правовое исследование методов обеспечения информационной безопасности в РФ и странах-членах ЕС»

ответственность за данные правонарушения в России не предусмотрено.

О пристальном внимании к данной категории информации ограниченного доступа свидетельствует постоянная корректировка законодательства, в частности, – дополнение Гражданского кодекса Российской Федерации ст. 152.2, прямо запрещающей без согласия гражданина сбор, хранение, распространение и использование любой информации о его частной жизни [8]. Тем самым представлен механизм с помощью которого граждане могут иметь секреты друг от друга и от самого государства в личной и семейной жизни.

При этом в российском общественном сознании под *privacy* в первую очередь понимается *the right to be let alone* или *secrecy, or the option to conceal any information from others*. Граждане признают за государством право контролировать их для случаев обеспечения безопасности государства, общества и граждан.

Соотношение персональных данных и частной жизни лица

Право на личную и семейную тайну принадлежит каждому человеку от рождения. Оно является его естественным правом и причисляется к нематериальным благам, направленным на неприкосновенность внутреннего мира человека и его интересов. Особенность осуществления этого права состоит в том, что определяются не границы его осуществления, а границы вторжения посторонних лиц в личную сферу индивида.

Право на неприкосновенность частной жизни складывается из ряда норм различных отраслей права и включает в себя:

- обеспечение человеку возможности находиться вне службы, вне производственной обстановки, вне общественного окружения в состоянии известной независимости от государства и общества;
- осуществление контроля за информацией о самом себе и возможность препятствовать разглашению информации личного, в особенности – интимного характера.

В содержание этих прав входит охрана тайны личной жизни лица, оглашение сведений о которых это лицо по тем или иным причинам считает нежелательным (например, тайна завещания, усыновления, врачебного диагноза, денежного вклада, дневниковых записей и т.д.) [9]. Право на частную жизнь гарантируется такими конституционными и иными правовыми установлениями, как неприкосновенность жилища, возможность беспрепятственного общения с другими людьми посредством почты, телеграфа, телефона и других средств коммуникации, право распоряжаться семейным бюджетом, личной и частной собственностью, денежными вкладами, тайна которых гарантируется законом.

При этом можно наблюдать соотносимость правовых институтов неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны с международными нормами о правах человека. Так, ст. 12 Всеобщей декларации прав человека определяет, что никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным посягательствам на неприкосновенность его жилища, тайну его корреспонденции или на его честь и репутацию². Каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств. Положениями Международного пакта о гражданских и политических правах человека определено, что никто не может подвергаться произвольному или незаконному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным или незаконным посягательствам на неприкосновенность его жилища или тайну его корреспонденции или незаконным посягательствам на его честь и репутацию³.

Вопрос о соотношении персональных данных и частной жизни лица в настоящее время все еще актуален, несмотря на действующее и развивающееся законодательство в данной области социальных отношений. Этот вопрос возникает в связи с тем, что прямой связи Конституционного принципа о неприкосновенности частной жизни лица с персональными данными этого лица нет. Существуют различные точки зрения.

Сущность понятий личной и семейной тайны не имеет официального толкования, несмотря на то обстоятельство, что понятие «личная тайна» употребляется в 5-и нормативных актах, а «семейная тайна» – еще в 3-х [10], что следует связывать с необходимостью регулировать отношения между людьми в частной сфере в основном нормами нравственности [11].

Таким образом, обоснованным представляется соотнесение российского понятия «тайны частной жизни, личной и семейной тайны» с американскими терминами «*confidentiality or privacy*», раскрывавшимися в работе Samuel D. Warren and Louis D. Brandeis «*The Right to Privacy*» [6]. При этом в российском общественном сознании под *privacy* в первую очередь понималось *the right to be let alone* или *secrecy, or the option to conceal any information from others* (скрытность как вариант сокрытия информации от других). Особенностью общественного сознания выступает признание за государством права контролировать в случаях обеспечения безопасности государства, общества и граждан принципа *states at privacy (vs. states of privacy)*, т.е. «государства в частной жизни» (а не «государство для частной жизни»).

² Всеобщая декларация прав человека. Принята Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 10 декабря 1948 года.

³ Международный пакт о гражданских и политических правах. Открыт для подписания, ратификации и присоединения 19.12.1966 Резолюцией 2200 A (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН. Пакт вступил в силу 23.03.1976.

В ст. 23 Конституции определено право человека на неприкосновенность частной жизни лица, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени. В том числе право каждого человека на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения.

Авторы комментария к Конституции Российской Федерации [12] считают, что частная жизнь лица имеет структуру «института личных прав и свобод, предполагающей совокупность ряда элементов. Первый из них обеспечивает физическую неприкосновенность человека, второй – духовную неприкосновенность, а также его честь и достоинство, третий – это неприкосновенность частной и семейной жизни». К общей характеристикой всех личных прав является присутствие в их содержании такого важнейшего компонента, как «неприкосновенность».

Из буквального толкования статьи 23 Конституции следует, что не только физическая неприкосновенность человека, но и другие компоненты являются основополагающими для обеспечения неприкосновенности частной жизни человека – защита и право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Без соблюдения последних двух категорий говорить о выполнении неприкосновенности человека невозможно.

Однако, возникает закономерный вопрос о том какую информацию мы можем отнести к частной жизни лица. В 1997 г. подписан Указ Президента РФ, в котором определен перечень конфиденциальной информации, к которой отнесены персональные данные⁴. Так п.1. Указа № 188 персональные данные определены как «сведения о фактах, событиях и обстоятельствах частной жизни гражданина, позволяющие идентифицировать его личность (персональные данные), за исключением сведений, подлежащих распространению в средствах массовой информации в установленных федеральными законами случаях».

Исходя из положений данного Указа сведения о фактах, событиях и обстоятельствах частной жизни лица, на основании которых можно определить человека являются частной жизнью лица. Данный Указ первый нормативный акт, который проводит параллель между частной жизнью и персональными данными лица. Однако, раскрытие понятия «персональные данные» произошло в 2006 г. в федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», в котором персональные определены как «любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)».

Таким образом, обобщая вышеприведенные нормативные акты РФ, можно заключить, что каждый человек имеет право на неприкосновенность любой информации, относящейся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных).

Хотя, существует мнение, что Конституция не связывает персональные данные и частную жизнь лица. Так, авторы статьи пишут «несмотря на то что в Конституции РФ понятие персональных данных не используется, авторы некоторых авторитетных комментариев отмечают, что в п. 1. ст. 24 Конституции РФ устанавливаются основные принципы обработки персональных данных. Далее авторы статьи приводят мнение Г.А. Гаджиева, известного ученого и судьи Конституционного Суда РФ: «С точки зрения требований ч. 1 ст. 24 Конституции наиболее уязвимой является такая информация, по которой можно персонифицировать отдельную личность и которая находится вне пределов постоянного контроля данного лица. Законодательство РФ выделяет информацию такого рода в отдельную категорию «персональные данные», которая хотя и пересекается с формулой «информация о частной жизни», но не вполне идентична ей» [13].

Однако, несмотря на различные точки зрения, хотелось бы еще раз провести существующую параллель и сделать вывод в рамках проведенного анализа НПА РФ, что конституционный принцип определяет право каждого человека на неприкосновенность любой информации, относящейся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных). Соответственно конституционный принцип напрямую связан с персональными данными.

Неприкосновенность частной жизни человека и ее защита

В связи с тем, что перечень информации относимой к частной жизни лица является открытым, то закономерен вопрос о правовых процедурах обеспечения неприкосновенности частной жизни лица.

Категория тайн, составляющих сведения о частной жизни лица, является, вероятно, самой древней по происхождению, занимает наиболее приоритетное место в иерархии тайн [14], зачастую оказывая решающее влияние на все иные виды тайн: семейную, корпоративную, коммерческую и даже государственную., при том, что частная жизнь представляет из себя сферу, контролируруемую самим человеком и свободную от внешнего воздействия. Государство и законодательство не вправе вторгаться в нее, они лишь ограждают ее от постороннего вмешательства [9]. Утверждение права на частную жизнь в качестве нормы закона относится к числу основных завоеваний великих буржуазных революций XVII-XVIII веков. Закрепление права на частную жизнь как общеобяза-

⁴ Перечень сведений конфиденциального характера. Утвержден Указом Президента РФ от 6 марта 1997 г. №188.

тельного правила поведения означало принципиальную переориентацию назначения государства.

Неприкосновенность частной жизни граждан – один из элементов правового статуса гражданина. Охрана правового статуса гражданина требует наличия ряда предпосылок; законодательного закрепления соответствующих прав и обязанностей; обеспечения реализации правового статуса юридическими гарантиями; наличия специального правоохранительного аппарата.

Неприкосновенность частной жизни означает запрет для общества, государства и его органов, должностных и иных лиц вмешиваться в личную жизнь граждан (в том числе право последних на свои личные и семейные тайны), наличие правовых механизмов и гарантий защиты своей чести и достоинства от всевозможных посягательств.

С точки зрения специалистов в области конституционного права, частную жизнь можно определить как физическую и духовную сферу, которая контролируется самим индивидом, т. е. сферу, которая свободна от внешнего воздействия [15]. Законодательство не может вторгаться в нее, а потому категория «частная жизнь» не имеет юридического содержания; право устанавливает лишь пределы ее неприкосновенности («приватности») и пределы допустимого вмешательства⁵.

Неприкосновенность частной жизни соотносится с понятием «privacy» («приватность»), имеющем социологические и правовые аспекты. Если рассматривать приватность с позиции участия индивида в жизни общества, то она подразумевает стремление в определенные моменты жизни обособиться, обеспечить себе некое физическое и психологическое пространство, границы которого были бы неприкосновенны для других.

Попытка раскрыть указанное понятие предпринята американскими юристами С. Уорреном и Л. Брайдейсом, которые определяли privacy как «право быть оставленным в покое». Они подчеркивали, что «напряженность и сложность жизни, присущие развивающейся цивилизации, приводят к необходимости иметь убежище от внешнего мира, так что уединение и приватность становятся для человека более значимыми».

По мнению американского юриста и социолога А. Вестина, существуют следующие формы приватности:

- «уединение», состояние, в котором человек избавлен от наблюдения со стороны других;
- «интимность», замкнутое общение, предполагающее контакт с узким кругом лиц;

- «сдержанность», наличие психологического барьера между индивидом и окружающими людьми, который поддерживается обеими сторонами;

- «анонимность», состояние, когда человек не имеет желания быть узнанным в тех или иных ситуациях [16].

Считается, что отсутствие определения понятия «частная жизнь» в нормативно-правовых актах объясняется тем, что взаимоотношения между людьми в сфере частной жизни в основном регулируется нормами нравственности [11]. В толковых словарях русского языка слово «частный» противопоставляется словам «общественный», «государственный». При этом в юридической науке под частной жизнью понимается область личных, интимных, семейных, бытовых и иных отношений людей, «которая контролируется самим индивидом, т.е. свободна от внешнего воздействия» [9].

Баглай М.В. определяет, что частная жизнь «это – своеобразный суверенитет личности, означающий неприкосновенность его «среды обитания» [17]. Задача закона состоит только в том, чтобы исчерпывающим образом зафиксировать процедуру вторжения в частную жизнь человека в интересах борьбы с преступностью, охраны здоровья и безопасности других людей, т.е. в случаях, признаваемых правомерными в цивилизованных демократических государствах. Из текста ст. ст. 23 и 24 Конституции Российской Федерации следует, что право на неприкосновенность частной жизни понимается как запрет на сбор, хранение, использование и распространение любой информации о частной жизни лица без его согласия.

Существует мнение, что составными элементами понятия «частная жизнь» [18] является более широким по отношению к понятиям личной и семейной тайны, имея в виду то обстоятельство, что Конституция Российской Федерации в ст. 23 понятия личной и семейной тайны перечисляет через запятую, что означает несовпадение их содержания.

Таким образом, можно принять положение о том, что составной частью тайны частной жизни составляют личная тайна и семейная тайна.

Поскольку, несмотря на исключительную распространенность правового понятия личной и семейной тайны, официального их толкования также не существует, можно отобразить несколько подходов к определению личной и семейной тайны.

По мнению Ю.В. Кудрявцевой понятия личной и семейной тайны тесно связаны между собой и во многом совпадают. Различие между ними проводится через принадлежность интересов одному или нескольким лицам.

Так, если тайна принадлежит одному лицу, она – личная, если нескольким – семейная. Причем в последнем случае круг лиц даже не уточняется наличием

⁵ Неслучайно право на неприкосновенности частной жизни в некоторых правовых порядках определяется как «право быть предоставленным самому себе».

ем родственных связей [19], что является не совсем верным, ибо дискредитирует и размывает понятия «отношений между членами семьи», данного в ст.2 СК РФ [20]. Лазарев В.В. полагает, что личная и семейная тайны являются обособленными зонами наиболее деликатных, интимных сторон личной жизни индивида, в связи с чем к личной тайне можно отнести все, что характеризует личную жизнь человека, а к семейной – все, что касается семьи [12]. При этом основанием возникновения права на личную тайну является факт рождения лица, независимо от места, времени, способа появления его на свет. Формальным основанием приобретения права на семейную тайну является вступление супругов в законный брак, рождение ребенка. Различия между личной и семейной тайной усматриваются в том, что личная тайна непосредственно касается интересов лишь конкретного субъекта, а семейная тайна затрагивает интересы нескольких лиц, находящихся друг с другом в родственных отношениях. То есть если полноправным субъектом личной тайны может быть только один человек, то семейная тайна имеет групповой субъект (члены семьи, ознакомленные с этой информацией, независимо от их возраста).

К сведениям о частной жизни лица относят информацию, непосредственно связанную с конкретным человеком (факты его биографии, номинативные (назывные) данные, национальность, место жительства, сведения о заболеваниях, информация о семейной жизни, привычках, увлечениях, нравственных, политических, сексуальных и религиозных пристрастиях), что составляет большую часть циркулирующей в обществе информации [21]. Такая же точка зрения определяется содержанием п. 1 Перечня сведений конфиденциального характера, где персональные данные раскрываются как сведения о фактах, событиях и обстоятельствах частной жизни гражданина, позволяющие идентифицировать его личность.

Всеобщая декларация прав человека устанавливает: «Никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным посягательствам на неприкосновенность его жилища, тайну его корреспонденции или на его честь и репутацию. Каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств» (ст. 12).

Несмотря на то, что ст. 150 ГК РФ относит неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну к нематериальным благам и фиксирует один из принципов гражданского законодательства как недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела (п. 1. ст. 1. ГК), существуют судебные иски, в которых оспаривался запрет на ограничение частной жизни преступников. Это в дальнейшем послужило определению Конституционного суда РФ, в

котором Суд указал, что «право на неприкосновенность частной жизни означает предоставленную человеку и гарантированную государством возможность контролировать информацию о самом себе, препятствовать разглашению сведений личного, интимного характера. В понятие «частная жизнь» включается та область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства, если она носит непротивоправный характер» [22].

В п.2. преамбулы директивы Европейского парламента и Совета Европейского союза № 95/46/ЕС «О защите прав частных лиц применительно личных данных и о свободном движении таких данных», определено, что «защита права на частную жизнь является фундаментальным правом национального государства» [23].

Авторы комментария к Конституции Российской Федерации считают, что «если представить право на частную жизнь граждан как совокупность гарантированных им тайн, то среди них можно различать тайны личные (никому не доверенные) и тайны профессиональные (доверенные представителям определенных профессий для защиты прав и законных интересов граждан). В этом смысле к личным тайнам следовало бы отнести тайну творчества и общения, тайну семейных и интимных взаимоотношений, тайну жилища, дневников, личных бумаг, тайну почтово-телеграфной корреспонденции и телефонных переговоров. Профессиональные тайны – это медицинская тайна, тайна судебной защиты и представительства, тайна исповеди, тайна усыновления, тайна предварительного следствия, тайна нотариальных действий и записей актов гражданского состояния» [12].

Следует не согласиться с данной позицией, так как в Конституции частная жизнь связывается с личной и семейной тайной, но никак не с профессиональной тайной. Профессиональная тайна к тайной частной жизни не может быть отнесена. Тайна профессиональной деятельности регулируется специальными федеральными законами, в связи с чем, можно сделать заключение, что частная жизнь лица имеет больший приоритет, чем профессиональная тайна.

В п.3 постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 14 мая 2003 года № 8-П указано, что «из конституционных гарантий неприкосновенности частной жизни, личной тайны и недопустимости распространения информации о частной жизни лица без его согласия вытекают как право каждого на сохранение в тайне сведений о его банковских счетах и банковских вкладах и иных сведений, виды и объем которых устанавливаются законом, так и соответствующая обязанность банков, иных кредитных организаций хранить банковскую тайну, а также обя-

занность государства обеспечивать это право в законодательстве и правоприменении» [25].

Защита неприкосновенности частной жизни лица

Неприкосновенность частной жизни охраняется нормами различных отраслей права: административного, уголовного права и трудового. Согласно п.8. ст.9. Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», запрещается требовать от гражданина (физического лица) предоставления информации о его частной жизни, в том числе информации, составляющей личную или семейную тайну, и получать такую информацию помимо воли гражданина (физического лица), если иное не предусмотрено федеральными законами.

В сообщении Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 7 февраля 2012 г. о Проекте федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» даны определения основных правовые характеристик частной жизни лица:

1. Жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, неприкосновенность жилища, личная и семейная тайна, свобода передвижения, свобода выбора места пребывания и жительства, имя гражданина, авторство, иные нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемы и непередаваемы иным способом.

2. Нематериальные блага защищаются в соответствии с настоящим Кодексом и другими законами в случаях и в порядке, ими предусмотренных, а также в тех случаях и тех пределах, в каких использование способов защиты гражданских прав (ст. 12) вытекает из существа нарушенного нематериального блага или личного неимущественного права и характера последствий этого нарушения.

В случаях, когда того требуют интересы гражданина, принадлежащие ему нематериальные блага могут быть защищены, в частности, путем признания судом факта нарушения его личного неимущественного права, публикации решения суда о допущенном нарушении, а также путем пресечения или запрещения действий, нарушающих или создающих угрозу нарушения личного неимущественного права либо посягающих или создающих угрозу посягательства на нематериальное благо⁶.

Право на обеспечение неприкосновенности частной жизни возникает во всех случаях сбора, обработки персональных данных, как в случае прямо предусмотренных законом, так и непредусмотренных законом. Так, в рамках проведения оперативно-разыскных мероприятий уполномоченные лица обязаны предоставить сведения лицу которое располагает фактами проведения в отношении его оперативно-разыскных мероприятий и полагает, что при этом были нарушены его права. Виновность такого лица в совершении преступления не должна быть доказана в установленном законом порядке, то есть в отношении которого в возбуждении уголовного дела отказано либо уголовное дело прекращено в связи с отсутствием события преступления или в связи с отсутствием в деянии состава преступления (ст.5).

Так, ст. 137 Уголовного кодекса Российской Федерации [25] (далее – УК РФ) «Нарушение неприкосновенности частной жизни», определяет преступлением «незаконное собиране или распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия либо распространение этих сведений в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации». Так же в ст. 138 УК РФ определено, что нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений граждан являются уголовно-наказуемыми.

Нормы административного права также определяют, что «нарушение установленного законом порядка сбора, хранения, использования или распространения информации о гражданах (персональных данных)» (ст.13.11. КоАП).

Гражданский кодекс также обеспечивает охрану частной жизни гражданина. Так, «если иное прямо не предусмотрено законом, не допускаются без согласия гражданина сбор, хранение, распространение и использование любой информации о его частной жизни, в частности сведений о его происхождении, о месте его пребывания или жительства, о личной и семейной жизни» (ст. 152.2.). Однако, ГК РФ делает исключения из данного требования в случае, если сбор, хранение, распространение и использование информации о частной жизни гражданина осуществляется в государственных, общественных или иных публичных интересах, а также в случаях, если информация о частной жизни гражданина ранее стала общедоступной либо была раскрыта самим гражданином или по его воле». К последнему исключению относятся сведения, распространяемые гражданином в социальных сетях, так в случае выполнения данных действий возникает такая категория информации, как информация распространяемая в форме открытых данных.

Однако, если такая информация размещается в сети самим субъектов персональных данных, то даль-

⁶ Документ приведен по тексту, размещенному на сайте ВАС РФ в Internet в <http://www.arbitr.ru> по состоянию на 7 февраля 2012 г.

нейшее ее использование возможно. Так, в судебном решении определяется, что «опубликование, в том числе редакцией СМИ, фотографического изображения в случаях, предусмотренных ст. 152.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, а также полученного из общедоступных источников, не требует соблюдения условий, связанных с получением письменного согласия субъекта персональных данных.

Данные истца, такие как фамилия, имя, возраст, а также его фотография, которые были опубликованы в журнале, были размещены личной странице С.С.В. в социальной сети «ВКонтакте», открытой для доступа неограниченному кругу лиц и не защищенной никакими настойками приватности, что не отрицалось представителем истца в ходе рассмотрения дела.

Доводы представителя истца о том, что данные С.С.В. и его фотография были размещены в сети Интернет уже после публикации спорной статьи, не могут быть приняты во внимание, поскольку ничем не подтверждены.

Таким образом, разместив указанную фотографию на сайте в открытом для неопределенного круга лиц доступе, истец фактически своими действиями выразил добровольное волеизъявление на обнаружение своего изображения» [26].

В случаях, если того требуют интересы гражданина, принадлежащие ему нематериальные блага могут быть защищены детьми, родителями или пере-

жившем супругом этого гражданина, в частности, путем признания судом факта нарушения его личного неимущественного права, опубликования решения суда о допущенном нарушении, а также путем пресечения или запрещения действий, нарушающих или создающих угрозу нарушения личного неимущественного права либо посягающих или создающих угрозу посягательства на нематериальное благо.

Елин В.М. пишет, что «в содержание личной и семейной тайны входит охрана тайны всех сторон личной жизни частного лица, оглашение которых это лицо по тем или иным причинам считает нежелательным (например, тайна завещания, усыновления, врачебного диагноза, денежного вклада, дневниковых записей и т.д.)» [27].

Ограничение прав, в том числе в целях защиты прав других лиц, в силу статей 17 (ч.3) и 55 (ч. 3) Конституции Российской Федерации может иметь место только на основании федерального закона, предполагается, что реализация конституционного права на информацию, затрагивающую частную жизнь других лиц, возможна только в порядке, установленном законом, и что федеральный законодатель правомочен определить законные способы получения такой информации. При этом Конституция Российской Федерации предполагает возможность установления в отношении той или иной информации специального правового режима, в том числе режима ограничения свободного доступа к ней со стороны граждан [28].

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации №188 от 06.03.1997 «Об утверждении Перечня конфиденциального характера» // СПС Консультант Плюс.
2. Федеральный закон от 19.12.2005 № 160-ФЗ «О ратификации Конвенции Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных» // Собрание законодательства РФ, 26.12.2005, № 52 (1 ч.), ст. 5573 // СПС Консультант Плюс.
3. Постановление Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21.01.1937 «Об утверждении Конституции (Основного Закона) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» (вместе с Конституцией) // СПС Консультант Плюс.
4. Конституция (Основной Закон) Российской Федерации – России (принята ВС РСФСР 12.04.1978) // СПС Консультант Плюс.
5. Закон РСФСР от 27.10.1960 «Об утверждении Уголовного кодекса РСФСР» (вместе с «Уголовным кодексом РСФСР») // СПС Консультант Плюс.
6. The Right to Privacy // Samuel D. Warren and Louis D. Brandeis // Harvard Law Review. Vol. 4, № 5 (Dec. 15, 1890), P. 193–2.
7. [Электронный ресурс] <http://www.pravo.gov.ru>
8. Федеральный закон от 02.07.2013 № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 08.07.2013, № 27, ст. 3434.
9. Права человека. Учебник для вузов // под ред. Е.А. Лукашевой. М., 2001. С. 146.
10. Лопатин В.Н. Правовая охрана и защита служебной тайны // Государство и право. 2000. № 6. С. 85.
11. Петрухин И.Л. Частная жизнь (правовые аспекты) // Государство и право. 1999. № 1. С. 64.
12. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина, Л.В. Лазарева. М.: «Эксмо», 2010.
13. Войничанис Е.А., Машукова Е.О., Степанов-Егиянц В.Г. Неприкосновенность частной жизни, персональные данные и ответственность за незаконные сбор и распространение сведений о частной жизни и персональных данных: проблемы совершенствования законодательства // Законодательство. 2014. № 12.
14. Фатьянов А.А. Тайна и право. М., 1999. С.6
15. Права человека: Учебник // под ред. А.Н. Головастикова, Л.Ю. Грудичина. М., 2006. С.121.
16. Westin A.F. Privacy and Freedom. N.Y.: Autheneum, 1970. P. 39.
17. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. М., 2005. С. 185.

18. *Куприна Е.* Тайна. Обзор нормативных актов // Закон. 1998. № 4. С. 83.
19. Комментарий к Конституции Российской Федерации // под ред. Ю В Кудрявцева. М.: Фонд «Правовая культура», 1996. С. 105
20. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Свод законов РФ от 01.01.1996. № 1. Ст. 16.
21. *Хендрикс А., Хэйден Т., Новик Д.Д.* Ваше право на неприкосновенность частной жизни: Пособие по защите законных прав в информационном обществе // Пер. с англ. Петросян М.Е., СПб., 1996.
22. Определение Конституционного Суда РФ от 9 июня 2005 г. № 248-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Захаркина Валерия Алексеевича и Захаркиной Ирины Николаевны на нарушение их конституционных прав пунктом «б» части третьей статьи 125 и частью третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации».
23. [Электронный ресурс] https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=CbW_QFjA_Aah_UKEw_jpnqy7ou_GAhXI8n_IKHTuU_CSE&url=http%3A%2F%2F32.rkn.gov.ru%2Fdocs%2F32%2FDirektiva_95_46_ES__24.10.1995.doc&ei=qNOvVemqM8jlywO7qKalAg&usg=AFQjCNHZL4laW0GhmE9poSuBiheBunnMw&sig2=Ty5pvCVjfy3iv_D35oOxRQ&bvm=bv.98197061,d.bGQ
24. Постановление Верховного Суда РФ от 28 февраля 2014 г. № 32-АД13-9.
25. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ.
26. Апелляционное определение СК по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда г. Санкт-Петербург от 26 ноября 2014 г. по делу №33-17300/2014 (ключевые темы: персональные данные – деловая репутация – честь и достоинство – неприкосновенность частной жизни – размещение рекламы).
27. Уголовно правовая охрана некоторых категорий информации ограниченного доступа: Монография. М.: Академия сферы социальных отношений, 2010.
28. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 февраля 2000 года № 3-П; определения Конституционного Суда Российской Федерации от 12 мая 2003 г. № 173-О, от 29 января 2009 года № 3-О-О, от 29 сентября 2011 года № 1063 -О-О.
29. *Елин В.М., Жарова А.К.* О выделении информационных объектов в самостоятельную категорию объекта преступления // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2009. № 5. С. 205-229.
30. *Жарова А.К.* Особенности процесса правовой идентификации человека в интернете // Информационное право. 2016. № 3. С. 30-35.
31. *Жарова А.К.* Правовая защита интеллектуальной собственности. Москва, 2011. Сер. Магистр права // Право и государство: теория и практика. 2013. № 4 (100). С. 133–143.
32. *Полякова Т.А., Афиногенов Д.А.* Роль стратегического планирования в совершенствовании системы государственного управления в Российской Федерации // Вестник Академии права и управления. 2016. № 4 (45). С. 11–18.
33. *Полякова Т.А.* Вопросы правового регулирования сбора, использования и обработки персональных данных // Человек: преступление и наказание. 2008. № 2. С. 109–112.
34. *Чеботарева А.А.* Человек и электронное государство. Право на информационную безопасность. Монография // Министерство образования и науки Российской Федерации, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Читинский гос. ун-т» (ЧитГУ). Чита, 2011.
35. *Савосина Н.Г., Чеботарев В.Е.* Проблемы обеспечения безопасности информации в автоматизированных системах таможенных органов России в свете развития электронного документооборота // Таможенное дело. 2014. № 3. С. 22–24.

Reference list

1. The Decree of the President of the Russian Federation №188 from 06.03.1997 “On approving the List of confidential information” // Reference Legal System Consultant Plus.
2. Federal Law of 19.12.2005 № 160-FL “On ratification of the Council of Europe Convention on the protection of individuals with regard to automatic processing of personal data” // Collected Legislation of the Russian Federation, 26.12.2005, № 52 (Part 1), Art 5573 // Reference Legal System Consultant Plus.
3. The Resolution of the Extraordinary Seventeenth all-Russian Congress of Soviets from 21.01.1937 “On approval of the Constitution (Fundamental Law) of the Russian Soviet Federative Socialist Republic” (in addition to the Constitution) // Reference Legal System Consultant Plus.
4. The Constitution (Fundamental Law) of the Russian Federation – Russia (adopted by the RSFSR Supreme Soviet 12.04.1978) // Reference Legal System Consultant Plus.
5. The Law of the RSFSR dated 27.10.1960 “About approval of the Criminal Code of the RSFSR” (in addition to “The Criminal Code of the RSFSR”) // Reference Legal System Consultant Plus.
6. The Right to Privacy // Samuel D. Warren and Louis D. Brandeis // Harvard Law Review. Vol. 4, № 5 (Dec. 15, 1890), P. 193–2.
7. [Electronic resource] <http://www.pravo.gov.ru>
8. The Federal Law from 02.07.2013 № 142-FL “On amending subsection 3 of section I of the Civil Code of the Russian Federation” // Collected legislation of the Russian Federation, 08.07.2013, № 27, Art. 3434.

9. Human rights. Textbook for high schools / Under the editorship of E. Lukasheva. M., 2001. P.146.
10. *Lopatin V.* Legal protection and official secrets protection // State and Law. 2000. № 6. P. 85.
11. *Petrukhin I.* The private life (legal aspects) // State and Law. 1999. № 1. P. 64.
12. Commentary on the Constitution of the Russian Federation / Under the editorship of V. Zorkin, L. Lazarev. M.: "Eksmo", 2010.
13. *Voynikanis E., Mashukova E., Stepanov-Egiyants V.* Privacy, personal data and responsibility for the illegal collection and dissemination of information about private life and personal data: Issues of improving the legislation // Law. 2014. № 12.
14. *Fat'yanov A.* Mystery and law. M., 1999. P.6.
15. Human rights: Textbook // Under the editorship of A. Golovastikov, L. Gruditsyna. M., 2006. P.121.
16. *Westin A.F.* Privacy and Freedom. N.Y.: Autheneum, 1970. P. 39.
17. *Baglay M.* Constitutional law of the Russian Federation. M., 2005. P. 185.
18. *Kuprina E.* Mystery. Overview of regulations / Law. 1998. № 4. P. 83.
19. The commentary on the Constitution of the Russian Federation // Under the editorship of Yu. Kudryavtsev. M.: Fund "Law Culture", 1996. P. 105
20. The Family Code of the Russian Federation of 29.12.1995 № 223-FL // Code of Laws of the Russian Federation from 01.01.1996. № 1. Art. 16.
21. *Hendix A., Hayden T., Novik D.* Your right to privacy: The guide to the protection of legitimate rights in the information society // Translation from English by Petrosyan M., SBR., 1996.
22. *The Constitutional Court of the Russian Federation from 9th of June, 2005. №. 248-O* "About the refusal in acceptance to consideration of complaints of citizens Zakharov Valeriy Alekseevich and Zaharkina Irina Nikolaevna to a violation of their constitutional rights, paragraph "B" of part three of Article 125 and the third paragraph of Article 127 of the Criminal Executive Code of the Russian Federation".
23. [Electronic resource] https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0CBwQFjAAahUKEwjpnqy7ou_GAhXI8nIKHTuUCSE&url=http%3A%2F%2F32.rkn.gov.ru%2Fdocs%2F32%2FDirektiva_95_46_ES__24.10.1995.doc&ei=qNOvVemqM8jlywO7qKaIAG&usg=AFQjCNHZL4laW0GhmE9po-SuBiheBunnMw&sig2=Ty5pvCVjfy3iv_D35oOxRQ&bvm=bv.98197061,d.bGQ
24. The Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of 28th of February, 2014 № 32-AD13-9.
25. Criminal Code of the Russian Federation of 13th of June, 1996 № 63-FL.
26. Appeals definition Judicial Panel on civil cases of the Sankt Petersburg City Court of Sankt Petersburg from 26th of November, 2014 in case № 33-17300/2014 (Key topics: personal data – business reputation, honor and dignity – privacy – advertising).
27. Criminal legal protection of some categories of restricted information: Monograph. M.: Academy of Social Relations Sphere, 2010.
28. The Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation from 18th of February, 2000 № 3-P; Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation of 12th of May, 2003 № 173-O, dated 29th of January, 2009 № 3-O-O, dated 29th of September 2011 № 1063 -O-O.
29. *Elin V., Zharova A.* On the allocation of data objects in a separate category of the crime object // Proceedings of the Institute of State and Law, the Russian Academy of Sciences. 2009. № 5. P. 205–229.
30. *Zharova A.* The features of the process of legal recognition in the Internet // Information Law. 2016. № 3. P. 30–35.
31. *Zharova A.* Legal protection of intellectual property. Moscow, 2011. Series: Master of law // Law and state: Theory and practice. 2013. № 4 (100). P. 133–143.
32. *Polyakova T., Afinogenov D.* The role of strategic planning in improving public administration system in the Russian Federation // Bulletin of the Academy of Law and Management. 2016. № 4 (45). P. 11–18.
33. *Polyakova T.* The issues of legal regulation of collection, use and processing of personal data // Human being: Crime and Punishment. 2008. № 2. P. 109–112.
34. *Chebotareva A.* People and electronic government. The right to information security. Monograph // Ministry of Education and Science of the Russian Federation, State Educational Institution of Higher Professional Education "Chita State University" (ChSU). Chita, 2011.
35. *Savosina N., Chebotareva V.* Issues of information security in automated systems of customs authorities of Russia in the view of the development of electronic document circulation // Customs Affairs. 2014. № 3. P. 22–24.

УДК 342.5

Анненков А.Ю.,

кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного и административного права
Тулского государственного университета

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ КАТЕГОРИИ «ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ»

В статье анализируется понятие «государственно-правовое принуждение», методологически значимое, как для общей теории права, так и для отраслевых юридических наук. Делается попытка осмысления сущности данной категории, ее признаков и основания для дифференциации на виды. Автором предлагается рассматривать принуждение со стороны органов государства и должностных лиц всегда в опосредованной взаимосвязи с правом. Отмечается, что принуждение находится в синтетическом единстве с имеющимися социальными ценностями и существующими общественными отношениями, в конкретный исторический период развития государства, с учетом их развитости и структурного построения. Содержательно в государственно-правовом принуждении целесообразно выделять и анализировать два компонента: статический и динамический, с помощью которых возможно более глубокое познание механизма данной категории. Кроме того, уделяется внимание рассмотрению вопроса о моменте возникновения государственно-правового принуждения и дальнейшего протекания его как процесса с учетом хронологии и условий его развертывания. Автором характеризуются классифицированные по различным основаниям отдельные виды государственно-правового принуждения с учетом их специфических особенностей. Особое внимание уделяется дифференциации по юридическому критерию и анализу легального и нелегального принуждения.

Ключевые слова: принуждение, государственное принуждение, принуждение в праве, правовое принуждение, государственно-правовое принуждение, сущность принуждения

Annenkov A.,

PhD in Law, Associate Professor of Chair of State and Administrative Law of the Tula State University

REVISITING THE ESSENCE OF THE CATEGORY “STATE-LEGAL ENFORCEMENT”

This article analyzes the concept “state-legal enforcement” that is a methodologically significant, as the general theory of law, and the branch legal sciences. There is an attempt to understand the essence of this category, its characteristics and foundations for differentiation on kinds. The article author offers usually to consider the enforcement by authorities of the state and functionaries in mediated interconnection with the law. It is noted that the enforcement is a synthetic unity with the existing social values and existing social relations in a particular historical period of the state development in consideration of their maturity and structural construction. Reasonable to mark and analyze the following two components in the state-legal enforcement: the statistic and dynamic, through which it is possible more profound mechanism understanding of this category. Besides, the attention is paid to the consideration of an issue about the occurrence moment of the state-legal enforcement and the further cause of it as a process in consideration of history and conditions of its expansion. The article author is characterized the classified separate kinds of the state-legal enforcement on various foundations, taking into account their specific features. Special attention is given to the differentiation on a legal criteria and legal and illegal enforcement analyses.

Keywords: enforcement, state enforcement, enforcement in law, legal enforcement, state-legal enforcement, essence of enforcement

Реформирование и развитие отечественного законодательства в современных условиях обусловили необходимость совершенствования обеспечения его эффективной реализации, в том числе, применительно к упорядочиванию и рационализации

механизма применения мер государственного принуждения. В современных условиях отчетливо прослеживается тенденция все большей детализации и углубления нормативно-правового регулирования деятельности, связанной с применением принуждения.

Несмотря на достаточно динамичные процессы изменения законодательства, в современной правовой науке все еще отсутствует единый подход к содержанию понятия «принуждение», которое синтетически могло бы включать в себя как государственные, так и правовые начала, и выступило общеметодологической базой отраслевых теорий.

Проблема сущности и видовой дифференциации государственного принуждения, привлекает внимание широкого круга ученых различных отраслей знаний. Однако мнения по поводу сущности и особенностей данного института различны, а порой и противоположны [См., например: 10, с. 57; 3, с. 216-221; 1, с. 10-19; 11; 9].

Государственно-правовое принуждение можно отнести к одним из важнейших проблем теории государства и права, что обуславливается значимостью данного явления, его ролью в регулировании жизнедеятельности социума. Интерес к исследованию государственно-правового принуждения, отдельным его аспектам в разное время как усиливался, так и ослабевал, что связано с рядом объективных и субъективных факторов. Прогрессивные процессы в обществе, модернизация методов государственного управления, свидетельствуют о необходимости дальнейшего исследования данного государственно-правового явления.

Принуждение представляет собой ограничение свободы воли и неприкосновенности личности. Государственное принуждение является традиционным методом осуществления государственной власти. Само по себе государственное принуждение – достаточно суровое средство воздействия на личность и общественные отношения. Оно ограничивает свободу человека, нивелирует выбор направленности поведения, кроме того варианта, который был предложен государственной властью. Тем не менее, принуждение – необходимый и конститутивный элемент в механизме правового регулирования.

Принуждение находится в неразрывной связи, как со сформированной системой ценностей и нормативов, так и существующими общественными отношениями. Оно обеспечивает социальный порядок путем психологического, материального или физического воздействия государственных органов и должностных лиц на личность с целью принуждения ее действовать в интересах общества и государства сообразно воли субъекта государственной власти.

Можно заметить, что термин «государственно-правовое принуждение» широкого признания в отечественной юридической науке пока не получил. Российские ученые-правоведы, предпочитают оперировать понятиями «государственное принуждение» или «правовое принуждение», которые ранее вошли в научный оборот. Естественно, порождается ряд негативных последствий. Прежде всего, отдель-

ные исследователи стремятся отделить «правового принуждения» от «государственного», полагая, что «государственное принуждение» осуществляется вне правового поля. В свою очередь, это приводит к тому, что вследствие нечеткого понимания государственно-правового характера принуждения, в российском законодательстве неоднозначно определяются и, как результат, толкуются, а также применяются принудительные меры.

Принуждение есть необходимый атрибут существования любого государства, который обеспечивает создание необходимых условий для достойной жизни и свободного развития человека. Потребность в государственно-правовом принуждении обусловлена необходимостью вытеснения из регулируемых правом наиболее важных общественных отношений таких негативных связей, которые являются причиной отступления субъектов от нормативно установленной модели должного поведения.

Государственное принуждение всегда необходимо рассматривать в диалектической связи с правом. Речь должна идти не о «государственном» или «правовом», а о «государственно-правовом принуждении». Проблема соотношения государственного принуждения и права встречается в разных правовых концепциях. При этом, категорию «принуждение» либо вводили в материю права, либо, напротив, полностью исключали из феномена права. Государственное принуждение опосредуется в праве и тем самым приобретает форму правового. В самом праве заложен потенциал принуждения, исходящий из правил, которые необходимо исполнить ввиду их ценности для регулирования общественных отношений. Если эти правила исполняются благодаря личностному пониманию, развитому уровню правосознания и внутренней мотивации действовать определенным образом в рамках нормативно установленной модели поведения, то воля субъекта права остается свободной от материального, то есть внешнего воздействия государства. Если потенциал принуждения права реализуется за счет внешней материальной силы, а такой силой является организация – государство, принуждение, исходящее из права следует считать привнесенным, субсидированным. Таким образом, принудительное воздействие права имеет двойную природу – естественную и субсидированную. Если естественная принудительность права основывается на принципиальной силе правовых положений, то субсидированная сила дается праву государственной организацией как материальная защита [13, с. 5].

Так, по мнению В.Д. Ардашкина, право представляет собой систему норм, исполнение которых охраняется государством и гарантируется его принудительной силой. При этом государство приводит в действие такие механизмы не только в случае на-

рушения правовых предписаний, но уже в них самих содержится потенциальная угроза применения государственного принуждения. Данная позиция подтверждает принудительную природу самого права и широкое трактование принуждения [4, с. 33].

Иного взгляда придерживается М.С. Студеникина, утверждающая, что государственное принуждение применяется только в тех случаях, когда непосредственно нарушается норма права [14, с. 22]. По мнению А.П. Чиркова, при добровольном исполнении субъектами правоотношений своих прав и обязанностей, речь идет не о психическом принуждении, а об условном принуждении, поскольку лицо осознает социальную необходимость и полезность правовых требований [15, с. 27].

Трудно не согласиться с тем, что если воспринимать право с позиций естественно-правового типа правопонимания, то, в данном случае, не может быть и речи о принуждении, которое ему изначально чуждо. Только трансформация права в позитивное позволяет достичь положительного соотношения принуждения и права. Легитимное, ограниченное принуждение является неременным условием осуществления гражданской свободы, не противоречит справедливости и поддерживает состояние формального равенства. Поэтому ценностное наполнение принудительного воздействия права и государства крайне важно для того, чтобы принуждение не трансформировалось в насилие [13, с. 5].

Учитывая изложенное выше, представляется не совсем точным обозначение принуждения в праве – государственным принуждением, поскольку последнее, в этом случае, может быть истолковано в значении осуществляемого государством принуждения в сферах его деятельности и функционирования. В большей степени особому характеру принуждения в праве как воздействию, основанному на нормативно-правовой регламентации, соответствует понятие «правовое принуждение». Однако при этом маскируется взаимосвязь принуждения и государства. И источник формируемого принудительного воздействия здесь весьма не явственен. Учитывая это, представляется более удачным именовать его государственно-правовым.

Государственное принуждение приобретает характер правового, когда государство в ходе нормативно-правового регулирования общественных отношений, возводя волю народа в ранг государственной, нормативно закрепляет и средства принудительного воздействия, обеспечивающие подчинение этой воле. Только при правовом опосредовании государственно-правовое принуждение приобретает государственно-правовое свойство. И здесь, следует согласиться с точкой зрения С.С. Алексеева, который под государственно-правовым принуждением понимал «осуществляемое при помощи системы правовых средств

(юридических норм, правоотношений, индивидуальных предписаний и др.) результативное нормативно-организационное воздействие на общественные отношения с целью их упорядочения, охраны, развития в соответствии с общественными потребностями» [2, с. 209 – 211].

Государственно-правовое принуждение устанавливает пределы свободы личности в обществе, выступает своеобразным отражением моральных, духовных, религиозных, политических, экономических и иных ценностей. Оно общеобязательно, пронизывает всю систему правового регулирования, каждый ее элемент, проявляется на всех стадиях, при реализации различных методов и способов правового регулирования, что позволяет говорить об его «универсальном» правообеспечительном характере.

Необходимость в принуждении как в обеспечительной силе возникает при несоответствии выработанной в поведении воли субъекта, общегосударственной воле, содержащейся в нормативном предписании. Естественным признается тот факт, что данное несоответствие не может быть однозначным, и представлено разнообразными вариациями. Установление соотношения воли государства и субъекта, отступающего от нормативно установленной модели поведения, позволяет, прежде всего, определить основания применения принуждения и, соответственно, дифференцировать принудительное воздействие со стороны государства. Кроме того, нормативно-правовое закрепление вариантов девиации воли субъекта от государственной воли очерчивает пределы действия государственно-правового принуждения.

При этом, признавая государственно-правовое принуждение константой по наличию в сфере правового регулирования, следует отметить, что четко устанавливаемый на конкретный период развития государства и права спектр принудительных средств не может не меняться. Совершенно очевидно, что преобразование социально-экономических условий жизни общества, рост правосознания и правовой культуры, а также другие факторы способны привести к такому положению, когда законодатель трансформирует сферу принуждения, исключая или, наоборот, внося отдельные меры.

Безусловно, уровень общетеоретической разработки сущности государственно-правового принуждения нельзя признать удовлетворительным, что в известной степени отражается на исследовании этого важнейшего правового явления в рамках научной основы отдельных отраслей права. Достаточно заметить, что многие авторы указывают в качестве основных, сущностных признаков государственно – правового принуждения далеко не одни и те же положения. Кроме того, имеются существенные разногласия, как в определении количества указанных признаков, так

и в их смысловом содержании. Как значительный недостаток следует рассматривать и то обстоятельство, что большинство анализируемых признаков не получили должного теоретического обоснования, наиболее часто они просто формулируются без приведения какой-либо аргументации. В этой связи дальнейшая разработка сущности государственно-правового принуждения с необходимостью предполагает четкое и в достаточной мере обоснованное выявление сущностных признаков данного понятия, их более детальное и системное изучение.

К числу сущностных признаков государственно-правового принуждения необходимо признать возможным отнесение следующих:

- детальная регламентация правом, представляющим собой нормативную основу данного вида принудительного воздействия, должно применяться от имени государства в форме правовых отношений, посредством юрисдикционных, правоприменительных актов;

- основанием является несовпадении государственной воли и воли принуждаемого субъекта, что выражается в виде определенного в законе противоправного поведения лица, а иногда и объективно подтверждаемой возможности такого поведения;

- выражается в негативном воздействии, которым подвергается принуждаемый субъект, которое состоит в ограничении или лишении его определенных благ, а также возложении на него дополнительных обязанностей;

- содержательно заключается в нормативно предусмотренном физическом или психическом воздействии, связанном с ограничениями личного, имущественного и организационного характера;

- целью является формирование у лица состояние подчиненности, готовности его выполнить предусмотренные конкретной принудительной мерой действия либо, напротив, воздержаться от определенного неправомерного поведения;

- должно быть персонифицированным, поскольку следует установить – поведение какого конкретно субъекта необходимо скорректировать до должных рамок, посредством принудительного воздействия именно на него;

- может быть применено как к правонарушителям, так и к законопослушным лицам, в целях обеспечения правопорядка и безопасности, но в строго определенных законом случаях;

- реализуется в рамках правоприменительной деятельности органов государства и должностных лиц;

- осуществляется в процедурно-процессуальных формах, устанавливаемых законом, и предполагает возможность обжалования принудительных действий. Правовая форма регулирования принуждения

вводит его в строгие контролируемые государством рамки, устраняет возможность применения принудительных мер в случаях, не предусмотренных законом, и в порядке, противоречащем закону. Она служит надежным фундаментом обеспечения законности в деятельности по осуществлению властно-принудительных функций.

В содержании государственно-правового принуждения необходимо выделить два элемента: статический (потенциальный) и динамический (реальный). Первый элемент представляет собой правоустановление, где на первый план выдвигается не столько принуждение, сколько сам факт установления государством правила поведения; второй элемент есть непосредственное применение уполномоченными субъектами конкретных принудительных мер.

Важным, является вопрос об определении момента возникновения государственно-правового принуждения. Очевидно, что моментом его возникновения целесообразно считать стадию издания правовой нормы. Здесь принуждение присутствует в своем психологическом виде, что обуславливается императивностью правовых предписаний и возможностью применения принудительных мер со стороны государства, потенциально стоящего за конкретной нормой права. Однако необходимо констатировать, что далеко не каждая правовая норма содержит в себе такое психологическое принуждение. Так, например, большинство диспозитивных норм не обязательны для участников правовых отношений, они не предполагают строго регламентированных моделей поведения субъектов, а потому не содержат в себе элементов принуждения. Напротив, когда мы рассуждаем об императивных нормах права, то именно с момента официального опубликования нормативного правового акта принуждение начинает психологически воздействовать на сознание каждого индивида, формируя мотивацию его дальнейшего поведения.

А.С. Пучнин отмечает, что государство и общество организуют аппарат целенаправленного психического понуждения, которое укрепляет, и исправляет этическое самозаставление человека. Любой правовой стимул и любое ограничение следует рассматривать как факты психического понуждения. Человек с устоявшейся традицией самопонуждения реагирует на стимулы и ограничения положительно, и, оправдывает необходимую принудительность институтов, соответствующих принципам права – справедливости, свободе и равенству. Давление правовых законов на сознание и свободную волю индивида со зрелым правосознанием ощущается с легкостью собственного решения [13, с. 5-6].

В современной правовой науке существуют различные основания для классификации государственно-правового принуждения. По объекту воз-

действия различают физическое, психическое, организационно-правовое и материальное принуждение.

Так, сущность государственно-правового принудительного физического воздействия состоит в применении к конкретному лицу принудительных мер физического характера, где объектом его применения является непосредственно сам человек, его физическое состояние (например, применение огнестрельного оружия, специальных средств, физической силы при задержании и др.).

Напротив, сущность принудительно-правового психического воздействия заключается в оказании влияния компетентных государственных органов и их должностных лиц на разум человека, его психику, чувства, эмоции, волю с целью побудить или обязать человека выполнять и соблюдать установленные правовые нормы. При этом, в качестве объекта применения психического воздействия выступает психика человека. Следует отметить, что не все исследователи выделяют данный вид воздействия. Они указывают, что психическое принуждение всегда оставляет терпящему его субъекту определенную долю свободы и выбор: поступить в соответствии с внешним психическим воздействием или нет. В чистом принуждении такие свобода и выбор уже отсутствуют, существует только необходимость, принудительное воздействие обеспечивает неизбежность получения желаемого (с точки зрения законодателя) результата. Здесь исконными правами принуждаемого субъекта грубо и непосредственно распоряжается чужая (государственная) воля [12]. Кроме того, О.Э. Лейст и Д.Н. Бахрах, отстаивают позицию, согласно которой выделение категории психического принуждения необоснованно расширяет сферу принуждения и не объясняет многих практических проблем [10, с. 74; 6, с. 19].

Организационно-правовое воздействие может оказываться органами государства и должностными лицами на определенных лиц, посредством воздействия на их интересы, как субъектов какой-либо организованной системы или обладателя определенного специального статуса – организационное принуждение [5, с. 255-256.]. Примерами организационно-правового воздействия являются увольнение, исключение, лишение права, ликвидация организации.

Кроме того, существует материальное (имущественное) принудительное воздействие. Так, например, штраф, конфискация являются мерами материального (имущественного) принуждения.

Все эти виды принуждения характеризует еще и то, что они реализуются путем применения к лицу определенных ограничений, лишения некоторых благ, имеющихся в распоряжении субъекта, в отношении которого они применяются, то есть носят негативный, нежелательный для лица характер.

По целям применения выделяются карательные (наказание), пресекательные, восстановительные, предупредительные меры государственно-правового принуждения.

По субъектам, их осуществляющим, можно выделить судебные и внесудебные меры государственно-правового принуждения.

По юридическому критерию очень важно отличать легальное (правовое) от нелегального, не основанного на законе принуждения (насилия). Видами нелегального принуждения являются агрессия других государств, завоевания, внешнее насилие. Внутри страны источниками насилия могут быть преступность, охлократия, административный произвол.

В отличие от незаконного принуждения, легальное принуждение осуществляется как реакция государственных органов на неправомерное, вредное для общества поведение людей. Его использование, по справедливому замечанию Ю.Н. Старилова, обусловлено конфликтом между волей, выраженной в правовом акте, и индивидуальной волей лиц, нарушающих его. Если же нет неправомерных действий, то нет и принудительных акций [7, с. 491].

Правовое государственного принуждения и неправомерное государственное принуждение различал и Н.В. Витрук. В демократическом обществе, пишет он, государственное принуждение характеризуется как правовое принуждение. «Однако правовой характер государственного принуждения должен означать, прежде всего, правомерность этого принуждения, его соответствии праву, должен быть нормативно оправданным, что обеспечивается в соответствии с принципами права оснований использования государственного принуждения и его пределов» [8, с. 48].

Таким образом, государственно-правовое принуждение можно рассматривать как комплексный межотраслевой правовой институт, оказывающий целенаправленное воздействие на регулирование поведения адресатов, формируя особые, правовые отношения, характеризующиеся особым составом субъектов, правовых связей между ними, объектным основанием и набором юридических фактов.

Содержательно государственное принуждение представляет собой физическое, психическое или иное воздействие уполномоченных на то органов государства, должностных лиц, на сознание и поведение субъектов путем применения к ним в установленном процессуальном порядке принудительных мер, указанных в правовых нормах и связанных с наступлением для них отрицательных последствий личного, имущественного или организационного порядка в целях борьбы с правонарушениями и их предупреждением, охраны общественной безопасности и правопорядка.

Очевидно, что, ввиду неоднородности обще-

ственных отношений, регулируемых различными отраслями права, система государственно-правового принуждения, единая по своей сущности, состоит из разноотраслевых видов принуждения, которые различаются по своему содержанию, основаниям, порядку и правовой основе применения.

Список литературы

1. *Алексеев С.С.* Государство и право. М.: Юридическая литература, 1994. 192 с.
2. *Алексеев С.С.* Теория права. М.: Издательство БЕК, 1995. 320 с.
3. *Алехин А.П., Козлов Ю.М.* Административное право Российской Федерации. М.: «ТЕИС», 1994. 280 с.
4. *Ардашкин В.Д.* О принуждении по советскому праву // Советское государство и право. 1970. № 7. С. 33-39.
5. *Бахрах Д.Н.* Административное право: Учебник для вузов. М.: БЕК, 1996. 368 с.
6. *Бахрах Д.Н.* Советское законодательство об административной ответственности. Пермь, 1969. 344 с.
7. *Бахрах Д.Н., Россинский Б.В., Стариков Ю.Н.* Административное право: Учебник для вузов. 2-е изд., изм. и доп. М.: Норма, 2005. 800 с.
8. *Витрук Н.В.* Общая теория юридической ответственности. 2-е изд. М.: Норма, 2009. 432 с.
9. *Козулин А.И.* Правовое принуждение: Автореф. дис.... канд. юрид. наук. Свердловск, 1986. 16 с.
10. *Лейст О.Э.* Санкции и ответственность по советскому праву. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1981. 239 с.
11. *Макарейко Н.В.* Государственное принуждение как средство обеспечения общественного порядка: Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Н-Новгород, 1996. 19 с.
12. *Нохрин Д.Г.* Государственное принуждение в гражданском судопроизводстве: монография. М.: Волтерс Клувер, 2009. 256 с.
13. *Пучнин А.С.* Принуждение и право. Автореф. дис.... канд. юрид. наук. М., 2000. 21 с.
14. *Студеникина М.С.* Соотношение административного принуждения и административной ответственности // Советское государство и право. 1968. № 10. С. 20–27.
15. *Чирков А.П.* Ответственность в системе права. Калининград: Калинингр. ун-т., 1996. 77 с.

Reference list

1. *Alekseev S.* State and law. M.: Yuridicheskaya literatura, 1994. 192 p.
2. *Alekseev S.* The theory of law. M.: Publishing house BEK, 1995. 320 p.
3. *Alekhin A., Kozlov Yu.* Administrative law of the Russian Federation. M.: "TEIS", 1994. 280 p.
4. *Ardashkin V.* About the enforcement according to the Soviet law // Soviet State and Law. 1970. № 7. P. 33–39.
5. *Bakhrakh D.* Administrative law: Textbook for higher education institutions. M.: BEK, 1996. 368.
6. *Bakhrakh D.* The Soviet legislation on administrative responsibility. Perm', 1969. 344 p.
7. *Bakhrakh D., Rossinskiy B., Starilov Yu.* Administrative law: Textbook for higher education institutions. Second edition, revised and enlarged. M.: Norma, 2005. 800 p.
8. *Vitruk N.* The general theory of legal liability. Second edition. M.: Norma, 2009. 432 p.
9. *Kozulin A.* The legal enforcement: Synopsis of a thesis of PhD in Law. Sverdlovsk, 1986. 16 p.
10. *Leyst O.* Sanctions and responsibility under the Soviet law. M.: Publishing office of the Moscow University, 1981. 239 p.
11. *Makareyko M.* State enforcement as a means of ensuring public order: Synopsis of thesis of PhD in Law. Nizhny Novgorod, 1996. 19 p.
12. *Nokhrin D.* The state enforcement in civil procedure: Monograph. M.: Wolters Kluwer, 2009. 256 p.
13. *Puchnin A.* Enforcement and law. Synopsis of a thesis of PhD in Law. M., 2000. 21 p.
14. *Studenikina M.* The ratio of administrative enforcement and administrative responsibility // Soviet State and Law. 1968. № 10. P. 20–27.
15. *Chirkov A.* Responsibility in the legal system. Kaliningrad: Kaliningrad University, 1996. 77 p.

УДК 340

Егупов В.А.,

кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Московского института государственного управления и права

СУЩНОСТЬ И ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА НЕНАДЛЕЖАЩЕЙ РЕКЛАМЫ

В статье исследуются на основе анализа действующего законодательства понятие и виды рекламы и ненадлежащей рекламы, проблемы, возникающие в связи с инициативой, созданием и распространением ненадлежащей рекламы, необходимость защиты прав потребителей от данной рекламы, а также пути совершенствования рекламного законодательства.

Автор пришел к выводу о том, что само законодательное определение рекламы создает почву для появления ненадлежащей рекламы, поскольку позволяет рекламодателю заказывать, рекламопроизводителю создавать, а рекламораспространителю размещать информацию в любой форме, любым способом и с использованием любых средств. Решить данную проблему возможно, на наш взгляд, путём внесения изменений и дополнений в действующий Закон о рекламе в части изменения самого понятия «реклама». Под рекламой мы предлагаем понимать изготовленную и распространенную на основании договора с заказчиком специально уполномоченными лицами в установленной законом форме, с помощью разрешенных законом способов и средств информацию коммерческого, социального, политического, религиозного, идеологического и культурологического характера, которая является оплачиваемой и предназначена для неопределенного круга лиц с целью формирования или поддержания интереса к рекламируемым объектам, либо достижения иного желаемого заказчиком результата. Данное определение позволит если не исключить случаи распространения ненадлежащей рекламы, то, по крайней мере, заметно снизить количество подобных фактов, а также учесть субъектами рекламной деятельности то обстоятельство, что надлежащей рекламой признается лишь такая информация, которая удовлетворяет общим и специальным требованиям, предъявляемым к ней законом.

Ключевые слова: реклама, рекламопроизводитель, рекламодатель, рекламораспространитель, потребитель рекламы, недобросовестная реклама, недостоверная реклама, скрытая реклама

Egupov V.,

PhD in Law, Associate Professor of Chair of State-Legal Disciplines
of the Moscow Institute of Public Administration and Law

THE IMPLICATION AND LEGAL NATURE OF IMPROPER ADVERTISING

On the base of the current legislation analysis the article author examines a definition and types of advertising and improper advertising, the occurring problems with this enterprise, giving and dissemination of the improper advertising, the necessary to consumer rights protection from such kind of advertising, as well as the ways of the advertising legislation perfection.

The article author has come to conclusion that the very legislative dissemination of advertising has paved the way for the improper advertising occurrence, because it allows an advertiser to order, an advertisement producer to create, but advertising-disseminator to place information in any form, by any method, using any means. . To solve this problem is possible, in our view, by making changes and amendments to the existing law on advertising so as to change the very notion of "advertising". By advertising we propose to understand the production and distribution on the basis of a contract with a customer by specially authorized persons in the statutory form, by means permitted by law the ways and means of information of commercial, social, political, religious, ideological and cultural nature, which is paid and is for an indefinite number of persons to form or maintain interest in the advertised sites, or to achieve any other desired outcome the customer. This definition would allow if not eliminate cases of dissemination of improper advertising, then at least significantly reduce the number of such incidents, as well as take into account the subjects of advertising activity the fact that the appropriate advertising is recognized only such information that satisfies the general and specific requirements for its law.

Keywords: advertising, advertisement producer, advertiser, advertising-disseminator, advertising consumer, unfair advertising, inaccurate advertising, indirect advertising

Реклама занимает особое место в системе правоотношений, в особенности в сфере предпринимательской деятельности. Без рекламы невозможно представить существование современного общества, которое нуждается в достоверном информировании о товарах, работах, услугах, социально-культурных мероприятиях и проблемах, политических программах, идеологических и религиозных течениях. Реклама, изначально появившись как двигатель торговли, вышла далеко за рамки коммерческой деятельности, стала национальной субкультурой, объектом авторских прав, сообщением о социальных проблемах, средством агитации и пропаганды.

Как справедливо заметил Р.М. Лисецкий «реклама стала неотъемлемой частью общественной жизни не только в нашей стране, но и стала необходимым условием функционирования предприятий различных форм собственности во всех развитых странах. Сила информации настолько велика, что под её воздействием формируется не только общественное сознание и мироощущение, но и государственная политика, поэтому нельзя недооценивать значимость рекламы в общественной жизни. Она затрагивает интересы миллионов людей и является важнейшей частью их жизни. Реклама, как и любое другое явление рыночной экономики, требует не только высокого профессионализма со стороны рекламодателей, рекламопроизводителей и рекламораспространителей, но чувства ответственности с их стороны» [1: с. 108].

Однако на практике, к сожалению, всё чаще происходят нарушения общих и специальных требований, предъявляемых к рекламе Федеральным законом от 13 марта 2006 года №38-ФЗ «О рекламе» (далее по тексту ФЗ «О рекламе»), в результате чего появляется незаконная реклама, нарушающая как права потребителей рекламы, так и права и законные интересы рекламодателей-конкурентов. Единственным и далеко не всегда эффективным юридическим средством противодействия подобной рекламе является статья 14.3 Кодекса Российской Федерации об административных нарушениях (далее по тексту КоАП РФ), предусматривающая административную ответственность за нарушение законодательства о рекламе. Административным наказанием для нарушителей рекламного законодательства является административный штраф от двух тысяч до пятисот тысяч рублей в зависимости от субъекта (физическое лицо, должностное лицо, юридическое лицо). Для крупных хозяйствующих субъектов с оборотами в несколько десятков миллиардов рублей в год такие штрафы ничтожны, поэтому создание и распространение ненадлежащей, незаконной рекламы становится выгодным для такой категории недобросовестных субъектов. Потребители же и добросовестные рекламодатели-конкуренты страдают от такой рекламы, несут убытки, и в конеч-

ном итоге устраняются с рынка, заниматься бизнесом становится для них невыгодно, а вышеуказанные нарушители рекламного законодательства получают благодаря незаконной рекламе многомиллионные доходы от своей, зачастую незаконной деятельности. Вот почему, на наш взгляд, так важно решать указанную проблему именно на законодательном уровне, предусмотрев в КоАП РФ более строгие наказания, чем административные штраф, например, административное приостановление деятельности юридического лица, которые позволили бы если не устранить, то хотя бы снизить уровень распространения ненадлежащей рекламы недобросовестными субъектами рыночных отношений.

Исследуя в своей кандидатской диссертации административную ответственность за нарушения законодательства о рекламе тот же Р.М. Лисецкий ещё в 2005 году справедливо отмечал, что «учитывая, что уголовная ответственность за заведомо ложную рекламу упразднена, можно резюмировать, что задача превентивного воздействия на потенциальных правонарушителей законодательства о рекламе, а также собственном меры государственного воздействия на лиц, виновных в нарушении установленных в Федеральном законе РФ «О рекламе» положений, возложены законодателем в настоящее время в основном на административное законодательство. Это, в свою очередь, требует скрупулезного анализа как собственно понятий рекламы и ненадлежащей рекламы, так и содержания объективных и субъективных признаков состава административного правонарушения, предусмотренного ст.14.3 КоАП РФ «Нарушение законодательства о рекламе» и смежных с ним составов административных правонарушений» [2: с. 28]. С тех пор, несмотря на принятие нового ФЗ «О рекламе», уголовной ответственности за ненадлежащую рекламу не предусмотрено. По нашему глубокому убеждению, такая ответственность существовать должна, а в случаях с юридическими лицами, являющимися субъектами административного правонарушения, но не уголовного преступления, данную ответственность вполне могут нести руководители юридического лица, виновные в инициативе, создании и распространении ненадлежащей рекламы.

Согласно п.1) ст.3 ФЗ «О рекламе» реклама – информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке. В п.2) рассматриваемой статьи сказано, что объект рекламирования – товар, средство его индивидуализации, изготовитель или продавец товара, результаты интеллектуальной деятельности либо мероприятие (в том числе спортивное

соревнование, концерт, конкурс, фестиваль, основанные на риске игры, пари), на привлечение внимания к которым направлена реклама. Оно идеально подходит для коммерческой рекламы, поэтому законодателю следовало бы назвать ФЗ «О рекламе» Федеральным законом «О коммерческой рекламе» и принять вместе с ним другой регулирующий рекламные отношения Федеральный закон «О некоммерческой рекламе». Это во многом позволило бы избежать существующих пробелов рекламного законодательства и значительно преградило бы путь ненадлежащей рекламе.

Для более детального уяснения и понимания юридической природы ненадлежащей рекламы, способов, форм и средств её создания и распространения следует, на наш взгляд, обратиться к существующим в научной юридической литературе понятиям рекламы.

Весьма простое, но интересное определение рекламы, предлагает в своем диссертационном исследовании Е.В. Медянкова: «Реклама – информация, распространяемая через средства коммуникации, о физическом или юридическом лице, товарах, идеях, начинаниях с целью формирования к ним коммерческого интереса у неопределенного круга лиц» [3: с. 10]. Данное понятие рекламы не отражает всей широты и распространенности данного социального явления, а может быть приурочено лишь к коммерческому виду рекламы. Коммерческая реклама хотя и является самым распространенным видом рекламы, поскольку даже сам законодатель подчеркивает рыночный характер любой рекламы, однако в действительности существуют и некоммерческие виды рекламы, не менее остро нуждающиеся в правовом регулировании. Если социальная реклама ещё нашла отражение в действующем ФЗ «О рекламе», то вот реклама политическая, идеологическая, культурологическая и религиозная, имеющие место быть в действительности, законодательно не урегулированы, а значит сведения, изложенные в таких рекламах могут быть любыми, в том числе заведомо ложными, как часто бывает в политической рекламе, содержащей заведомо невыполнимые обещания в политических программах кандидатов в выборные органы власти. Субъекты рекламной деятельности какой-либо юридической ответственности за создание и распространение ненадлежащей некоммерческой рекламы не понесут, поскольку ФЗ «О рекламе» не распространяется на политическую рекламу, а предъявляет общие и специальные требования лишь к коммерческой и социальной рекламе. Поэтому, будучи ненадлежащей по существу, подобная реклама не может быть незаконной, так как сам закон на неё не распространяется. Следовательно, понятие «ненадлежащая реклама» шире по объёму понятия «незаконная реклама», однако административная ответственность у нас наступает не за всю ненадлежащую рекламу, а лишь за

незаконную её часть. Такого, на наш взгляд, быть не должно, поэтому вышеуказанные виды некоммерческой рекламы должны быть урегулированы на законодательном уровне путем либо внесения изменений и дополнений в ФЗ «О рекламе», либо принятия отдельного Федерального закона «О некоммерческой рекламе», либо разработки и принятия комплексного кодифицированного нормативного правового акта Рекламного кодекса Российской Федерации.

Исследуя гражданско-правовой аспект рекламы, мы попытались сформулировать собственное понятие рекламы: «Реклама – изготовленная и распространяемая на основании договора с заказчиком специально уполномоченными лицами в установленной законом форме, с помощью разрешенных законом способов и средств информация коммерческого, социального, политического, религиозного, идеологического и культурологического характера, которая является оплачиваемой и предназначена для неопределенного круга лиц с целью формирования или поддержания интереса к рекламируемым объектам, либо достижения иного желаемого заказчиком результата» [4: с. 8-9].

Указанное определение, несмотря на свой, казалось бы, отчетливый гражданско-правовой договорный характер, содержит отсылку к административно-правовым императивным отношениям между государством, которое устанавливает в законе форму, способы и средства распространения (размещения) рекламной информации и субъектами рекламной деятельности, обязанных соблюдать общие и специальные требования, предъявляемые к рекламе. Всё это говорит о комплексном характере правоотношений в сфере рекламы. На наш взгляд, приведенное нами определение рекламы полнее и конкретнее законодательного определения, поскольку относится, во-первых, к любой рекламе, а не только к коммерческой, а во-вторых, не даёт субъектам рекламной деятельности использовать любые форму, способы и средства, что может автоматически привести к созданию ненадлежащей рекламы, подпадающей в целом под её законное определение.

Н.В. Воронин, проводивший в своё время исследования уголовно-правового аспекта ответственности за заведомо ложную рекламу, предлагает следующее определение: «реклама – это информация, являющаяся совокупным продуктом экономической или иной социально значимой деятельности лиц, использующих ее в целях создания информационного обеспечения, необходимого для привлечения внимания неопределенного круга людей к юридическим и физическим лицам, производимым товарам, работам, услугам, идеям или начинаниям соответствующего субъекта экономической или иной социально значимой деятельности с помощью средств распростра-

нения информации, оплачиваемых определенным заказчиком, либо самореклама, осуществляемая любым субъектом экономической или иной социально значимой деятельности по собственной инициативе и в своих личных интересах» [5: с. 11]. Значение такого определения рекламы заключается в целях рекламы, среди которых основной должно быть именно информационное обеспечение населения, а не привлечь внимание к объекту рекламирования, как указано в ФЗ «О рекламе». Привлечение же внимания в рекламе к объектам рекламирования является именно неизбежной необходимостью, следствием размещения рекламы, но не целью, что как раз важно для потребителей рекламы.

Часть 1 статьи 5 ФЗ «О рекламе» говорит нам о том, что реклама должна быть добросовестной и достоверной, недобросовестная реклама и недостоверная реклама не допускаются. Отсюда можно сделать вывод, что недобросовестная и недостоверная реклама являются видами ненадлежащей рекламы, а распространение таких видов рекламы нарушают права потребителей на получение добросовестной и достоверной информации об объекте рекламирования.

Право потребителя на получение добросовестной и достоверной рекламы товаров тесно переплетается с конституционным правом человека на охрану здоровья (ст. 7, 41 Конституции РФ), поскольку информация о рекламном продукте может ввести потребителей в заблуждение относительно их истинных потребительских свойств и привести к нанесению вреда здоровью [6: с. 30]. Важно отметить, что если размещенная незаконная реклама причинила вред здоровью конкретным потребителям, то субъекты рекламной деятельности помимо административной ответственности могут быть привлечены судом к гражданско-правовой ответственности перед каждым пострадавшим от такой рекламы лицом.

В соответствии с пунктом 6 ст.5 ФЗ «О рекламе» в рекламе не допускается использование бранных слов, непристойных и оскорбительных образов, сравнений и выражений, в том числе в отношении пола, возраста, расы, национальности, профессии, социальной категории, языка человека и гражданина, официальных государственных символов (флагов, гербов, гимнов), религиозных символов, объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, а также объектов культурного наследия, включённых в Список всемирного наследия. Использованный в ФЗ «О рекламе» запрет с одной стороны не допускает выход в свет неэтичной рекламы, с другой же стороны усложняет компетентным органам административный процесс привлечения нарушителей рекламного законодательства к ответственности, поскольку выражения «бранные слова», «непристойные и оскорбительные

образы» носят оценочный и абстрактный характер, однако согласуются, к сожалению, с действующим легальным определением рекламы, которая может распространяться в любой форме, любыми способами и с помощью любых средств.

«Этичность в рекламе, – как отмечает А.Н. Толкачёв, – включает целый комплекс требований, которые удачно сформулированы в Российском рекламном кодексе. Так, реклама не должна: без обоснованных причин играть на чувстве страха; содержать информацию, способную вызвать или спровоцировать акты насилия; содержать элементы дискриминации по расовому, национальному и религиозному признаку или принадлежности к тому или иному полу, возрастной группе; усиливать, (обострять) комплексы, связанные с внешней непривлекательностью, скажем, отдельных социальных групп: пожилые люди, подростки, полные люди и т.д. В практике рекламы известны случаи, когда рекламные образы на постерах изображали «Тайную вечерю» с рекламируемым товаром на столе. А в 2003 году Христианский общественный комитет опротестовал рекламные щиты французской марки Sisley, изображающие полураздетую девушку, держащую в зубах крест. Здесь вполне очевидно посягательство на религиозные чувства граждан, а следовательно, на общественную мораль, что недопустимо. Так, например, в Бразилии не принято использовать в рекламе религиозные сюжеты» [7: с. 32-33]. Однако Российский рекламный кодекс является актом саморегулируемой организации Рекламного совета России, поэтому его требования носят рекомендательный, а не обязательный для субъектов рекламной деятельности характер.

ФЗ «О рекламе» также не допускает рекламу, в которой отсутствует часть существенной информации о рекламируемом товаре, об условиях его приобретения и использования, если при этом искажается смысл информации, и вводятся в заблуждение потребители рекламы. Интересный пример введения потребителей в заблуждение и комментарий к нему приводит известный исследователь проблем правового регулирования рекламной деятельности Ю.В. Черячукин. Последний отмечает, что «Н.Е. Фонарева, одна из разработчиков ФЗ «О рекламе», в одном из интервью высказалась за необходимость получения документального подтверждения, что «от Парижа до Находки Омса – лучшие колготки». И если это подтверждение не будет представлено – рекламодателю придется менять рекламу.

Представляется, что в этом случае нельзя говорить о введении в заблуждение разумных потребителей, хотя такая реклама без соответствующих подтверждений всё же нарушает российское законодательство.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что

в России законодательство о рекламе в том виде, в котором оно сейчас существует, исходит из необходимости защиты лишь доверчивого потребителя» [8: с. 184].

Каковы бы ни были способ и форма распространения рекламы – устный или письменный, визуальный или слуховой, наружный или печатный – во всех случаях закон должен охранять и защищать права и интересы несовершеннолетних, воздерживаться от злоупотреблений их доверием и недостатком жизненного опыта.

Поэтому согласно ФЗ «О рекламе» в рекламе не допускается информация, которая прямо или косвенно:

- дискредитирует родителей и воспитателей, подрывает доверие к ним у несовершеннолетних;
- побуждает несовершеннолетних к тому, чтобы они убедили родителей или других лиц приобрести рекламируемый товар;
- создаёт у несовершеннолетних искаженное представление о доступности товара для семьи с любым уровнем достатка;
- создаёт у несовершеннолетних впечатление о том, что обладание рекламируемым товаром ставит их в предпочтительное положение перед их сверстниками;
- формирует комплекс неполноценности у несовершеннолетних, не обладающих рекламируемым товаром;
- показывает несовершеннолетних в опасных ситуациях;
- вызывает агрессию;
- уменьшает уровень необходимых для использования рекламируемого товара навыков у несовершеннолетних той возрастной группы, для которой этот товар предназначен;
- формирует у несовершеннолетних комплекса неполноценности, связанного с их внешней непривлекательностью.

Примеров нарушения вышеуказанных норм можно привести достаточно. Так, пункт 4 ст. 6 ФЗ «О рекламе» содержит запрет на создание у несовершеннолетних впечатления, что обладание рекламируемым товаром ставит их в предпочтительное положение перед их сверстниками. По смыслу указанной нормы не имеет значения, в чем будет проявляться предпочтение. Интересным примером нарушения приведенной нормы является дело, возбужденное Брянским УФАС России по факту распространения рекламного ролика магазина «Империя сумок». В ролике звучали слова: «Скоро первое сентября. Каждый мечтает, чтобы его дети хорошо учились. В магазинах «Империя сумок» отличный выбор для хороших оценок». При этом в рекламе использовались изображения детей, демонстрирующих учительнице школьные рюкзаки и дневники, в которых та ставила оценку «5+». Антимонопольный орган пришел к вы-

воду, что данная реклама направлена на побуждение несовершеннолетних к тому, чтобы они убедили родителей или других лиц приобрести рекламируемые рюкзаки, и создает у них впечатление, что обладание указанными товарами ставит их в предпочтительное положение перед сверстниками (Решение Комиссии Брянского УФАС России по делу ИП Васютичева от 09.09.2007) [9: с. 48-49].

Любое нарушение указанных требований делает рекламу ненадлежащей и влечет административную ответственность для нарушителей в соответствии со статьей 14.3 КоАП РФ. Субъектами административной ответственности за нарушения ФЗ «О рекламе» могут быть рекламопроизводитель и рекламодатель. Однако к юридическим лицам помимо административного штрафа, который, как отмечалось выше, для крупных хозяйствующих субъектов весьма незначителен, должно, на наш взгляд, применяться более суровое, предусмотренное КоАП РФ наказание, например, административное приостановление деятельности юридического лица на срок от шести месяцев до трёх лет. Тогда, мы уверены, вышеуказанные субъекты неоднократно задумаются о том, стоит ли им создавать и размещать ненадлежащую рекламу того или иного объекта рекламирования или всё же выгоднее соблюдать действующее рекламное законодательство.

Кроме общих требований в зависимости от рекламируемого объекта и от способа распространения ФЗ «О рекламе» обязывает субъектов рекламной деятельности также соблюдать те специальные требования, которые указаны в соответствующих статьях, посвященным отдельным способам распространения рекламы и рекламе отдельных видов товаров. Это особенно важно для рекламы алкогольной продукции, лекарственных средств, продуктов детского питания, биологически активных добавок, реклама которых с нарушением соответствующих норм распространяется повсеместно.

На основе анализа норм ФЗ «О рекламе», можно сделать вывод о том, что понятие «недобросовестная реклама» шире по объёму понятия «недоверенная реклама». Иными словами всякая недоверенная реклама по своей сути является недобросовестной, но не каждая недобросовестная реклама будет считаться недоверенной, так как недобросовестная реклама может содержать и соответствующие действительности сведения. Основная причина признания достоверной рекламы недобросовестной, а соответственно ненадлежащей по российскому законодательству – наличие в её содержании информации, которая содержит некорректные сравнения рекламируемого товара с аналогичными товарами других производителей, порочит тем самым честь, достоинство или деловую репутацию конкурента, понижая

спрос на продукцию конкурента и выступая, таким образом, актом недобросовестной конкуренции.

Современное законодательство, контролирующее рекламную деятельность, не охватывает весь спектр рекламных услуг и средств её доведения до потребителя в связи с быстро развивающейся рекламной индустрией, что делает контроль за рекламной деятельностью не всегда эффективным. Так, ФЗ «О рекламе» не содержит никаких комментариев относительно распространения рекламы в Интернете, средствах мобильной связи. Полностью отсутствует контроль за созданием и производством рекламы, поскольку контроль начинается только с момента появления рекламы на рекламных щитах и в средствах массовой информации, когда люди уже непосредственно сталкиваются с ней [10: с. 170].

Заслуживает научного внимания взгляд на ненадлежащую рекламу И.С. Козко, который небезосновательно считает нарушение законодательства о рекламе проявлением правового нигилизма, который отчасти присутствует в современном обществе. Он предлагает следующий комплекс мер по преодолению правового нигилизма в рекламных отношениях:

- ужесточение контроля за деятельностью рекламных агентств;
- усовершенствование системы органов, уже осуществляющих контроль в этой сфере;
- систематизировать рекламное законодательство, то есть продолжить стягивание статей из других нормативно-правовых актов внутрь ФЗ «О рекламе»;
- было бы целесообразно принять соответствующие законы о политической, социальной рекламе, чтобы потребители лучше поняли суть каждой из них и отличали их от коммерческой рекламы;
- выработать этические кодексы отдельных видов рекламы (политической, социальной), которые могут являться одним из главных условий эффективного саморегулирования рекламы, где непосредственное участие принимают сами участники рекламной деятельности [11: с. 225-226].

Особого внимания заслуживает самый распространённый и трудно распознаваемый вид ненадлежащей рекламы – скрытая реклама. Согласно статье 5 ФЗ «О рекламе» не допускаются использование в радио-, теле-, видео-, аудио и кинопродукции или в другой продукции и распространение иными способами скрытой рекламы, т.е. рекламы, которая оказывает неосознаваемое потребителями рекламы воздействие на их сознание, в том числе воздействие путем использования специальных видеовставок (двойной звукозаписи) и иными способами.

Рекламируя данным способом свою продукцию, компании не только продвигают её на рынке, но ещё связывают её в сознании потребителей с образами героев фильмов (сериалов), мультфильмов или с

самими актёрами. Этот вид скрытой рекламы, именуемый в теории рекламной деятельности как «product placement», не регулируется действующим ФЗ «О рекламе», так как в соответствии с пунктом 9) части 2 статьи 2, он не распространяется на упоминание о товаре, средствах его индивидуализации, об изготовителе или о продавце товара, которые органично интегрированы в произведения науки, литературы или искусства. По нашему мнению, это серьезное упущение законодателя, поскольку подобные упоминания являются рекламой, зачастую скрытой, и оказывают ещё большее негативное воздействие на потребителей, нежели обычный рекламный ролик. Негативное воздействие такой рекламы в данном случае не осознаваемо зрителем, поскольку является составной неотъемлемой частью авторского замысла. Конечно, полностью запретить «Product placement» вряд ли возможно, но и не распространять на него общие и специальные требования ФЗ «О рекламе» тоже недопустимо. Обороты продаж от подобной скрытой аудиовизуальной рекламы максимальны, для сценаристов и режиссеров фильмов это хороший источник доходов, страдают только потребители, которым реклама неосознанно навязывается, и которые после просмотра стремятся как можно скорее приобрести объект рекламирования, ведь его используют сами герои кино.

Как обоснованно отмечает исследователь проблем ненадлежащей рекламы М.В. Баранова «скрытая реклама – в значительной мере психологический феномен. Она функционирует в психологической сфере: рекламодатели и производители скрытой рекламы знают её возможности, концентрируют их, учитывают психофизиологические потребности потенциального рекламопотребителя и нацеливают на него этот особый вид рекламы в расчёте на субъективно-эмоциональный эффект. ...Скрытую рекламу сложно идентифицировать. Не каждый правоприменитель имеет чёткое представление о видеовставках, двойной звукозаписи и неких иных способах воздействия, свойственных такому виду ненадлежащей рекламы. Наряду с этим серьёзные проблемы для правоприменителя создает положение п.9. ст.2 «Сфера применения настоящего Федерального закона» ФЗ «О рекламе», где законодатель указывает, что данный базовый закон не распространяется на упоминание о товаре, средствах его индивидуализации, об изготовителе или о продавце товара, которые органично интегрированы в произведения науки, литературы или искусства и сами по себе не являются сведениями рекламного характера. Данный подход вызывает ряд вопросов. Во-первых, неясно – по каким критериям и кем будет оцениваться органичность или неорганичность интегрирования информации. Применение здесь этого оценочного понятия не представляется в технико-юридическом

ракурсе оправданным. Во-вторых, не вполне понятно, что имел в виду законодатель под «сведениями рекламного характера». Дефиниция данного понятия в базовом законе и в конкретизирующем его законодательстве отсутствует. Вероятно, следует говорить не о «сведениях рекламного характера», а о «направленности на рекламные цели». Под рекламными целями, согласно дефиниции понятия «реклама», следует понимать: привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование и поддержание интереса к объекту рекламирования и продвижение на рынке объекта рекламирования» [12: с. 40-41].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что ненадлежащая реклама является объектом комплексного правового регулирования, а рекламное право в наибольшей степени связано с гражданским, административным и конституционным правом. Исследуя сущность и юридическую природу ненадлежащей рекламы, мы пришли к тому, что одного административного наказания в виде административного штрафа за нарушение законодательства о рекламе недостаточно в отношении юридических лиц, которые в большинстве случаев и являются рекламодателями, рекламопроизводителями и рекламодателями. На наш взгляд, для более эффективного противодействия ненадлежащей рекламе следует ввести такой существующий в КоАП РФ вид административного наказания как административное приостановление деятельности на срок от шести месяцев до трёх лет для юридических лиц за неоднократное её распространение. Поясним, что для юридических лиц такой вид наказания значительно строже, чем административный штраф, а значит основная цель наказания – предупреждение совершения новых правонарушений,

предусмотренных статьёй 14.3 КоАП РФ, будет достигнута, и потребители будут в большей степени защищены от ненадлежащей рекламы. Императивный метод запрета, действующий в рекламном законодательстве, к сожалению, малоэффективен в силу законодательного определения понятия «реклама». Распространение информации с помощью любых способов, любой формы и с использованием любых средств предоставляет субъектам рекламной деятельности возможность создания всех вышеуказанных видов ненадлежащей рекламы. Поэтому, на наш взгляд, законодательство о рекламе нуждается в постоянном совершенствовании и гармонизации по мере развития научно-технического прогресса. Реклама не должна являться одной из форм недобросовестной конкуренции, а также нарушать права потребителей на просмотр целостного кинофильма, телепрограммы, телепередачи, прерывая их на протяжении всей трансляции. Отдельного правового регулирования и научного исследования требует реклама в Интернете, которая в настоящее время беспардонно навязывается пользователям всемирной паутины, часто содержит заведомо ложную информацию о товарах, работах и услугах. Реклама должна выполнять в первую очередь информативную функцию, а уже потом функцию продвижения на рынке объекта рекламирования. В противном случае ради достижения своей, казалось бы, обычной коммерческой цели она начинает нарушать действующее законодательство в части требований к достоверности, добросовестности и особенно этичности, становясь уже ненадлежащей рекламой, общественно опасным негативным социальным явлением, причиняющем вред законным правам и интересам государства, общества, каждого из нас.

Список литературы

1. Лисецкий Р.М. Административно-юрисдикционная защита рекламной деятельности: Монография / Р.М. Лисецкий. М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2013.
2. Лисецкий Р.М. Административная ответственность за нарушения законодательства о рекламе. Дисс. канд. юрид. наук. М., 2005.
3. Медянцева Е.В. Правовое регулирование рекламной информации: Дисс. канд. юрид. наук. М., 2002.
4. Егунов В.А. Гражданско-правовой статус участников отношений в сфере рекламы и роль ОВД в борьбе с нарушениями рекламного законодательства: Дисс. канд. юрид. наук. М., 2012.
5. Воронин Н.В. Реклама: социально-исторический и уголовно-правовой аспекты: Дисс. канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001.
6. Туровская В.А., Корчагина К.А. Эффективное государственное обеспечение права потребителя на надлежащую рекламу товаров как способ предупреждения причинения вреда здоровью населения (на примере биологически активных добавок) // Вестник Казанского юридического института МВД России. №2 (24). 2016.
7. Толкачев А.Н. Реклама и рекламная деятельность в России: закон и практика. М.: Эксмо, 2008.
8. Черячукин Ю.В. Правовое регулирование рекламной деятельности: Учебно-методическое пособие // Волгоградский государственный университет. Волгоград, 2001.
9. Юрга В. Ненадлежащая реклама. // Корпоративный юрист. №5. 2012.
10. Сабуров А.Е. Государственный контроль за рекламной деятельностью в РФ // Вестник ПАГС. 2008.
11. Козко И.С. Нарушение законодательства о рекламе как проявление правового нигилизма // Законность и правопорядок в современном обществе: сборник материалов I Международной научно-практической конференции. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2010.

12. Баранова М.В. Правовая природа и социальная опасность скрытой рекламы // *Философия права*. №2. 2009.

Reference list

1. *Lisetskiy R.* Administrative and jurisdictional protection of advertising activity: Monograph // R. Lisetskiy. M.: FSI "ARRI of Interior Ministry of Russia", 2013.
2. *Lisetskiy R.* Administrative responsibility for violation of legislation on advertising. Thesis of PhD in Law. M., 2005.
3. *Medyankova E.* Legal regulation of the advertising information: Thesis of PhD in Law. M., 2002.
4. *Egurov V.* Participants' civil-legal status of relations in the sector of advertising and the role of the Department of Internal Affairs in the combating against violations of advertising legislation: Thesis of PhD in Law. M., 2012.
5. *Voronin N.* Advertising: The socio-historical and criminal-legal aspects: Thesis of PhD in Law. Ekaterinburg, 2001.
6. *Turovskaya V., Korchagina K.* Effective state ensure the right of consumers to appropriate advertising of goods as a way of prevention of harm to the health of the population (for example, dietary supplements) // *Bulletin of the Kazan Law Institute of Interior Ministry of Russia*. № 2 (24). 2016.
7. *Tolkachev A.* Advertising and promotional activities in Russia: Law and practice. M.: Eksmo, 2008.
8. *Cheryachukin Yu.* Legal regulation of advertising activity: Textbook // Volgograd State University. Volgograd, 2001.
9. *Yurga V.* Improper advertising. // *Corporate Lawyer*. №. 5. 2012.
10. *Saburov A.* State control over advertising activity in Russia // *VAGS Bulletin*. 2008.
11. *Kozko I.* Violation of legislation on advertising as a manifestation of legal nihilism // *The rule of law in contemporary society: Proceedings of the I International Scientific-Practical Conference*. Novosibirsk: Publishing office NSTU, 2010.
12. *Baranova M.* The legal nature and social danger of indirect advertising // *Law Philosophy*. №2. 2009.

Куницын А.С.,

кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Курского филиала Московского института государственного управления и права

НАУКА ПОЛИТИКИ ПРАВА КАК ФОРМА ОРГАНИЗАЦИИ ПРАВОВОЙ ЖИЗНИ В ИСТОРИИ РУССКОЙ ЕСТЕСТВЕННО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ

Статья посвящена одной из наиболее перспективных проблем современной российской юридической науки. Обоснована важность творческого использования наследия отечественной естественно-правовой мысли в целях дальнейшей теоретической разработки в современных условиях науки политики права. Определен вклад представителей российской естественно-правовой мысли в доказательство необходимости и важности создания науки политики права, в исследование ее теоретических основ.

Ключевые слова: естественное право, положительное право, естественно-правовая мысль, право сущее, право должное, политика права

Kunitsyn A.,

PhD in History, Associate Professor of Chair of State-Legal Disciplines
of the Kursk Branch of Moscow Institute of Public Administration and Law

THE LAW POLICY SCIENCE AS AN ORGANIZATION FORM OF LEGAL LIFE IN HISTORY OF THE RUSSIAN NATURAL-LEGAL THOUGHT

The article is focused one of the most emerging issues of the contemporary Russian juridical science. It is substantiated the importance of creative use of the Russian natural-legal thought legacy in order to further theoretical development in contemporary conditions of law policy science. There is defined a contribution of the Russian natural-legal thought representatives in proof of necessary and importance of law policy science establishment, in the study of its theoretical foundations.

Keywords: natural law, positive law, natural-legal thought, law existent, law proper, law policy

Среди направлений современной российской юридической науки одно из ведущих мест принадлежит проблеме правовой политики. Формирование новой научной парадигмы права, предполагающей политико-правовой подход к анализу права, то есть к анализу его не только с точки зрения правовой догматики, но и внешних ценностей, является важнейшей задачей российских правоведов.

«Вопрос соотношения права и политики принадлежит к числу вечных актуальных и «остросюжетных». Вокруг него всегда велась жестокая полемика, в ходе которой ломались копыя, сталкивались аргументы и контраргументы, выяснялось, что “первично”, а что “вторично”, какой из двух феноменов имеет приоритет и т.д. Дискуссии продолжаются и сейчас, то затихая, то разгораясь вновь в зависимости от обстоятельств, причем это происходит не только в теории, но и на практике» [1]. С подобной оценкой авторитетного современного правоведа, который в 90-е годы XX в. одним из первых обратился к осмыслению основ науки политики права, нельзя не согласиться, добавив при этом, что весьма ценные и убедительные

аргументы для указанных дискуссий могут быть найдены в трудах выдающихся правоведов, представителей отечественной естественно-правовой мысли.

Современному поколению российских правоведов важно в полной мере осознать подкрепленную историческим опытом мысль русско-французского социолога и правоведа Г.Д. Гурвича (1894–1965) о том, что «обращение к юридическому опыту учит нас ничего не упрощать, а следовать всей сложности правовой жизни, принимая во внимание ее крайнюю драматичность, составляющую самую сущность правовой жизни» [2].

В зарубежной и отечественной юридической науке начало научной разработки политики права (в современной интерпретации – правовой политики) принято относить к рубежу XIX–XX вв., связывая это с обстановкой, сложившейся в то время, в частности, с итогами дискуссий, которые были вызваны проектом нового гражданского кодекса в Германии [3].

По словам известного в прошлом философа и публициста Г.А. Ландау (1877–1942), «появившись в немецкой литературе в связи с критикой проекта германского гражданского уложения, оно обратило

на себя в немецкой юриспруденции всеобщее внимание. Будучи более подробно развито позже на русском языке, оно, однако, в России обстоятельной критике подвергнуто не было; не было борьбы с ним, не было, в сущности, и ясно выраженного его признания, и, однако, оно, по-видимому, одержало победу без решительных битв... Не то, чтобы политика права, как особая наука, обогащалась за последние годы монографиями или другими, относящимися к ней по содержанию, работами; само собой подразумеваемым становится только формальное признание законности и обоснованности такой науки» [4].

На основе анализа состояния современного ему правоправедения приват-доцент юридического факультета Петербургского университета П.А. Покровский (1885 – 1916) сделал вполне обоснованный вывод о том, что вопрос создания научной политики права вызвал интерес многих ученых правоведов, некоторые из которых, по его выражению, сделали этот вопрос «в качестве основного исходного пункта своих научных изысканий». Причину подобных настроений П.А. Покровский увидел в неудовлетворенности пытливых исследователей «правом существующим».

Отвечая на вопрос о причинах подобной неудовлетворенности, П.А. Покровский отметил: «Думается, мы не ошибемся, если будем искать этих причин в новых формах и новых тенденциях жизни, отражающихся, конечно, в праве, но далеко не властвующих еще в нем суверенно... Современное право далеко не всегда укладывается в рамки гармоничной системы, удовлетворяющей ум систематика-правоведа. Отсюда-то и неудовлетворенность существующим правом не только у политиков, но и у ученых, лишенных какой бы то ни было политической зависимости, у “просто” ученых, естественное стремление которых логически уяснить и гармонически изложить сущность той или иной системы права. Эта неудовлетворенность и приводит к потребности подумать о новом праве, более совершенном, и естественно, что представители науки пытаются научно формулировать те пути и методы, какими можно прийти к созданию этого нового права» [5]. В русле этих поисков и возникла идея о необходимости построения учения о политике права, т. е. «учения о том, чем должно быть право, и как достичь желательных правовых изменений» [5]. Причем, как уместно заметил известный современный американский профессор А. Валицкий, «следует помнить, что это было время, когда в философии права полностью господствовал правовой позитивизм, то есть исторический и позитивно-догматический (доктринальный) анализ существующих законов. Любые попытки поиска “справедливого права”, философствования об “внеправовых” и “сверхправовых” целях права, мышление в категориях “должного” (Sollen), а не только “сущего” (Sein), отвергались,

по крайней мере в Германии, как повторение ошибок школы естественного права, которая, казалось, была полностью дискредитирована и выжила только в среде католических юристов» [6].

Важно подчеркнуть, что русские правоведы не считали себя первопроходцами в разработке науки политики права, признавая в этом приоритет западноевропейских ученых. П.А. Покровский, например, одним из первых борцов за политику права называл английского философа и юриста И. Бентама (1798–1832), который еще полутора столетия назад выдвинул требование построения науки политики права, которое «не является, конечно, безмерно новым; тем не менее, принимая во внимание лозунги и принципы господствующих течений в области права, нельзя не согласиться, что требование это и своевременно и логично». «В наше время увлечения чисто конструктивной догматикой существующего, – подчеркнул правовед, – не мала заслуга ученых, зовущих от существующего к должностующему быть» [5].

Профессор юридического факультета Петербургского университета П.Г. Редкин (1808–1891), размышляя в своих лекциях о политике права и правовой жизни, неоднократно обращался к трудам немецкого правоведа, профессора Г. Аренса (1805–1874) [7].

Обращение целого ряда видных отечественных правоведов, представлявших различные научные направления, к осмыслению проблемы политики права было достаточно активным и плодотворным. Указанное обстоятельство позволяет современным исследователям обоснованно заявлять, что «политику права было бы неправильно рассматривать в качестве какого-то малозначительного эпизода в развитии отечественной (и зарубежной) правовой мысли или всего лишь ответвления социологической теории права. Напротив, в идее политики права нашли свое отражение некоторые общие тенденции, характеризующие развитие юридической науки в рассматриваемый период, в частности, новое понимание ее структуры, методологии, социального назначения» [8].

Если оставить в стороне некоторые различия во взглядах представителей русской юридической классики, обусловленные их принадлежностью к разным научным направлениям, то можно утверждать, что политика права рассматривалась ими в виде особой науки, призванной заниматься вопросами дальнейшего «правотворения», то есть разработкой проблем, связанных с критикой и совершенствованием действующего права. Задача политики права виделась им не в изучении только действующего права, а в разработке положений, имеющих целью его реформирование и поступательное развитие.

С точки зрения выдающихся отечественных правоведов, выделение политики права в качестве самостоятельного научного направления в юриспруденции

денции было продиктовано как необходимостью формирования подлинно научной правовой теории, так и необходимостью преодоления определенной отстраненности указанной теории от непосредственных потребностей политико-правовой практики. Согласно точной формулировке выдающегося философа и правоведа И.А. Ильина (1883–1954), «политика права – это такое исследование, которое должно установить и доказать единую, *высшую цель*, осуществляемую правом и правовыми союзами людей, и вслед за тем подыскать *верные средства*, ведущие к осуществлению этой цели; оно рассмотрит каждое правовое явление и каждую правовую норму с точки зрения их практической годности и негодности и даст указание и советы мудрому правителю» [9].

Как известно, одним из первых в истории отечественной юриспруденции проблему науки политики права обозначил в своих трудах выдающийся правовец, профессор П.Г. Редкин. Он увидел в ней такую науку, «которая служит переходом от философии права к положительному правоведению. Ее называют ныне древним греческим именем – *политика*, с прибавлением слова *права* («Politik des Rechts» или «Rechts – politik»). Но политика имеет ныне значение отличное от древнего. Древние обыкновенно разумели под политикой учение о государстве вообще... Ныне под политикой разумеют науку, которая показывает меры, средства и пути, обуславливаемые данными историческими обстоятельствами, для постепенного осуществления идеи права в государственной и вообще общественной жизни людей» [7].

П.Г. Редкиным была сформулирована важная методологическая установка о необходимости развития политики права в рамках философии права: «Только философия права может служить пособием к полному выяснению идеи права и ее отношения к жизни, а следовательно к полному выяснению науки, необходимой для надлежащего посредства между идеей права и жизнью, науки, называемой *политикой*» [7]. По его утверждению, «философия права приводит к верной оценке действующего права по его светлым и темным сторонам: она оберегает с одной стороны от опрометчивого преувеличения достоинства действующего права, что легко может привести к пассивному только участию во всем устроении, порядке, юридической жизни государства, а с другой стороны также и от всякого опрометчивого унижения достоинства положительного права вообще, либо того или другого в частности». Для большей убедительности П.Г. Редкин сравнивал философию права с Ариадниной нитью, с помощью которой всякий юрист «легко мог бы найтись в лабиринте правоведения; именно она должна дать ему руководные принципы, основопонятия, основоположения для всех областей правоведения, составляющих вместе единое всецелое» [7].

Если признать правильность мысли о том, что приоритет принадлежит не тому, кто первый высказал ту или иную идею, а тому, кто сделал ее плодотворной, то, безусловно, ведущая роль в разработке науки политики права принадлежит выдающемуся представителю российской философии права начала XX века Л.И. Петражицкому (1867–1931), заслуги которого как творца науки политики права не вызывали сомнений у коллег. По оценке, например, В.М. Гессена (1868–1920), «в новейшее время термин политики права получает право гражданства в науке, главным образом, благодаря трудам проф. Петражицкого» [10]. По его признанию, политика права отнюдь не представляет собой нового изобретения и он не может согласиться с отзывами, приписавшими ему «честь или преступление изобретения гражданской политики, как бы ни было лестно выступать в роли первого изобретателя этой несомненно имеющей важное будущее и теперь уже заинтересовавшей литературу идеи» [11].

Внимательное изучение его трудов убедило американского исследователя А. Валицкого в том, что, во-первых, теория политики права Л.И. Петражицкого «хронологически предшествовала его психологической теории права: последняя как раз имела своей целью серьезное теоретическое обоснование политики права, толкуя право как элемент эмпирической реальности, в категориях причинных связей»; во-вторых, что «научная политика права была любимой идеей Петражицкого не только в начале его научной деятельности, но и позднее, после того как его психологическая теория права приняла свои окончательные очертания» [12].

Будучи в научной командировке в Германии, Л.И. Петражицкий оказался вовлеченным в бурные дискуссии, развернувшиеся вокруг разработки проекта нового гражданского уложения. Итогом его участия в данных дискуссиях стал вывод, что для научного обоснования законодательства необходимо создание новой науки – политики права. Еще находясь в Берлине, Л.И. Петражицкий опубликовал две работы по вопросам гражданского права: «Fruchtverteilung beim Wechsel des Nutzungsberechtigten» (1892) и «Die Lehre vom Einkommen» (2 тома, 1893–1895). В приложении ко второй работе, озаглавленном «Гражданская политика и политическая экономия, уже можно увидеть суть идей Петражицкого в области правовой политики. В 1896–1897 гг. Л.И. Петражицкий издал указанное приложение в России в расширенном виде и под названием «Введение в науку политики права». В нем автор, во-первых, заявил о возможности создания новой научной дисциплины – политики права, подчеркнув, что она должна предоставить законодателю возможность «сознательно и разумно руководить правопроизводством» [13]. Во-вторых, – о необходимости возрождения естественного права,

которое, в известной степени, уже исполняло функции политики права, указывая пути для прогресса и совершенствования права.

По признанию самого Л.И. Петражицкого, он «высказал и старался обосновать мысль, что существующую систему юридических наук, посвященную историческому и практическо-догматическому изучению действующего положительного права, желательно и необходимо пополнить построением науки политики права (законодательной политики) как особой дисциплины, служащей прогрессу и усовершенствованию существующего правопорядка путем научной, методической и систематической разработки соответственных проблем» [13].

«Миссия будущей науки политики права состоит, – как полагал Л.И. Петражицкий, – в сознательном ведении человечества в том же направлении, в каком оно двигалось пока путем бессознательно-эмпирического приспособления, и в соответственном ускорении и улучшении движения к свету и великому идеалу будущего». При этом, Л.И. Петражицкий был убежден, «что политика права есть психологическая наука», теоретическим базисом которой «должно быть общее психологическое знание факторов и процессов мотивации человеческого поведения и развития человеческого характера и специальное учение о природе и причинных свойствах права, в частности, учение о правовой мотивации и учение о правовой педагогике» [13].

Сообразно с этим Л.И. Петражицкий определялась и задача политики права, которая, по его мнению, «заключается: 1) в рациональном направлении индивидуального и массового поведения посредством соответственной правовой мотивации, 2) в совершенствовании человеческой психики, в очищении ее от злостных, антисоциальных склонностей, в насаждении и укреплении противоположных склонностей» [13].

Как полагал Л.И. Петражицкий, «политика права, как наука, систематически обнимающая всю область права с точки зрения того, что должно быть (в противоположность науке положительного, действительного права, как науки о том, что было и есть в области права) и, как часть этой общей науки, гражданская политика существовали уже много раньше и имели уже многих последователей и представителей. Ничто иное, как политику права, представляла наука т. н. естественного права, а тот ее отдел, который был посвящен гражданскому праву, был ничем иным, как гражданской политикой» [13].

Л.И. Петражицкий была подтверждена уверенность теории естественного права, указаны причины ее упадка и выражена уверенность в необходимости и неизбежности ее возрождения: «Наука естественного права не была сама виновна в своей гибели, а была продана за столько-то серебряников

и распята, чтобы со временем с тем большею силою восстать из мертвых и освещать путь человечеству светом идеала. Тысячи признаков показывают, что уже настает пора» [13].

Активную поддержку идея создания науки политики права получила со стороны представителей отечественной естественно-правовой мысли, которые были убеждены в неразрывной связи идеи политики права с постулатами теории естественного права в том, что несмотря на присущие им недостатки, концепции естественного права «исполняли полезную функцию содействия прогрессу права и законодательства и в этом смысле служили суррогатом не существующей и до сих пор науки политики права» [13].

Заслуживает внимания вывод современного исследователя А.В. Полякова, согласно которому сторонники возрождения естественного права (П.И. Новгородцев и др.) были уверены, что «естественно-правовая доктрина должна была выполнять ту же функцию, что и политика права Л.И. Петражицкого, т.е. служить научно выверенным ориентиром, призванным воздействовать на поведение людей и действующее законодательство. Однако если Л.И. Петражицкий предполагал воздействовать на поведение людей через развитие у них необходимой в интересах прогресса общества мотивации, то П.И. Новгородцев политику права трактовал иначе. Задачу модернизации общества он пытался решить на основе возрождения естественно-правовой идеологии, которая покоилась не на натуралистических, а на априорных метафизических основаниях, соединенных с принципом историзма» [14].

Российские сторонники естественного права связывали с политикой права большие надежды на исправление допущенных ошибок и оздоровление ситуации в отечественном правоведении. Дело в том, что к концу XIX века со всей очевидностью проявилась ошибочность ориентации правоведения исключительно на историческое и догматическое изучение права. Ценные признания в этом плане были сделаны Л.И. Петражицкий: «Переворот, произошедший в мирозерцании, направлении и деятельности правоведения в первой половине XIX столетия, состоявший в отказе от веры в существование иного права, кроме положительного, и от иной деятельности, кроме исторического и догматического изучения этого права, представляет в обоих направлениях регресс; были совершены две крупные ошибки, подлежащие исправлению путем развития психологической науки о праве, обнимающей и интуитивное, и позитивное право, и путем создания на почве соответствующих психологических данных науки политики права» [13].

Представители русской естественно-правовой мысли выражали надежду, что именно с политики права начнется процесс реабилитации теории есте-

ственного права, ранее объявленной ненаучной и лишённой всякого практического смысла, что именно в политике права получит свое начало идея возрождения естественного права.

Например, видный русский правовед Ф.В. Тарановский (1875–1936), был уверен в том, что поскольку политика права немислима без оценок, критерием для которых «может служить только идея справедливости, т. е. естественно-правовая идея» [15], то политика права не могла обойтись без естественно-правовой идеи.

С точки зрения Ф.В. Тарановского, «идея естественного права не противоречит широко понятой положительной науке и является необходимым ее восполнением. С одной стороны, естественное право, как известное явление общественной жизни, подлежит причинному изучению и объяснению; с другой стороны, – оно привносит необходимый в общественных науках момент цели (телеологический), применительно к которому производится оценка явлений» [16].

Опыт показывает, что руководствуясь критическими потребностями общественной жизни, следуя вековой традиции своей научной самостоятельности, идее единства социальных явлений, наука права традиционно занималась разработкой и изучением права с различных точек зрения: догматической, исторической, социологической и политической. Разработка права с догматической точки зрения сводится к истолкованию действующих правовых норм в целях приложения их к конкретным практическим ситуациям. При этом действующее право принимается как непреложность, не подвергаясь критике. Задачей разработки права с исторической точки зрения является выяснение процесса развития права, вопросов о том, как создавались нормы действующего права, под влиянием каких условий они сложились. Социологический метод имеет своей задачей изучение законов, по которым происходят явления общественной жизни. Составляя вид явлений социальной жизни, правовые явления в этом качестве подлежат тому же методу изучения, как и другие общественные явления.

Приведению норм действующего права в соответствие с требованиями времени, определению руководящих начал для критического суждения о действующем праве, установлению целей и средств совершенствования правотворчества призвана служить разработка права с политической точки зрения.

Исходя из этого, наука права традиционно подразделяется на четыре основные отрасли: юридическую догматику, историю права, социологию права и политику права. Догматическая юриспруденция служит целям применения права в жизни. История права служит целям исторического толкования действующих юридических норм, а также решению теоретической задачи познания причин развития права.

Социологическое направление имеет своей целью исследование закономерностей развития правовых явлений всех народов, во все времена их жизни. На основе критики действующего права политика права призвана заниматься исследованием проблем совершенствования правотворчества. «Ведению ее подлежат, – по словам Ф.В. Тарановского, – вопросы не *de lege lata* (о законе изданном, то есть действующем), а *de lege ferenda* (о законе, который должен быть издан, должен действовать)» [17].

В современной юридической науке прочно утвердилось положение о том, что правовая политика – это всегда деятельность в сфере правовой жизни общества, выступающей в качестве объекта правовой политики, что правовая политика призвана выступать определенным способом организации правовой жизни, средством ее упорядочения.

Правовая жизнь общества определяется в современной юридической литературе как «форма социальной жизни, выражающаяся преимущественно в правовых актах и правоотношениях, характеризующая специфику и уровень правового развития данного общества, отношение субъектов к праву и степень удовлетворения их интересов» [18].

Представители русской юридической классики рассматривали правовую жизнь как часть духовной практики народа, тесно связанной с экономической и политической жизнью, и пытались убедить общество, что «правовая жизнь подлежит общему и основному закону духовного развития и является, подобно религии, философии, науке, искусству и нравственному творчеству, разновидностью единого жизненно-духовного делания», что «правовая и политическая жизнь должна быть верна своим глубоким... корням; а эти корни имеют духовную природу» [19].

Сознавая важность всестороннего изучения правовой жизни общества во всем многообразии ее форм и возможных проявлений, выдающиеся русские правоведы тем не менее не могли не признавать, что, будучи составной частью и особой разновидностью общественной жизни, «правовая жизнь есть только часть более широкого понятия – социальная жизнь» [20].

Анализируя состояние научной разработки вопросов политики права в отечественной юриспруденции, нельзя обойти вниманием тот факт, что у идеи создания политики права как самостоятельной науки были и критики ее некоторых аспектов. Причем, среди них такие известные и уважаемые в научной среде правоведы, как, например, Б.Н. Чичерин, Г.А. Ландау, И.В. Михайловский.

Критику со стороны выдающегося русского мыслителя Б.Н. Чичерина (1828–1904) вызвала, например, предложенная Петражицким в качестве разновидности политики права так называемая «цивильная политика». Не скрывая иронии, он заметил: «Но

всего изумительнее то, что эти взгляды самого новейшего изделия подкрепляются авторитетом римских юристов. Правда, последние не имели понятия о гражданской политике, которая, к благополучию человеческого рода, даже в настоящее время еще не родилась и, можно надеяться, никогда не родится» [21].

В своей знаменитой работе, посвященной вопросам философии права, видный правовед И.В. Михайловский (1865–1921) подверг критическому разбору попытки создания «политик» отдельными специальными науками: «Что же касается тех “положений правовой политики, которая создается отдельными специальными науками”, то опять-таки, несмотря на существование отдельных работ и курсов озаглавленных, например, “Уголовная политика”, “Политика”, на обещание создать “Гражданскую политику”, таких наук нет и быть не может и вот почему. Если, например, криминалист, изучая ту область правовой жизни, которая имеет своим предметом преступление и наказание, рекомендует законодателю те или иные меры для проведения в жизнь общих начал науки уголовного права, если он предлагает известные реформы, то все это находится в органической связи со всем содержанием науки, обусловлено общими началами и без них будет “висеть в воздухе”. Уголовная политика не есть наука, а есть один из приемов обработки содержания науки (т. н. “политический метод”). Сущность этого приема, этой точки зрения на предмет науки заключается в указании тех средств, путей, которыми в данной конкретной среде могут быть проведены в жизнь те или иные общие принципы. Тут весьма важную роль играют соображения целесообразности, потребности т. н. “оборота” в изучении всех условий места и времени. То же самое следует сказать о всех других “политиках”. Все это составные элементы соответствующих специальных юридических наук: гражданского, государственного, административного права. Из них можно делать специальные научные работы, специальные курсы для изложения, но из того, что существует особый курс, например, “учение о наказании”, вовсе не следует, что это самостоятельная наука» [22].

Современный взгляд на рассматриваемые общетеоретические вопросы, ставшие предметом критики в юридической литературе начала XX века, со всей определенностью был выражен профессором А.В. Малько, с точки зрения которого, «и Г.А. Ландау, и И.В. Михайловский, и Б.Н. Чичерин во многом правы. Корректнее все же вести речь не о самостоятельной науке, а о составных частях соответствующих наук, о направлении в рамках них. Отсюда вполне логично считать, что общая правовая политика – составная часть общей теории государства и права; конституционная политика – составная часть науки конституционного права; уголовная политика – составная часть

науки уголовного права; гражданская политика – составная часть науки гражданского права и т. д.» [22].

Думается, что в итоге предпринятого анализа можно присоединиться к выводу современного правоведа, профессора В.А. Рудковского о том, что «политика права по замыслу ее создателей, представлялась в виде науки, воспринимающей положительные черты как позитивистской, так и философско-правовой (естественно-правовой) теории и методологии. Предполагалось, в частности, что данная дисциплина возьмет на себя политическую, критико-прогрессивную функцию естественного права, но осуществлять ее будет на основе нового, подлинно научного (в частности, психологического) учения о праве. Опираясь на выводы позитивной теории права относительно того, что есть право и как оно действует, политика права должна была формулировать научно обоснованные представления о правовом идеале (цели права) и предлагать пути и средства его достижения. В таком виде она могла сочетать естественное стремление к осуществлению идеалов разумного, справедливого, гуманного и т. п. права с эмпирически установленными фактами, закономерностями, тенденциями, характеризующими право как реально действующее, эмпирически данное, то есть позитивное явление» [8].

Давно замечено, что в зависимости от условий времени и состояния общества приоритет в науке права отдается одному или другому из известных направлений научных исследований. Общеизвестен тот факт, что «в переходные, критические эпохи общественной жизни, когда недовольны существующим и ищут нового правового уклада, преобладает научный интерес к политике и истории права» [18]. Именно таким периодом общественной жизни и состояния юриспруденции можно считать начало XX века.

Ведь судя по многим признакам, именно такой период и переживает российская юридическая наука в настоящее время. Согласно обоснованному заключению современных авторов, после забвения этой научной категории советской юриспруденцией «отечественная юридическая мысль вновь возвращается к возможности применения данного понятия и соответствующих концептуальных положений. В научный оборот входят термины “юридическая политика”, “правовая политика”. Наиболее активное использование этих понятий, а также наполнение их определенным научным содержанием осуществляются с середины 90-х годов» [23].

Современными российскими правоведами достигнуты определенные результаты в обосновании значения теории правовой политики и ее перспектив, в определении ее ценности, назначения для истории права и государства, в установлении ее связи с правовыми и политическими учениями. Ученными-правоведами сделан правильный вывод о том,

что взаимодействие правовой системы и правовой политики имеет ключевое значение для эффективного проведения правовых преобразований, для конструктивного формирования и укрепления правовой государственности [24].

Вместе с тем, объективный анализ современного состояния научного освоения проблемы правовой политики позволяют утверждать, что в этом направлении российской наукой права сделаны только первые шаги. Фундамент теории правовой политики только закладывается. По признанию, например, профессора А.В. Малько, «категориальный аспект правовой политики только сейчас по-настоящему начинает оцениваться и осваиваться правоведами, политологами, культурологами и представителями других областей знаний отечественной науки, ориентированными на модернизацию политико-правового пространства современной России» [1].

Если не принимать во внимание излишнюю категоричность выражений современного правоведа А.Г. Карапетова, думается, что по сути его оценка не лишена оснований. «На сегодня политико-правовой анализ в российской цивилистике отсутствует, – ут-

верждает А.Г. Карапетов. – А в других отраслях права по большому счету активная научная работа вообще не ведется... Думается, что провал почти всех начатых в последнее десятилетие серьезных социально-экономических реформ произошел в том числе по причине безразличия правовой науки к реальным проблемам политики права и отсутствия традиции изучать право как инструмент сквозь призму последовательного его применения» [25].

Опыт отечественной юридической классики способен оказать существенную помощь в исследовании проблемы правовой политики, необходимость которой выдающиеся представители русской естественно-правовой мысли не только глубоко осознали, но и наметили в своих сочинениях общие контуры политико-правовой теории.

А, следовательно, теоретические разработки вопросов политики права, которые были предприняты выдающимися русскими правоведами, представляются исключительно своевременными. Думается, что в итоге уместно будет напомнить древнюю мудрость: «Прошлое имеет свойство говорить о настоящем, надо лишь уметь спрашивать».

Список литературы

1. Матузов Н.И. Право и политика: антиподы или союзники? // Право и политика. 2014. № 5. С. 578.
2. Гурвич Г.Д. Философия и социология права: Избранные сочинения / пер. М.В. Антонова, Л.В. Ворониной. СПб., 2004. С. 271.
3. Федоров Н.В. Концепция политики права в буржуазной юридической мысли дореволюционной России // Советское государство и право. 1985. № 7. С. 127–131.
4. Ландау Г.А. О политике права (к теории прикладных наук) // Вестник права. 1906. Кн. 1. С. 1.
5. Покровский П.А. Опыт теоретического введения в науку политики права // Юридический вестник. 1917. Кн. XVIII. С. 48–49.
6. Валицкий А. Философия русского либерализма. М., 2012. С. 321–322.
7. Редкин П.Г. Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще. СПб., 1889. Т. 1. С. 217–231.
8. Рудковский В.А. Политика права: Теоретические истоки и социальный смысл. Вестник СГАП. 2006. № 4. С. 38.
9. Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве // Собр. соч.: в 10 т. Т. 4. М., 1994. С. 144.
10. Гессен В.М. О науке права // Введение в изучение социальных наук. Сб. статей. СПб., 1903. С. 144.
11. Петражицкий Л.И. Предисловие и введение в науку политики права // Известия Императорского Киевского Университета Св. Владимира. 1896. № 8. С. XXXII.
12. Валицкий А. Философия русского либерализма. М., 2012. С. 321.
13. Петражицкий Л.И. Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии // Петражицкий Л.И. Теория и политика права. Избранные труды / науч. ред. Е.В. Тимошина. СПб., 2010. С. 380.
14. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2001. С. 409–410.
15. Поляков А.В. Российская идея «возрожденного естественного права» как коммуникативная проблема (П.И. Новгородцев и Л.И. Петражицкий) // Труды института государства и права РАН. 2013. № 4. С. 138–139.
16. Тарановский Ф.В. Учебник энциклопедии права. Юрьев, 1917. С. 218.
17. Тарановский Ф.В. Энциклопедия права. СПб., 2001. С. 341.
18. Малько А.В. Теория правовой политики. М., 2012. С. 48.
19. Ильин И.А. О сущности правосознания. М., 1993. С. 33–133.
20. Михайловский И.В. Очерки философии права. Т. 1. Томск, 1914. С. 38.
21. Чичерин Б.Н. Философия права // Избранные труды. СПб., 1998. С. 18.
22. Малько А.В. От политики права к правовой политике // Вестник СГЮА. 2012. № 3. С. 15–16.
23. Малько А.В., Трофимов В.В. Правовая политика в современной России: проблемы доктринального понимания и формирования // Государство и право. 2013. № 2. С. 6.
24. Правовая политика как научная теория в историко-правовых исследованиях / под ред. О.Ю. Рыбакова. М., 2011. С. 4–389.

25. *Karapetov A.G.* Политика и догматика гражданского права: исторический очерк // Вестник ВАС Российской Федерации. 2010. № 4. С. 11–13.

Reference list

1. *Matuzov N.* Law and politics: Antipodes or associates? // Law and Politics. 2014. № 5. P. 578.
2. *Gurvich G.* The law philosophy and sociology: Selected works / Redaction by M. Antonov, L. Voronina. SBR., 2004. P. 271.
3. *Fedorov N.* The concept of law policy in bourgeois legal thought of pre-revolutionary Russia // Soviet State and Law. 1985. № 7. P. 127–131.
4. *Landau G.* On the law policy (Theory of applied sciences) // Law Bulletin. 1906. Book. 1. P. 1.
5. *Pokrovskiy P.* Experience theoretical introduction to the law policy science // Legal Gazette. 1917. Book. XVIII. P. 48–65.
6. *Valitskiy A.* The Russian liberalism philosophy. M., 2012. P. 321–322.
7. *Redkin P.* From lectures on the history of law philosophy in connection with history of philosophy, generally. SBR., 1889. Vol. 1. P. 217–231.
8. *Rudkovskiy V.* The law policy: Theoretical origins and social meaning. Bulletin of the Saratov State Academy of Law. 2006. № 4. P. 38.
9. *Ilyin I.* General theory of law and state // Collected works: in 10 volumes. Vol.4. M., 1994. P. 144.
10. *Gessen V.* About the law science // Introduction to the study of social Sciences. Collection of articles. SBR., 1903. P. 144.
11. *Petrazhitskiy L.* Preface and introduction to the law policy science // Proceedings of the Kiev Imperial University of St. Vladimir. 1896. № 8. P. XXXII.
12. *Valitskiy A.* The Russian liberalism philosophy. M., 2012. P. 321.
13. *Petrazhitskiy L.* Introduction to the study of law and morality. The foundations of emotional psychology // Petrazhitskiy L. Theory and law policy. Selected works / Scientific redaction by E. Timoshina. SBR., 2010. P. 380.
14. *Petrazhitskiy L.* The theory of law and state in connection with the theory of morality. SBR., 2001. P. 409–410.
15. *Polyakov A.* The Russian idea of “revived natural law” as a communication issue (P. Novgorodtsev and L. Petrazhitskiy) // Proceedings of the Institute of State and Law of Russian Academy of Sciences. 2013. №4. P. 138–139.
16. *Taranovskiy F.* Textbook of law encyclopedia. Yur’ev, 1917. P. 218.
17. *Taranovskiy F.* The law encyclopedia. SBR., 2001. P. 341.
18. *Mal’ko A.* The theory of law policy. M., 2012. P. 48.
19. *Ilyin I.* About the nature of justice. M., 1993. P. 33–133.
20. *Mikhaylovskiy I.* Essays on the law philosophy. Vol. 1. Tomsk, 1914. P. 38.
21. *Chicherin B.* Law philosophy // Selected works. SBR., 1998. P. 18.
22. *Mal’ko A.* From policy of right to the law policy // Bulletin of Saratov State Law Academy. 2012. № 3. P. 15–16.
23. *Mal’ko A., Trofimov V.* Law policy in contemporary Russia: Issue of doctrinal understanding and of formation // State and Law. 2013. № 2. P.6.
24. The law policy as a scientific theory in historical-legal research / Under the editorship of O. Rybakov. M., 2011. P. 4–389.
25. *Karapetov A.* Politics and dogma of civil law: Historical background // Bulletin Supreme Arbitration Court the Russian Federation. 2010. № 4. P.11–13.

УДК 334.021

Климова А.О.,

аспирант Юридического института Московского государственного университета путей сообщения Императора Николая II

ОСОБЕННОСТЬ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА ВЫСОКОСКОРОСТНОЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ МАГИСТРАЛИ «МОСКВА-КАЗАНЬ»

Материалы статьи направлены на изучение особенностей инвестиционной деятельности, преимущественно осуществляемой в строительной отрасли, на железнодорожном скоростном и высокоскоростном транспорте. Автором рассматриваются основные проблемы финансирования железнодорожной инфраструктуры. Изучается вопрос перспективного развития национального инвестиционного климата с помощью крупнейшего зарубежного инвестора – Китайской Народной Республики. В статье ставится проблема практического использования такого правового инструмента, как инвестиционный договор. Кроме того, при анализе нормативно-правовых документов, автор полагает, что плюрализм основных понятий инвестиционного права только замедляет приток частных инвестиций. При изучении материала, также прослеживается существенная недоработка со стороны законодательных органов власти в области обеспечения защиты прав инвесторов. В завершении статьи автор приходит к выводу, что интерес государства в области совершенствования инвестиционной политики растёт и прослеживается положительная динамика правового развития данной отрасли.

Ключевые слова: инвестиционная деятельность, инвестиции, нормативный правовой акт, концессионное соглашение, инвестиционный договор, инвестиционный проект, высокоскоростной железнодорожный транспорт

Klimova A.,

Postgraduate student of the Law Institute of Moscow State University of Railway Engineering of the Nicholas II Emperor

THE INVESTMENT ACTIVITY PECULIARITY IN THE RUSSIAN FEDERATION DURING THE IMPLEMENTATION OF A PROJECT OF THE "MOSCOW-KAZAN" HIGH-SPEED RAILWAY LINE

The article submissions are aimed to study the investment activity peculiarities, which is carried out primarily in the construction sector, on the high-speed railway and transport. The article author is discussed the major financing problems of the railway infrastructure. The paper is studied the issue of a perspective development of the national investment environment by means of the largest foreign investor – Republic of China. The article is presented the issue of practical application of a legal tool of such kind as an investment contract. Furthermore, at the analysis of standard-legal documents, the article author has believed that the pluralism of the investment law key concepts is slowing the private investments flow. In the information study there is also observed a major shortcoming on the part of legislative authorities in the sphere of providing protection rights of the investors. At the article conclusion the author has come to the point that a state's interest in improving investment policy is growing and it has a positive dynamics of legal development in this sector.

Keywords: investment activity, investments, regulatory legal act, concession agreement, investment contract, investment project, high-speed railway transport

Состояние национальной экономики оценивается как кризисное. Этому способствуют различные причины, которые имеют как внутреннюю, так и внешнюю природу. Одна из причин, малофинансирование хозяйственных отраслей государства.

На современном этапе развития экономики идет «борьба за инвестиционные вложения» между транспортной, углеводородной инфраструктурой; также нехватка инвестиций ощущается в отношении недвижимого имущества и в сфере предоставления услуг.

Проблема недофинансирования отраслей исходит от самого источника. Чаще всего источником выступает государство, в то время как развитие благоприятного инвестиционного климата возможно только при совместном инвестировании государства и частного сектора.

К сожалению, исходя из официальных данных, вместо того, чтобы в качестве инвестиций обеспечить рост национальной экономики, прибыль, полученная от реализации частных услуг, выводится из страны.

Таким образом, в целях повышения интереса частных инвесторов, законодателю необходимо пересмотреть некоторые механизмы налогового режима и создать необходимые институты правового регулирования, тем самым повысив степень поддержки вложения частных инвестиций в развивающиеся отрасли своего же государства [16, 22-32].

Необходимо отметить, что особое место в инвестиционной отрасли уделяется иностранным инвестициям, интерес к которым возник у России в постперестроечный период.

Иностранные инвестиции призваны придать дополнительный импульс развитию национальной экономики и отчасти компенсировать ущерб, причиненный фатальными перестроениями в экономике и укладе государства в целом, которые произошли в 80 – 90-е гг. XX в. [17, 5].

Так, Российская Федерация в целях строительства, реконструкции и модернизации транспортной отрасли, в соответствии со Стратегией развития транспорта до 2030 года и Программой развития скоростного и высокоскоростного движения на сети железных дорог ОАО «РЖД» на перспективу до 2020 года, в сотрудничестве с Китайской Народной Республикой, осуществляет подготовку межнационального инвестиционного проекта по созданию высокоскоростных железнодорожных магистралей (ВСМ).

Однако, управление инвестициями в железнодорожной транспортной системе имеет некоторые проблемы. Инвестиционные проекты, связанные с железнодорожным транспортом, обладают низкими показателями, характеризующие инвестиционную привлекательность, а именно: долгий срок окупаемости, высокие денежные вложения; технические, экономические и политические риски, но несмотря на все вышеуказанное, вопрос привлечения иностранных инвестиций для обновления транспортного комплекса нашего государства является актуальным, поскольку сотрудничество между крупнейшими евразийскими государствами приобретете только политический, но и общенациональный характер, связанный с экономическим развитием России на мировой арене.

Главная роль в развитии железных дорог принадлежит ОАО «РЖД», этот комплекс специально ориентирован на укрепление железнодорожной сферы и

имеет стратегическое назначение. Единственным акционером является РФ, представителем которого выступает Правительство РФ. Одной из приоритетных целей национального холдинга является увеличение транспортных путей, путем привлечения не только частных инвестиций, но и зарубежных.

В целях развития инвестиционного климата, привлечения иностранных вкладчиков, 13 октября 2014 года заключен Меморандум о сотрудничестве в области высокоскоростного движения, целью которого – разработка проекта Евразийского высокоскоростного транспортного коридора Москва-Пекин. Соглашение, обеспечит реализацию пилотного проекта ВСМ Москва – Казань и развитие всестороннего сотрудничества в железнодорожной инфраструктуре.

На достижение поставленных целей в реформировании объектов скоростного и в особенности высокоскоростного железнодорожного транспорта требуется колоссальное финансирование, которое осуществляется благодаря не только ОАО «РЖД», где Советом директоров принят итоговый вариант инвестиционной программы, которая в 2017 году составит 459,5 млрд. рублей, но и привлечению иностранных инвестиций.

Китай готов сделать вклад капитал проектной компании для строительства ВСМ Москва – Казань 250 млрд. рублей [19], общая стоимость строительства ВСМ «Москва – Казань» составляет 1,068 трлн. рублей.

Приоритетный участок «Москва-Казань» станет частью высокоскоростной магистрали «Москва-Пекин», стоимость строительства которой оценивается в 7 трлн. рублей, и проекта «Шелковый путь», который свяжет Китай с рынками Европы и Ближнего Востока.

Важность реализации проекта «Шелковый путь» также была отмечена в Комитете по транспорту и строительству Государственной Думы РФ, Евгением Москвичевым, который указал, что «достроить «Великий шелковый путь» очень важно для России, Казахстана и Китая».

По завершению строительства дорог по проекту «Великий шёлковый путь», через Россию пойдёт 10% грузов, которые сейчас перевозят из Китая через США, кроме того груз через Россию будет идти на 20 дней быстрее, что безусловно выгодно для потребителя.

Для укрепления своих позиций государства-партнеры 8 мая 2015 года подписали Межправительственный меморандум, в котором определены формы сотрудничества, модели финансирования и инвестирования участка ВСМ 2 «Москва-Казань».

Кроме того, для ускорения темпов строительства, 25 июня 2016 года под свидетельством глав стран Си Цзиньпина и В.В.Путина, КЖД, РЖД, CRRC и Синара было подписано соглашение о намерении сотрудничества в разработке проекта ВСМ Москва-Казань – пилотного проекта евразийского коридора Москва-Пекин.

Таким образом, у железнодорожного транспорта появился шанс выйти на принципиально новый, международный уровень, что позволит увеличить прирост ВВП, создать рабочие места не только в перевозочной деятельности, но и в смежных отраслях.

Стоит отметить, что сотрудничество России и Китая исторически продолжает складываться на протяжении четырёх столетий. На основании статистических данных, Китай входит в десятку крупнейших инвесторов в Россию [11].

Законодательной базой инвестиционного сотрудничества между РФ и КНР являются:

- Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР «О торгово-экономических отношениях» (Пекин, от 5 марта 1992 года);
- Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой от 16 июля 2001 года;
- Меморандум между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики «О сотрудничестве в области модернизации экономики» (октябрь 2011 г., Пекин).

Для успешной реализацией межнационального проекта создана Межправительственная российско-китайская комиссия по инвестиционному сотрудничеству, которая 18 июня 2015 года заключило Договор №25/15 на выполнение работ по проведению инженерных изысканий, разработке проекта планировки и проекта межевания территории и разработке проектной документации для строительства ВСМ Москва-Казань.

Заказчиком договора от лица ОАО «РЖД» выступит ОАО «Скоростные магистрали», исполнителем – консорциум (временное объединение независимых предприятий): ОАО «Нижегородметпроект», China Railway Eryuan Engineering Group Co. Ltd. (ООО Китайская Инженерная Железнодорожная Корпорация «Эр Юань»), ОАО «Мосгипротранс».

Отмечается, что правовое сопровождение инвестиционных проектов по российскому законодательству, сталкивается с проблемой толкования самого понятия – «инвестиция».

В законе РСФСР от 26 июня 1991 года № 1488-1 «Об инвестиционной деятельности в РСФСР» под инвестициями понимаются денежные средства, целевые банковские вклады, паи, акции и другие ценные бумаги, технологии, машины, оборудование, кредиты, любое другое имущество, имущественные права, интеллектуальные ценности, вкладываемые в объекты предпринимательской и других видов деятельности для получения прибыли и достижения положительного социального эффекта.

Тогда как, согласно ФЗ от 25 февраля 1999 года № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капиталъ-

ных вложений» определяет инвестиции как денежные средства, ценные бумаги, иное имущество, имущественные права, иные права, имеющие денежную оценку, вкладываемые в объекты предпринимательской и (или) иной деятельности в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта.

В соответствии с ФЗ от 9 июля 1999 года № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» инвестиция – вложение капитала в объект предпринимательской деятельности на территории Российской Федерации в виде объектов гражданских прав, принадлежащих иностранному инвестору, если такие объекты гражданских прав не изъяты из оборота или не ограничены в обороте, в том числе денег, ценных бумаг (в иностранной валюте и валюте Российской Федерации), иного имущества, имущественных прав, имеющих денежную оценку исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности (интеллектуальную собственность), а также услуг и информации.

Учитывая вышеизложенные определения, представляется возможным сделать вывод, что законодательно-закрепленные структуры такой категории как «инвестиции» не согласуются между собой как в части состава объектов вложения, так и в части конечной цели, что способствует порождению неясности в использовании «инвестиционного договора» как правового регулятора.

Аналогичная ситуация сложилась не только для Российской Федерации, но и в зарубежной юриспруденции [13], что особенно очевидно, применительно к Конвенции о порядке разрешения инвестиционных споров между государствами и иностранными лицам (Вашингтонской конвенции).

При этом, в самом широком смысле инвестиции можно понимать как любые активы, вкладываемые в предпринимательскую деятельность в целях получения дохода.

Соответственно, инвестиционная деятельность представляется процессом преобразования инвестиционных активов во вложения.

Кроме того, российское законодательство определяет, инвестиционную деятельность – как вложение инвестиций и осуществление практических действий в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта [2], где под инвестициями следует понимать денежные средства, ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права, иные права, имеющие денежную оценку, вкладываемые в объекты предпринимательской и (или) иной деятельности в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта.

Регулирование на законодательном уровне инвестиционной деятельности подразумевает формирование устойчивых правовых гарантий иностранным инвесторам, а непосредственное осуществление

процесса, это совокупность правовых норм, направленных на юридически верное закрепление отношений, которые складываются между участниками в инвестиционной сфере.

Итак, возвращаясь к инвестиционному проекту ВСМ «Москва-Казань», где ОАО «РЖД» является стратегическим хозяйственным обществом и естественной монополией, где в целях обеспечения безопасности, РФ устанавливает ограничение иностранным государствам, международным организациям, а также находящимся под их контролем организациям, в том числе созданным на территории Российской Федерации, совершать сделки, иные действия, влекущие за собой установление контроля над хозяйственными обществами, имеющими стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства, и (или) совершать сделки, предусматривающие приобретение в собственность, владение или пользование ими имущества, которое относится к основным производственным средствам таких хозяйственных обществ и стоимость которого составляет двадцать пять и более процентов определенной на последнюю отчетную дату по данным бухгалтерской отчетности балансовой стоимости активов хозяйственного общества, имеющего стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Нормативное закрепление института инвестиционной деятельности выражено в следующих актах:

- Конвенции об учреждении Многостороннего агентства по гарантиям инвестиций, подписанной в Сеуле в 1985 г. и ратифицированной Россией в 1992 году [8];

- Соглашение стран СНГ «О сотрудничестве в области инвестиционной деятельности» от 2 декабря 1993 года;

- Федеральный закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений»;

- Закон РСФСР от 26.06.1991 № 1488-1 (ред. от 19.07.2011) «Об инвестиционной деятельности в РСФСР», утратил силу в части норм, противоречащих Федеральному закону от 25.02.1999 № 39-ФЗ;

- Федеральный закон от 29.04.2008 № 57-ФЗ (ред. от 04.11.2014) «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства»;

- Федеральный закон от 09.07.1999 № 160-ФЗ (ред. от 05.05.2014) «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации»;

- Федеральный закон от 29.11.2001 № 156-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об инвестиционных фондах» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017).

По мнению ученого – И.З. Фархутдинова, правовое регулирование иностранных инвестиций в Россий-

ской Федерации и Китайской Народной Республике, осуществляется на двух уровнях – национальном и международном, поэтому появляется проблема взаимодействия этих двух самостоятельных механизмов [18].

Однако, позиция Н.Н. Вознесенской, заключается в том, что – это сфера исключительного национального законодательства, которое не может не учитывать реального соотношения противостоящих друг другу политических и экономических сил [14, 95-102].

Межнациональный инвестиционный проект по строительству высокоскоростной магистрали ВСМ «Москва-Казань», разделен на четыре участка, где реализация участка 1 Проекта «Москва-Владимир» будет осуществляться за счет средств ОАО «РЖД», а участки 2-4 Проекта: «Владимир-Нижний Новгород», «Нижний Новгород-Чебоксары», «Чебоксары-Казань» будет реализован одним из способов привлечения частных инвестиций, т.е. путем использования концессионных механизмов.

Почему концессионные механизмы регулирования в приоритете? И почему не использовать такой инструмент как инвестиционный договор?

Все дело в том, что ни один из указанных нормативных актов, регулирующих инвестиционную деятельность, а также ни в каких-либо иных нормативных документах не содержится определение понятий «договор инвестирования», «договор инвестирования в строительство».

На законодательном уровне не определена правовая природа договора, в итоге стороны гражданского оборота и суды вынуждены каждый раз самостоятельно определять характерные черты и особенности договора инвестирования в строительство.

Знаковую роль в разрешении правовых споров, вытекающих из квалификации отношений, имеет Постановление от 11 июля 2011 года № 54 Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации.

В котором суд обозначил, что при возникновении споров из договоров, связанных с инвестированием в строительство, судам следует каждый раз квалифицировать данные договоры и разрешать спор по правилам, предусмотренным для договоров, имеющим наибольшее сходство с конкретным договором инвестирования (то есть договоров о купле-продаже, подряде, простом товариществе и т.д.) [9].

Кроме того, закрепление инвестиционного договора в системе гражданско-правовых договоров осложняется плюрализмом понятий «инвестиции», включающим в себя денежные средства, иное имущество, имущественные и иные права, и вытекающими из этого понятия различными способами формирования инвестиционного капитала.

Поэтому различное толкование правовой природы инвестиционного договора, отсутствие понятия «инвестиционный договор» привело к тому, что ин-

весторы, опасаясь за денежные средства, выбирают оформление договорных отношений в виде более прозрачных схем, например – концессионное соглашение.

Государственно-частное партнерство в форме концессионных соглашений активно используется в целях привлечения частных инвестиций в государственный сектор экономики.

Поскольку имущество ОАО «РЖД» находится в исключительной государственной собственности и ограничено в обороте, то для получения прибыли, государством разработана схема концессионных соглашений.

В соответствии с Федеральным законом № 115-ФЗ от 21 июля 2005 года «О концессионных соглашениях» особенностью концессионного соглашения является субъектный состав, так концедентом в соответствии со статьей 5 Закона может являться только Российская Федерация, субъект Российской Федерации или орган местного самоуправления.

Таким образом, заключение концессионных соглашений иными субъектами в качестве концедента не допускается. Это означает, что ОАО «РЖД», являясь по правовой форме частной компанией, будет выступать агентом концедента и таким образом привлекать частные инвестиции для модернизации, обновления и развития инфраструктуры железнодорожного транспорта.

Интерес, направленный на развитие и укрепление позиций «ведущего перевозчика» в железнодорожной отрасли, продолжает набирать темпы.

Так в 2015 году было реализовано 63,6% дорог, а Президентом страны перед ведомствами, деятельность которых непосредственно направлена на совершенствование транспорта, была поставлена задача удвоить до 2022 года объемы строительства и реконструкции дорог.

Что касается правовой стороны вопроса, то Председателем Думского комитета по транспорту и строительству Евгением Москвичевым было отмечено, что «Законы должны способствовать развитию дорожно-транспортной инфраструктуры» [20].

Для совершенствования железнодорожных перевозок предстоит рассмотреть вопрос отмены НДС «для того, чтобы наши дальние перевозки были намного дешевле», – сообщил глава Комитета.

Учитывая изложенное, усматривается высокая вероятность пересмотра налогового режима и в инвестиционной деятельности, поскольку повышение интереса частных инвесторов является необходимым фактором в реализации многих строительных проектов на скоростном и высокоскоростном железнодорожном транспорте.

Подводя итог, хочется отметить, что в настоящее время ведется работа по совершенствованию законодательства, регламентирующего инвестиционную деятельность.

Подтверждением тому является приветственное письмо от 15 января 2015 г. Российской Федерации участникам Четвертого российского инвестиционно-строительного форума, в котором Министр строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ М.А. Мень сообщил, что в настоящее время «Минстрой России последовательно проводит работу по совершенствованию действующего законодательства, прежде всего в сфере нормативно-технического регулирования, оптимизации административных процедур и созданию прозрачных условий для реализации инвестпроектов в регионах, развитию государственно-частного партнерства, повышению доступности ипотеки, тем самым внося вклад в создание благоприятных условий для привлечения в отрасль масштабных инвестиций» [10].

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ).
2. Федеральный закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений».
3. Закон РСФСР от 26.06.1991 № 1488-1 (ред. от 19.07.2011) «Об инвестиционной деятельности в РСФСР», утратил силу в части норм, противоречащих Федеральному закону от 25.02.1999 № 39-ФЗ.
4. Федеральный закон от 29.11.2001 № 156-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об инвестиционных фондах» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017).
5. Федеральный закон от 05.03.1999 № 46-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг».
6. Федеральный закон от 28.11.2011 № 335-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «Об инвестиционном товариществе».
7. Федеральный закон от 29.04.2008 № 57-ФЗ (ред. от 04.11.2014) «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства».
8. Постановление ВС РФ от 22.12.1992 № 4186-1 «О ратификации конвенции об учреждении многостороннего агентства по гарантиям инвестиций».
9. Постановление Пленума ВАС РФ от 11 июля 2011 г. № 54 «О некоторых вопросах разрешения споров, возникающих из

- договоров по поводу недвижимости, которая будет создана или приобретена в будущем» // Вестник ВАС РФ. 2011. № 9.
10. *Мень М.А.* Приветственное письмо Министра строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации участникам Четвертого российского инвестиционно-строительного форума. URL: <http://www.ribf.msk.ru/> (дата обращения: 19.05.2015).
11. Статистика внешнего сектора ЦБ РФ [URL Режим доступа: <http://www.cbr.ru/statistics/?Prtid=svs>].
12. Аналитическая справка о российско-китайском торговом сотрудничестве в 2015 году [URL Режим доступа: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/cn/cn_ru_relations/cn_ru_trade].
13. *Бабаджанян Н., Назаргалина Д.* Конвенция МЦУИС: признаки инвестиционной деятельности // Вестник ФБУ ГРП при Минюсте России. 2014. № 1 – 2.
14. *Вознесенская Н.Н.* Иностранные инвестиции и смешанные предприятия в странах Африки. М., 1975.
15. *Духно Н.А.* Правовое обеспечение развития высокоскоростного железнодорожного сообщения в Российской Федерации: Монография / Н.А. Духно, В.М. Корякин. М.: Изд-во Юридического института МИИТ, 2016. 184 с.
16. *Емельянов А.С.* Государственная поддержка инвестиционной деятельности и законодательство о налогах и сборах: особенности налогообложения при реализации региональных инвестиционных проектов // Реформы и право. 2016. № 2. С. 22 – 32.
17. *Лисица В.Н.* Правовое регулирование инвестиционных отношений: теория, законодательство и практика применения: Автореф. дис.... д-ра юрид. наук. Новосибирск, 2010.
18. [Электронный ресурс] https://www.eurasialaw.ru/index.php?option=com_jcontentplus&view=article&id=6282:2014-07-23-08-02-43&catid=288:2012-08-07-11-51-48&Itemid=196.
19. <http://www.hsrail.ru/information/documents/705.html>. Годовой отчет ОАО «Скоростные магистрали» за 2015 год. [Электронный ресурс] <http://komitet2-14.km.duma.gov.ru/site.xp/052057124049057052057.html>.

Reference list

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993) (as amended, Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation from 30.12.2008 № 6-FCL, from 30.12.2008 № 7-FCL, from 05.02.2014 № 2-FCL, from 21.07.2014 № 11-FCL).
2. The Federal Law of 25.02.1999 № 39-FL (edition from 03.07.2016) "On investment activity in the Russian Federation implemented in the form of capital investments".
3. The Law of the RSFSR of 26.06.1991 № 1488-1 (as amended on 19.07.2011) "On investment activity in the RSFSR", repealed as part of the rules, contravening to Federal Law as of 25.02.1999 № 39-FL.
4. The Federal Law of 29.11.2001 № 156-FL (edition from 03.07.2016) "On investment funds" (as amended, came into force 01.01.2017).
5. The Federal Law of 05.03.1999 № 46-FL (edition from 03.07.2016) "On protection of rights and legitimate interests of investors on the securities market".
6. The Federal Law of 28.11.2011 № 335-FL (edition of 21.07.2014) "On investment partnership".
7. The Federal Law of 29.04.2008 № 57-FL (as amended from 04.11.2014) "On the procedure for foreign investments in economic societies having strategic value for ensuring of national defense and state security".
8. The resolution of the Supreme Council of the Russian Federation dated 22.12.1992 № 4186-1 "On ratification of the Convention on establishment of multilateral Agency on guarantees of investments".
9. The Resolution of the Plenum of the Russian Federation of 11th of July, 2011 № 54 "On certain issues of resolving disputes arising from contracts concerning real estate that will be created or acquired in the future" // Bulletin of the Supreme Arbitration Court the Russian Federation. 2011. № 9.
10. *Myer' M.* Welcome Letter from the Minister of Construction and Housing Utilities of the Russian Federation to the participants of the Fourth Russian Investment and Construction Forum. URL: <http://www.ribf.msk.ru/> (date of access: 19.05.2015).
11. Statistics of the Central Bank external sector of the Russian Federation [URL]: <http://www.cbr.ru/statistics/?Prtid=svs>.
12. Analytical Report on Russian-Chinese trade cooperation in 2015, [URL] Access mode: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/cn/cn_ru_relations/cn_ru_trade.
13. *Babadzhanyan N., Nazargalina D.* The ICSID Convention: The signs of investment activity // Bulletin of the Federal Budgetary Institution State Registration Chamber by the Russian Ministry of justice. 2014. № 1 – 2.
14. *Voznesenskaya N.* Foreign investment and joint ventures in Africa. М., 1975.
15. *Dukhno N.* Legal development of high-speed railway transport in the Russian Federation: Monograph / N. Dukhno, V. Koryakin. М.: Publishing office of the Law Institute of MIIT, 2016. 184 p.
16. *Emel'yanov A.* State support of investment activity and the legislation on taxes and fees: Taxation peculiarities for the implementation of regional investment projects // Reforms and Law. 2016. № 2. P. 22 – 32.
17. *Lisitsa V.* Legal regulation of investment relations: Theory, legislation and practice: Synopsis of a thesis of Doctor of Law. Novosibirsk, 2010.
18. [Electronic resource] https://www.eurasialaw.ru/index.php?option=com_jcontentplus&view=article&id=6282:2014-07-23-08-02-43&catid=288:2012-08-07-11-51-48&Itemid=196.
19. <http://www.hsrail.ru/information/documents/705.html>. 2015 Annual report of JSC "Skorostnye Magistrali". [Electronic resource] <http://komitet2-14.km.duma.gov.ru/site.xp/052057124049057052057.html>.

УДК 330

Усманова Т.Х.,

доктор экономических наук, профессор Департамента Менеджмента Финансового университета при
Правительстве Российской Федерации

ИННОВАЦИОННЫЕ РЕШЕНИЯ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ В МИРОВОЕ ХОЗЯЙСТВО

Предмет. Экономическая безопасность. Актуальность выбранной темы обусловлена исследованиями особенностей современного состояния и проблемами формирования экономической безопасности, в развитии инновационных решений в условиях интеграции экономик в мировое хозяйство. Существующие изменения действующего законодательства и тенденции развития экономики в целом в Российской Федерации требуют кардинального пересмотра в части его прогнозирования. Обеспечение устойчивого развития страны напрямую зависит от внедрения инновационных технологий во все отрасли народного хозяйства России.

Целью статьи является раскрытие проблем и перспектив, формирования экономической безопасности, планирования инновационных технологий в условиях интеграции экономик в мировое хозяйство, выявление возможностей формирования, организации, финансирования, управления приоритетных направлений экономики.

Гипотеза. Обеспечение экономической безопасности требует формирования инновационных решений, создания новой Стратегии социально-экономического развития в условиях интеграции экономик в мировое хозяйство.

Методология. Методология решения поставленных задач основывается на использовании метода диалектического исследования, методов экономического анализа, прогнозирования, ситуационного и системного анализа, экспертных оценок и анализа эмпирических данных.

Результат / практическая значимость работы заключается в выявлении экономических зависимостей и связи в развитии экономической безопасности, прогнозирования эффективной хозяйственной деятельности в рамках Стратегии новой индустриализации, выбора оптимальных моделей планирования проектов для обеспечения устойчивого развития страны и конкурентоспособности в условиях интеграции экономик в мировое хозяйство.

Ключевые слова: экономическая безопасность, прогнозирование, инновационные технологии, планирование, экономическая устойчивость, внешний долг, экология, охрана окружающей среды, интеллектуальная собственность, экономика

Usmanova T.,

Doctor of Economics, Professor of the Department of Management of Financial University under the Government
of the Russian Federation

INNOVATION SOLUTIONS WITH A VIEW TO ENSURE ECONOMIC SECURITY IN THE CONDITIONS OF INTEGRATION INTO THE WORLD ECONOMY

Subject. Economic security. The relevance of the chosen subject is caused researches features of the current state and issues of forming of an economic security, in development of innovation solutions in the conditions of integration of economies into the world economy. The existing changes of the current legislation and an economic trend in general in the Russian Federation require cardinal review regarding its forecasting. Ensuring sustainable development of the country directly depends on implementation of innovation technologies in all industries of the national economy of Russia.

The purpose of article is disclosure of issues and prospects, forming of an economic security, planning of innovation technologies in the conditions of integration of economies into the world economy, identification of opportunities of forming, the organization, financing, management of the priority directions economy.

Hypothesis. Ensuring an economic security requires forming of innovation solutions, creation of the new Strategy of social and economic development in the conditions of integration of economies into the world economy.

Methodology. The methodology of the solution of objectives is based on use of a method of a dialectic research, methods of the economic analysis, forecasting, the situation and system analysis, expert evaluations and the analysis of empirical data.

The result / the practical importance of work consists in detection of economic dependences and communication in development of an economic security, forecasting of effective economic activity within the Strategy of new industrialization,

the choice of optimum models of project planning for ensuring sustainable development of the country and competitiveness in the conditions of integration of economies into the world economy.

Keywords: economic security, forecasting, innovation technologies, planning, economic stability, external debt, ecology, environmental protection, intellectual property, economy

Введение. Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации предусматривает множество программ и направлений обеспечения экономической безопасности в стране. Экономическая безопасность должна осуществляться через систему конкретных мер, реализуемых на основе качественных индикаторов и количественных показателей – законодательных, микро-, мезо-, макроэкономических, демографических, внешнеэкономических, экологических, социальных, технологических и инновационных.

Обзор литературы и исследований. Формирование экономической безопасности требует совершенства действующего законодательства для обеспечения высоких стандартов и характеристик условий жизнеобеспечения населения страны. Одним из основных документов по формированию экономической безопасности является Указа Президента Российской

шенствование процессов экономической безопасности возможны только в рамках долгосрочного планирования и прогнозирования. В таблице 1 приведены данные планирования и прогнозирования Социально-экономического развития Российской Федерации до 2017 года в рамках 349-Федерального закона. Однако, уже за период 2015-16 годы индикаторы и показатели перетерпели качественные и количественные изменения в рамках существующих санкций и ограничений со стороны развитых стран Евросоюза и США. Тарифное и нетарифное регулирование долгосрочных глобальных соглашений и контрактов привели к значительным потерям доходной части бюджета страны, соответственно и бюджетной расходной части в целом. Цена на нефть и газ не сохранялись на прогнозируемом уровне, тем самым произошли значительные отклонения в реализации 349-Федерального закона. [1]

Таблица 1.

Исходные данные планирования и прогнозирования Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации до 2017 года¹

Показатель	2014 год		2015 год		2016 год		2017 год
	Закон 349-ФЗ	Прогноз МЭР от 20.05.2014	Закон 349-ФЗ	Прогноз МЭР от 20.05.2014	Закон 349-ФЗ	Прогноз МЭР от 20.05.2014	Прогноз МЭР от 20.05.2014
1	2	3	4	5	6	7	8
ВВП, млрд. рублей	73715	71493	79660	76077	86837	82303	89834
Рост ВВП, %	103,0	100,5	103,3	103	103,3	102,5	103,3
Инвестиции, млрд. рублей	14933	13494	16577	14522	18475	15541	17046
Объем импорта (по кругу товаров, учитываемых ФТС России), млрд. долл. США	331,3	307,1	345,2	313,0	361,7	320,2	334,1
Объем экспорта (по кругу товаров, учитываемых ФТС России), млрд. долл. США	504,3	519,6	505,0	502,8	515,8	508,6	518,1
Прибыль прибыльных организаций, млрд. рублей	12735	13085	13510	13060	15135	14455	16375
Инфляция (ИПЦ), % к декабрю предыдущего года	105,0	105,0	104,0	105,0	104,5	104,5	104,3
Курс доллара, рублей за доллар США	33,4	35,5	34,3	37,0	34,9	38,0	38,8
Фонд заработной платы, млрд. рублей	18017	17707	19464	18913	21122	203778	22120
Цены на нефть «Юралс», долларов США за баррель	101	104	100	100	100	100	100
Цены на газ (среднеконтрактные включая страны СНГ), долларов / тыс. куб.м.	337	351	317	318	300	296	292

Федерации от 7 мая 2012 года № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике». Совер-

¹ Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 г.

Также в 2015-16 годах инфляция значительно отличалась от прогнозируемых показателей 349-Федерального закона. Планирование и прогнозирование экономической безопасности в условиях ограничений и неопределенности требуют значительных действий для маневра и особых мероприятий для поддержания экономики страны. Поэтому законодательное регулирование формирования экономической безопасности требует решения определенных задач Правительством и Президентом Российской Федерации. Продолжающиеся процессы вывода финансовых средств из страны тормозят развитие народно-хозяйственных отраслей, которые являются основой экономической безопасности. Для решения созревших жизненно-важных проблем развития экономической безопасности необходимо обратить внимание на законодательство Российской Федерации.[2] Анализ федеральных законодательных актов позволяют планировать и прогнозировать различные программы и проекты, которые могут и должны обеспечить экономическую безопасность регионов страны. Однако, анализ ряда региональных и муниципальных правовых документов показывают не совершенство их в части обеспечения экономической безопасности. Для обеспечения благоприятных условий для дальнейшего укрепления экономики России, роста инвестиционной и деловой активности необходимо внедрение инновационных технологий, как в управлении, так и в производстве. [3]

В таблице 2 приведены индикаторы Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 г., которые отличаются резким планированием и прогнозированием повышения тарифов на электроэнергию, газ, железнодорожные перевозки грузов и пассажиров. Многие компании и предприятия были вынуждены отказаться от своих запланированных видов деятельности из-за повышения

сказалось на экономическом состоянии работающих на этих предприятиях и социальной ответственности бизнеса в рамках муниципальных образований и регионов.

Продолжается ухудшение положения не только предприятий и компаний, а также в последние годы не было явного повышения эффективности созданных особых экономических и опережающих развитие зон за счёт унификации их образования. Формирование законодательной базы для существующих особых экономических зон (ОЭЗ) имеет свою конкретизацию и в каждом случае индивидуальное регулирование многих аспектов. Законодательное регулирование ОЭЗ определяет понятия и особенности: технопарк; индустриальный, агропромышленный и туристический парки, инновационные технологии, механизмы возмещения инвестору затрат на объекты инфраструктуры за счёт будущих налоговых поступлений от реализации проекта. Однако, в настоящее время цели и задачи проектного управления в Российской Федерации не достигли желаемого результата, то есть экономическая безопасность в стране не сформирована в полной мере.[4] Наиболее вероятными угрозами экономической безопасности Российской Федерации являются экологическая, социальная и продовольственная безопасность и т.д. Экологическая безопасность требует тщательного анализа: воды, почвы, грунта, зону промышленных производств и т.д.

Социальная безопасность также является основной частью экономической. Увеличение имущественной дифференциации населения в последние годы и повышение уровня бедности, которые могут привести к серьезным нарушениям социальной защищенности и общественному согласию. В последние годы продолжается неравномерное социально-экономическое развитие регионов и муниципальных

Таблица 2.

Индикаторы Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 г.²

	2007 г.	2008-2010	2011-2015	2016-2020
Тарифы на электроэнергию (рост регулируемых тарифов) для всех категорий потребителей за период	110,7	150-152	160	127
В т.ч. Рост регулируемых тарифов для населения	113	178	242	137
Тарифы на газ природный, рост средних оптовых цен для всех категорий потребителей, процентов	119,5	197,4	356	121
В т.ч. Для населения	115	203,1	356	121
Тарифы на железнодорожные перевозки грузов	108	149,5 – 157	154-160	118
Тарифы на пассажирские перевозки железнодорожным транспортом в регулируемом секторе	112	163	172	139
Энергоемкость к уровню 2006 года	92,6	86	73	59,6

цен и тарифов на вышеуказанные услуги. Ухудшение экономического состояния компаний и предприятий

² Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020г.

районов в стране. Важнейшими факторами социальной угрозы являются: объективно существующие перекосы в социально – экономическом развитии регионов, наличие депрессивных, кризисных и отсталых в экономическом отношении районов на фоне структурных сдвигов в промышленном производстве, сопровождающихся резким уменьшением доли обрабатывающих отраслей; нарушение производственно-технологических связей между предприятиями, отсутствие межотраслевых и межрегиональных балансов, увеличение разрыва в уровне производства национального дохода на душу населения между отдельными субъектами Российской Федерации (рис. 1).[5], [6]

Основными причинами, вызывающими возникновение указанных угроз, являются перекосы в области денежно-кредитной и бюджетно-налоговой политики, неустойчивость предприятий, неэффективный инвестиционный климат, продолжающиеся процессы инфляционного таргетирования и другие проблемы, связанные с финансовой дестабилизацией в экономике.[9]

Предотвращение или смягчение последствий и действий угроз экономической безопасности Российской Федерации требует определения и мониторинга факторов, подрывающих устойчивость социально-экономической системы государства.

Как принято считать, что экономическая безопасность страны, прежде всего, связана с агропромышленным комплексом и процессами природопользования. [10] Обеспечение экономической безопасности предполагает эффективное прогнози-

рование экономики, которое должно формировать достаточный уровень социального, политического и оборонного существования и инновационного развития, неуязвимость и независимость её экономических интересов по отношению к возможным внешним и внутренним угрозам и воздействиям. В условиях интеграционных процессов, формирования цифровой экономики, как трансформация систему управления и инфраструктур на евразийском пространстве и во всем мире необходима защита национальных интересов Российской Федерации в области экономики и поддержания экономической безопасности страны. В условиях прогнозирования единого цифрового пространства ЕврАзЭС, финансового, энергетического, транспортно-логистической инфраструктуры, торговли и e-commerce, согласования промышленной и агропромышленной политики в рамках интеграции экономик в мировое хозяйство необходимы совершенно новые механизмы и инструменты управления проектами в регионах. Для этого необходимо разработать эффективную стратегию экономической безопасности. [8]

Для более детального анализа внешних и внутренних угроз экономической безопасности Российской Федерации, необходимо обновленные критерии индикаторов, отражающих особенности каждого региона.[4], [5]

Экономическая безопасность регионов зависит от следующих факторов:

- Геополитическое и географическое положение;
- Эффективное размещение производительных сил;

Рис. 1. Процессы и угрозы, влияющие на экономическую безопасность страны

– Экономическая и её конкурентная позиция в экономической системе по стратегически важным направлениям развития;

– Наличие инновационной институциональной системы;

– Положительная динамика отраслей индустриальной экономики;

– Положительная динамика развития сельского хозяйства и т.д.

В таблице 3 приведены некоторые основные элементы информационной базы для анализа, сравнения данных и индикаторов, формирования и обеспечения экономической безопасности в регионах России.

Информационная база определения экономической безопасности включает индикаторы, которые должны отражать совокупность условий и факторов, создающих опасность для жизненно важных экономических интересов личности, общества и всего государства в целом. В таблице 4 приведены часть экономических индикаторов, которые значительно влияют на экономическую безопасность в целом по стране.

В условиях искажения статистических данных для более четкого определения факторов экономической безопасности необходимо определение и мониторинг факторов, подрывающих устойчивость социально-экономической системы государства. Принятый в России закон о стратегическом планировании предусматривает плановый период 3 года. Сложность долгосрочного планирования продиктовано продвижением цифровых технологий и моментальным обменом информации, быстрым старением наукоемких технологий и изменений действующего законодательства, которое не всегда работает эффективно. В условиях быстро меняющегося мира возникает необходимость определения динамики критериев и параметров, характеризующих национальные интересы в области экономики и отвечающих требованиям экономической безопасности Российской Федерации. Евросоюз и многие развитые экономики создали высокие стандарты и индикаторы для своего населения. В России индикаторы, определенные для населения, в настоящее время значительно ниже развитых стран.[10] Даже в условиях низких пороговых значений индикаторов экономической безопасности, многие регионы показывают низкие фактические индикаторы по сравнению с плановыми показателями. В рамках стратегического планирования необходимо заложить возможность формирования новой экономической политики на основе инновационных институциональных преобразований, которые позволят направить экономику страны на повышение человеческого капитала и обеспечения экономической безопасности, так как все предпосылки для формирования инновационной экономики в России имеются.

Растет стремление Евросоюза, Китая и стран Азии к совместной деятельности с российскими компаниями из-за того, что в российских проектах формируется высокая добавленная стоимость. В таких условиях необходимо формировать механизмы и инструменты, устраняющих или смягчающих воздействие угрожающих факторов в рамках интеграции экономик, подрывающих устойчивость российской экономики.

В настоящее время актуально выявление открытых и скрытых возможных угроз экономической безопасности регионов. Многие интеграционные процессы, происходящие за последние годы, показали о необходимости выработки мер по предотвращению угроз экономической безопасности. Интеграционные процессы в рамках мировой экономики требуют создания высоких стандартов и индикаторов для населения, а также обеспечения особой системы экономической безопасности Российской Федерации. В мировой практике существует множество стандартов для населения, например: минимальная жилая площадь на одного человека, минимальный размер оплаты труда (МРОТ), минимальные социальные выплаты, компенсация затрат на образование, субсидии, субвенции, дотации, льготы по различным видам государственных услуг и т.д. В этих условиях стандарты, которые могли бы быть разработаны, для российского населения, зависят от бюджетного обеспечения, экономического роста и состояния экономики страны.[11] Соответственно, для того, чтобы в условиях цифровой экономики и интеграции в мировое хозяйство, не потерять статус экономически безопасной страны необходимо определить характеристики этих стандартов, разработать и определить качественные критерии и параметры (пороговые значения) стандартов для населения страны. Разработанные стандарты для населения должны обеспечивать приемлемые для большинства населения условия жизни и развития личности. Формирование стандартов для российского населения требуют устойчивости социально-экономической ситуации, военно-политической стабильности в стране.

Однако в настоящее время существуют перекосы и развитие негативной тенденции структуры российской экономики, которая представлена на рисунке 2. Устойчивое социально-экономическое развитие страны возможно в условиях целостности государства и при возможности противостоять влиянию внутренних и внешних угроз. Для устранения перекосов в развитии экономики необходимо определить критерии и параметры, отвечающие требованиям экономической безопасности Российской Федерации и целенаправленно управлять экономикой и крупными инновационными инфраструктурными проектами. В условиях интеграции экономик в мировое хозяйство возникает необходимость функционирования

Информационная база для формирования экономической безопасности³

№п\п	Элементы информационной базы
1.	Годовой темп инфляции
2.	Инвестиции в основной капитал
3.	ВРП на душу населения
4.	Степень износа основных фондов
5.	Сальдо внешнеторгового баланса
6.	Сальдо консолидированного бюджета
7.	Отношение среднедушевых доходов населения к прожиточному минимуму
8.	Отношение средней пенсии к средней заработной плате
9.	Уровень безработицы по методологии Международной организации труда (МОТ)
10.	Ожидаемая продолжительность жизни
11.	Размер жилья на одного жителя
12.	Средства на здравоохранение, образование и социальную политику
13.	Доля отгруженной инновационной продукции
14.	Число лиц, занятых научными исследованиями
15.	Внутренние затраты на научные исследования и разработки
16.	Интенсивность затрат на технологические инновации
17.	Число подавших заявок на изобретения и полезные модели
18.	Сброс загрязняющих веществ в атмосферный воздух
19.	Сброс загрязненных сточных вод
20.	Лесовосстановление
21.	Сущность экономической безопасности России
22.	Система экономической безопасности страны
23.	Динамика индикаторов экономической безопасности России
24.	Формирование региональной системы индикаторов
25.	Использование индексного подхода для оценки уровня
26.	Методологические основы анализа регионов России
27.	Анализ экономической безопасности регионов России (85)
28.	Обобщенные индексы ЭБ регионов и федеральных округов России
29.	Концепция и Стратегия национальной безопасности
30.	Национальные интересы России в сфере экономики
31.	Угрозы в сфере экономики
32.	Индикаторы
33.	Пороговые значения индикаторов
34.	Организационная структура экономической безопасности
35.	Правовое обеспечение экономической безопасности

в режиме расширенного воспроизводства, так как в противном случае проекты могут быть не конкурентоспособны. Последние годы переходной экономики показали не эффективность выбранного экономического курса страны. Во многих секторах экономики, в отраслях и производствах наблюдается экономический спад. Не достаточно отраслей и производств, которые имеют жизненно-важное значение для функционирования государства, как в обычных, так и в непредсказуемых и экстремальных условиях в рамках

интеграции экономик в мировое хозяйство. В настоящее время предлагаются различные Сценарии социально-экономического развития до 2030-2035 годов в рамках новой индустриализации, которая должна обеспечить процесс воспроизводства независимо от внешнего воздействия в кратчайшие сроки. Внешний долг европейских стран и США по отношению к ВВП стран в настоящее время, принял значительные объемы, то есть свыше 100% и более, а у России этот показатель находится на уровне не более 20% по разным оценкам. По различным соображениям, страна должна продолжать программу импортозамещения,

³ Официальный сайт Росстата

Экономические индикаторы

Наименование пороговых значений	Величина пороговых значений на год	Фактически за год
Объем ВВП, млрд. руб.		
Рост объема ВВП, %	Не менее 3-4%	
Сбор зерна, млн. т	Не менее 70	
Производство зерна на душу населения, кг	Не менее 207	
Доля машиностроения во всем промышленном производстве, %	Не менее 25	
Инвестиции в основной капитал, в % к ВВП	Не менее 25	
Доля в промышленном производстве обрабатывающей промышленности, в %	Не менее 70	
Отгруженная инновационная продукция, в % к всей промышленной продукции	Не менее 15	
Доля продовольствия, поступившего по импорту, в общем объеме продовольственных ресурсов, %	Не более 25	
Уровень безработицы по методологии МОТ, в % к ЭАН	Не более 5	
Расходы федерального бюджета на национальную оборону, в % к ВВП	Не менее 3,0	
Расходы на гражданскую науку, в % к ВВП	Не менее 2,0	

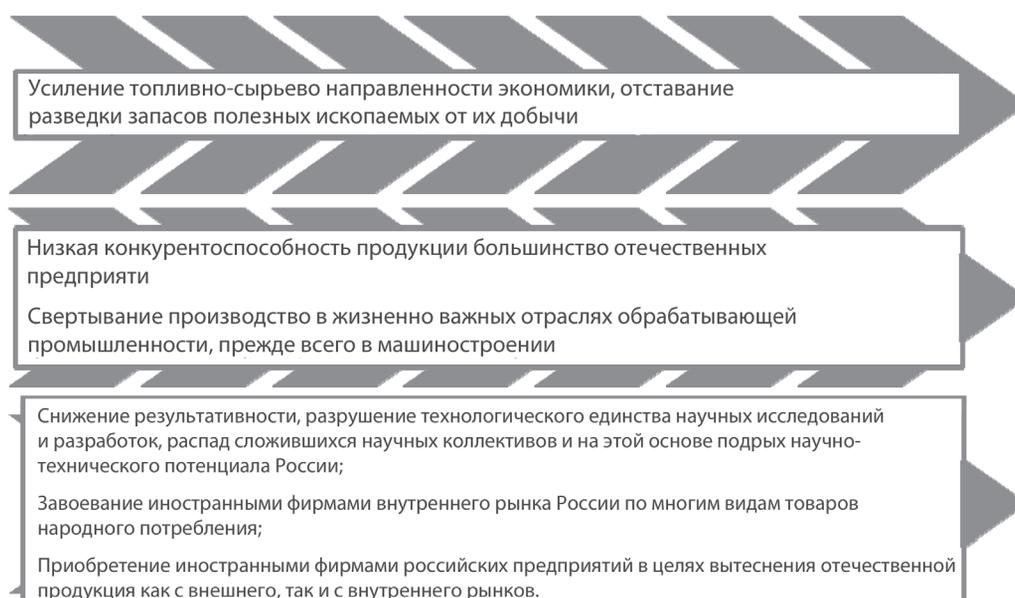

Рис. 2. Развитие негативной тенденции структуры российской экономики

в рамках недопущения критической зависимости экономики от импорта важнейших видов продукции. В России имеется высокий потенциал по производству, переработке и реализации собственной продовольственной продукции. Агропромышленная политика страны может охватить производство продовольствия в необходимом уровне в рамках обеспечения экономической безопасности в стране. Россия всегда была экспортером продовольствия, поэтому и далее необходимо развивать свою экономику в рамках интеграции экономик в мировое хозяйство. Самым эффективным проектом в данной ситуации может быть межрегиональная, межотраслевая и международная кооперация производственных процессов.

Вывод. Особенности современного состояния и проблемы формирования экономической безопасности в условиях необходимости развития инновационных решений в рамках интеграции экономик в мировое хозяйство требуют кардинальных управленческих решений. Обеспечение устойчивого развития страны напрямую зависит от внедрения инновационных технологий в рамках крупных инфраструктурных проектов во все отрасли народного хозяйства России. В работе раскрыты проблемы и перспективы, формирования экономической безопасности, планирования инновационных технологий в условиях интеграции экономик в мировое хозяйство, выявлены возможности формирования, организации, финан-

сирования, управления приоритетных направлений экономики. В работе подтверждена гипотеза, которая гласит: «Обеспечение экономической безопасности требует формирования инновационных проектов и решений, создания новой Стратегии социально - экономического развития в условиях интеграции экономик в мировое хозяйство».

Результатом работы является выявление экономических взаимозависимостей и связей в развитии экономической безопасности, прогнозирования эффективной хозяйственной деятельности в рамках

Стратегии новой индустриализации, а также Стратегии социально-экономического развития регионов России, развитие оптимальных моделей планирования проектов для обеспечения устойчивого развития страны и конкурентоспособности в условиях интеграции экономик в мировое хозяйство.

Благодарность

Автор выражает благодарность и глубокую признательность д.э.н., профессорам Комкову Николаю Ивановичу, Мельник Маргарите Викторовне, за советы и ценные замечания в рамках научной работы.

Список литературы

1. Восстановление экономического роста в России. Ивантер В.В., Белкина Т.Д., Белоусов Д.Р., Блохин А.А., Борисов В.Н., Буданов И.А., Говтвань О.Д., Гусев М.С., Зайончковская Ж.А., Комков Н.И., Коровкин А.Г., Ксенофонтов М.Ю., Кувалин Д.Б., Михеева Н.Н., Моисеев А.К., Панфилов В.С., Паппэ Я.Ш., Порфирьев Б.Н., Ползиков Д.А., Ревич Б.А. и др. Научный доклад / Ответственный редактор: Ивантер Виктор Викторович. Москва, 2016.
2. Динамика развития энергетики и нефтехимии стимулируют освоение арктического шельфа. Комков Н.И., Сутягин В.В., Володина Н.Н. В сборнике: Процессы глобальной экономики. Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 2016. С. 119–127.
3. Потребность в продуктах нефтехимии определяет динамику спроса на углеводородное сырье. Комков Н.И., Сутягин В.В., Володина Н.Н. В сборнике: Процессы глобальной экономики Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 2016. С. 127–137.
4. Финансово-экономическая безопасность экономических агентов: эволюционно-симулятивная модель индикаторов. Авдийский В.И., Безденежных В.М., Росс Г.В., Лихтенштейн В.С. // Финансовые исследования. 2016. № 1 (50). С. 36–47.
5. Экономическая безопасность современной России: риск-ориентированный подход к ее обеспечению. Авдийский В.И., Безденежных В.М. // Экономика. Налоги. Право. 2016. № 3. С. 6–13.
6. Обеспечение экономической безопасности функционирования предприятия (на примере автомобильной компании Derways). Дадалко В.А., Гашоков Х.И. Финансовый бизнес. 2016. № 4 (183). С. 16–21.
7. Проблемы взаимодействия кредитно-финансовых институтов с предприятиями оборонно-промышленного комплекса. Дадалко В.А., Рудых А.Д., Топчий П.П. Военно-юридический журнал. 2016. № 12. С. 3–6.
8. Приоритетные региональные инновационные проекты и перспективы привлечения инвестиций. Усманова Т.Х. / Сборник докладов «системная экономика, экономическая кибернетика, мягкие измерения в экономических системах» под редакцией чл.-корр. Г.Б. Клейнера и проф. С.В. Прокопчиной. М. Издательский дом «Научная библиотека», 2015.
9. Менеджмент устойчивого социально-экономического развития регионов в рамках бюджетно-налоговой и денежно-кредитной политики России. Усманова Т.Х. / «МИР» (Модернизация. Инновации. Развитие). 2016. Т. 7. № 1 (25). С. 123–131.
10. Инновационный менеджмент как инструмент развития человеческого капитала и повышения качества жизни. Усманова Т.Х. / МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2016. Т. 7. № 3 (27). С. 98–106.
11. Сенчагов В.К. Национальная структурная политика – путь к обеспечению экономической безопасности // Вестник РАН. 2015. № 5. С. 64–70.
12. Сенчагов В., Соловьев А. Оценка влияния глобальных рисков на экономику России и уровень ее экономической безопасности: научно-практический подход // Проблемы теории и практики управления. 2015. № 5. С. 16–28.
13. Сенчагов В.К., Побываев С.А., Соловьев А.И. Оценка влияния глобальных рисков как инструмент формирования экономической стратегии России: индикативный подход. Экономические стратегии. 2016. Т. 18. № 8 (142). С. 24–31.
14. Сенчагов В.К., Митяков С.Н. Оценка кризисов в экономике с использованием краткосрочных индикаторов и средних индексов экономической безопасности России // Проблемы прогнозирования. 2016. № 2. С. 44–58.
15. Усманова Т.Х., Хайруллина Л.И. Механизмы финансирования инвестиционных проектов ТЭК и ЖКХ в рамках региональных программ. Научный журнал Российского газового общества. М.:2014, №1.стр. 59–63.
16. Усманова Т.Х. Хайруллин А.И., Хайруллина Л.И. Актуальные проблемы формирования Стратегии социально-экономического развития регионов в части ТЭК и ЖКХ Научный журнал Российского газового общества. М.: 2014, №2. стр. 119–127.

Reference list

1. The recovery of economic growth in Russia. Ivanter V., Belkina T., Belousov D., Blokhin A., Borisov V., Budanov I., Gotvan' O., Gusev M., Zayonchkovskaya Zh., Komkov N., Korovkin A., Ksenofontov M., Kuvalin D., Mikheeva N., Moiseev A., Panfilov V., Paape Ya., Porfir'ev B., Polzikov D., Revich B. and others. The scientific report / Executive editor: Ivanter Viktor Viktorovich. Moscow, 2016.
2. The dynamics of energy development and petrochemical industries stimulate of the Arctic shelf development. Komkov N., Sutyagin V., Volodina N. In the book: Processes of the global economy. The collection of scientific works of International Scientific-Practical Conference. Saint Petersburg Polytechnic University of Peter the Great. 2016. P. 119–127.
3. The necessary for petrochemicals determines the dynamics for hydrocarbons demand. Komkov N., Sutyagin V., Volodina N. In the book: Processes of the global economy. The collection of scientific works of International Scientific-Practical Conference. Saint Petersburg Polytechnic University of Peter the Great. 2016. P. 127–137.
4. Financial and economic security of economic agents: Evolutionary-simulation model of indicators. Avdiyskiy V., Bezdenezhnykh V., Ross G., Likhtenshteyn V. // Financial Research. 2016. № 1 (50). P. 36–47.
5. The economic security of contemporary Russia: Risk-based approach to its provision. Avdiyskiy V., Bezdenezhnykh V. // Economy. Taxes. Law. 2016. № 3. P. 6–13.
6. The economic security ensuring of the enterprise functioning (on the example of the Derways automotive company). Dadalko V., Gashokov Kh. Financial Business. 2016 № 4 (183). P. 16–21.
7. The issues of financial institutions interaction with the enterprises of the military-industrial complex. Dadalko V., Rudykh A., Topchiy P. Military :Law Journal. 2016. № 12. P. 3–6.
8. Regional priority innovation projects and prospects of attracting investments. Usmanova T. /The collection of reports "System economics, economic cybernetics, soft measurement in economic systems" edited by the corresponding member G. Kleyner and Professor S. Prokopchina. M.: Publishing house "Nauchnaya biblioteka", 2015.
9. Management of the sustainable socio-economic development of the regions in the framework of fiscal and monetary policy in Russia. Usmanova T. / "MID" (Modernization. Innovation. Development). 2016. Vol. 7. № 1 (25). P. 123–131.
10. Innovation management as a tool for developing human capital and improving quality of life. Usmanova T. / "MID" (Modernization. Innovation. Development). 2016. Vol. 7. № 3 (27). P. 98–106.
11. *Senchagov V.* National structural policy – the path to economic security // Journal of the Academy of Natural Sciences. 2015. № 5. P. 64–70.
12. *Senchagov V., Solov'ev A.* Assessment of the global risks impact on the Russian economy and the level of its economic security: Practical approach // Issues of Theory and Management Practice. 2015. № 5. P. 16–28.
13. *Senchagov V., Pobyvaev S., Solov'ev A.* Evaluation of the crises in the economy using short-term indicators and medium-indexes of economic security of Russia. Economic Strategy. 2016. Vol. 18. № 8 (142). P. 24–31.
14. *Senchagov V., Mityakov S.* Evaluation of the crises in the economy using short-term indicators and medium-indexes of economic security of Russia // Forecasting Issues. 2016. № 2. P. 44–58.
15. *Usmanova T., Khayrullina L.* Mechanisms of financing investment projects in the fuel and energy complex and housing and communal services in the framework of regional programs. Scientific Journal of the Russian Gas Society. M.:2014, № 1.P. 59–63.
16. *Usmanova T., Khayrullin A., Khayrullina L.* Topical issues of formation of strategy of social-economic development of regions within the fuel and energy complex and housing the Scientific journal of the Russian gas society. M.: 2014, № 2. P. 119–127.

УДК 330.1

Салихов Б.В.,

доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры теории регионоведения Московского государственного лингвистического университета, профессор кафедры менеджмента и маркетинга Московского университета им. С.Ю.Витте, главный научный сотрудник Института проблем рынка РАН

Салихова И.С.,

доктор экономических наук, профессор кафедры бухгалтерского учета, налогообложения и таможенного дела Московского университета им. С.Ю.Витте, доцент, главный научный сотрудник Института проблем рынка РАН

Олигова М.Б.,

аспирант Российской международной академии туризма

ФЕНОМЕН «ОРГАНИЧЕСКОЙ НООСФЕРЫ» КАК СИСТЕМНЫЙ ФАКТОР АКТУАЛИЗАЦИИ НОВОГО КАЧЕСТВА КРЕАТИВНОГО КАПИТАЛА

В статье разрабатывается научно-практический концепт нового качества креативного капитала как функция ускоренной актуализации творческих интенций экономических агентов в условиях потребности формирования и развития воспроизводства ноосферного типа. Методологическим базисом статьи является системный анализ, позволивший наиболее полно использовать потенциал междисциплинарного подхода к выявлению качественной целостности креативного капитала. Научная новизна статьи заключается в обосновании императива органической ноосферы как системного целевого продукта креативного капитала экономического агента. Значение статьи для экономической науки и практики состоит в обосновании необходимости ускоренного развития креативного капитала как системы непередаваемого неявного знания и как критического фактора создания радикальных инноваций. Положения статьи следует использовать для развития теоретических и прикладных основ креативной экономики знаний.

Ключевые слова: креативный капитал, ноосферное качество креативного капитала, инновации, непередаваемое неявное знание

Salikhov B.,

Doctor of Economics, Professor, Professor of Chair of Theory of Region Studies of the Moscow State Linguistic University, Professor of Chair of Management and Marketing of the Moscow Witte University, Chief Researcher Fellow of the Institute of Market Problems of the Russian Academy of Sciences

Salikhova I.,

Doctor of Economics, Professor of Chair of Accounting, Taxation and Customs Affairs of the Moscow Witte University, Associate Professor, Chief Researcher Fellow of the Institute of Market Problems of the Russian Academy of Sciences

Oligova M.,

Postgraduate student of the Russian International Academy of Tourism

THE PHENOMENON OF "ORGANIC NOOSPHERE" AS A SYSTEMIC FACTOR OF THE NEW QUALITY CREATIVE CAPITAL UPDATING

This article authors are developed a scientific and practical concept of the new quality of creative capital as a result of the rapid updating of creative intentions economic agents at all levels in terms of the needs of the Noosphere type of reproduction. The methodological basis of the paper is a system analysis that allowed the best use of the potential of an interdisciplinary approach to identify high-quality integrity of the creative capital. Scientific novelty of the paper is to justify the imperative of the organic Noosphere as a system of the target product of the entity creative capital. The value of the article for economic science and practice is to justify the need for the accelerated development of creative capital as a system of implicit knowledge and critical factor of creating radical innovations. The provisions of article should be used for the development of theoretical and applied principles of the creative knowledge economy.

Keywords: creative capital, creative capital Noosphere quality, innovations, nontransferable implicit knowledge

Известное положение о том, что «лечить» нужно не экономику, а цивилизацию и что давно следует не столько качественно изменить господствующую научно-практическую парадигму хозяйственного развития, сколько подвергнуть радикальному пересмотру фундаментальные основания экономической деятельности, вряд ли сегодня является дискуссионным. Очевидно, что современная действительность характеризуется ускоренным нарастанием гуманитарных, социально-экономических, национальных, региональных, межстрановых геополитических и множества других проблем [5, 11, 13]. Целостность и потенциал деструкции этих проблем стали системным детерминантом поиска новых смыслов цивилизационного бытия, смыслов, имеющих жизненное значение для личности как «свернувшейся цивилизации» и цивилизации как «развернутой личности». Качественная целостность этих новых смыслов заключается не только в актуализации превращения человека в аристотелевскую «меру всех вещей», но и в формировании его способности обеспечить комплексное развитие живой и неживой природы, развитие, гарантирующее не только выживание, но и процветание человеческой цивилизации [6, 21].

Таким образом, новое качество смыслопроизводства нацеливает на поиск таких форм социально-экономических и иных человеческих взаимодействий, чтобы непрерывно обеспечивалась и воссоздавалась гармония и органическое единство функционирования личности, общества, экономики и природы. Такая гармония, где все элементы комплексны и непротиворечивы, являет собой системное качество *ноосферной цивилизации* [2]. Очевидно, что ноосферной цивилизации должна соответствовать и *ноосферная экономика*, или ноосферный тип индивидуального и общественного воспроизводства. Критическим фактором производства в ноосферной экономике должен быть капитал, заключающий в себе огромный потенциал не всяких, а именно созидательных, оригинальных, эвристических и непременно позитивных творчески-трудовых интенций. Такой капитал может быть определен как *креативный капитал ноосферного качества*, представляющий собой поток специфических ценностей, релевантных требованиям формирования и развития ноосферной экономики [1, 21].

С когнитивной точки зрения, ноосферную экономику резонно понимать как экономику уникальных созидательных, прежде всего, *неявных знаний и скрытых компетенций*, используемых для обеспечения гармонического развития человека, общества, экономики и природы. Высокие требования к оригинальности и эвристической неповторимости этих неявных знаний детерминируются самим качеством ноосферной экономики, в рамках которой действу-

ют механизмы создания инноваций в форме полезных благ, исключительно на основе *воспроизводимых экономических ресурсов*. Очевидно, что ноосферная экономика, или экономика неявного знания ноосферного качества, предстает как стратегическая система проекта, как нормативное «должное», нацеливающее механизмы «сущего» на соответствующие ментально-смысловые, социокультурные, организационные, институциональные и другие обоснования ускоренного развития экономики ноосферного, гармонично-созидательного качества. Таким образом, *цель статьи* заключается не только в обосновании необходимости формирования у экономических агентов креативного капитала ноосферного качества, но и в выявлении творчески-трудового потенциала его возможных комбинаторных форм.

Результаты ранее проведенных релевантных исследований характеризуют *ноосферу* как «разумное единство» человека, общества, экономики и природы. Это «разумное единство» призвано гарантировать поступательное развитие человечества на основе прогрессивных институтов и глубокого междисциплинарного знания обществоведческих и естественнонаучных законов. Очевидно, что сознательно воссоздаваемая и управляемая внутренняя согласованность функционирования законов развития общества и природы, по сути, и есть реализация требований ноосферного качества современного развития [2, 10, 20]. С экономической точки зрения, такое качество детерминируется *ноосферным креативным капиталом*, общие требования к которому, а также уровни развития которого непосредственно определяются традиционными и новыми представлениями о *концепции ноосферы* как таковой. Новизна предлагаемого исследования связана, прежде всего, с разграничением и позиционированием эндогенных и экзогенных аспектов ноосферы. Отсюда понимание ноосферного качества экономики неявного знания и, следовательно, креативного капитала включает следующие содержательные элементы.

Во-первых, ноосферная экономика может претендовать на высокую результативность в том случае, если экономические агенты не нарушают требований *эндогенной (внутренней) ноосферы*, то есть делают то, что не противоречит их творчески-трудовому предназначению, или производственной экологии. Другими словами, соблюдение требований эндогенной ноосферы есть гармонизация, с одной стороны, духовного (гуманистически-созидательного), душевного (психического), физического здоровья субъекта и, с другой стороны, его творчески-трудовых, профессиональных интенций при мотивированном стремлении к непрерывному самосовершенствованию. По сути, эндогенная ноосфера есть творчески-трудовая экология субъекта, его равновесие в системе произ-

водственно-профессиональных и психически-индивидуальных «координат». Всестороннее и гармоничное развитие экономического агента возможно лишь в том случае, если он реализует себя в той сфере деятельности, к которой он действительно предназначен. Лишь в этом случае можно говорить о том, что субъект является «эндогенно ноосферным», и чем он «ближе» к своей экологической нише, тем выше качество его эндогенной ноосферы. Нетрудно заметить, что *качество и эффективность креативного капитала* экономического агента напрямую определяются результатами его поиска собственной производственно-экологической ниши, то есть эндогенной ноосферы. И наоборот, чем выше качество креативного капитала субъекта, тем больше шансов на быстрый поиск и обнаружение его новых производственно-экологических ниш, то есть форм высокопродуктивной деятельности.

Во-вторых, ноосферная экономика будет высокоэффективной, если экономические агенты не будут нарушать требований *экзогенной (внешней) ноосферы*, понимаемой в традиционном смысле, то есть не будут нарушать «хрупкое» экологическое равновесие природы. Это обстоятельство нацеливает на актуализацию нового, именно интеллектуального качества современного экономического хозяйства, суть которого заключается, в названном ранее, императиве использования исключительно *воспроизводимых факторов производства*. Поиск и использование таких факторов производства не только обеспечит сохранность среды обитания человека, но и создаст дополнительные стимулы к еще большему расширению пространства его творчески-трудовой деятельности, поскольку предполагается не просто сохранность, а расширенное воспроизводство ноосферного природного капитала общества. При этом явление «интеллектуального» в экономике понимается как духовно-нравственная форма современных хозяйственных отношений [14].

В связи с этим, поиск и внедрение в экономическую деятельность воспроизводимых факторов производства потребует длительного и высочайшего интеллектуального напряжения собственников соответствующих компетенций. Причем качество этих компетенций должно характеризоваться развитой способностью к творческому мышлению и устойчиво мотивированной потребностью к последующей инновационной деятельности. Воспроизводимые факторы производства представляют собой всегда уникальные продукты креативной деятельности, и их можно назвать «когноемкими», «креатоемкими» или просто продуктами творческого интеллекта индивидов, корпоративных сообществ и т.д. Другими словами, произвести и грамотно использовать воспроизводимые факторы производства может только собственник не просто человеческого капитала, а

собственник его *высшей, именно креативно-интеллектуальной формы*. И наоборот, формирующиеся традиции использования воспроизводимых экономических ресурсов будут оказывать обратное позитивное влияние на дальнейшее развитие креативного капитала любого субъекта.

Понятно, что факторный императив внешней ноосферы может быть, как и в случае с внутренней ноосферой, рационально воспринят только как предполагаемая «система проекта», поскольку, применительно к отечественной экономике, ни политическая элита, ни производители институтов, а также сами экономические агенты пока не готовы к быстрой смене существующих ментальных моделей рентоориентированного поведения и одноименного присвоения. Более того, в современном, в том числе российском, обществе преобладают тенденции масштабных хозяйственных дисфункций, обусловленных господством монетарной плутократии и «империализмом» финансовых отношений. Тем не менее, несмотря на ментально-смысловые и ценностные преграды, решать задачу перехода к *ноосферному типу воспроизводства* необходимо, и именно это обстоятельство превращает творчески-трудовые интенции экономических агентов и их креативный капитал в критическую доминанту современного социально-экономического развития.

В-третьих, органическое единство внутренней и внешней ноосферы может стать основанием для возникновения *ноосферного акселератора*, призванного не только обеспечить, но и ускорить прогрессивное развитие цивилизации, где будут актуализироваться новые ценности и смыслы, совершенствоваться высококачественные институты, а также укрепляться традиции достойной жизни домохозяйств [14]. Природа этого акселератора определяется эффектом *органической ноосферы*, то есть единством двух известных ноосфер (внутренней и внешней). Обеспечение *когерентности и синергии* внутренней и внешней ноосфер в рамках органической ноосферы потребует «филигранного» целенаправленного воздействия на эти два составных элемента с целью обеспечения их положительной каузальной связи и комплементарности. В рамках данной статьи резонно лишь рационально предположить достижение высокого уровня позитивной хозяйственной динамики и обеспечение релевантного качества креативных продуктов как функцию отмеченных когерентности и синергии. На данном этапе исследования видится вполне достаточным лишь понимание этой ожидаемой продуктивности, что уже является научно-практическим основанием для последующей разработки проблемы ноосферного акселератора. При этом отметим, что сегодня даже наиболее передовые страны, с экономикой высокого уровня когноемкости,

находятся далеко от ноосферной «системы проекта», что еще больше актуализирует предмет данного исследования.

Проведенный предельно краткий и общий анализ ноосферной экономики, позволяет выделить, как минимум, три ключевые управленческие и/или самоуправленческие задачи. *Во-первых*, – это поиск и актуализация экономическим агентом собственной внутренней ноосферы, или экологической ниши, что обеспечит экономику огромным потенциалом и созидательной мощью творческой самореализации каждым участником хозяйственных взаимодействий. Эта созидательная мощь детерминируется высоким уровнем качества мотивационных форм и релевантной эффективностью «психических интенсивностей» субъекта экономики [6]. При этом концепция экологической ниши (создается то, что субъект умеет делать наилучшим образом) относится не только к отдельному индивиду, но и к другим субъектам экономики: корпоративным сообществам, временным творческим коллективам и даже нации в целом. Производственная экологическая ниша одной нации может заключаться в создании лучших в мире автомобилей, а другой – лучших в мире военных самолетов и других летательных аппаратов; третьей – самого эффективного оборудования для отраслей легкой промышленности и т.д.

Аналогичная логика применима к деятельности аутсорсинговых компаний, отдельных конструкторских бюро, консалтинговых фирм, коллективов преподавателей вузов и т.д. В любом случае, субъекту управления всегда необходимо формировать механизм (методику, инструменты) поиска и актуализации внутренней ноосферы объекта управления, представленного конкретными экономическими агентами. При этом поиск экологической ниши есть, одновременно, задача обнаружения и актуализации их творчески-трудовых интенций, поскольку истинное творчество, то есть функционирование креативного капитала субъекта, может быть длительно продуктивным, если его жизнь осуществляется как *экологически чистый креативный проект*. Здесь нет места бесплодным затратам ресурсов на преодоление моральных и психических преград, связанных с выполнением обязательных функций «нелюбимого» дела. Очевидно, важнейшей управленческой задачей является разработка *методики поиска, актуализации, развития и использования экологических ниш* каждого субъекта экономики. В этом заключается источник не только собственно креативности, но и повышения эффективности его творческой деятельности на основе расширения простора высокоэффективного применения неявных знаний и компетенций.

Во-вторых, или вторая управленческая задача непосредственно связана с обеспечением внешней экологической чистоты, и речь идет не только об ох-

ране окружающей среды, что является лишь одним из требований экзогенной ноосферы. Качественная целостность управленческого капитала здесь должна реализоваться в способности создания механизма, который в перспективе (возможно, не очень скоро) полностью исключит хозяйственное применение невозпроизводимых экономических ресурсов. Решение этой задачи не только обеспечит экологическую безопасность в ее традиционном понимании и создаст для человека благоприятную природную среду обитания, но и позволит человеку «вернуть долги» биосфере, накопившиеся за долгие годы нещадной эксплуатации ее потенциала. Сегодня важно понимать, что качество среды обитания человека и его «*биосферное благополучие*» есть функция качества решения задач по реализации путей замены невозпроизводимых экономических ресурсов на воспроизводимые факторы производства.

Очевидно, что для решения отмеченной задачи необходимы релевантные масштабные и, одновременно, «точные» инвестиции, требуется междисциплинарное качество соответствующих исследований, а также определенная направленность и глубина структурных преобразований. Необходимы также мощные социально-экономические заделы в форме *коалиций для ноосферных преобразований*, призванных обеспечить решение задачи создания высококачественной экзогенной ноосферы путем ментально-смысловой и институциональной инфраструктуры. Понятно, что для этого необходим не просто человеческий капитал высокого качества; для создания интеллектуальных и творчески-трудовых оснований формирования и развития ноосферного типа производства опять-таки необходима *креативная форма человеческого капитала*. Этот креативный капитал призван обеспечить не только непрерывный и масштабный поток ценностей в форме новых идей и креативных компетенций; этот капитал призван непрерывно воссоздавать поток радикальных инноваций, на деле способных привести к возрождению биосферы и заключающих в себе потенциал *благоговения человека перед природой и самой жизнью*. В отечественной экономике пока нет спроса на такой капитал; более того, учитывая продолжающуюся деградацию производственного аппарата промышленности, вызванную «спросовыми» ограничениями, исследователи все чаще задают вопрос о том, «нужен» ли вообще нашей современной экономике человеческий капитал высокого качества [4, 12, 22].

В-третьих, позиционируется производная задача, представляющая как функция качества решения управленческих проблем, связанных с обеспечением эндогенной и экзогенной ноосферы. Заключается эта задача в формировании «системы субъекта», способного воссоздавать управленческий механизм гармо-

низации двух ноосфер в рамках, уже известной, *органической ноосферы*. При этом органическая ноосфера предстает отнюдь не как механическое единство двух ноосфер, а их *гармоническое единство*, воспроизводственный смысл которого заключается в формировании «*когерентных резонансов*» творчески-трудовых решений и действий заинтересованных участников экономической деятельности. Механизм гармонизации двух ноосфер, с целью создания органической ноосферы и воспроизводства названных резонансов, должен основываться на инновационных, созданных «экологически чистым» субъектом управления, релевантных ментальных моделях, ценностных смыслах, а также на организационных, институциональных, технологических и иных управленческих механизмах.

Очевидно, что на данном этапе исследования, концепция «когерентных резонансов» видится лишь как метафора, отражающая применение законов теоретической физики для объяснения экономических явлений, сознательно формируемых и воссоздаваемых субъектом управления, обладающим релевантными креативными компетенциями. Между тем, созидательный смысл концепции органической ноосферы и ожидаемых соответствующих резонансных функций отчетливо понятен и заключается он в том, что расширенное воспроизводство креативных продуктов, включая биосферу и сам ноосферный креативный капитал, будет осуществляться в ситуации, когда все участники экономической деятельности будут действовать созидательно и в унисон (резонансно). Это означает, что эти участники будут, во-первых, непременно находиться в рамках своих экологических ниш и, во-вторых, руководствуясь созидательными смыслами, не позволят себе и друг другу нарушать баланс живой и неживой природы, именно путем согласованного (когерентного) стремления к использованию исключительно воспроизводимых факторов производства.

В научно-практическом смысле, для гармонизации внутренней и внешней ноосферы, помимо множества специальных, например, микроэкономических методик или планов развития организаций, необходимо разрабатывать и постоянно обновлять соответствующие государственные целевые стратегии, призванные формировать сигналы о запросах общества и экономики на соответствующие *ноосферные качественные целостности*, представленные отдельными элементами названных ноосферных форм. При этом формирование и расширенное воспроизводство органической ноосферы требует институционального капитала с определенной инфраструктурой норм и правил, обеспечивающих профилактику *ноосферных диссонансов* в форме противоречий, как между внутренней и внешней ноосферой, так и внутри каждой из них. Негативный сценарий разреше-

ния этих противоречий, как следствие низкого качества институтов, может приводить, с одной стороны, к «бегству мозгов» в том случае, если качество механизмов обеспечения внутренней ноосферы существенно выше качества механизмов внешней ноосферы (сегодняшняя ситуация в отечественной экономике).

Обратная картина возникает в том случае, когда качество институционального механизма обеспечения внешней ноосферы существенно выше качества одноименного механизма воссоздания внутренней ноосферы. Здесь будет воспроизводиться дефицит кадров как результат не столько дисфункций национального научно-образовательного комплекса, сколько его неспособность обеспечить дидактическое сопровождение высокоэффективного поиска индивидуальных экологических ниш будущих специалистов. В этом случае резонно ожидать активизацию процесса «притока мозгов», что, по сути, есть жесткий приговор отечественной когнитивной системе, оказавшейся неспособной решать задачи подготовки научно-педагогических и исследовательских кадров требуемого уровня и дать достойный ответ *ноосферным вызовам современной эпохи*. Феномен органической ноосферы, как системной потребности в новом качестве креативного капитала и релевантной управленческой парадигме, показан на рисунке 1.

Очевидно, что высокоэффективное формирование и развитие органической ноосферы, как системного, взаимосвязанного и гармоничного единства двух ноосфер, возможно исключительно в условиях целенаправленного и сознательного расширенного воспроизводства и технологической реализации релевантных *масштабных, непрерывных и радикальных инноваций*. Бесспорно, прежде всего, то, что без применения постоянно обновляемых, именно масштабных и радикальных инновационных механизмов (форм, методов, инструментов) обучения и воспитания едва ли возможно помочь конкретной личности обнаружить и, главное, обеспечить развитие ее внутренней ноосферы в форме индивидуальной экологической ниши. В этом же контексте, без управленческих, образовательных и иных инноваций невозможно создать такие сети внутрифирменных транзакций и различных форм взаимодействий, способствующих актуализации корпоративной внутренней ноосферы, то есть невозможно обеспечить «внутренний взгляд» корпоративного сообщества на свои креативные возможности как онтологию будущих ключевых компетенций и, следовательно, конкурентных преимуществ.

Кроме того, масштабные, непрерывные и радикальные инновации имеют критическое значение для успешного формирования и развития внешней ноосферы, поскольку расширенное воссоздание факторов производства, не разрушающих «социоэкологическо-

Рис. 1. Феномен органической ноосферы как онтология нового качества управления креативным капиталом

го» равновесия, сегодня предстает как интеллектуальная сверхзадача. В настоящее время можно лишь «богато вообразить» модели и механизмы, способы и инструменты создания таких уникальных инноваций, использование которых освободит человека от необходимости, по сути, уничтожить жизнеобеспечивающий потенциал биосферы. Пока ясно лишь то, что эти уникальные инновации призваны стать не просто радикальными, но и объемными «концентраторами» огромного потенциала креативной энергии экономических агентов всех уровней. При этом востребованное и целенаправленное использование этой энергии, как потока специфических (оригинальных, неординарных) ценностей, может характеризоваться как *функционирование креативного капитала*, представляющего как система, прежде всего, *непередаваемого неявного знания* определенного субъекта [16].

Важно также подчеркнуть, что переход к ноосферному типу воспроизводства требует решения множества *переходных задач*, связанных с качественным улучшением ситуации в рамках существующей хозяйственной действительности. Формирование и развитие креативного капитала ноосферного ка-

чества представляется как результат его совершенствования в ходе и в результате решения множества текущих проблем. Прежде всего, потребность в креативном капитале нового качества обуславливается качественными характеристиками *«инсайт-бизнеса»*, где *экономическая эвристика* становится самостоятельным системным фактором производства новых идей и знаний, а также конечных креативных продуктов и ожидаемых объемов добавленной стоимости. В содержательном смысле, речь идет об ускоренном возрастании потребительского и инвестиционного спроса на новые товары, услуги и факторы производства, что и требует релевантных инноваций, которые, в свою очередь, определяют необходимость актуализации и мультипликации соответствующей креативности и творческой деятельности [3, 8].

Кроме того, требования современного предпринимательства отчетливо высвечивают профессионально-технологический кризис современного человеческого капитала. Естественное стремление собственников данного капитала к самореализации и поиску своей производственной экологической ниши, обуславливает увеличение спроса со стороны

наиболее творческих субъектов на релевантные условия, методы, способы, технологии развития и высокоэффективной реализации их креативного капитала. Очевидно, что каждый креатив, порой неосознанно, стремится создать собственную *мастерскую креативной деятельности*, найти свой вектор традиционного и, далее, ноосферного воспроизводства инноваций. Творческие индивиды, креативные группы и корпоративные сообщества постоянно стремятся к новым формам общения, где появляется возможность к творческой синергии на основе формирующихся и воспроизводящихся критических масс соответствующих семантических эндогенных связей [7, 8].

Отметим, что современное предпринимательство актуализирует необходимость поиска новых форм и способов создания добавленной стоимости, что требует выявления креативных неэкономических механизмов роста: ценностно-смысловых, экономико-психологических, организационных, социальных и других. При этом углубление взаимосвязи конкуренции и конкордности (единства конкуренции и позитивного сотрудничества) [17, 18] требует креативности в сфере развития инновационных неэкономических форм экономических взаимодействий. Экономика вступает в период, когда важнейшими факторами ее роста становятся социальные компетенции в области организации развивающего обмена-общения, а также новых форм высокоэффективного обмена деятельностью. Резонно предположить, что удельный вес добавленной стоимости, обусловленной креативными неэкономическими факторами, неуклонно возрастает, относительно собственно экономических механизмов [9, 14, 15, 19].

Наконец, потребность в креативности и креативном капитале как источнике новых смыслов, объективно предопределяется углубляющимся духовно-нравственным кризисом человеческого капитала. Воинствующий монетаризм с имманентной ему «безбрежной» властью денег (плутократией), закономерно приводит к тому, что *святые ценности уступают место «цене» святости*: богатство человеческих отношений стало измеряться товарно-денежными транзакциями; благотворительность уступила место анализу трансформационных и транзакционных издержек; ценности либерального рынка оказались выше общечеловеческих ценностей; рентаориентированное поведение стало преобладать над производственно-созидательными решениями субъектов; стремление к политической власти стало стимулироваться возможностями высокого доходного статуса путем получения административной ренты. Рыночную

оценку стали приобретать инструменты социального статуса личности, что способствует купле-продаже, например, ученых степеней и званий, сертификатов членства в различных «престижных» организациях и т.д. Успешное преодоление духовно-нравственного кризиса человеческого капитала требует креативности и креативного капитала высочайшего уровня, способного расширенно воспроизводить *экономическую духовность* как форму проявления уникального созидательного неявного знания [1, 14, 21].

Таким образом, *новое качество креативного капитала* представляет собой поток когнитивных, ментально-смысловых, социально-коммуникативных, профессиональных, производственно-технологических и множества других ценностей, обеспечивающих ускоренное формирование и развитие воспроизводства ноосферного типа. *Критическая целевая функция* нового качества креативного капитала заключается в воссоздании органической ноосферы, в рамках которой может осуществляться акселерация ноосферного воспроизводства как функция интеграции эндогенной и экзогенной ноосферы. При этом, учитывая ускоренную деградацию биосферы и множество других глобальных проблем, креативный капитал ноосферного качества предстает как основной источник потока творчески-трудовой энергии, направленной на производство уникальных, спасительных для цивилизации новых идей и знаний.

Применительно к современной отечественной экономике, необходимо высокое творческое напряжение элиты, а также формирующегося креативного класса для системной актуализации созидательных творчески-трудовых интенций собственников человеческого капитала всех уровней. Сегодня критически необходим новый научно-образовательный вектор в системе подготовки специалистов для ноосферной экономики. Качество ключевых компетенций этих специалистов, с одной стороны, призвано формировать, развивать и производительно использовать органическую ноосферу как комплементарное единство экологической ниши экономических агентов и механизмов высокоэффективного использования воспроизводимых факторов хозяйственной деятельности. С другой стороны, креативный капитал современных специалистов должен обеспечивать воссоздание новых форм конкурентно-конкордных отношений, инновационных технологий обмена деятельностью, а также действенных инструментов преодоления плутократии и развития справедливых, духовно-нравственных экономических отношений.

Список литературы

1. Антипина О.Н. Тенденции гуманизации экономики при переходе к постиндустриальному обществу. М.: Экономический факультет, ТЕИС, 1998. 84 с.
2. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-пресс, 2004. 576 с.

3. Гейтс Б. Бизнес со скоростью мысли. М.: Эксмо-Пресс, 2001. 241 с.
4. Гимпельсон В. Нужен ли российской экономике человеческий капитал? // Вопросы экономики. 2016. № 10. С. 129–144.
5. Данилов-Данильян В. Глобальный кризис как следствие структурных сдвигов в экономике // Вопросы экономики. 2009. № 7. С. 31–42.
6. Друкер Питер. Эпоха разрыва: ориентиры для нашего меняющегося общества. М.: ООО «И.Д. Вильямс», 2007. 336 с.
7. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2000. 512 с.
8. Ильин Е.П. Психология творчества, креативности, одаренности. СПб.: Питер, 2012. 448 с.
9. Инновационное развитие: экономика, интеллектуальные ресурсы, управление знаниями / Под ред. Б.З. Мильнера. М.: Инфра-М, 2010. 624 с.
10. Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества: Научное издание. М.: «Academia» – «Наука», 1998. 640 с.
11. Колодко Г.В. Куда идет мир: политическая экономия будущего // Вопросы экономики. 2016. № 5. С. 151–160.
12. Коулмен Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 124–128.
13. Медведев Д. Социально-экономическое развитие России: обретение новой динамики // Вопросы экономики. 2016. № 10. С. 5–31.
14. Новичков В.И., Новичкова В.И., Салихов Б.В., Салихова И.С. Духовно-нравственная онтология социально-экономического развития: Монография. М.: КНОРУС, 2011. 328 с.
15. Ольсевич Ю.Я. Психологические основы экономического поведения. М.: ИНФРА-М, 2010. 413 с.
16. Полани М. Личностное знание. М.: Книга по требованию, 2013. 342 с.
17. Петросян Д. Социальная справедливость в экономических отношениях: институциональные аспекты // Вопросы экономики. 2007. № 2. С. 59–68.
18. Полтерович В. Позитивное сотрудничество: факторы и механизмы эволюции // Вопросы экономики. 2016. № 11. С. 5–24.
19. Розинская Н., Розинский И. Национальный проект «Доверие» // Вопросы экономики. 2015. № 12. С. 138–147.
20. Салихов Б.В., Салихова И.С. Качество знаний и компетенций в зеркале структурных реформ российской экономики // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. № 10. С. 68–85.
21. Сакс Дж.Д. Конец бедности. Экономические возможности нашего времени. М.: Изд. Института Гайдара, 2011. 424 с.
22. Сторчевой М. Новая модель человека для экономической науки // Вопросы экономики. 2011. № 4. С. 78–99.

Reference list

1. Antipina O. The trends of humanization of the economy in the transition to a postindustrial society. M.: Economic faculty, TEIS, 1998. 84 p.
2. Vernadskiy V. The biosphere and the Noosphere. M.: Ayris-press, 2004. 576 p.
3. Gates Bill. Business with the Speed of Thought. M.: Eksmo-Press, 2001. 241 p.
4. Gimpel'son V. Whether the Russian economy is a human capital? // Issues of Economy. 2016. № 10. P. 129–144.
5. Danilov-Danil'yan V. Global crisis as a consequence of structural changes in economy // Issues of Economy. 2009. № 7. P. 31–42.
6. Drucker Peter. The Era Gap: Guidelines to Our Changing Society. M.: LLC "I. D. Vil'yams", 2007. 336 p.
7. Il'in E. Motivation and motives. SBR.: Piter, 2000. 512 p.
8. Il'in E. The psychology of creativeness, creativity, talent. SBR.: Piter, 2012. 448 p.
9. The innovative development: economy, intellectual resources, knowledge management / Under the editorship of B. Mil'ner. M.: Infra-M, 2010. 624 p.
10. Inozemtsev V. Outside economic society: Scientific publication. M.: "Akademiya" – "Nauka", 1998. 640 p.
11. Kolodko G. Whither the world goes: Political economy of the future // Issues of Economy. 2016. № 5. P. 151–160.
12. Coleman J. Capital Social and Human // Public Sciences and Modernity. 2001. № 3. P. 124–128.
13. Medvedev D. Socio-economic development of Russia: Finding new dynamics // Issues of Economy. 2016. № 10. P. 5–31.
14. Novichkov V., Novichkova V., Salikhov B., Salikhova I. Spiritual – moral ontology of the socio-economic development: Monograph. M.: KNORUS, 2011. 328 p.
15. Ol'sevich Yu. The psychological foundations of economic behavior. M.: INFRA-M, 2010. 413 p.
16. Polanyi M. Personal Knowledge. M.: Book on Demand, 2013. 342 p.
17. Petrosyan D. Social justice in economic relations: Institutional aspects // Issues of Economy. 2007. № 2. P. 59–68.
18. Polterovich V. The positive engagement: Factors and mechanisms of evolution // Issues of Economy. 2016. № 11. P. 5–24.
19. Rozinskaya N., Rozinskiy I. The national project "Confidence" // Issues of Economy. 2015. № 12. P. 138–147.
20. Salikhov B., Salikhova I. The quality of knowledge and competences in the mirror structural reforms of the Russian economy // National Interests: Priorities and security. 2016. №10. P. 68–85.
21. Sachs J.D. The End of Poverty. Economic Possibilities of Our Time. M.: Publishing office of the Gaidar Institute, 2011. 424 p.
22. Storchevoy M. A new model of man for economic science // Issues of Economy. 2011. № 4. P. 78–99.

УДК 338.984

Анисимов В.Г.,

доктор технических наук, профессор, профессор кафедры информационных систем в экономике и менеджмента Санкт-Петербургского государственного политехнического университета Петра Великого

Анисимов Е.Г.,

доктор технических наук, доктор военных наук, профессор,
директор Научно-исследовательского института Российской таможенной академии

Сауренко Т.Н.,

доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой таможенного дела
Российского университета дружбы народов

Смоленский А.М.,

соискатель кафедры таможенного дела Российского университета дружбы народов

МОДЕЛЬ ОПРЕДЕЛЕНИЯ РАЦИОНАЛЬНОГО ОБЪЕМА ЗАПАСОВ ПРОДУКЦИИ В ЦЕПЯХ ПОСТАВОК СО СЛУЧАЙНЫМ СПРОСОМ

В статье предложена модель для определения рационального объема запасов продукции при фиксированном периоде их пополнения и случайном спросе. В модели учтена характерная для реального спроса конечность количества потребителей продукции. Это позволило более адекватно, чем при использовании традиционных моделей, определять рациональные объемы запасов продукции в цепях поставок. Вместе с тем учет конечности и априорной неизвестности количества потребителей и объемов востребованной каждым из них продукции, привел к необходимости разработки нового подхода к моделированию спроса. Этот подход определил основное отличие предложенной в статье модели от традиционных.

Ключевые слова: цепи поставок, рациональные объемы запасов, случайный спрос, модель

Anisimov V.,

Doctor of Technology, Professor, Professor of Chair of Information Systems in Economics and Management
of the Saint-Petersburg State Polytechnic University of Peter the Great

Anisimov E.,

Doctor of Technology, Doctor of Military Sciences, Professor, Director of the Research Institute
of Russian Customs Academy

Saurenko T.,

Doctor of Economics, Professor, Head of Chair of Customs Affairs of the Peoples' Friendship University of Russia

Smolenskiy A.,

Degree-seeking student of Chair of Customs Affairs of the Peoples Friendship University of Russia

A DETERMINATION MODEL OF THE PRODUCTION RATIONAL VOLUME OF STOCKS IN SUPPLY CHAINS WITH INADVERTENT DEMAND

This article suggests a model to determine the production rational volume of stocks for a fixed period of their replenishment and inadvertent demand. In the model there is taken in consideration a typical finiteness of the production consumers' number for the real demand. This one has allowed more adequately determining the production rational volumes of stocks in supply chains than when using traditional models. However, the considering of the finiteness and aprioristic unknown number of consumers and production volumes, demanded by any one of them has led to the necessary to develop a new approach to the modeling demand. This approach has identified the main difference of the model from traditional ones, which have been suggested in the article.

Keywords: supply chains, rational volumes of stocks, inadvertent demand, model

Введение. Создание запасов в цепях поставок объективно обусловлено необходимостью непрерывного обеспечения спроса на продукцию и невозможностью или экономической нецелесообразностью полностью совмещать объем и сроки поставок продукции с моментами возникновения спроса на нее. Вместе с тем создание запасов связано с дополнительными затратами на строительство соответствующих складов, создание запасов их хранение и обслуживание. Следовательно, возникает задача определения рациональных объемов запасов продукции. Разработка модели, обеспечивающей ее решение в условиях фиксированного периода пополнения запасов продукции и случайного спроса на нее, составляет цель настоящей статьи.

Описание модели. Вопросы определения рациональных объемов запасов продукции в различных условиях рассматривались в работах [11,12,9,15,8,14,13]. В основу предлагаемых в этих работах моделей и методов решения рассматриваемой задачи положены те или иные варианты формализации процесса спроса в виде предельных распределений для сумм независимых случайных величин. Вместе с тем реальный спрос связан с суммированием конечного (то есть не предельного), но априори неизвестного числа случайных величин [7,2,1,3]. Это обстоятельство учтено в предлагаемой в статье модели для определения рационального объема запасов продукции в цепях поставок со случайным спросом.

Введем обозначения:

T – длительность периода пополнения запасов продукции;

J – количество видов продукции (номенклатура запасов);

N_j – случайная величина, характеризующая количество потребителей, обратившихся за продукцией j -го в течение времени T_j ;

β_{rj} – случайная величина, характеризующая объем продукции j -го вида, запрашиваемый r -м ($r=1,2,\dots,N_j$) потребителем;

X_j – объем запасов продукции j -го вида.

При принятых обозначениях объем продукции j -го вида, запрашиваемой за период времени T , характеризуется случайной величиной:

$$Y_j = \sum_{r=0}^{N_j} \beta_{rj}, \quad j = 1, 2, \dots, J. \quad (1)$$

С учетом (1) рациональность объема запасов продукции j -го вида характеризуется вероятностью $F_j(X)$ события, состоящего в том, что $(Y_j \leq X)$. Следовательно, для определения рационального объема запасов продукции j -го вида при фиксированном периоде их пополнения и случайном спросе необходимо построить функцию распределения случайной величины Y_j объема спроса на эту продукцию.

Для ее построения вероятность события, состоящего в том, что случайная величина N_j примет значение n , обозначим p_{nj} . Кроме того, будем полагать, что случайные величины β_{rj} ($r=1,2,\dots,N_j$, $j=1,2,\dots,J$) запрашиваемых потребителями объемов продукции j -го вида – независимы, имеют одинаковые для каждого вида продукции распределения и независимы от n . Тогда для определения функций распределения $F_j(y) = F_j(Y_j < y)$, $j = 1, 2, \dots, J$ сумм случайных чисел N_j ($j=1,2,\dots,J$) случайных величин β_{rj} ($r=1,2,\dots,N_j$) можно воспользоваться математическим аппаратом характеристических функций.

Характеристическую функцию случайных величин β_{rj} ($r=1,2,\dots,N_j$, $j=1,2,\dots,J$) обозначим $\varphi_{0j}(\xi)$. Тогда, на основе мультипликативного свойства характеристических функций, характеристическая функция случайной величины Y_j ($j=1,2,\dots,J$) может быть записана в виде [5,6]:

$$\varphi_j(\xi) = \sum_{n=0}^{\infty} p_{nj} \varphi_{0j}^n(\xi), \quad j = 1, 2, \dots, J. \quad (2)$$

С учетом (2), плотность распределения

$$f_j(y) = \frac{dF_j(y)}{d(y)}$$

случайной величины Y_j ($j=1,2,\dots,J$) имеет вид:

$$f_j(y) = \frac{1}{\pi} \int_{-\infty}^{\infty} e^{-i\xi y} \sum_{n=0}^{\infty} p_{nj} \varphi_{0j}^n(\xi) d\xi, \quad j = 1, 2, \dots, J. \quad (3)$$

Из (3), вследствие конечности выражения

$$\sum_{n=0}^{\infty} p_{nj} \varphi_{0j}^n(\xi) \leq \sum_{n=0}^{\infty} p_{nj} \varphi_{0j}^n(0) < \infty, \quad j = 1, 2, \dots, J,$$

следует:

$$f_j(y) = \frac{1}{\pi} \sum_{n=0}^{\infty} p_{nj} \int_{-\infty}^{\infty} e^{-i\xi y} \varphi_{0j}^n(t) d\xi = \sum_{n=0}^{\infty} p_{nj} f_{nj}(y), \quad j = 1, 2, \dots, J, \quad (4)$$

где $f_{nj}(y)$ – плотность распределения суммы n случайных величин β_{rj} ($r=1,2,\dots$)

Из (4) следует, что вероятность отсутствия дефицита продукции j -го ($j=1,2,\dots,J$) вида при объеме X_j ее запасов определяется соотношением

$$F_j(y \leq X_j) = \sum_{n=0}^{\infty} p_{nj} \int_0^{X_j} f_{nj}(y) dy, \quad j = 1, 2, \dots, J. \quad (5)$$

С учетом (5), вероятность отсутствия дефицита по всей номенклатуре продукции определяется соотношением

$$R(X) = \prod_{j=1}^J F_j(y \leq X_j), \quad (6)$$

а вероятность дефицита хотя бы по одной номенклатуре продукции – соотношением

$$Q(X) = 1 - \prod_{j=1}^J F_j(y \leq X_j). \quad (7)$$

Соотношения (5) – (7) составляют основу ряда моделей оптимизации объемов запасов продукции при фиксированном периоде их пополнения и случайном спросе. Для их построения введем обозначения:

c_j – стоимость содержания единицы запасов продукции j -го вида;

g_j – вес единицы продукции j -го вида;

v_j – объем единицы продукции j -го вида.

Тогда общая стоимость содержания запасов продукции определяется соотношением

$$C(X) = \sum_{j=1}^J c_j X_j. \quad (8)$$

Общий вес запасов продукции определяется соотношением

$$G(X) = \sum_{j=1}^J g_j X_j, \quad (9)$$

а их общий объем – соотношением

$$V(X) = \sum_{j=1}^J v_j X_j. \quad (10)$$

С учетом соотношений (6) – (10) можно построить следующие задачи оптимизации объемов запасов продукции при фиксированном периоде их пополнения и случайном спросе [4,10].

Задача 1. Определить объем запасов $X^* = \{X_1^*, X_2^*, \dots, X_J^*\}$, обеспечивающий минимизацию стоимости их содержания

$$C(X^*) = \sum_{j=1}^J c_j X_j^* = \min_X C(X) \quad (11)$$

при заданной вероятности $R^*(X)$ отсутствия дефицита

$$R(X) = \prod_{j=1}^J F_j(y \leq X_j) \geq R^*(X) \quad (12)$$

и ограничениях на допустимый вес G^* и объем V^* запасов:

$$G(X) = \sum_{j=1}^J g_j X_j \leq G^*, \quad (13)$$

$$V(X) = \sum_{j=1}^J v_j X_j \leq V^*. \quad (14)$$

Задача 2. Определить объем запасов $X^* = \{X_1^*, X_2^*, \dots, X_J^*\}$, обеспечивающий максимизацию вероятности отсутствия дефицита по всей номенклатуре продукции

$$R(X^*) = \max_X \prod_{j=1}^J F_j(y \leq X_j), \quad (15)$$

или минимизацию вероятности дефицита хотя бы по одной номенклатуре продукции

$$Q(X^*) = \min_X [1 - \prod_{j=1}^J F_j(y \leq X_j)] \quad (15a)$$

при ограничениях на стоимость C^* содержания запасов, их вес и объем:

$$C(X) = \sum_{j=1}^J c_j X_j \leq C^*, \quad (16)$$

$$G(X) = \sum_{j=1}^J g_j X_j \leq G^*, \quad (17)$$

$$V(X) = \sum_{j=1}^J v_j X_j \leq V^*, \quad (18)$$

Конструктивные методики решения этих задач получаются путем установления законов распределения случайных величин, характеризующих поток потребителей и запрашиваемых ими объемов продукции.

Для определенности будем полагать, что:

количество потребителей продукции j -го вида за период T подчиняется закону Пуассона с параметром μ_j , то есть

$$p_{nj} = \frac{\mu_j^n}{n!} e^{-\mu_j}, \quad j = 1, 2, \dots, J; \quad (19)$$

объем продукции, запрашиваемый каждым потребителем, имеет показательное распределение с параметром λ_j :

$$w_j(y) = \lambda_j e^{-\lambda_j y}, \quad j = 1, 2, \dots, J. \quad (20)$$

Характеристическая функция экспоненциально распределенной случайной величины имеет вид

$$\varphi_{0j}(\xi) = (1 - i\xi\lambda_j^{-1})^{-1}. \quad (21)$$

Подставив (19) и (21) в (2), получим:

$$\varphi(\xi) = \sum_{n=0}^{\infty} \frac{\mu_j^n}{n!} e^{-\mu_j} (1 - i\xi\lambda_j^{-1})^{-1}. \quad (22)$$

Подставив (22) в (4), после преобразований получим:

$$f_j(y) = \frac{1}{2\pi} \sum_{n=0}^{\infty} \frac{(\lambda_j \mu_j)^n e^{-\mu_j}}{n!} \int_{-\infty}^{\infty} e^{-i\xi y} (\lambda_j - i\xi)^{-n} d\xi = \sum_{n=0}^{\infty} \frac{e^{-\mu_j} \mu_j^n (\lambda_j y)^{n-1} e^{-\lambda_j y}}{n! \lambda_j \Gamma(n)}, \quad j = 1, 2, \dots, J, \quad (23)$$

где $\Gamma(n)$ – гамма-функция.

Из (23) следует, что при принятых допущениях вероятность отсутствия дефицита продукции j -го ($j=1,2,\dots,J$) вида при объеме X_j ее запасов определяется соотношением

$$F_j(y \leq X_j) = \sum_{n=0}^{\infty} \frac{e^{-\mu_j} \mu_j^n}{n!} \int_0^{X_j} \frac{(\lambda_j y)^{n-1} e^{-\lambda_j y}}{\lambda_j \Gamma(n)} dy, \quad j=1,2,\dots,J. \quad (24)$$

Подстановка соотношения (24) в (12) и (15) обеспечивает конструктивность задачам оптимизации

объемов запасов продукции при фиксированном периоде их пополнения и случайном спросе.

Заключение. В целом полученные соотношения (1) – (18) представляют обобщенную модель определения рационального объема запасов продукции в цепях поставок со случайным спросом. Соотношения (19) – (24) конкретизируют эту модель для случая пуассоновского потока потребителей и экспоненциального закона объема потребностей каждого из них.

Список литературы

1. Авдеев М.М. Информационно-статистические методы в управлении микроэкономическими системами. Международная академия информатизации. С-Пб, Тула: Изд-во Гриф и К. (Тула), 2001. 139 с.
2. Анисимов В.Г., Анисимов Е.Г., Капитоненко В.В. Экономико-математические методы и модели в мирохозяйственных связях: учебник. Москва: изд. Российской таможенной академии. 2011. 179 с.
3. Анисимов В.Г., Анисимов Е.Г., Родионова Е.С., Сауренко Т.Н. Математические методы и модели в экономическом и таможенном риск-менеджменте. Монография / Санкт-Петербург. Информационный издательский учебно-научный центр «Стратегия будущего», 2016. 236 с.
4. Анисимов Е.Г. Методические положения математического моделирования задач адаптивного распределения дискретных ресурсов при управлении войсками и оружием в режиме реального времени // Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук. 2016. № 1 (91). С. 32–37.
5. Бажин Д.А. Модель оценки эффективности информационного обеспечения применения высокоточного оружия в контртеррористических операциях // Вопросы оборонной техники. Серия 16: Технические средства противодействия терроризму. 2015. № 1-2. С. 44–53.
6. Богоева Е.М. Методика оценивания эффективности функционирования системы управления рисками таможенных органов Российской Федерации // Крымский научный вестник. 2016. № 3 (9). С. 116–127.
7. Ведерников Ю.В. Модели и алгоритмы интеллектуализации автоматизированного управления диверсификацией деятельности промышленного предприятия // Вопросы оборонной техники. Серия 16: Технические средства противодействия терроризму. 2014. № 5-6. С. 61 – 72.
8. Ильин И.В., Анисифоров А.Б., Левина А.И. Модели обмена данными в интегрированной информационной системе эффективного управления инновационно-промышленным кластером // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2011. № 6 (137). С. 240–247.
9. Ильин И.В., Широкова С.В., Ильяшенко О.Ю., Левина А.И., Дубгорн А.С. ИТ-поддержка управления запасами с применением математических моделей // Неделя. 2014. № 1. С. 152–158.
10. Новиков В.Е. Моделирование оптимизационных задач поддержки принятия решений в инновационном менеджменте // Вестник Российской таможенной академии. 2016. № 1 (34). С. 90–98.
11. Рыжков Ю.И. Управление запасами. М.: «Наука», 1969.
12. Хедли Д., Уайтин Т. Анализ систем управления запасами. М.: «Наука», 1969.
13. Черных А.К., Козлова И.В. Подход к моделированию системы управления материально-техническим обеспечением сил и средств МЧС России в условиях чрезвычайных ситуаций регионального характера // Научно-аналитический журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России». 2015. № 2. С. 65–70.
14. Черных А.К., Козлова И.В., Вилков В.Б. Вопросы прогнозирования материально-технического обеспечения с использованием нечетких математических моделей // Проблемы управления рисками в техносфере. 2015. № 4 (36). С. 107–117.
15. Юрьев В.Н., Ильин И.В., Левина А.И. Модели и методы системы управления инновационно-промышленным кластером // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2012. № 4 (151). С. 198–206.

Reference list

1. Avdeev M. The information-statistical methods in the microeconomic systems management. The International Academy of Informatization SBR., Tula: Publishing by Grif and Co. (Tula), 2001. 139 p.
2. Anisimov V., Anisimov E., Kapitonenko V. The economic-mathematical methods and models in world economic relations: Textbook. Moscow: Publishing office of the Russian Customs Academy. 2011. 179 p.
3. Anisimov V., Anisimov E., Rodionova E., Saurenko T. The mathematical methods and models in economic and customs risk-management. Monograph / Saint-Petersburg. The Information Publishing Educational-Scientific Center "Future Strategy", 2016. 236 p.

4. *Anisimov E.* The methodical principles of mathematical modeling of problems of adaptive discrete distribution of resources in the management of troops and weapons in real time mode // Proceedings of the Russian Academy of Missile and Artillery Sciences. 2016. №. 1 (91). P. 32-37.
5. *Bazhin D.* The assessment model of information support efficiency of the use of precision weapon in counter-terrorist operations / Defense Engineering Issues. Series 16: The technical means of combating terrorism. 2015. №. 1-2. P. 44-53.
6. *Bogoeva E.* The technique of efficiency estimation of functioning of the risk management system of customs authorities of the Russian Federation // The Crimean Scientific Bulletin. 2016. №. 3 (9). P. 116-127.
7. *Vedernikov Yu.* The models and algorithms for intellectualization of automated control of the diversifying activities of industrial enterprises // Defense Engineering Issues. Series 16: The technical means of combating terrorism. 2014. №. 5-6. P. 61-72.
8. *Il'in I., Anisiforov A., Levina A.* The model data exchange in the integrated information system for effective management of innovation and industrial cluster // Scientific-Technical Bulletin of Saint-Petersburg State Polytechnic University. Economic Science. 2011. №. 6 (137). P. 240-247.
9. *Il'in I., Shirokova S., Il'yashenko O., Lyovina A., Dubgorn A.* It support of the inventory management using mathematical models // Nedelya. 2014. №.1. P. 152-158.
10. *Novikov V.* The modeling optimization tasks of decision support in innovation management // Bulletin of the Russian Customs Academy. 2016. №. 1 (34). P. 90-98.
11. *Ryzhkov Yu.* Inventory management. M.: "Nauka", 1969.
12. *Hadley J., Whitin E.* Analysis of Inventory Systems. M.: "Nauka", 1969.
13. *Chernykh A., Kozlova I.* The approach to modeling of control system of logistical support of forces and means of EMERCOM of Russia in emergency situations of a regional nature // Scientific – analytical journal "Bulletin of Saint-Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia". 2015. №2. P. 65-70.
14. *Chernykh A., Kozlova I., Vilkov V.* The prediction issues of material-technical support, using indistinct material models // Issues of Risk Management in Techno-Sphere. 2015. №. 4 (36). P. 107-117.
15. *Yur'ev V., Il'in I., Levina A.* The models and methods of management system of innovative-industrial cluster // Scientific-Technical Bulletin of Saint-Petersburg State Polytechnic University. Economic Science. 2012. №. 4 (151). P. 198-206.

УДК 378:005.591.6

Ольховик И.В.,

кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономические теории»
Белорусского национального технического университета

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ СТИМУЛИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВУЗА ИННОВАЦИОННЫМИ ФОНДАМИ

Статья посвящена зарубежному опыту стимулирования инновационной деятельности высших учебных заведений инновационными фондами. В ней проанализированы особенности функционирования фондов, стимулирующих инновационную деятельность в высшем образовании и показано, что в технологически развитых странах важнейшим фактором экономического стимулирования инновационной деятельности в высшем образовании является финансирование за их счет на разных стадиях. Сделан вывод, что государственная политика в области стимулирования инновационной деятельности должна быть направлена на гармонизацию деятельности инновационных фондов и создавать дополнительные возможности конкурсного финансирования научной и инновационной деятельности в высших учебных заведениях как фактора их конкурентоспособности.

Ключевые слова: экономическое стимулирование, инновационная деятельность, вузы, инновационные фонды

Ol'khovik I.,

PhD in Economics, Associate Professor of the Chair "Economic Theories" of the Belarusian National Technical University

THE INTERNATIONAL EXPERIENCE OF INNOVATION ACTIVITY ENCOURAGEMENT OF A HIGHER EDUCATION INSTITUTION BY INNOVATION FUNDS

The article focuses the international experience of innovation activity encouragement of higher education institutions by innovation funds. It is analyzed the peculiarities of the funds' performance, which are promoting the innovation activity in a higher education and one is shown that the major factor of innovation activity economic encouragement in a higher education of the technologically advanced countries is a financing at their expense in various stages. The conclusion is a national policy in terms of innovation activity encouragement should be aimed at innovation funds activity harmonization and create additional opportunities of competitive finding research and innovation activity in higher education institutions, and it is their competitive capacity factor.

Keywords: economic encouragement, innovation activity, higher education institutions, innovation funds

Позиции стран в глобальном мире во многом зависят от конкурентоспособности их национальных экономик. В структуре экономик развитых стран лидирующее место занимает производство товаров и услуг с высокой долей добавленной стоимости, а в нем очень быстро растет инновационная составляющая и 80–95% прироста ВВП приходится на долю новых знаний, воплощенных в технике и технологиях. Переход на инновационный путь развития, который, согласно исследованиям, проведенным в США, является главным достижением XX века, стал возможен благодаря созданию национальных инновационных систем [1].

Считается, что в США создана одна из самых развитых организационно-правовых инфраструктур поддержки инновационной деятельности в вузах. Не-

смотря на высокую активность частного бизнеса, государство через поддержку науки и инновационной активности, в том числе посредством различных фондов, оказывает существенное влияние на повышение конкурентоспособности национального бизнеса. Так, эталоном фонда, занимающегося финансированием фундаментальной науки и инновационной деятельности, является Национальный научный фонд США (NSF), успешно функционирующий уже более полувека. Опыт NSF используется во многих странах, в том числе и в Российской Федерации – такими фондами, как Российский фонд фундаментальных исследований, Российский гуманитарный научный фонд и др. [2; 7].

Наиболее активными центрами инновационной деятельности, являются вузы США. В силу истори-

ческих особенностей своего развития они обладают рядом экономических преимуществ, позволивших им разработать успешные формы поддержки инновационной активности и в вузах. Благодаря указанной специфике работы университетов США, они смогли стать мощными центрами генерирования и распространения инноваций на региональном, национальном и международном уровне. Подобный успешный опыт стремятся воспроизвести другие страны, преимущественно за счет создания и распространения аналогичных институциональных условий, благоприятных для развития инноваций. Активным участником стимулирования инновационной активности выступает государство, которое, среди прочего, часто стремится предложить механизмы интеграции науки и бизнеса, особенно на уровне вузов [3].

Германия также традиционно воспринимается как инновационно-ориентированная экономика – вплоть до 2009 г. эта страна удерживала за собой первенство среди мировых экспортеров. Характерной чертой инновационной политики Германии является определение в качестве основного инструмента финансовой поддержки исследований и инновационной деятельности со стороны государства. Именно государство играет активную роль в направлении научных исследований: до 80% исследовательской деятельности вузов осуществляется за счет финансирования, которое выделяется через гранты [4]. Тем не менее, переход к экономике знаний, повышение интенсивности циркуляции идей, быстрое внедрение новых технологий послужили своеобразным вызовом для немецкой модели высшего образования, для которой не характерна активная взаимосвязь университетского мира и бизнеса. На протяжении последних 15–20 лет правительство Германии (на федеральном и региональном уровнях) предпринимает значительные усилия по созданию условий, стимулирующих инновационную деятельность в вузах. Так, например, поддержка осуществляется в рамках программы Университета Вупперталя «Северный Рейн-Вестфалия – от науки к созданию бизнеса» (Transfer.NRW – SciencetoBusinessPreSeed) на основании конкурсного отбора и направлена на создание условий для высших учебных заведений по разработке инновационных продуктов по результатам выдающихся научных достижений с их последующей реализацией [10]. Максимальный срок оказания поддержки составляет два года. Средства могут запрашиваться через высшие учебные заведения на материальные и инвестиционные затраты, а также расходы на персонал. Выплаты осуществляются по принципу компенсации расходов, на основании затрат, осуществленных высшим учебным заведением на реализацию научного проекта [3].

Правительство Великобритании считает своей стратегической целью содействие развитию науки и

инновационной деятельности. При этом инновации рассматриваются как главный фактор построения экономики, основанной на знаниях. За формирование политики Великобритании в научной сфере, в том числе за создание и продвижение инноваций в промышленность, отвечает Министерство торговли и промышленности через свой Офис по науке и технологиям. В частности, в 2001 г. Министерство торговли и промышленности разработало и опубликовало Научную и инновационную стратегию, в которой провозглашается, что государство выполняет регулирующие функции и является главным инвестором в научно-технической сфере, оно должно стимулировать развитие сотрудничества между университетами и бизнесом. Эта стратегия реализуется через организационно-финансовую поддержку научной и инновационной деятельности, а также посредством развития инновационных инфраструктур на региональном, муниципальном, университетском и др. уровнях. При этом важной инфраструктурной инициативой по созданию и продвижению инноваций была организация Министерством предпринимательства, инноваций и ремесел Великобритании в 2001 г. Фонда высшего образования Англии [8], который стал обильным источником финансирования осуществления инновационной деятельности в вузах страны, а также исследований и обучения. Фонд рассматривается как источник финансирования «третьей задачи», стоящей перед университетами – осуществления инновационной деятельности. При этом первые две задачи университетов – это научные исследования и обучение [2; 7].

В Швеции основным государственным учреждением, реализующим государственную политику в области инновационной деятельности, является Правительственное агентство по инновационным системам в Швеции. Основными целями его деятельности являются: обеспечение более эффективного взаимодействия между университетами и исследовательскими институтами с одной стороны и промышленными компаниями с другой стороны; стимулирование тех областей науки и разработок, которые считаются рисковыми, но которые при этом обладают потенциалом развития в будущем; усиление поддержки вузов в процессе коммерциализации исследовательских результатов. Им удалось реализовать модель, сочетающую свободу вузов в коммерциализации созданных ими результатов интеллектуальной деятельности с инструментами, направленными на получение, как государством, так и обществом в целом отдачи от созданных разработок [4].

На общеевропейском уровне проблема стимулирования инновационной деятельности была впервые системно озвучена в девяностых годах прошлого века. Сознвая важность проведения единой политики в области стимулирования инноваций, в

рамках ЕС общая европейская инновационная политика была сформулирована в «Лиссабонской стратегии», которая была одобрена главами государств и правительств государств-членов ЕС в 2000 году. Лиссабонская стратегия имеет целью создание в Европе самой конкурентоспособной экономики, основанной на знаниях [4].

В Канаде также существует развитая и постоянно совершенствующаяся многокомпонентная инфраструктура государственной поддержки инновационной деятельности. Правительство Канады считает научную и инновационную деятельность единым процессом развития знания. Из целого ряда грантодающих организаций, занимающихся поддержкой инновационной деятельности, выделяется деятельность Национального Научно-Технического Исследовательского Совета (NSERC). Сегодня NSERC – это государственная организация федерального уровня, имеющая соответствующий фонд, которая через систему грантов и программ поддерживает науку и инновационную деятельность в Канаде, способствует укреплению партнерских отношений между университетами, правительством и частным сектором. NSERC осуществляет поддержку более 17 700 студентов, аспирантов и более 9 600 университетских профессоров. Через NSERC более 500 канадских компаний вовлечено в финансирование исследований, проводимых в университетах. В 2003–2004 гг. NSERC оказал финансовую поддержку университетских исследований и обучения на сумму 760 млн. кан. долл., выполнил целый ряд программ, помогающих канадским компаниям в партнерстве с университетами проводить НИОКР, по следующим направлениям [7]:

1. Материальное стимулирование ученых, занимающихся научной деятельностью, в том числе: привлечение молодых ученых и студентов к выполнению промышленных НИОКР в компаниях – двухгодичные стипендии молодым ученым на исследования по заказам компаний на началах софинансирования между NSERC и компаниями; совместная с компаниями оплата работы на часть ставки магистров и аспирантов; денежные вознаграждения бакалаврам за работу в интересах компаний.

2. Поддержка исследований с участием университетов.

3. Проведение промышленно-ориентированных НИОКР и трансфер результатов исследований в промышленность, осуществляемый в форме финансовой поддержки исследований, инициированных компаниями и выполненных в партнерстве с университетскими учеными в течение пяти лет (до 50% стоимости).

4. Программа «От идеи до инновации».

5. Развитие долгосрочного потенциала университетов.

Также необходимо рассмотреть деятельность Инновационного фонда Канады, который был создан правительством этой страны в 1997 г. как независимая некоммерческая организация. Управление Фондом осуществляется Советом директоров, в состав которого входят представители научной (академической) общественности и бизнеса. Основная цель Фонда состоит в усилении возможностей канадских университетов, колледжей, клиник, исследовательских институтов (имеющих статус некоммерческих организаций) по выполнению научно-исследовательских работ и осуществлению научной подготовки. Основными критериями Фонда при рассмотрении заявок на получение финансирования являются: качество исследований, инновационность проекта, потенциальные выгоды от результатов исследований для Канады. Для деятельности Фонда характерны хорошее качество подготовки и формулирования программ (приоритеты, критерии, правила подачи заявок и т.д.), что существенно облегчает доступ заявителей и повышает эффективность выполнения проектов. Существенное внимание уделяется поддержке и совершенствованию инфраструктуры научных институтов Канады [3; 7].

Для перехода к инновационной экономике необходима целостная национальная инновационная система, преобразующая новое знание в продукты и услуги, необходимые экономике и обществу. Эти национальные инновационные системы, включающие финансовую инфраструктуру, формируются при активном участии государств [5, с. 269–270], причем в технологически развитых странах *важнейшим фактором экономического стимулирования инновационной деятельности является финансирование за счет инновационных фондов*. Мы считаем, что в высшем образовании также возможно стимулирование инновационной активности посредством инновационных фондов, поскольку научные и инновационные фонды имеют четко сформулированную логику и проверенные временем механизмы деятельности. Они предоставляют поддержку инновационной деятельности на разных стадиях – от фундаментальной науки, прикладных исследований и разработок до выведения научно-технической продукции на рынок и создания молодых наукоемких инновационных предприятий. Основная цель деятельности государства в этой сфере заключается в достраивании недостающих звеньев финансирования науки и инновационной деятельности и создании через систему фондов механизма «непрерывного инвестирования» для реализации высокоэффективных научно-технических проектов [6].

Под фондами в самом общем смысле подразумеваются организации, имеющие специальный статус и осуществляющие финансирование тех или иных проектов и программ [7].

Классификация фондов [7]:

- по типу собственности: государственные, частные, смешанные.

- по характеру экономической деятельности: некоммерческие (или благотворительные) и коммерческие. Некоммерческие ставят своей целью безвозмездную передачу средств фонда для выполнения его уставных задач в интересах всего общества, например, развитие образования, культуры и т.д. Коммерческие предназначены для извлечения прибыли за счет экономического использования ресурсов фонда (инвестиционные, венчурные и т.п. фонды).

- по экономической природе источников финансирования: распределительные, работающие фактически как агентства по конкурсному распределению поступающих извне (от донора) ресурсов; накопительно-распределительные, которые распределяют собственные доходы от экономического использования активов, одновременно вложенных в фонд дарителем (донором, инвестором).

- по объектам поддержки: образовательные, научные, инновационные, инвестиционные, венчурные, культурные и т.д.

В современных рыночных национальных инновационных системах в качестве элементов финансовой инфраструктуры действуют самые разные фонды как некоммерческие, так и коммерческие. Некоммерческие финансируют субъекты инновационной деятельности, работающие на начальных стадиях цикла, коммерческие – на стадии экономического роста этих субъектов и завоевания ими новых ниш национальных или глобальных рынков [7]. При этом организация и управление этими двумя типами фондов отличаются друг от друга. Тем не менее, существуют и некоторые общие принципы, на которых базируется деятельность научных и инновационных фондов, характерные для открытой рыночной экономики с конкурентной средой, а именно [7]: инициативный характер подачи заявки («снизу-вверх»); независимость проектов от ведомственной принадлежности («вневедомственность»); финансирование конкретных проектов, а не организаций («проектный подход»); независимая (объективная) экспертиза проектов; прозрачность проекта и контроль за его реализацией; обязательность полного отчета о проделанной работе и направлениях использования полученных средств.

Работа фондов как финансовых институтов построена на общих принципах, однако виды деятельности у них различаются весьма значительно. Как показывает международная практика, у каждого фонда своя миссия и свое место в инновационном цикле. Государственная политика в этой области должна быть направлена на восполнение пробелов в финансировании инновационной деятельности и на гармонизацию деятельности фондов.

Также в международной практике можно выделить два основных направления поддержки инновационной деятельности в высших учебных заведениях: деятельность вузов, направленная на поиск внутренних источников финансирования инноваций и инновационной активности, а также деятельность внешних агентов – преимущественно государства, направленная на разработку специальных программ, ориентированных на стимулирование и поддержку инновационной деятельности вуза [3].

Важно также учитывать наблюдающиеся в настоящее время в разных странах преобразования в системах и механизмах финансирования инновационной деятельности в вузах. Эксперты ОЭСР выделяют следующие тенденции [9]:

1. Финансирование научных исследований и разработок в вузах из государственного бюджета увеличивается, при этом оно часто привязано к специфическим приоритетам и новым организационным схемам.

2. Увеличивается доля финансирования инновационной деятельности в вузах, поступающего через фонды, посредством конкурсов и грантовых схем, относительно общего объема финансирования научных организаций.

3. Деятельность вузов, выполняющих научные исследования и разработки за счет средств государственного бюджета, все более активно оценивается с помощью измеримых показателей эффективности инновационной деятельности, что позволяет оценивать эффективность соответствующих бюджетных расходов.

4. Высшие учебные заведения, финансируемые из государственного бюджета, ищут новые источники финансирования, включая бизнес, частные благотворительные фонды, оплату за обучение в вузах, увеличение общего объема средств на исследования, получаемого через гранты и контракты.

5. Объем финансирования, получаемого государственными вузами от бизнес-сообщества, увеличивается, что способствует формированию эффективного взаимодействия между исследователями и заказчиками.

Анализ международного опыта развития научнотехнической сферы показывает, что успешное развитие инновационной деятельности в вузах зависит от качества национальной инновационной системы. Фонды и программы активизации инновационной деятельности в вузах, использующие государственное финансирование, являются важнейшими элементами такой системы. Можно выделить характерные черты системы фондов и других грантодающих организаций в инновационноориентированных экономиках. Прежде всего, государственная поддержка научной и инновационной деятельности через грантодающие организации оказывается на конкурсной основе на всех стадиях – от выполнения научно-исследовательских работ до создания и коммерциализации технологической продукции или услуг. Как правило, фонды предлагают целый спектр программ,

каждая из которых ориентирована на конкретную стадию создания научного и технологического продукта. Фонды предоставляют различные виды помощи для научных и инновационных проектов – не только финансовую, но и консультационную, информационную и др. [7].

Поддержка инновационной деятельности в вузах строится с учетом региональных особенностей и конкурентных преимуществ. Большое внимание инновационные фонды уделяют программам доведения инноваций до стадии коммерциализации. Фонды и

другие грантодающие организации постоянно информируют научное и бизнес-сообщество о проводимых ими конкурсах и программах. Как показывает международная практика у каждого из фондов своя миссия и свое место в инновационном цикле. Государственная политика в этой области должна быть направлена на гармонизацию деятельности инновационных фондов и создавать дополнительные возможности конкурсного финансирования научной и инновационной деятельности в вузах как фактора их конкурентоспособности.

Список литературы

1. Байнев В.Ф. Развитие научно-технической и инновационной сферы переходных к рынку стран в контексте глобальных вызовов современности // Новая экономика. 2006. № 3–4. С. 3–25.
2. Гретченко А.А. Международный опыт государственных фондов поддержки активизации научной и инновационной деятельности // Экономика. Налоги. Право. 2007. № 1 (1). С. 15–27.
3. Дымарская О.Я., Творогова С.В. Источники стимулирования инновационной деятельности вузов в контексте приоритетов национального развития. Итоговые результаты исследования (2010) // Проект-бюро «Социальное действие». 2016. URL: http://socaction.ru/downloads/analytics/2010%20Istochniki%20stimul.-innovacii_Itog.%20result.pdf (дата обращения: 25.01.2016).
4. Калятин В.О., Наумов В.Б., Никифорова Т.С. Опыт Европы, США и Индии в сфере государственной поддержки инноваций // Российский юридический журнал. 2011. № 1 (76). С. 171–183.
6. Никитенко П.Г. Императивы инновационного развития Беларуси: теория, методология и практика. Минск: Право и экономика, 2003. 512 с.
7. О фонде СИНД // Фонд СИНД. 2016. URL: <http://www.sind.ru/> (дата обращения: 21.01.2016).
8. Салтыков Б.Г., Дежина И.Г., Лаптев Г.Д., Спивак В.И., Цыганов С.А. Роль научных и инновационных фондов в развитии национальных инновационных систем. Информационно-аналитический бюллетень № 64 // Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара. 2016. URL: <http://www.iet.ru/files/persona/dezhina/BEA-64.pdf> (дата обращения: 15.02.2016).
9. About HEFCE // Higher Education Funding Council for England. 2016. URL: <http://www.hefce.ac.uk/about/> (дата обращения: 06.02.2016).
10. Governance of Public Research. Toward Better Practices // OECD. 2016. URL: http://s3.amazonaws.com/zanran_storage/cys.bvsalud.org/ContentPages/43671956.pdf (дата обращения: 02.02.2016).
11. Transfer.NRW – Science to Business PreSeed // bizeps – die Gründungsinitiative der BU Wuppertal. 2016. URL: <http://www.bizeps.de/beratung-foerderung/foerderung/transfernrv.html> (дата обращения: 06.02.2016).

Reference list

1. Baynev V. The development of scientific-technical sector of transitional countries to market in the context of global modernity challenges // New Economy. 2006. № 3–4. P. 3–25.
2. Gretchenko A. The international experience of state support funds of research and innovation activity invigorate // Economy. Taxes. Law. 2007. № 1 (1). P. 15–27.
3. Dymarskaya O., Tvorogova S. The sources of innovation activity encouragement of higher education institutions in the context of national development priorities. 2010 Total research results // Proekt-Byuro “Social action”. 2016. URL: http://socaction.ru/downloads/analytics/2010%20Istochniki%20stimul.-innovacii_Itog.%20result.pdf (date of access: 25.01.2016).
5. Kalyatin V., Naumov V., Nikiforova T. The experience of Europe, USA and India in the sphere of state support innovation // Russian Law Journal. 2011. № 1 (76). P. 171-183.
6. Nikitenko P. The imperatives of innovative development of Belarus: Theory, methodology and practice. Minsk: Law and Economics, 2003. 512 p.
7. About the Fund SIND // Fund SIND. 2016. URL: <http://www.sind.ru/> (date of access: 21.01.2016).
8. Saltykov B., Dezhina I., Laptev G., Spivak V., Tsyganov S. The role of scientific and innovation funds in development of national innovation systems. Information-Analytical Bulletin № 64 // The Economic Policy Institute named after E. Gaidar. 2016. URL: <http://www.iet.ru/files/persona/dezhina/BEA-64.pdf> (date of access: 15.02.2016).
9. About HEFCE // Higher Education Funding Council for England. 2016. URL: <http://www.hefce.ac.uk/about/> (date of access: 06.02.2016).
10. Governance of Public Research. Toward Better Practices // OECD. 2016. URL: http://s3.amazonaws.com/zanran_storage/cys.bvsalud.org/ContentPages/43671956.pdf (date of access: 02.02.2016).
11. Transfer.NRW – Science to Business PreSeed // bizeps – die Gründungsinitiative der BU Wuppertal. 2016. URL: <http://www.bizeps.de/beratung-foerderung/foerderung/transfernrv.html> (date of access: 06.02.2016).

УДК 338.2

Гендон А.Л.,

кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры финансового контроля, анализа и аудита
Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова

АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКИХ ГОРНО-ХИМИЧЕСКИХ КОМПАНИЙ

Статья посвящена анализу развития горно-химических компаний. Происходящие существенные изменения на мировых и национальных товарно-сырьевых рынках, основные тенденции современного развития промышленности и мирового хозяйства в целом, такие как глобализация, консолидация отраслей, укрупнение и интеграция предприятий, усиление конкуренции, создают беспрецедентные вызовы и возможности развития промышленного сектора и горно-химического комплекса в частности. Новые условия хозяйствования влекут за собой необходимость поиска и обоснования новых вариантов стратегического конкурентного развития, а также наращивания и удержания конкурентных преимуществ горно-химических компаний. Определены основные тенденции и прогноз развития рынка, выявлены отраслевые особенности индустрии, представлено концептуальное видение сбыта и потребления продукции. Проанализированы позиции ключевых игроков рынка в глобальном масштабе. На основе проведенного исследования разработаны концептуальные основы развития отрасли с выделением ключевых параметров потребления и сбыта продукции, представлена их характеристика и стратегическое значение.

Ключевые слова: отрасль минеральных удобрений, тенденции рынка, отраслевые особенности, горно-химические компании, сбыт продукции, потребление удобрений

Gendon A.,

PhD in Engineering Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Chair of State Financial Control,
Accounting and Audit of Plekhanov Russian University of Economics

ANALYSIS OF THE RUSSIAN MINING-CHEMICAL COMPANIES DEVELOPMENT

This paper is focused the development analysis of mining-chemical companies. Occurring significant changes in the global markets and national commodity markets, the major trends of industry and world economy contemporary development generally, such as like globalization, industries consolidation, enterprises amalgamation and integration, enhancing competition – they all generally establishing unprecedented challenges and opportunities for the industrial sector and mining-chemical complex development, among others. The new conditions of economic entities are implying the necessary to search and substantiate the strategic competitive development new options, as well as increasing and retaining competitive advantages of the mining-chemical companies. There are determined the major trends and market forecast, discovered the economic-branch characteristics of the industry, given a conceptual version of product consumption and distribution. There are analyzed the market key stakeholders positions in a global scale. Following undertaken a study there have been formulated conceptual frameworks of the industry development with the allocation of product consumption and distribution key settings and presented their characteristics and strategic significance.

Keywords: mineral fertilizers sector, market trends, economic-branch characteristics, mining-chemical companies, product distribution, fertilizer consumption

Химическая промышленность является одной из важнейших базовых отраслей современной экономики. Ее продукция (70 тыс. наименований) широко используется для производства разнообразных потребительских товаров, а также – в больших объемах – в других отраслях экономики, таких как сельское хозяйство, обрабатывающая промышленность, строительство и сфера услуг. Сама химическая промышленность потребляет больше чем 25% своего производства химикатов. Среди самых важных потре-

бителей ее продукции – автомобильная, текстильная промышленность, производство одежды, металлургия и др.

Российские горно-химические холдинги производят приблизительно 10% мирового объема минеральных удобрений, приблизительно 18,4 миллионов тонн минеральных удобрений в перерасчете на 100% п.в. (питательные вещества)[5,8].

Ожидается, что к 2050 мировое население достигнет 9,6 миллиардов человек. Согласно предвари-

тельным вычислениям, чтобы накормить растущее население, потребуется увеличить сельскохозяйственное производство на 60%. Помимо роста населения спрос на сельхозпродукцию определяется и другими факторами, как изменение рациона питания и альтернативные варианты применения выращиваемых культур (например, производство биоэтанола).

Крупнейшие российские компании-производители минеральных удобрений входят в перечень 15-ти ведущих мировых производителей и экспортеров. В частности, по производству калия Россия занимает первое место в мире. Таким образом, Россия является значительной частью мирового рынка удобрений и наблюдается динамика роста ее влияния [6,7].

Производство минеральных удобрений присутствует практически во всех федеральных округах РФ. Транспортировка продукции осуществляется всеми видами транспорта [8,9].

На настоящее время в российской горно-химической промышленности сформированы пять крупных вертикально-интегрированных групп, которые обеспечивают выпуск большей части минеральных удобрений в России (таблица 1).

Проведя анализ развития этих несколько компаний, можно отметить, что компании:

1. В **ФосАгро** были выполнены ключевые факторы роста производства, которые были запланированы, в частности:

- Увеличение линейки выпускаемой продукции с 23 (в 2013 г.) до 28 марок, включая PKS-удобрения и NPS-удобрения с содержанием элементарной серы
- Ввод в эксплуатацию ствола ГС-2 и сопутствующей инфраструктуры позволит увеличить производительность Кировского рудника в ближайшей перспективе (с 2018 года) до 16,5 млн тонн руды в год
- Ввод в эксплуатацию мощностей по добыче руды гор. +90 м Кукисвумчоррского крыла в составе комплекса подземного дробления №2.
- Перевооружение производства фтористого алюминия: увеличение выпуска с 23 до 35 тыс. тонн в год;

- Реализация программы операционных улучшений с увеличением производства фосфорных удобрений

Производство удобрений, ТПФН, КМКФ «ФосАгро» (всего по Группе) (рисунок 1).

Перспектива производства удобрений АО «ФосАгро-Череповец» (рисунок 2).

В 2015 году Компания продемонстрировала рекордные финансовые результаты: выручка составила 189,7 млрд руб., а показатель EBITDA увеличился более чем вдвое, достигнув 82,5 млрд руб. Благодаря столь высокой эффективности, подкрепленной устойчивым денежным потоком, «ФосАгро» сохранила кредитный рейтинг инвестиционного класса, присвоенный агентством Standard&Poor's. Объем капитальных затрат Компании составил 42,6 млрд руб., а объем дивидендных выплат акционерам – 18,1 млрд руб.

Клиенты «ФосАгро» – это сельхозпроизводители из более чем 100 стран мира. В 2015 году крупнейшими рынками сбыта для продукции «ФосАгро» были Россия (1,6 млн т), Европа (1,2 млн т), Латинская Америка (1,5 млн т), Южная и Юго-Восточная Азия (0,9 млн т).

Ассортимент продукции «ФосАгро» включает 33 марки фосфорсодержащих и азотных удобрений. Это позволяет Компании предлагать сельскохозяйственным производителям со всего мира оптимальные решения для любых культур.

Благодаря минимальному содержанию токсичных элементов (в частности, кадмия) в апатит-нефелиновой руде удобрения Компании применяются при выращивании культур, к которым предъявляются особенно строгие санитарно-гигиенические требования, например, используемые при производстве детского питания.

Спрос на минеральные удобрения обусловлен рядом фундаментальных факторов. Однако все они сводятся к одному простому объяснению: удобрения способствуют решению проблемы глобального дефицита продовольствия. Производители сельскохозяйственной продукции во всем мире используют мине-

Таблица 1

Основные производители минеральных удобрений в России

Компания	Производственные активы	Добывающие активы
ФосАгро	Аммофос; Балаковские минеральные удобрения; Череповецкий Азот; Агро-Череповец	Апатит
Акрон	Акрон; Дорогобуж Хунжи-Акрон (Китай)	Северо-Западная фосфорная компания
Еврохим	Невинномысский Азот; Азот (Новомосковск) Еврохим-БМУ; Лифоса (Литва); Фосфорит	Ковдорский ГОК
Уралхим	Азот (Березники); Кирово-Чепецкий химический комбинат; Минеральные удобрения (Пермь); Воскресенские минеральные удобрения	–
Уралкалий	Уралкалий	Уралкалий

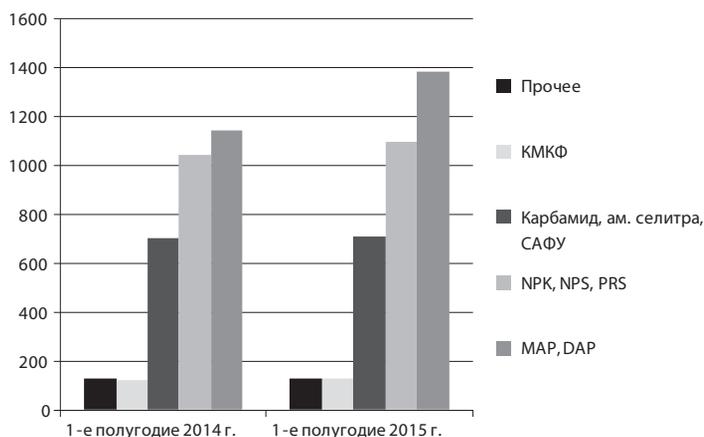

Рис. 1. Производство удобрений, ТПФН, КМКФ «ФосАгро»

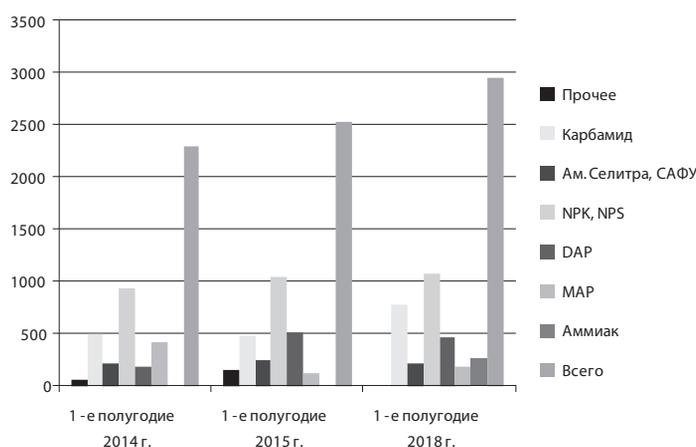

Рис. 2. Перспектива производства удобрений АО «ФосАгро-Череповец»

ральные удобрения в качестве важнейшего средства обеспечения международной продовольственной безопасности по ряду причин:

- Рост мирового населения. Задача наращивания объемов сельскохозяйственного производства обусловлена ростом спроса на фоне увеличения численности населения Земли – Сокращение площади пахотных земель. Сокращение пахотных земель в расчете на душу населения делает задачу рационального использования каждого гектара земли и увеличения показателей удельной урожайности особенно актуальной

- Изменение рациона питания. Экономическое развитие ведет к изменению пищевого рациона населения и росту объемов потребления мясных продуктов, а поскольку в качестве основного корма в животноводстве выступают зерновые культуры, это только увеличивает спрос на продовольствие в мире – Новые технологии. Новые технологии (например, производство биоэтанола) также изменяют структуру спроса на сельскохозяйственные продукты за счет использования пищевых ресурсов, которые ранее направлялись на обеспечение населения продоволь-

ствием

В условиях интенсивного развития сельского хозяйства, обусловленного растущим спросом на пищевые продукты, применение высококачественных удобрений с минимальным содержанием вредных примесей, таких как удобрения «ФосАгро», становится ключом к решению проблемы глобального дефицита продовольствия [10].

2. **ПАО «Уралкалий»** – ведущий мировой производитель и экспортер калия, одного из важнейших элементов, необходимых для развития и роста всех живых организмов на планете. В 2015 году на долю Компании пришлось 18% от общего мирового объема продаж калийных удобрений. Компания контролирует всю производственную цепочку – от добычи калийной руды до поставок хлористого калия потребителям по всему миру. Вертикальная интеграция позволяет ПАО «Уралкалий» поддерживать одну из самых низких в отрасли себестоимостей производимой продукции.

В 2015 году негативная конъюнктура рынка привела к снижению объема продаж на 9% – до 11,2 млн тонн. Чистая выручка сократилась на 5% – до 2,6

млрд долларов США. Высокий уровень загрузки производственных мощностей Компании, эффективно выстроенная бизнес-модель и девальвация рубля привели к снижению денежной себестоимости реализованной продукции на 30% и обеспечили рост рентабельности по EBITDA до 72%.

В начале 2015 года ПАО «Уралкалий» приняло программу развития производственных мощностей сроком на 6 лет. Реализация программы позволит увеличить производственные мощности Компании до 14,4 млн тонн к 2020 году. За прошедший год «Уралкалий» успешно привлекал внешнее финансирование. Компания получила синдицированный кредит от международных банков на сумму 655 млн долларов США, а также открыла кредитную линию в Сбербанке на сумму 1,5 млрд долларов США сроком на 5 лет.

Снижение спроса на калийные удобрения в 2015 году было вызвано фундаментальными факторами.

Основными факторами, повлиявшими на рынок калийных удобрений в 2015 году, стали использование покупателями переходящих запасов в первом квартале, колебания курсов валют, продолжающаяся макроэкономическая нестабильность и ограниченная доступность кредитных ресурсов в ряде регионов.

Потребление калия сельхозкультурами (рисунок 3)

В 2015 году «Уралкалий» сохранил свои лидирующие позиции на мировых рынках, несмотря на снижение покупательской активности. Компания произвела 11,4 млн тонн хлористого калия, что на 6% меньше, чем в прошлом году. Авария на руднике «Соликамск-2» в ноябре 2014 года сократила доступные мощности Компании, однако этот эффект удалось сгладить благодаря оптимизации и повышению загрузки других производственных мощностей Компании.

В первом квартале 2015 года «Уралкалий» утвердил программу развития производственных мощностей, которая предполагает инвестиции около 4,5 млрд долларов США и расширение мощностей до 14,4 млн тонн в год к 2020 году.

В 2015 году завершили проект системы внутреннего контроля (СВК) за достоверностью финан-

совой отчетности. 2. Начали работу по внедрению системы противодействия коррупции и комплаинс-системы в зарубежных дочерних компаниях и представительствах. 3. Обновили методы и подходы к оформлению и визуализации выявляемых рисков, их описанию.

В 2016 году планировали внедрить процедуру текущего мониторинга рисков. 2. Начать работу по интеграции риск-менеджмента в операционное управление на более глубоком уровне с разработкой политик управления рисками в отдельных областях бизнеса. 3. Продолжать интегрировать процессы управления рисками Компании и формализовать наши практики подготовки, реализации и мониторинга планов действий по управлению рисками для ключевых областей.

Компания постоянно улучшает систему взаимодействия с ключевыми стейкхолдерами, тщательно изучая их потребности и ожидания и стремясь к созданию взаимовыгодных отношений.

Еще одна традиционная группа промышленных потребителей – нефтяные, химические и атомные предприятия – приобрела в 2015 году для специальных производственных процессов 0,16 млн тонн хлористого калия.

Помимо хлористого калия, в 2015 году «Уралкалий» реализовал на внутренний рынок 0,33 млн тонн карналлита обогащенного и 0,76 млн тонн различных видов технической соли. Основными потребителями карналлита обогащенного являются ОАО «Соликамский магниевый завод» и ПАО «Корпорация ВСМПО-Ависма», использующие его для производства магния[11].

3. **«ЕвроХим»** одна из ведущих мировых агрохимических компаний, сообщает, что ее выручка за I кв. 2016 г. составила 1,26 млрд долл. США. Повышение объема продаж в тоннах нивелировало потери от значительного снижения цен на продукцию и позитивно отразилось на выручке. Выручка Группы за I кв. 2016 г. выросла на 2% по сравнению с 1,24 млрд долл. США, выреченными в аналогичный период прошлого года.

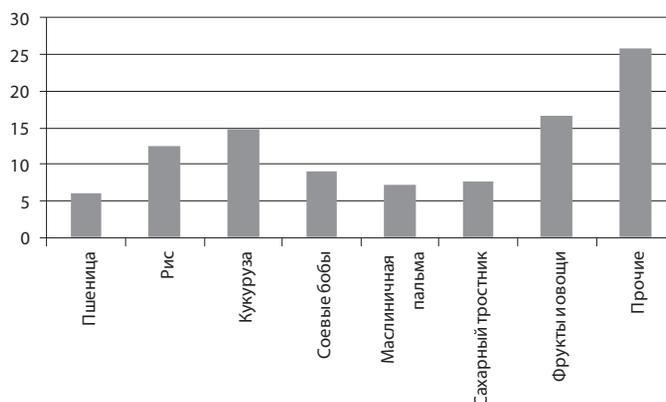

Рис. 3. Потребление калия сельхозкультурами, %

Несмотря на продолжающуюся (хотя и менее выраженную) благоприятную динамику валютных курсов показатель EBITDA снизился на 17% по сравнению с первым кварталом предыдущего года. На показатель EBITDA, который в первые три месяца 2016 г. составлял 384 млн долл. США, что ниже показателя предыдущего года (461 млн долл. США), оказало давление снижение цен на удобрения и железную руду. Тем не менее, рентабельность по EBITDA за отчетный период составила 31%. В первом квартале 2016 Группа получила чистую прибыль в размере 321 млн долл. США.

Объем продаж азотных и фосфорных удобрений (без учета минерального сырья и углеводов) за I кв. 2016 г. составил 2,0 млн т. и 1,2 млн т. соответственно, что на 13% превышает показатель за первые три месяца 2015 г. (2,8 млн т.). Объем продаж азотных удобрений увеличился на 18%, фосфорных – на 6%. Приобретение американской дистрибьюторской компании Ventrei способствовало реализации продукции сторонних производителей. Объем продаж по данному показателю составил 937 тыс. т., что на 448 тыс. т. больше продаж первого квартала 2015г. (488 тыс. т.). Кроме того, Группа реализовала 1,3 млн т. железорудного и бадделеитового концентрата.

В настоящий момент ЕвроХим разрабатывает два калийных месторождения в России. Проекты Группы на Верхнекамском калийном месторождении (Пермский край) и Гремячинском месторождении (Волгоградская область) – ключевые компоненты долгосрочной стратегии Группы. Они позволяют обеспечить производство более восьми миллионов тонн калия и должны стать одними из самых низкокзатратных производств калия в мире. На 31 марта 2016 г. в данные два калийных проекта Группа вложила в общей сложности 2,93 млрд долл. (по обменному курсу рубля к доллару соответствующих периодов).

В условиях, когда китайские производители, адаптируясь к новым реалиям собственного внутреннего рынка, являются определяющим фактором для мировых цен, компании, имеющие конкурентные производства на локальных рынках или находящиеся в непосредственной близости к своим клиентам, как ЕвроХим, будут сохранять выигранные позиции

На долю сельхозпроизводителей в 2015 году пришлось 0,12 млн тонн продукции, а основными регионами-потребителями стали Краснодарский край, Курская, Липецкая, Белгородская, Орловская, Воронежская области.

Российский сельскохозяйственный рынок обладает огромным потенциалом. Около 10% всех пахотных земель мира приходится на Россию, из них более половины земель заняты под сельскохозяйственные культуры, нуждающиеся в повышенном внесении калия, – пшеницу, подсолнечник, кукурузу и сахарную свеклу. Общий объем потребления калия российскими

сельхозтоваро-производителями (включая потребление калия в составе NPK) в 2015 году составил 0,5 млн тонн, что непропорционально мало по сравнению с другими странами со схожим климатом [9].

Также можно проанализировать развития сельхозпродукции на мировых рынках.

В 2015 году наблюдалось снижение цен на сельскохозяйственную продукцию, вызванное ростом предложения сельскохозяйственных культур, падением цен на энергоносители и укреплением доллара США. Это привело к падению прибыли фермеров, что, в свою очередь, ограничивало их закупочную активность на рынке удобрений в течение всего года.

Сочетание слабого спроса со стороны развивающихся рынков, вызванного укреплением доллара США, наряду с ухудшением финансовых позиций фермеров и сильной конкуренцией среди производителей хлористого калия привело к значительному давлению на цены в 2015 году. К концу 2015 года спотовые цены на основных рынках упали ниже уровня контрактных цен в Китае и Индии. Во второй половине 2015 года спрос на калий так и не восстановился, и многие производители объявили о снижении объемов производства в четвертом квартале.

Китай продолжал активно импортировать в течение всего прошлого года. В 2015 году Китай продемонстрировал наилучшую динамику по сравнению с другими рынками с точки зрения роста объемов импорта. Импорт калия достиг 9,4 млн тонн, что на 18% больше, чем в 2014 году. Однако введение 13% НДС, низкие цены на масличные и зерновые культуры и замедление экономического роста негативно повлияли на потребление калия в четвертом квартале 2015 года. Сочетание активных закупок на протяжении 2015 года с исключительно высокими объемами закупок в 2014 году привело к тому, что к концу прошлого года складские запасы калия достигли рекордного уровня 6 млн тонн.

В Индии вопросы, связанные с субсидированием удобрений, и падение рупии к американскому доллару сдерживали рост спроса на калийные удобрения. Импорт калия вырос на 15% в первом полугодии 2015 года по сравнению с аналогичным периодом 2014 года, но во второй половине прошлого года ситуация кардинально изменилась. Слабый сезон муссонный дождей во многом оказал негативное влияние на потребления калия в стране. В третьем квартале Индия попыталась добиться от поставщиков пересмотра текущих контрактных цен, ссылаясь на резкую девальвацию рупии. В четвертом квартале импортеры начали затягивать поставки. По оценкам, к концу года запасы калийных удобрений достигли 1,1 млн тонн. Спрос в 2015 году уменьшился до 3,9 млн тонн по сравнению с 4,5 млн тонн в 2014 году.

Динамика спроса и цен на калий в Юго-Восточной Азии в 2015 году во многом была обусловлена

обесценением местных валют и волатильностью цен на пальмовое масло. Обесценивание малайзийского ринггита и индонезийской рупии привело к росту цен для фермеров и повлияло на спрос на двух крупнейших рынках региона. В четвертом квартале тендеры были отложены в ожидании дальнейшего снижения цен. Импорт калия в 2015 году оценивается в 9,3 млн тонн, что на 9% меньше по сравнению с 2014 годом.

В Латинской Америке ограниченная доступность заемных средств, низкие цены на основные сельскохозяйственные культуры, колебания курсов валют относительно американского доллара и использование ранее накопленных складских запасов привели к падению спроса, вызвав резкий обвал цен и ужесточение конкуренции в регионе. Спрос в Бразилии оставался низким в связи с использованием запасов, накопленных в первой половине 2015 года. По оценкам, спрос на калий в регионе снизился на 3–4% до 11,3 млн тонн [10].

Североамериканский рынок находился под серьезным давлением практически весь прошлый год. Спрос на калий оставался ниже среднего в основном из-за позднего посевного сезона, резкого колебания цен на калий, вызванного возросшей конкуренцией среди производителей, и снижения посевных площадей кукурузы. Ослабление спроса в Бразилии, регионе с высоким уровнем конкуренции среди поставщиков, оказало значительное влияние на динамику цен. В результате в 2015 году историческая премия к цене на других рынках в США была утрачена. Спрос сократился на 23% в сравнении с 2014 годом и составил 8,0 млн тонн.

По оценкам в 2015 году спрос на рынках Европы, Ближнего Востока и Африки и стран бывшего СССР остался на уровне предыдущего года и составил 12,0 млн тонн. Снижение спроса на калий в Западной и Центральной Европе было компенсировано ростом спроса, в странах бывшего СССР и Африки.

В 2015 году мировой спрос на калий уменьшился на 3–4% по сравнению с 2014 годом и составил приблизительно 61 млн тонн. Большой объем предложения калийных удобрений в сочетании со слабым спросом создали дисбаланс на рынке и, очевидно, привели к снижению загрузки мощностей ведущих производителей.

Ожидается, что мировой спрос на калийные удобрения в 2016 году составит 58–60 млн тонн по сравнению с 61 млн тонн в прошлом году. Спрос в Китае может уменьшиться по сравнению с рекордными

17 млн тонн в 2015 году из-за большого объема складских запасов на конец года.

В Индии размер субсидий на покупку калия в 2016/17 финансовом году в целом не изменится. Правительство может сократить максимальную розничную цену в целях поддержания спроса на калий со стороны фермеров, снизившегося в 2015 году. Тем не менее, значительный объем переходящих запасов может негативно повлиять на индийский импорт калия в 2016 году.

Мы ожидаем восстановления спроса в Бразилии, снизившегося в 2015 году после многих лет планомерного роста. Однако восстановление, вероятно, будет небольшим из-за замедления экономического роста, больших запасов по состоянию на конец года (1,4 млн тонн) и проблем с доступностью кредитных ресурсов.

Спрос на рынке Юго-Восточной Азии остается высокочувствительным к изменениям курсов местных валют, которые могут ограничить потенциальный рост рынка в 2016 году. Тем не менее, существует вероятность, что темпы укрепления доллара снизятся, тогда как цены на пальмовое масло продемонстрировали заметный рост, что способно поддержать уровень спроса в регионе.

Спрос на рынках Европы, Ближнего Востока, Африки и стран бывшего СССР, как ожидается, покажет умеренный рост благодаря увеличению спроса в Восточной Европе. Потенциал роста спроса в Западной Европе будет ограничен по причине большого объема переходящих запасов.

Необходимость пополнения почв калием в Северной Америке после чрезвычайно слабого 2015 года может стимулировать спрос на калий в 2016 году [10].

Таким образом, в целом российские и зарубежные игроки мирового рынка минеральных удобрений вынуждены искать пути эффективного конкурентного развития для своевременной адаптации к отраслевым и рыночным условиям. Компании превращают реструктуризацию бизнеса, оптимизацию производственного портфеля, совершенствование системы управления и поставок в особый источник прибыли. Однако необходима разработка новых форм адаптации к возрастающему конкурентному давлению на мировых рынках путем поиска и обоснования новых источников конкурентных преимуществ – элементов бизнеса, которые обеспечат существенное (значимое) преимущество над существующими и будущими конкурентами.

Список литературы

1. *Портер М.* Конкурентная стратегия: Методика анализа отраслей и конкурентов / Пер. с англ. 3-е изд. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. 453с.
2. *Портер М.* Конкурентное преимущество: как достичь высокого результата и обеспечить его устойчивость / Пер. с англ. 3-е изд. М.: Альпина Бизнес Букс, 2008. 715 с.

3. Томпсон-мл. Артур А., Стрикленд III А. Дж. Стратегический менеджмент: концепции и ситуации для анализа, 12-е издание / Пер. с англ. М.: Издательский дом «Вильямс», 2011. 928 с.
4. Гендон А.Л. Стратегическое управление в промышленных холдингах // В сборнике: Научные идеи, прикладные исследования и проекты стратегий эффективного развития российской экономики сборник статей-презентаций научно-исследовательских работ. Образовательно-научный центр «Финансы». Москва, 2016. с. 38–41.
5. Гендон А.Л. Анализ ситуации и конкурентной среды на мировых рынках минеральных удобрений // В сборнике: От научных идей к стратегии бизнес-развития сборник научных трудов и результатов совместных научно-исследовательских проектов. Москва, 2015. С. 133–147.
6. Гендон А.Л. Анализ основных проблем и тенденций развития российских горно-химических компаний в современных условиях // РИСК: Ресурсы, информация, снабжение, конкуренция. 2015. № 3. С. 187.
7. Гендон А.Л. Проблемы развития горно-химических компаний России // Федерализм. 2015. № 3. С. 85–94.
8. Гендон А.Л. Возможности конкурентоспособности горно-химических компаний России // Управление качеством. 2015. № 1–2.
9. Официальный сайт компании «ЕвроХим» [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://www.eurochemgroup.com/ru/home-ru/#>
10. Официальный сайт ОАО «ФосАгро» [Электронный ресурс]. – Режим доступа <https://www.phosagro.ru>
11. Официальный сайт объединенной компании «Уралкалий» [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://www.uralchem.ru/about/>

Reference list

1. Porter M. Competitive Strategy. Techniques for Analyzing Industries and Competitors / Translation from English. 3rd edition. M.: Al'pina Biznes Buks, 2007. 453 p.
2. Porter M. The Competitive Advantage: How to Achieve High Results and Ensure Its Sustainability / Translation from English. 3rd edition. M.: Al'pina Biznes Buks, 2008. 715 p.
3. Thomson A. Jr., Strickland III A. J. The Strategic Management: Concepts and Situations for Analysis, 12th edition / Translation from English. M.: Publishing house "Vil'yams", 2011. 928 p.
4. Gendon A. Strategic management in industrial enterprises // In the collection: Research ideas, applied research and draft strategies for the effective development of the Russian economy a collection of articles and presentations of scientific research. Educational and Scientific Centre "Finansy". Moscow, 2016. P. 38–41.
5. Gendon A. The situation analysis and the competitive environment in the world markets of mineral fertilizers // In the collection: From scientific ideas to the strategy business development collection of scientific papers and the results of joint research projects. Moscow, 2015. P. 133–147.
6. Gendon A. Analysis of main problems and tendencies of development of the Russian mining and chemical companies in modern conditions // RISC: Resources, information, supply, competition. 2015. №. 3. P. 187.
7. Gendon A. The issues of mining and chemical companies development in Russia // Federalism. 2015. №. 3. P. 85–94.
8. Gendon A. Opportunities of mining and chemical companies competitiveness in Russia // Quality Management. 2015. №. 1–2.
9. The Official website of company "EuroChem" [Electronic resource]. Access mode <http://www.eurochemgroup.com/ru/home-ru/#>.
10. The Official website of JSC "FosAgro" [Electronic resource]. Access mode <https://www.phosagro.ru>
11. The Official website of the combined company "Uralkaliy" [Electronic resource]. Access mode <http://www.uralchem.ru/about/>

Казюлин Ю.В.,

аспирант Московского финансово – промышленного университета

ТЕНЕВАЯ ЭКОНОМИКА В РОССИИ

В современном мире нет ни одной страны, которая бы не столкнулась с теневой экономикой. Она проникает во все сферы экономической жизни: производство, обмен, распределение, потребление – и приобретает региональные, а в некоторых сферах и мировые масштабы. В статье подробно рассматриваются причины, основные формы и влияние теневого сектора экономики на всю экономическую систему.

Ключевые слова: теневая экономика, теневая деятельность, уход от налогов, теневая занятость, нелегальная миграция

Kazyulin Yu.,

Postgraduate student of the Moscow University for Industry and Finance

THE SHADOW ECONOMY IN RUSSIA

In the contemporary world there is no one country that would not be faced with the shadow economy. It is penetrating into all sectors of economic life, they are: industry, trade, apportionment, consumption – and it is assuming a regional, global scale, in some sectors. This article is clarified the causes, major forms and strength of informal economy sector to entire economic system.

Keywords: shadow economy, shadow activity, tax evasion, shadow employment, irregular migration

В российском законодательстве отсутствуют понятия «теневая экономика», «теневое предпринимательство», «теневые экономические отношения», что приводит к их разнообразной трактовке. С фундаментальных теоретических позиций, теневая экономика означает отказ экономических субъектов от использования правовых норм и предпочтение альтернативных методов разрешения конфликтов. В прикладных научных исследованиях теневая экономика рассматривается как совокупность экономических отношений, не учитываемых официальной статистикой (с точки зрения статистического подхода); противоречащих законодательству (юридический подход); являющихся способом минимизации экономических издержек (экономический подход) либо сокрытия от налогообложения (финансовый подход) [1, с. 83–84]. Теневая экономика образуется при определенных условиях, когда становится выгодно скрывать свою экономическую деятельность.

Согласно ст. 129 Трудового кодекса РФ [5] заработная плата, или оплата труда работника, – это вознаграждение за труд в зависимости от квалификации работника, сложности, количества, качества и условий выполняемой работы. Сюда же относятся компенсационные выплаты (доплаты и надбавки компенсационного характера, в том числе за работу в условиях, отклоняющихся от нормальных, работу в особых климатических условиях и на территориях, подвергшихся радиоактивному загрязнению, и иные

выплаты компенсационного характера) и стимулирующие выплаты (доплаты и надбавки стимулирующего характера, премии и иные поощрительные выплаты).

Работодатели, пытаясь уменьшить выплачиваемые налоги, прибегают к так называемым «серым» схемам расчетов с сотрудниками. Как правило, под «серой» зарплатой (ее также иногда называют «теневой») понимается разделение выплачиваемой работнику суммы: часть выплачивается официально, при этом ее размер прописывается в трудовом договоре, а часть выдается «в конверте» на руки; размер последней, как правило, устанавливается лишь на словах.

Работодателю выгодно выдавать работнику часть зарплаты неофициально, поскольку с нее не надо платить налог. Неофициальную часть можно и не платить вовсе: например, если работодатель сочтет, что работник недостаточно хорошо справляется со своими профессиональными обязанностями, или по любой другой причине. Далеко не каждый работник пойдет в поисках справедливости в суд, ведь доказать реальность «серой» зарплаты очень сложно.

Из-за сокрытия от официальной статистики величины своих доходов нелегальными предприятиями возрастает уровень уплачиваемых законопослушными налогоплательщиками налогов, а во-вторых, теневая экономика не позволяет достаточно эффективно осуществлять макроэкономическую политику. Это объясняется тем, что такая экономическая деятельность сокрыта от официальной статистики, дан-

ные которой являются основой для принятия экономических решений на макроуровне

В Письме Управления ФНС по г. Москве от 8 августа 2007 г. № 15-08/075418 «О мониторинге организаций с низкой заработной платой»[6] «серая» заработная плата определяется как «перечисление денег работникам, которое не учитывается при налогообложении».

В настоящее время рынок труда переполнен, конкуренция среди работников очень высока, поэтому соискатели соглашаются на выдвинутые работодателем условия об оформлении зарплаты, тем самым попадая в зависимость от работодателя. Разумеется, работодателю это выгодно. Помимо того что он может по своему усмотрению распоряжаться неофициальной частью зарплаты (лишить премии, выплачивать только часть и т. д.), работодатель еще и не уплачивает налоги с этой суммы. Очевидно, что для работодателя уход от налогов – основная цель создания «серых» схем выплаты зарплаты. Причиной такого стремления работодателей часто становятся слишком большие налоговые отчисления, иногда неподъемные для работодателей-налогоплательщиков. Налоговые службы активно борются с «серыми» схемами, устраивают проверки, подают в суд, привлекают работодателей к ответственности, однако положительная тенденция к отказу от «серых» зарплат пока не наметилась.

В настоящее время официальная зарплата работника облагается НДФЛ (налогом на доходы физических лиц) и сборами: страховыми взносами в ПФР (Пенсионный фонд России), ФСС (Фонд социального страхования), Федеральный и территориальные ФОМСы (фонды обязательного медицинского страхования) – согласно Закону от 24 июля 2009 г. № 212-ФЗ «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования». Общая ставка сборов составляет 34%. Указанные взносы пришли на смену отмененному в 2011 г. ЕСН (единому социальному налогу), который составлял 26%.

Ставка НДФЛ составляет 13% от суммы, которая прописывается в трудовом договоре, то есть эти деньги платит как бы сам работник. При получении денег в кассе или переводе на карту его зарплата автоматически уменьшается на те самые 13%. Страховые взносы платит сама организация сверх начисленной работнику зарплаты. Они не включают в себя НДФЛ 13%. Таким образом, расходы работодателя –

это начисленная зарплата плюс 13% от начисленной суммы плюс 34% от начисленной суммы.

Несложно подсчитать, что затраты работодателя – это официальная зарплата плюс страховые взносы – 34% и НДФЛ – 13%. Соответственно, сумма, которую получает работник, как принято говорить, на руки, – это официальная зарплата минус НДФЛ 13%. Следовательно, если в трудовом договоре работника прописан официальный оклад, например, 10 000 руб., то работник получит на руки 8700 руб., а работодателю затраты на этого работника обойдутся в 13 400 руб. Таким образом, чем больше сумма заработной платы указана в трудовом договоре, тем дороже это обойдется работодателю. Отмена ЕСН в размере 26% и введение ставки страховых взносов 34%, разумеется, не способствовали «обелению» зарплат, т. е. искоренению «серых» схем и выплатам исключительно официальной зарплаты, указанной в трудовых договорах.

«Серая» зарплата на сегодняшний день – вынужденная мера для работодателей, которые не в состоянии нести бремя налогов. Работник оказывается заложником этой ситуации, пожелая получить некую должность за достойное вознаграждение, вынужден соглашаться на невыгодные для себя условия. В противном случае его вознаграждение будет значительно меньше или же он просто не получит работу – найдется специалист с аналогичной квалификацией, которого подобная схема устроит. Как уже отмечалось ранее, конкуренция на рынке труда вынуждает некоторых работников получать часть заработной платы «в конверте», принимая тем самым не самые выгодные для себя условия.

Для решения проблемы теневизации национального хозяйства необходима выработка эффективной политики борьбы. Она предполагает комплексный социально-экономический и экономико-правовой подход. Несмотря на незначительные положительные функции теневизации, безусловно, предстоит с ней бороться, и это – функция правоохранительных органов. Необходимо экономически заинтересовать граждан, чтобы у них появился стимул к получению «белой зарплаты». Этого можно добиться повышением размера легальной минимальной заработной платы. Можно усилить меры наказания теневиков, например, для предприятий, нарушающих закон в этой области, необходимо ввести угрозы ликвидации, а не большого штрафа. Необходимо более тесно сотрудничать с ведомствами, министерствами, учреждениями, осуществляющими оценку уровня нелегального сектора, для получения доступа к их базам данных, а также участия в совместных проектах.

Список литературы

1. Барсукова С.Ю. Теневой рынок труда в России: стратегии работников и работодателей // ProetContra. 2000. № 1. С. 262–267.

2. Гудий Ю.С. Понятие, виды и влияние теневой экономики [Электронный ресурс] // NotaBene : экономический интернет-журнал. URL: <http://www.nbene.narod.ru/econom/feconom15.htm> (дата обращения: 13.04.2013).
3. Методы теневой экономики [Электронный ресурс]. URL: <http://autofinances.ru/ekonomika/221-metody-tenevojeconomiki.html> (дата обращения: 13.04.2013).
4. Степичева О.А. О сущности и содержании категории «теневая» экономика // Вестник Тамбовского университета. Сер. «Гуманитарные науки». 2007. № 8. С. 58–65.
5. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 03.07.2016), (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.10.2016).
6. Управление Федеральной налоговой службы по г. Москве: Письмо № 15-08/075418 от 08.08.2007.
7. Ярославцева С.В., Вотинцев Р.В. Теневая экономика в сфере внешнеэкономической деятельности: финансовый аспект // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2008. № 1. С. 83–97.

Reference list

1. Barsukova S. The shadow labour market in Russia: Strategies of workers and employers // ProetContra. 2000. № 1. P. 262–267.
2. Gudiy Yu. The concept, categories and strength of the shadow economy [Electronic resource] // NotaBene : Economic Internet–Journal. URL: <http://www.nbene.narod.ru/econom/feconom15.htm> (date of access: 13.04.2013).
3. Methods of the shadow economy [Electronic resource]. URL: <http://autofinances.ru/ekonomika/221-metody-tenevojeconomiki.html> (date of access: 13.04.2013).
4. Stepicheva O. About the nature and content of the “shadow” economy category // Bulletin of the Tambov University. Series “Humanities”. 2007. №8. P. 58–65.
5. The labour code of the Russian Federation from 30.12.2001 № 197-FL (as amended on 03.07.2016), (with amendments and supplements, went into effect from 03.10.2016).
6. Department of the Federal Tax Service for Moscow city: Letter №. 15-08/075418 dated 08.08.2007.
7. Yaroslavtseva S., Votintsev R. The shadow economy in the sector of foreign economic activity: Financial aspect // Asia-Pacific: Economics, politics, law. 2008. №1. P. 83-97.

УДК 340.132.2; 332.142

Тепляков И.И.,

аспирант, ассистент кафедры конституционного и международного права Уральского института управления, филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы

Маковкина С.А.,

старший преподаватель кафедры экономики и управления Уральского института управления, филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы

ЭКОНОМИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ КРУПНЫХ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье авторами предпринята попытка проанализировать значение термина «устойчивое развитие», применительно к крупным муниципальным образованиям, с учётом экономического и правового аспектов данной дефиниции. С помощью экономического и формально-юридического методов, а также системного подхода установлено, что для устойчивого развития муниципалитетов необходимы экономические ресурсы и соответствующая нормативная регламентация, подтверждающие их распределение для достижения целей динамичного социально-экономического развития крупных муниципальных образований. Результатом работы является установление важности муниципальной реформы, через обоснование необходимости экономического и правового регулирования вопросов местного значения, в частности: сформирована авторская классификация состава собственности муниципалитетов, выявлена высокая зависимость местных бюджетов от межбюджетных трансфертов. На основании изложенного, авторами даются предложения по совершенствованию конституционно-экономических механизмов устойчивого развития муниципальных образований.

Ключевые слова: муниципальное образование, городской округ, устойчивое развитие, стратегическое планирование, социально-экономическое развитие, экономико-правовое обеспечение, местный бюджет, муниципальная собственность, вопросы местного значения

Tepliyakov I.,

Postgraduate student, Teaching Assistant of Chair of Constitutional and International Law of the Ural Institute of Management, the Branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration

Makovkina S.,

Senior Lecturer of Chair of Economics and Management of the Ural Institute of Management, the Branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration

THE ECONOMIC–LEGAL FOUNDATIONS FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF MAJOR MUNICIPAL ENTITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

This article attempts to analyze the meaning of the term “sustainable development” in relation to major municipal entities, with consideration of economic and legal aspects of this definition. Through the economic and formal-legal methods as well as a systematic approach the article authors are determined that the sustainable development of municipalities requires the economic resources and appropriate normative regulation, confirming their distribution for achieving goals of the dynamic social-economic development of major municipal entities. The result of this paper is establishing the significance of a municipal reform, through the statement of need for economic and legal regulation of the following local value issues, in particular: the generated an author’s classification of the municipalities belongings content, the discovered a high dependence of local budgets from intergovernmental transfers. Having regard to the above, the article authors are formulated the specific proposals on the constitutional-economic arrangements perfection for the sustainable development of municipal entities.

Keywords: municipal entity, city district, sustainable development, strategic planning, social-economic development, economic-legal groundwork, local budget, municipal belongings, local value issues

Термин «устойчивое развитие» сегодня является достаточно устоявшимся в российской научной литературе, хотя дать ему точное определение достаточно сложно. Будучи употребленным впервые в 1972 году, на Первой всемирной конференции по окружающей среде в Стокгольме, в 1992 году, на конференции ООН по вопросам окружающей среды и развитию в Рио-де-Жанейро, был преобразован в концепцию развития человечества. Подчеркивалась особая важность экологической угрозы и неотделимость качества окружающей среды от социально-экономического развития.

В практике муниципального управления «развитию» предается конкретный, смысл, с точки зрения изменения в лучшую сторону исходного состояния, при этом могут рассматриваться организационные перемены, изменения в отношении собственности, развитие бюджетных взаимодействий, рост значимых для территории социально-экономических показателей.

При этом, социально-экономические изменения, характеризующие устойчивое развитие в муниципальных образованиях, наиболее заметны в крупных муниципалитетах, а именно в городских округах, так как именно они являются финансовыми, культурными, научными центрами регионов, аккумулируя экономические, социальные и административные функции. Данная точка зрения поддерживается ведущими исследователями муниципального строительства. В частности, профессор И.В. Выдрин определяет городские округа, как «наиболее крупные и дееспособные муниципальные образования в существующей ныне классификации» [6. С. 23.]. Поэтому рассматривать экономико-правовые основы устойчивого развития, мы предлагаем на примере городских округов с численностью населения свыше 1 млн

человек.

Сегодня в Российской Федерации насчитывается 13 таких муниципалитетов, из них семь имеют утвержденные стратегии социально-экономического развития, которая является нормативным документом, регламентирующим особенности социально-экономического развития территории.

Применительно к муниципальным образованиям, понятие «развитие», наиболее точно характеризует глобальные социально-экономические процессы, мнению А.В. Цвигилевич, поэтому его можно понимать в более широком смысле, как своего рода стратегический вектор в долгосрочной перспективе, определяющий системную совокупность основных составляющих стратегии муниципального развития [25. С 27]

Подтверждением данного тезиса могут служить цели муниципальных образований сформулированные в стратегических планах социально-экономического развития (табл. 1).

Как видно из таблицы, муниципальные образования определяют стратегические перспективы как: развитие сфер жизнедеятельности или устойчиво растущие уровень и качество жизни. При этом, сами стратегии социально-экономического развития зачастую не поясняют, какие показатели включаются в понятие уровня и качества жизни, которые являются поводом для научной дискуссии на протяжении последних лет. Так же, из целей, сформулированных в стратегических планах непонятно, до какого именно состояния должны улучшиться уровень и качество жизни населения, как измерить повышение конкурентоспособности и до какого уровня возрастет международная интеграция конкретной муниципальной экономики.

При этом общий характер стратегических целей носит скорее социальную окраску, но долгосроч-

Таблица 1

Примеры стратегических целей социально-экономического развития муниципальных образований

Муниципальное образование	Основная стратегическая цель
Ростов-на-Дону	Создание условий для обеспечения соответствующего современным стандартам уровня и качества жизни горожан на основе инновационного развития всех сфер жизнедеятельности города, эффективной его интеграции в глобальную экономику.
Воронеж	Достижение высокого уровня и качества жизни населения городского округа
Волгоград	Стабильный рост качества и уровня жизни всех слоев населения города в процессе его устойчивого развития на основе повышения конкурентоспособности Волгограда как эколого-социально-экономической системы
Екатеринбург	Обеспечение достаточно высокого и устойчиво повышающегося качества жизни нынешних и будущих поколений горожан
Новосибирск	Обеспечение устойчивого развития города и создание безопасной и благоприятной городской среды жизнедеятельности населения на основе рациональной функциональной и планировочной организации использования территории с учетом градостроительных особенностей развития города.
Пермь	Повышение качества жизни населения на основе инновационного развития экономики города.

ное устойчивое развитие невозможно без сильной экономической базы. Как справедливо отмечает Е.А. Колесник, заявляя, что для социального развития необходима крепкая экономическая основа, включая инвестиции, которые не обеспечиваются в требуемом объеме непосредственно, социальной сферой, которая создает нематериальные услуги [9. С. 15].

Обеспечение высоких темпов экономического роста является основным фактором для обеспечения социального развития и качественного изменения условий жизни населения. Поэтому, говоря о развитии территории, нами близка позиция Бегун Т. В., по мнению которой, устойчивое развитие, обеспечивается динамичностью экономических процессов и социальных изменений в соответствии с целями, выработанными местным сообществом [1. С. 157].

Другую, не мене важную особенность местного развития подчеркивает М.С. Мельников, определяя его как достижение высокого уровня благосостояния местного сообщества за счет создания институциональных условий долгосрочного социально-экономического развития муниципального образования, обеспечивающих удовлетворение личных интересов жителей [14. С. 11]. В данном определении названо главное условие и цель местного развития – повышение благосостояния местного сообщества.

Однако очевидно, что повышение благосостояния или устойчивое развитие возможно в условиях четко выстроенной системы управления обеспеченной нормативно-правовой концепцией взаимодействия всех уровней власти.

Не смотря на то, что Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» был принят 28 июня 2014 г., целостной нормативно-правовой системы, обеспечивающей последовательное достижение долгосрочных целей социально-экономического развития в Российской Федерации до сих пор не сложилось. Тем не менее, муниципальные образования начали разрабатывать стратегии социально-экономического развития в конце 90 – х. – начале 2000-х. В отсутствие Федерального закона многие субъекты РФ принимали свои собственные нормативно-правовые акты, регламентирующие разработку и принятие документов, обеспечивающих устойчивое развитие в муниципальных образованиях. Стратегический план, как документ, принятый в установленном порядке, местным сообществом, формирует устойчивое представление о месте муниципального образования в системе локальных и глобальных социально-экономических и политических отношений, целях обеспечения последовательности действий, направленных на развитие муниципального образования, позволяет своевременно реагировать на изменения во внешней и внутренней среде, сохраняя выработанные

ценностные и целевые ориентиры. Стратегический план является определенным организатором местного сообщества, поскольку к его разработке должны привлекаться все субъекты, образующие местное сообщество [19. С. 23]

Более того, в системе муниципального управления отсутствует взаимосвязь различных уровней программных документов. Целевые ориентиры стратегии социально-экономического развития муниципального образования не всегда четко соотносятся со стратегическими целями субъекта и муниципальными целевыми программами. По мнению автора, причина подобной несогласованности, кроется в отсутствии системы стратегического планирования принятой на уровне Российской Федерации.

Несмотря на то, что в практике муниципального управления принимается существенное количество программных документов, отсутствует единый нормативный правовой акт, регулирующий виды, иерархию, сферу действия документов, определяющих долгосрочное социально-экономическое развитие, а также включал бы развернутое описание их юридических статусов, уровень необходимости и обязательности для исполнения, механизм исполнения, управленческое содержание.

Таким образом, нам представляется, что система нормативных документов стратегического планирования социально-экономического развития, обеспечивающая долгосрочное социально-экономическое развитие РФ должна в общем виде регламентироваться Федеральным Законом о стратегическом планировании в Российской Федерации. На основании Закона разрабатываются и принимаются Стратегии социально-экономического развития на всех территориальных уровнях управления. Целевые ориентиры Стратегии раскрываются и уточняются в долгосрочных целевых программах, которые находят конкретное воплощение в проектах, реализуемых органами власти на всех уровнях. В общем виде система документов стратегического планирования представлена на рисунке 1.

Однако, выстроенная система нормативных правовых актов является необходимым, но не единственным условием эффективной системы управления на муниципальном уровне. Остается ряд вопросов, решение которых необходимо на всех уровнях власти для обеспечения долгосрочного социально-экономического развития. В частности, в предыдущих исследованиях [18], нами было обоснована необходимость конституционно-правового закрепления вопросов местного значения как предмета ведения местной власти, с их последующей классификаций по группам однородных вопросов: административных, социальных и т.д.

При этом особое внимание следует уделить группе финансово-экономических вопросов, в виду

Рис. 1. Система документов стратегического планирования

того, что решение многих стратегических задач, стоящих перед муниципалитетами, требует использования материальных и (или) финансовых средств. Таким образом, финансово-экономические вопросы местного значения (составление и рассмотрение проекта местного бюджета, утверждение и исполнение местного бюджета, осуществление контроля за его исполнением, составление и утверждение отчета об исполнении местного бюджета; установление, изменение и отмена местных налогов и сборов; владение, пользование и распоряжение имуществом, находящимся в муниципальной собственности) следует признать основополагающей группой вопросов местного значения. Отметим, что в настоящее время в сфере нормативного регулирования финансово-экономических вопросов муниципальной власти наблюдаются существенные юридические дефекты, препятствующие их надлежащему решению.

Для выработки предложений по устранению указанных дефектов, прежде всего, следует определить экономическую основу местного самоуправления. Согласно ФЗ № 131 экономическую основу местного самоуправления составляют находящееся в муниципальной собственности имущество, средства местных бюджетов, а также имущественные права муниципальных образований [20]. Основным критерием муниципального имущества, согласно ФЗ № 131, являются цели, для которых оно используется.

В соответствии с действующими нормами федерального законодательства к муниципальному имуществу относится имущество, предназначенное [21]:

- 1) для решения вопросов местного значения, установленных ФЗ № 131;
- 2) для осуществления переданных государственных полномочий;
- 3) имущество, предназначенное для обеспечения деятельности органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления, муниципальных служащих, работников муниципальных предприятий и учреждений в соответствии с нормативными правовыми актами представительного органа муниципального образования;
- 4) для решения отдельных вопросов, не отнесенных ФЗ № 131 к вопросам местного значения;
- 5) для реализации полномочий органов местной власти, установленных ФЗ № 131 и законами субъектов Российской Федерации.

Отметим, что ФЗ № 131, определяя в качестве основного критерия муниципального имущества цели его использования, не содержит перечень объектов гражданского оборота, составляющих основу муниципального имущества, что представляет серьезным правовым пробелом данного закона. Наличие данного пробела вызывает удивление, в виду того, что ныне утративший силу ФЗ № 154, весьма лаконично, и в то же время содержательно, определял состав муниципальной собственности [22]. В настоящее время, для определения такого перечня, необходимо обратиться как к положениям ФЗ № 131, так и иных федеральных законов [17]. На основании анализа норм действующего федерального законодатель-

ства, формируется следующий состав муниципальной собственности:

- 1) средства местного бюджета;
- 2) имущество органов местного самоуправления;
- 3) муниципальные земли, местные природные ресурсы (водные, лесные, участки недр);
- 4) муниципальные предприятия и учреждения;
- 5) муниципальные банки и кредитные организации;
- 6) муниципальный жилищный фонд и нежилые помещения;
- 7) муниципальные социально-культурные учреждения;
- 8) другое движимое и недвижимое имущество.

В целях систематизации вопросов местного значения финансово-экономического характера и экономической основы местного самоуправления верным представляется закрепить выявленный состав муниципальной собственности в ФЗ № 131.

На основе анализа совокупности норм гражданского законодательства и законодательства о местном самоуправлении, можно выделить следующие способы приобретения права муниципальной собственности [23]:

- путем изготовления (создания) новой вещи (например, недвижимого имущества);
- путем получения поступлений (доходов, продукции, плодов) в результате использования уже имеющегося муниципального имущества;
- на основании договора купли-продажи, мены, дарения или иной сделки об отчуждения этого имущества;
- по наследству в соответствии с завещанием или законом;
- по решению суда (например, в отношении бесхозяйного недвижимого имущества);
- в установленном порядке (например, как находка или как клад).

Примечательно, что решение вопроса приобретения или прекращения права муниципальной собственности, то есть смены собственника муниципального имущества регулируется нормами гражданского законодательства, следовательно, является исключительным предметом ведения Российской Федерации [24]. Таким образом, субъекты Российской Федерации не вправе регулировать своими законами особенности приобретения и прекращения права муниципальной собственности. В свою очередь, муниципальные образования определяют порядок и условия владения и распоряжения муниципальным имуществом не в результате наделения их соответствующими государственными полномочиями, а по праву собственника муниципального имущества [12]. Таким образом, нормативное регулирование права муниципальной собственности распределяется толь-

ко между Российской Федерацией, которая устанавливает соответствующие нормы гражданского права, и муниципальными образованиями, как собственником муниципального имущества, свободными в осуществлении данного права в той мере, в которой они не ограничены федеральным законодательством.

Наконец, отметим, что нормами гражданского законодательства Российской Федерации определено, что органы местного самоуправления являются юридическими лицами и действуют от своего имени самостоятельно [8]. Таким образом, приобретение, осуществление имущественных и личных неимущественных прав и обязанностей от имени муниципальных образований возлагается исключительно на органы местного самоуправления. Для населения таких прав и обязанностей не предусмотрено ни в Конституции, ни в Гражданском кодексе РФ. Однако, исходя из толкования норм Конституции России [10], следует, что, де-юре собственником муниципального имущества остается все население муниципального образования. Следовательно, верным представляется считать, что органы местной власти осуществляют полномочия собственника в отношении муниципального имущества от имени и в интересах всего местного населения.

При этом, стоит отметить, что в исключительной собственности муниципальных образований находятся те объекты, которые имеют не только особое значение для жизнеобеспечения муниципального образования, но и для сохранения историко-культурного наследия. К таким объектам можно также отнести, например, городские парки, памятники культуры. Это свидетельствует о социальной природе муниципальной собственности, что подтверждается следующими аргументами современных исследователей муниципальных отношений: во-первых, управление объектами муниципальной собственности наиболее чувствительно влияет на жизнь населения соответствующей территории (в отличие от управления многими другими формами собственности), а во-вторых, многие объекты муниципальной собственности социально ориентированы (спортивные, образовательные и другие объекты) [2]. Необходимо отметить данную особенность сущности муниципальной собственности.

Все без исключения муниципальные образования отмечают в стратегических планах социально-экономического развития задачи, связанные с созданием комфортной городской среды, повышением культурного уровня жителей, привлечением туристов и гостей на территорию. Решение этих и других вопросов невозможно, если в муниципальном образовании не урегулированы аспекты, связанные с правами на отдельные объекты собственности, имеющие для муниципалитета важное социальное значение.

С другой стороны, в практике встречаются примеры, когда муниципальное образование не может

содержать в должном порядке объект культурного или исторического наследия, природный парк или иное сооружение, которое, без соответствующих капитальных вложений и ухода приходит в запустение, а так же может стать опасным для населения. Причиной такой ситуации зачастую является нехватка средств в местных бюджетах.

Несмотря на достаточно развитый механизм нормативного регулирования бюджетного процесса в Российской Федерации, местные бюджеты в настоящее время испытывают на себе недостаточную финансовую обеспеченность, определяющую главную проблему в характеристике абсолютного большинства всех местных бюджетов – их дефицитность.

Согласно официальной статистике, по состоянию на 01 января 2015 года муниципальные образования всех субъектов России имели дефицитные бюджеты, кроме Курганской области, республики Тыва, республики Калмыкия и Чукотского автономного округа [16]. Одной из причин недостатка финансового обеспечения местной власти является увеличение муниципальных образований – субъектов бюджетного процесса.

В ходе муниципальной реформы 2008 года, Министерство регионального развития отмечало, что число муниципальных образований, участвующих в межбюджетных отношениях, значительно увеличилось по сравнению с дореформенным периодом – в 5,7 раза. В целом по стране только в 5 регионах число субъектов межбюджетных отношений осталось на дореформенном уровне, в 6 – возросло менее чем в 3 раза. В остальных 73 субъектах Российской Федерации, включенных в анализ, этот показатель вырос более чем в 3 раза, в том числе в 30 регионах число субъектов межбюджетных отношений выросло более чем в 10 раз [26].

Однако, по нашему мнению, основной причиной дефицита местных бюджетов в настоящее время следует считать несовершенство правовых механизмов формирования доходов местных бюджетов. Президент России В.В. Путин отмечал, что в настоящее

время межбюджетные отношения не в полной мере настроены на стимулирование органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления к созданию условий для предпринимательской и инвестиционной деятельности, которые объективно являются необходимой основой для увеличения доходов бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов. Высока зависимость бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов от финансовой помощи, поступающей из других бюджетов бюджетной системы Российской Федерации [5].

Таким образом, следует дать рекомендации по совершенствованию нормативных механизмов пополнения доходов местных бюджетов, с целью совершенствования экономической основы местного самоуправления, а, следовательно, и повышения эффективности решения вопросов местного значения.

Бюджетный кодекс Российской Федерации классифицирует доходы местных бюджетов на две группы: налоговые и неналоговые [3]. При этом, к налоговым доходам муниципальных образований, в соответствии с нормами налогового законодательства Российской Федерации, относятся только земельный налог, налог на имущество физических лиц и торговый сбор [4]. По нашему мнению, наличие столь малого источника средств поступления налоговых доходов местных бюджетов (по сравнению с бюджетами Российской Федерации и её субъектов), значительно снижает возможность увеличения доходов местных бюджетов. При этом, отчисления в местный бюджет по фиксированной ставке процентов от федеральных и региональных налогов, предусмотренные Бюджетным кодексом России [3], не способствуют сбалансированности местных бюджетов, что подтверждается данными, приведенными в таблице 2 [7]:

Из анализа приведенных выше данных следует, что существующие механизмы налогово-бюджетного регулирования не обеспечивают стабильный рост доходов местных бюджетов. Отметим, что установ-

Таблица 2

Структура доходов местных бюджетов по типам муниципальных образований в 2014 г. (млрд руб.)

Виды доходов	Типы муниципальных образований					
	Городской округ		Муниципальный район		Поселения	
	сумма	%	сумма	%	сумма	%
Налоговые	266,8	37,14	179,5	25,13	20,2	22,7
Неналоговые	90,9	12,65	36,6	5,12	9,4	10,56
Межбюджетные трансферты	163,8	22,8	236,8	33,16	45,1	50,67
Фонд компенсации	176,5	24,57	247,9	34,71	13,1	14,72
Прочие доходы	20,4	2,84	13,4	1,88	1,2	1,35
Всего	718,4	100	714,2	100	89	100

ленный государством способ налогооблагаемой базы местных бюджетов в большей степени акцентируется на имущество и доходы граждан, а не на объемы хозяйственной деятельности, осуществляемой в границах муниципального образования. Высокая степень зависимости доходов местных бюджетов от межбюджетных трансфертов не способствует стимулированию развития финансово-хозяйственной деятельности муниципалитетов. Выявленные недостатки в нормативном регулировании формирования доходов местных бюджетов оказывают негативное влияние на развитие взаимодействия малого бизнеса и местной власти, а также затрудняют создание органами местного самоуправления условий для стабильной инвестиционной деятельности и долгосрочного устойчивого развития. В свою очередь, устранение выявленных дефектов представляется невозможным, без грамотной законодательной регламентации компетенции местного самоуправления, в том числе закрепления полномочий органов местной власти по должному обеспечению финансово-экономической базы муниципального образования. Безусловно, данная трансформация затронет как правовые акты, посвященные местному самоуправлению, так и бюджетное, налоговое, финансовое законодательство. Реализация данных изменений будет рассмотрена нами в дальнейших исследованиях, посвященных конституционно-экономическим основам местного самоуправления.

Таким образом, по результатам анализа финансово-экономических вопросов местного значения можно сделать следующие выводы: в настоящее

время ФЗ №131 закрепляет две группы данных вопросов местной власти. Одна из них направлена на установление экономических основ местной власти, связанной с реализацией прав собственника муниципального имущества органами местного самоуправления, прежде всего – в использовании муниципальных учреждений различного вида (казенных, унитарных, автономных) и другого муниципального имущества в качестве основы для решения вопросов местного значения иных групп, а также для участия в экономических и хозяйственных отношениях, в соответствии с нормами гражданского законодательства Российской Федерации. Другая группа данных вопросов посвящена бюджетным отношениям органов местного самоуправления, определяет местный бюджет как финансовую основу деятельности органов местной власти в любой сфере их компетенции, в том числе – в решении вопросов местного значения. В ходе анализа данных вопросов нами была выявлена проблема дефицитности местных бюджетов, носящая универсальный характер для муниципальных образований России. Идеологема решения данной проблемы выражается в комплексном изменении законодательства, регламентирующего основы финансово-экономической деятельности муниципальных образований. Сформулированные предложения, по нашему мнению, будут способствовать динамичному развитию финансово-экономической базы местного самоуправления, а, следовательно, и повышению эффективности решения вопросов местного значения в Российской Федерации.

Список литературы

1. *Бегун Т. В.* Устойчивое развитие: определение, концепция и факторы в контексте моногородов // Экономика, управление, финансы: материалы II международной научной конференции (г. Пермь, декабрь 2012 г.). Пермь: Меркурий, 2012. С. 158–163.
2. *Борисов Д.М.* Государственное и муниципальное управление: теория, история, практика. Сборник докладов. Иваново. 2011.
3. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 (ред. от 15.02.2016) № 145-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. гл.9.
4. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 (ред. от 15.02.2016) № 145-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. ст.61–61.
5. Бюджетное послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию от 28.06.2012 «О бюджетной политике в 2013-2015 годах». // Официальный интернет-портал Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/15786> (дата обращения 02.02.2016).
6. *Выдрин И.В.* Россия на пороге очередной муниципальной реформы? // Муниципалитет: экономика и управление. 2014. № 1 (6). С. 21-26.
7. *Глотова И.И., Колотухина И.И.* Актуальные проблемы финансов муниципальных образований // XXXVI Международная научно-практическая конференция «Научное сообщество студентов XXI столетия. Экономические науки». Новосибирск. 2015.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. №32. ст.48, 125.
9. *Колесник Е.А.* Совершенствование управления социально-экономическим развитием монопромышленного города. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. Челябинск, 2010. 184 с.
10. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 (ред. от 21.07.2014) // Собрание Законодательства РФ. 2014. № 31. ч.1 ст. 130. Ст. 4398.

11. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 (ред. от 21.07.2014) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. ч.1 ст. 71. Ст. 4398.
12. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 (ред. от 21.07.2014) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. ч.1 ст.132. Ст. 4398.
13. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 (ред. от 21.07.2014) // Собрание Законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
14. *Мельников М.С.* Управление местным развитием на основе муниципального некоммерческого партнерства. Автореф. дисс... канд. экон. наук. М., 2006. 23 с.
15. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 (ред. от 15.02.2016) №146-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 15.
16. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/dbinet.cgi> (дата обращения 02.02.2016).
17. Федеральный закон от 06.10.2003 (ред. от 15.02.2016) № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 40.
18. *Тепляков И.И.* Идентификация предметов ведения органов местного самоуправления в Российской Федерации // Проблемы обеспечения, реализации, защиты конституционных прав и свобод человека. 2015. № 4. С. 134 – 140.
19. *Тургель И.Д., Маковкина С.А.* Сравнительный анализ практики стратегического планирования в крупнейших городах России // Региональная экономика: теория и практика. 2009 №6. С. 22 – 30.
20. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.2003 (ред. от 15.02.2016) № 131-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 40. ч.1 ст.49.
21. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.2003 (ред. от 15.02.2016) № 131-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 40. ч.1 ст.50.
22. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 28.08.1995 (утратил силу) №154-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 35. ч.1 ст.29.
23. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. №32.
24. *Цвикилевич А.В.* Совершенствование управления развитием муниципального образования. Москва: Академия естествознания, 2006. 138 с.
25. *Целищева Е.Ф.* Мониторинг реформирования финансово-экономических основ местного самоуправления // Вопросы управления. 2008. № 2. С. 46–51.

Reference list

1. *Begun T.* The sustainable development: Definition, concept and factors in the context of single-industry towns // Economics, Management, Finance: Proceedings of the II international scientific conference (Perm', December of 2012). Perm: Mercuriy, 2012. P. 158–163.
2. *Borisov D.* The state and municipal management: Theory, history, practice. Collection of papers. Ivanovo. 2011.
3. The Budget Code of the Russian Federation of 31.07.1998 (edition of 15.02.2016) № 145-FL // Collected legislation of the Russian Federation. 1998. № 31. Chapter 9.
4. The Budget Code of the Russian Federation of 31.07.1998 (edition of 15.02.2016) № 145-FL // Collected legislation of the Russian Federation. 1998. № 31. Article 61–61.
5. The Budget Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly dated 28.06.2012 "On budget policy in 2013-2015". // The Official Internet Portal of the President of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/15786> (date of access: 02.02.2016).
6. *Vydrin I.* Russia on the edge of another municipal reform? // Municipality: Economy and management. 2014. № 1 (6). P. 21–26.
7. *Glotova I., Kolotukhina I.* The topical issues of the municipalities finance. // XXXVI International Scientific-Practical Conference "Scientific community of students in XXI century. Economic science". Novosibirsk. 2015.
8. The Civil Code of the Russian Federation (Part one) from 30.11.1994 № 51-FL // Collected legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. Article 48, 125.
9. *Kolesnik E.* Improvement of management of socio-economic development of mono-industrial city. The dissertation on competition of a scientific degree of PhD in Economics. Chelyabinsk, 2010. 184 p.
10. The Constitution of the Russian Federation, adopted by popular vote 12.12.1993 (as amended on 21.07.2014) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2014. № 31. Part 1 of Article 130. Art. 4398.
11. The Constitution of the Russian Federation, adopted by popular vote 12.12.1993 (as amended on 21.07.2014) // Collected legislation of the Russian Federation. 2014. № 31. Part 1 of Article 71. Art. 4398.
12. The Constitution of the Russian Federation, adopted by popular vote 12.12.1993 (as amended on 21.07.2014) // Collected legislation of the Russian Federation. 2014. №. 31. Part 1 of Article 132. Art. 4398.

13. The Constitution of the Russian Federation, adopted by popular vote 12.12.1993 (as amended on 21.07.2014) // Collected legislation of the Russian Federation. 2014. № 31. Art. 4398.
14. *Mel'nikov M.* The management of local development through community non-commercial partnerships. Synopsis of a thesis of PhD in Economics. M., 2006. 23 p.
15. The Tax Code of the Russian Federation (Part one) of 31.07.1998 (edition of 15.02.2016) №146-FL // Collected legislation of the Russian Federation. 1998. № 31. Art. 15.
16. Official Web Site of the Federal State Statistics Service of the Russian Federation. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/dbinet.cgi> (date of access: 02.02.2016).
17. Federal Law of 06.10.2003 (edited by 15.02.2016) № 131-FL "On the general principles of organization of local self-government in the Russian Federation" // Collected legislation of the Russian Federation. 2003. № 40.
18. *Teplyakov I.* The identification of subjects of conducting local government in the Russian Federation // Problems of maintenance, implementation, protection of constitutional rights and freedoms of an individual. 2015. № 4. P. 134 – 140.
19. *Turgel' I., Makovkina S.* The comparative analysis of the practice of strategic planning in the cities of Russia // Regional economy: Theory and practice. 2009 №6. P. 22 – 30.
20. On the general principles of organization of local government in the Russian Federation: Federal Law of 06.10.2003 (edited by 15.02.2016) № 131-FL // Collected legislation of the Russian Federation. 2003. № 40. Part 1 of Article 49.
21. On the general principles of organization of local government in the Russian Federation: Federal Law of 06.10.2003 (edited by 15.02.2016) № 131-FL // Collected legislation of the Russian Federation. 2003. № 40. Part 1 of Article 50.
22. On the general principles of organization of local government in the Russian Federation: Federal Law dated 28.08.1995 (repealed) №154-FL // Collected legislation of the Russian Federation. 1995. № 35. Part 1 of Article 29.
23. The Civil Code of the Russian Federation (Part one) from 30.11.1994 № 51-FL // Collected legislation of the Russian Federation. 1994. №. 32.
24. *Tsvikilevich A.* Improving the management of municipal development. Moscow: Academy of Natural Science, 2006. 138 p.
25. *Tselishcheva E.* Monitoring of the economic and financial foundations reform of local self-government // Management Issues. 2008. № 2. P. 46–51.

УДК 378.371

Богословский В.И.,

доктор педагогических наук, профессор, начальник управления подготовки и аттестации кадров высшей квалификации Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

Аниськин В.Н.,

кандидат педагогических наук, доцент, декан факультета математики, физики и информатики Самарского государственного социально-педагогического университета

Ильмушкин Г.М.,

доктор педагогических наук, профессор, профессор Демитровградского инженерно-технологического института – филиала Национального исследовательского ядерного университета

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СИСТЕМЫ ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ ХОЛИСТИЧНОЙ ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ВУЗА

Работа посвящена педагогическому моделированию и проектированию действенно-рациональной и эффективной в современных условиях системы воспитания студентов. Для этого с историко-философских и психолого-педагогических позиций раскрывается содержание понятий «обучение» и «воспитание», анализируются особенности организации воспитательной работы в вузе, и показывается необходимость её обновления для подготовки специалистов, соответствующих социальному заказу современного информационного общества. Характеризуются основные ценности этого общества, и предполагается, что в его условиях для повышения качества воспитательной работы и уровня воспитанности студентов может использоваться потенциал холистической информационно-образовательной среды вуза. Приводится авторская трактовка определения этой среды, и определяются оптимальные направления воспитательной работы в её условиях, реализуемые путём интенсификации использования современных и перспективных компьютерных средств, электронных систем управления обучением и воспитанием, телекоммуникационных проектов научного, учебно-воспитательного и культурно-просветительского характеров. На основе анализа результатов исследований проблем педагогического моделирования предлагается модель системы воспитания и даётся её характеристика.

Ключевые слова: воспитательная работа, система воспитания, информационное общество, холистическая информационно-образовательная среда

Bogoslovskiy V.,

Doctor of Pedagogy, Professor, Head of the Department of Training and Top-Qualification Staff Certification of the Herzen State Pedagogical University

Anis'kin V.,

PhD in Pedagogy, Associate Professor, Dean of the Faculty of Mathematics, Physics and Informatics of the Samara State Social-Pedagogical University

Il'mushkin G.,

Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of the Demitrovgrad Engineering-Technological Institute – Branch of National Research Nuclear University

THE PEDAGOGICAL MODEL OF STUDENTS' EDUCATION SYSTEM UNDER THE CONDITIONS OF A HIGHER EDUCATION INSTITUTION HOLISTIC INFORMATION-EDUCATIONAL ENVIRONMENT

This paper is focused the pedagogical modeling and designing an active-rational and effective system of students' education in the contemporary conditions. For this one there is developed the concept content "education" and "upbringing" from the historic-psychological and psycho-pedagogical viewpoints, there are analyzed the organization peculiarities of the education work in a higher education institution, and there is demonstrated the need for its updating for the training specialists, which are corresponding to the social order of the contemporary information society. In this article there are characterized the core

values of this society, and it is assumed that in its conditions the potential of a higher education institution holistic information-educational environment can be used for improvement of the education work and students' upbringing level quality. The author's interpretation is given for the environment definition, and there are indentified optional directions of the education work in its conditions, which are realizing by the way of use intensification in the contemporary and perspective computer tools, electronic control system by education and upbringing, telecommunication projects of scientific, educational-upbringing and cultural-awareness characters. Based on the analysis of the research results of the pedagogical modeling issues, there is suggested an education system model and given its characteristics.

Keywords: education work, education system, information society, holistic information-educational environment

Понятие «воспитание», его роль и место в жизни человека были известны в истории гораздо раньше, чем понятие «обучение». Определяя педагогику как «науку, о целенаправленном процессе передачи человеческого опыта и подготовки подрастающего поколения к жизни и деятельности», Н.В. Бордовская и А.А. Реан отмечают, что в Древней Руси понятия «воспитатель» и «воспитание» имели такой же смысл, что и греческие «педагог» и «педагогика». А потребность в передаче жизненного опыта от старшего поколения к младшему, в чём, собственно, и заключался изначально смысл практики воспитания, появилась на самом раннем этапе возникновения общества наряду с другими жизненно-необходимыми потребностями людей. Поэтому, по сути, воспитание в те незапамятные времена было равнозначно таким видам деятельности человека, как: охота, собирательство, изготовление орудий труда и т.п., а по мере становления личности человека усложнялся «его социальный опыт, и, вместе с ним, усложнялись процесс и цели воспитания» [5, с. 8].

Размышления о содержании понятия «воспитание», его организации, цели, задачах и значении для развития общества нашли отражение в античной философии. Так, Демокритом была обоснована важность семейного воспитания как значимого этапа в развитии детей, в котором пример родителей играет решающую роль. Сократ определял цель воспитания как развитие мыслительных способностей человека и высказывал мнение о том, что каждый человек должен постичь такие жизненно-важные истины, как: верность, честность, правдивость, честь, дружба, мудрость. Ученик Сократа и основатель Афинской философской школы Платон считал, что цель воспитания состоит в развитии знания человека, постигающего гармонию между его творческой идеей и реальностью, то есть, впервые была поставлена проблема факторов, влияющих на воспитание личности. Аристотель определил цель воспитания в развитии души, имеющей такие виды, как: растительная, животная, разумная, и впервые в истории педагогики предложил возрастную периодизацию воспитания, определяя, по сути, его цели, содержание и методы. Безусловно, мысли античных философов оказали огром-

ное влияние на дальнейшее развитие педагогики в целом и теории воспитания и развития личности, в частности. Следует отметить, что эти философские идеи значимы и по сегодняшний день [8, с. 185].

В современной педагогике и психологии широко известны результаты исследований в области теории воспитания и развития личности таких учёных, как: Ш.А. Амонашвили, Л.И. Анцыферова, В.П. Бездухов, Л.И. Божович, Н.И. Болдырев, Л.С. Выготский, П.Я. Гальперин, И.Ф. Герbart, А.С. Макаренко, А. Маслоу, А.В. Мудрик, А.В. Петровский, Ж. Пиаже, К. Роджерс, Ж.Ж. Руссо, В.А. Сластенин, В.А. Сухомлинский, К.Д. Ушинский, Н.Е. Щуркова и др.

Вместе с тем, проблема обновления системы воспитания подрастающего поколения, в том числе учащейся молодёжи и студентов, является в настоящее время одной из наиболее актуальных и ключевых проблем как социума, государства, школы, семьи, педагогов и родителей, так и самих учащихся или уже работающих молодых людей. Собственно, эта проблема, на протяжении многих веков существования человечества как социального феномена, остаётся нерешённой окончательно, так как она периодически обостряется в зависимости от этапов развития общества, а её содержание по этой же причине постоянно трансформируется.

В рамках темы, вынесенной в заголовок нашей статьи и имеющихся результатов современных исследований по проблемам воспитания, нам импонирует подход С.Д. Полякова к содержанию воспитания. По его мнению, суть воспитания заключается в развитии мотивационно ценностной сферы человека, в которой основным мотивом является побуждение, направляющие активность человека, а ценностями воспитания – «те маяки, которые освещают путь деятельности и общения воспитателей и воспитанников, то главное, что соответствует потребностям развития человека как члена общества и как индивидуальности» [13, с. 118]. Поэтому делая попытку моделирования системы воспитания студентов в условиях образовательной среды вуза, мы учитываем не только её особенности, а, в первую очередь, условия и особенности того информационного общества, в котором должна эффективно и плодотворно «работать» пред-

лагаемая нами педагогическая модель воспитания его членов.

Нынешнее постиндустриальное информационное общество, как новая историческая фаза развития земной цивилизации, и его социальный заказ на подготовку специалистов-профессионалов нового типа, обуславливают образовательным учреждениям всех уровней профессионального образования насущную необходимость поиска по-настоящему действенных способов, методов и технологий организации воспитания обучающихся.

По сути, задача современной системы профессионального образования состоит в подготовке личности будущего специалиста к жизнедеятельности в обществе, которое представляет собой форму объединения людей, максимально использующих системы искусственного интеллекта для доступа к информации, обладающих общими интересами, ценностями и целями в создании и совершенствовании средств коммуникаций для обеспечения научно-технического прогресса, в совместном производстве, хранении, переработке и разумном использовании информации для активного демократического участия членов общества в принятии решений на благо развития цивилизации. Можно с уверенностью предположить, что эта задача вряд ли будет решена без оптимизации и адаптации воспитательной составляющей процесса подготовки такого специалиста к новым требованиям социума.

Обучение и воспитание такого специалиста в образовательной организации должно быть сориентировано на социальный заказ общества, в экономике которого в результате научно-технической (компьютерной, кибернетической, информационной) революции и роста доходов населения поменялись приоритеты производства товаров и производства услуг; общества, в котором основным производственным ресурсом стала информация и её высшая форма – знания; а в качестве основной движущей силы экономики которого используются научные разработки, современные и перспективные высокие технологии, и, наконец, общества, наиболее ценными категориями в производственной и социальной сферах которого являются уровень образования, компетентность и профессионализм, обучаемость и креативность работников.

Очевидно, что эта задача особенно важна для педагогов и психологов образовательных учреждений профессионального и дополнительного образования в силу специфики их повседневной профессиональной деятельности.

При этом стоит особо отметить то обстоятельство, что субъектами педагогических систем не всегда соблюдается паритетность в соотношении таких двух «китов» образования, как «обучение» и «воспитание», равно как и в отношениях педагогов-исследователей

к теории и практике обучения и воспитания. В условиях существующей ныне системы формализации основных критериев и ценностей образования, а также его чрезмерно практичной компетентностно-ориентированной парадигмы, достаточно часто встречаются примеры не всегда верных субъективных подходов, как педагогов, так и обучающихся к обучению и воспитанию, выражающихся в неравнозначности их теоретической и практической значимости в ближне-, средне- и долгосрочной перспективах. Такая ситуация, к сожалению, имеет место в системе современного образования, даже несмотря на то, что законодательно-директивные требования к организации учебно-воспитательного процесса в образовательных учреждениях определяют воспитательную работу как неотъемлемую часть повседневной профессионально-педагогической деятельности обучающихся и обучающихся.

В.А. Сластёнин, И.Ф. Исаев, Е.Н. Шиянов рассматривают воспитание как специально организованную деятельность преподавателей и обучающихся для реализации целей образования в условиях учебно-воспитательного процесса, а деятельность преподавателя при этом определяют как воспитательную работу [16, с. 343]. Виды воспитания они классифицируют следующим образом:

- обобщённо, (умственное, нравственное, трудовое, физическое);
- по направлению (гражданско-патриотическое, политическое, эстетическое, интернациональное, правовое, экологическое, экономическое);
- по институциональному признаку (семейное, школьное, внешкольное, профессиональное, по месту жительства, воспитание в детских, юношеских организациях, в специальных образовательных учреждениях) [14, с. 165];
- по стилю отношений между воспитателями и воспитанниками (авторитарное, демократическое, либеральное, свободное);
- в зависимости от философской концепции (прагматическое, аксиологическое, коллективистское, индивидуалистическое) и др. [16, с. 343].

Несомненно, что все перечисленные виды воспитания являются актуальными и значимыми для вузов, независимо от направлений и профилей подготавливаемых ими бакалавров, специалистов и магистров. При этом организация воспитательной работы в вузах регламентируется такими основоопределяющими для всей деятельности образовательного учреждения документами, как, например, устав вуза, концепция его развития, правила внутреннего распорядка для преподавателей и студентов вуза. На основании этих общих для всех образовательных учреждений документов каждый вуз разрабатывает и использует свои локальные акты, учитывающие его

специфику, возможности и конкретизирующие механизмы организации и направления воспитательной работы.

В условиях современного информационно-образовательного пространства организация воспитательной работы, как правило, осуществляется по следующим основным направлениям:

- формирование и развитие социально-педагогической воспитывающей среды для творческого саморазвития и самореализации личности студента;
- организация системы умственно-интеллектуального, гражданско-патриотического, нравственно-эстетического, политического, трудового, физического, правового, экологического и некоторых других видов воспитания студентов, имеющих предметно-профессиональную значимость в зависимости от направлений и профилей подготовки будущих специалистов в конкретном вузе;
- анализ социально-деятельностных проблем обучающихся и оказание необходимой консультационной помощи в их решении;
- содействие работе студенческих объединений и коллективов;
- организация культурно-творческих, спортивных, иных общественно-значимых коллективных мероприятий;
- формирование и развитие информационно-образовательной среды вуза (факультета) для гарантированного информационного обеспечения студентов теоретическими и практическими знаниями в различных сферах деятельности;
- социальная работа и создание условий для обеспечения возможности трудовой деятельности и занятости студентов;
- совершенствование системы морального и материального стимулирования, оптимизация перечня мер поощрений и взысканий студентов;
- организация работы с родителями и родственниками студентов.

Как следует из этих направлений, вузы могут разрабатывать собственные стратегии воспитательной работы с учётом целей, задач и приоритетных направлений деятельности образовательной организации, а также формировать позицию своих преподавателей в выборе конкретных задач, форм и методов этой работы. При этом воспитательная работа предполагает единство и согласованность действий всех субъектов учебно-воспитательного процесса и представляет собой важнейший способ социализации и адаптации молодого человека в условиях развивающегося информационного общества.

Одной из таких стратегий для оптимизации процесса решения учебно-воспитательных задач в компетентностно-ориентированной подготовке специалистов может стать холистичная информацион-

но-образовательная среда вуза, в условиях которой реализуется информационное обеспечение студентов необходимыми знаниями и выполняется воспитательная работа [3, с. 27].

Холистичную информационно-образовательную среду вуза мы определяем как системно-интегративный комплекс современных и перспективных информационно-коммуникационных технологий, аналоговых и цифровых средств их реализации, учебных, научных, воспитательных и иных бумажных и электронных информационных ресурсов, в том числе программных средств учебно-воспитательного назначения; средств их разработки, хранения и обеспечения дистанционного (сетевое), и непосредственного доступа к информации, необходимой преподавателям и студентам; а также традиционных технических и современных электронно-коммуникативных средств обучения, лабораторного и иного учебно-производственного и специального оборудования [2, с. 24].

Такой комплекс выполняет функции эффективного инструментария информационного обмена между субъектами учебно-воспитательного процесса с использованием баз метазнаний и метаданных учебного, научного, воспитательного, культурно-просветительского назначений. Особую роль при этом играют современные и перспективные мультимедийные и интерактивные компьютерные средства, которые определяют отдельную категорию средств реализации образовательных информационно-коммуникационных технологий, а также дистанционные сетевые технологии, в первую очередь, современные облачные. Стоит отметить также, что в условиях моделируемой холистичной информационно-образовательной среды вуза значительное место в организации воспитательной работы отводится, кроме уже привычных компьютерных аудиторий, таким компонентам этой среды, как: библиотеки, медиатеки, музеи, научные и учебно-производственные, общекультурные, культурно-просветительские и иные объекты, как входящие в инфраструктуру вуза, так и выходящие за её пределы. В последнем случае речь идёт уже о холистичном информационно-образовательном пространстве города, региона, страны [4, с. 222].

Очевидно, что в рамках холистичной информационно-образовательной среды и пространства существенно облегчается трансляция и ретрансляция обучающимся информации учебно-воспитательного и организационного назначения, научных, предметных и иных знаний по всем формам и видам обучения и воспитания; максимально упрощаются телекоммуникации субъектов образования, организация самостоятельной и внеурочной деятельности студентов через сайты вуза, факультетов и кафедр путём создания вузовских систем электронного документооб-

борота, факультетских и кафедральных электронных систем управления обучением и воспитанием, реализации иных телекоммуникационных проектов учебно-воспитательного, культурно-просветительского, научного характеров, таких, например, как:

- сервисы онлайн-мероприятий для сетевого взаимодействия субъектов учебно-воспитательного процесса;

- системы электронного управления качеством подготовки студентов;

- системы управления обучением для контроля и коррекции результатов самостоятельной работы студентов;

- системы оценивания учебных достижений обучающихся на основе облачных технологий с составлением модульно-рейтинговых карт учебных дисциплин, в которых отражаются достижения студентов;

- электронные модульно-рейтинговые карты по всем видам практик для осуществления доступа к блогам студентов, их конспектам уроков и материалам воспитательных мероприятий;

- система электронного управления обучением «Moodle»;

- учебно-предметные и воспитательные блоги;

- онлайн-дневники студентов-практикантов;

- интерактивные карты по культурно-просветительской практике;

- электронные каталоги и портфолио научных, учебных, общественно-полезных и других достижений субъектов образования;

- Google-сообщества преподавателей и студентов для обмена учебно-воспитательной информацией и личного общения;

- сообщества и группы субъектов образования в социальных сетях (ВКонтакте, Одноклассники, Фейсбук, WhatsApp, Инстаграм, Твиттер и др.), каталогах (AcademicUniversity, LexisNexis, AcademicSearchPremier и др.), библиотеках (discogs.com, IMDb.com и др.); профессиональных социальных сетях (Профессионалы.ру, Мой Круг и др.);

- иные ресурсы в формате Веб 2.0 для организации научных, учебных, воспитательных социальных, культурно-просветительских, профессиональных онлайн и офлайн взаимоотношений и коммуникаций в сети интернет и др.

Приведённые сервисы, системы, ресурсы, интернет-сообщества и группы стали уже традиционными элементами и составляющими холистичной информационно-образовательной среды и пространства и представляют для субъектов образования привычно-естественные, повседневно-необходимые и обыденно-действенные технологии учебно-воспитательного процесса. Поэтому они являются неотъемлемой частью технологического блока нашей педагогической модели системы воспитания студентов

в условиях холистичной информационно-образовательной среды вуза.

Исследованиями проблем педагогического моделирования, конструирования и проектирования занимались: С.И. Архангельский, В.Г. Афанасьев, В.П. Бедерханова, В.С. Безрукова, В.П. Беспалько, П.Б. Бондарев, В.А. Веников, Б.А. Глинский, А.Н. Дахин, И.А. Колесникова, В.В. Краевский, Н.В. Кузьмина, А.К. Маркова, В.И. Михеев, В.Н. Михелькевич, В.М. Монахов, И.Б. Новик, В.Е. Радионов, В.А. Слостенин, Н.Ф. Талызина и другие учёные.

В работах В.А. Слостенина основу моделирования процесса подготовки специалистов составляют профиограммы, представляющие собой описательную модель для прогнозирования ожидаемого результата их (специалистов) подготовки в процессе профессионального образования [16].

А.К. Маркова, придавая особое значение личностной компоненте в структуре профессиональной деятельности специалиста, дифференцирует его общую модель на деятельностную и личностную. При этом, модель личности определяется ею как совокупность качеств специалиста, обеспечивающих выполнение задач, как в производственной сфере, так и в сфере воспитания и саморазвития [11].

На основе анализа результатов этих работ можно сформулировать обобщённый вариант дефиниции педагогической модели как абстрактно представленной или материально реализованной системы, которая, по сути, имитирует объект педагогического исследования. Многие учёные утверждают, что модель – это некоторый образ изучаемого объекта, называемого оригиналом. При этом она отражает оригинал лишь частично, и только в тех качествах, которые, в зависимости от средств и задач его изучения, представляют особую ценность для исследователя. Существующая связь между оригиналом и моделью в их основных характеристиках позволяет получать новые данные об изучаемом объекте, которые в обычных условиях получить достаточно сложно. Следует также учитывать, что при всех достоинствах метода моделирования модель, какой бы совершенной она ни была, не может отразить всех закономерностей исследуемого процесса, особенно, если это процесс или система обучения или воспитания личности [12]. Правильно спроектированная модель должна обладать следующими основными свойствами: однозначно определять компоненты исследуемого объекта, явления, процесса (системы); детально обозначать связи между компонентами оригинала и компонентами модели.

При создании педагогической модели особое внимание уделяется требованиям её адекватности и соответствия реальному объекту (в нашем случае, системе воспитания студентов в холистичной информа-

ционно-образовательной среде вуза), точности в совпадении моделируемых результатов с ожидаемыми, универсальности для применения модели в однотипных педагогических системах. В описании педагогической модели выделяют три основных компонента: целевые ориентации, базовые процессы, возможности управления процессами педагогической (в нашем случае, воспитательной) деятельности.

По сути, педагогическое моделирование представляет собой системный метод, согласно которому сложные и многомерные объекты изучаются посредством их упрощения. Создание таких моделей позволяет более полно проверить истинность результатов теоретических исследований во всех областях знания, в том числе и в педагогике. Педагогическое моделирование применяется не только на теоретическом, а и на эмпирическом уровне исследования. На теоретическом уровне метод моделирования выполняет объяснительную, предсказательную, интерпретационную и другие функции, в зависимости от задач исследования; на эмпирическом – описательную, измерительную и другие.

С учётом сложности и многомерности моделируемого объекта, каковым является учебно-воспитательный процесс, его педагогическая модель может представлять собой систему, служащую весьма эффективным инструментарием для исследования другой системы. При этом, педагогическое моделирование образовательного процесса целесообразно выполнять путём создания четырёхуровневых моделей: структурной, принципиальной, функциональной и параметрической. Что же касается проблемы моделирования современной информационно-образовательной среды, то, очевидно, что её модель можно рассматривать как теоретико-концептуальную имитацию и теоретико-схематическое воспроизведение информационно-образовательных систем (объектов, явлений, процессов), отражающих принципы их организации и функционирования[2].

Подобный подход позволяет разработать общую идею структурно-функциональной модели холистичной информационно-образовательной среды вуза и определить направления её создания, что, собственно, и является наиболее приемлемым для нашего исследования вариантом педагогического моделирования. При этом существенно упрощается процесс исследования возможностей практического применения модели холистичной информационно-образовательной среды и получения ожидаемых результатов на стадии педагогического проектирования, сущность которого заключается в «выявлении и анализе педагогических проблем и причин их возникновения, построении ценностных основ и стратегий проектирования, определении целей и задач, поиске методов и средств реализации педагогического проекта»[11, с. 77].

С учётом приведённых рассуждений, для моделирования системы воспитания в условиях холистичной информационно-образовательной среды вуза, которая сама по определению, приведённому выше, представляет сложную систему, интегрирующую объекты, явления, процессы, средства, способы и технологии учебно-воспитательной деятельности, нами использовались метод теоретико-схематического воспроизведения сложного оригинала на основе общности его структурных компонентов и метод теоретико-концептуальной имитации, воспроизводящей принципы организации и функционирования сложных систем[1, с. 14], в том числе и педагогических.

Основной целью моделирования было создание абстрактной структуры представлений о возможностях повышения эффективности воспитательной работы и уровня воспитанности студентов за счёт потенциала холистичной информационно-образовательной среды вуза как сложного многомерного объекта, замещающего оригинал, для его теоретизирования, изучения и экстраполирования с использованием абстрактно-теоретической схемы, представленной нами в виде педагогической модели системы воспитательной работы (рис. 1):

Из приведённого рисунка видно, что предлагаемая нами педагогическая модель системы воспитания студентов в условиях холистичной информационно-образовательной среды вуза состоит из трёх основных модулей: методологического (целеполагания) (1), среднего (холистичной образовательной среды) (2) и итогового (результатирующего) (3). Эти модули тесно взаимосвязаны между собой, а их интеграция обеспечивает эффективное функционирование системы(системный эффект) на основе горизонтальных и вертикальных связей между входящими в них блоками.

Системно-интегративный подход к организации воспитательной работы, используемый в предлагаемой модели, обеспечивает целостность и конструктивно-рациональную взаимосвязь её структурных и функциональных составляющих в рамках модулей 1, 2 и их блоков, и позволяет разработать эффективный диагностический инструментарий (модуль 3 и его блоки) для осуществления мониторинга и коррекции результатов. Как инструмент исследования, этот подход обеспечивает теоретическое обоснование педагогической модели системы воспитания студентов, включающей цель, задачи, принципы, педагогические условия, технологии и средства, критерии и уровни воспитательной работы, управление ею и коррекцию результатов, а также позволяет использовать в воспитании студентов данные системного анализа, осуществляемого при решении задач совместной деятельности обучающихся (воспитывающих) и обучаемых (воспитуемых) [8, с. 187]. Системный подход в сочетании с деятельностью позволяет исследовать процесс воспитания

Рис. 1. Педагогическая модель системы воспитания студентов в условиях холистичной информационно-образовательной среды вуза

обучающихся не только в контексте её структурных компонентов, но и функциональных связей и взаимодействий. Согласно концепциям деятельностного подхода (по А.Н. Леонтьеву [10]; Н.Ф. Талызиной[17]), он позволяет наиболее полно описывать структуру системы обучения и воспитания и основные психолого-педагогические условия процесса обучения и воспитания, в центре которого находится сам обучаемый.

Вместе с тем этот процесс, происходящий в условиях холистичной информационно-образовательной среды вуза, имеет некоторые специфические особенности организации учебно-воспитательной работы, а также некоторые этические аспекты, тесно связанные с воспитанием личности будущего специа-

листа, конкурентоспособного в современном информационном обществе.

Одним из таких аспектов является необходимость освоения преподавателями и студентами нравственно-этической и нормативно-правовой компоненты при использовании ими учебной, научной, методической, воспитательной и иной информации. Действительно, имеющаяся у субъектов учебно-воспитательного процесса в условиях холистичной информационно-образовательной среды возможность неограниченного доступа к необходимым информационным ресурсам, электронным изданиям и программным средствам, в соответствии с одним из признаков информационного общества, заключающимся в свободе

циркуляции информации в нём, порождает иллюзию лёгкости и доступности получения и оперирования любой необходимой информацией без учёта требований и ограничений её правообладателей и разработчиков. Как отмечает В.В. Лаптев: «радикальное изменение доступа к научной информации, благодаря развитию сети Internet, привело к доступности разнообразных источников информации практически каждому заинтересованному исследователю (обучаемому, обучающемуся – авторы). Развитие данной тенденции усиливает внимание к этическим проблемам, например, к проблеме точных ссылок не только на публикации, но и на идеи. Поэтому, в подготовке аспирантов (студентов – авторы) должно быть предусмотрено обсуждение вопросов научной нравственности и этики (вопросов нравственно-этического и правового воспитания – авторы)» [9, с. 12]. При этом следует подчеркнуть, что жёсткого ограничения и нормирования в добросовестном применении информации, получаемой в условиях холистичной информационно-образовательной среды субъектами учебно-воспитательного процесса практически в неограниченных объёмах, быть не должно. Это требование является эффективным условием для формирования и развития рефлексивно-творческой компоненты уровня информационной воспитанности субъектов образования [7, с. 135].

Следует также отметить, что блоки форм и технологий (в первую очередь, компьютерных) и технического обеспечения учебно-воспитательного процесса, входящие в модуль 2 нашей модели, по ориентации на личностные структуры могут рассматриваться в условиях холистичной информационно-образовательной среды как система многофункциональных средств и технологий, наиболее целесообразных для умственного воспитания студентов [15].

Эти блоки определяют также дополнительные возможности современной холистичной информационно-образовательной среды в расширении границ

таких фундаментальных категорий как знание и язык, при помощи которых осуществляются коммуникации в любой педагогической системе, а, следовательно, её субъекты должны овладеть в процессе своей подготовки таким качеством, как социокультурная компетенция. Являясь по своей сути предметной актуализацией понятия «компетенция», социокультурная компетенция представляет собой некое интегративное качество личности. В семантическом плане это качество характеризуется готовностью личности к решению задач преобразовательной деятельности среди носителей другой культуры, а в структурном – представляет собой объединение информационно-когнитивных, аксиологических и деятельностных компонентов. Холистичная информационно-образовательная среда вуза является тем необходимым и эффективным инструментарием, который позволяет интенсифицировать и оптимизировать языковую подготовку студентов и преподавателей и делает доступным для них тот тип коммуникаций, при котором человеку гораздо легче овладеть хотя бы одним иностранным языком. Эта возможность среды может рассматриваться как мотивационная основа организации воспитательной работы в усилении влияния преподавателя на студента в отмеченном направлении.

В заключение стоит отметить ещё один воспитательный аспект холистичной информационно-образовательной среды вуза, заключающийся в генерации необходимости формирования и развития у студентов культуры компьютерного тестирования. Это связано с тем, что нормативные требования [6] к тестовым материалам и технологиям компьютерного тестирования, определяющие методологические требования соответствующего поведения участников тестирования стали одной из обязательных составляющих профессиональной компетентности будущих специалистов независимо от направлений и профилей их подготовки.

Список литературы

1. *Аверина О.В.* Формирование профессионально-математической компетентности экологов в вузе: дисс... канд. пед. наук: 13.00.08. М., 2007. 23 с.
2. *Аниськин В.Н., Богословский В.И., Добудько Т.В., Пугач В.И.* Проектирование модели холистичной информационно-образовательной среды вуза / Информационные технологии в социальной сфере. Самара: ПГСГА; Портос-принт, 2015. С. 22–27.
3. *Аниськин В.Н.* Особенности воспитательной работы педагога в условиях холистичной информационно-образовательной среды / Человеческий потенциал в XXI веке: образование и культура, патриотизм и традиции казачества, здоровый социум и инновационная экономика. Димитровград: ПКIUИПТ МГУТУ им. К.Г. Разумовского, 2016. С. 25–30.
4. *Богословский В.И., Аниськин В.Н., Иванов Д.В.* Холистичная информационно-образовательная среда и её синергетический потенциал в профилактике употребления психоактивных веществ обучающимися на основе метода биологической обратной связи // Научное мнение. 2014. №8. С. 220–227.
5. *Бордовская Н.В., Реан А.А.* Педагогика. Учебник для вузов. СПб: Питер, 2000. 304 с.
6. *Васильев В.И., Кирилюк А.А., Тягунова Т.Н.* Требования к программно-дидактическим тестовым материалам и технологиям компьютерного тестирования: Учебное издание. М.: МГУП, 2005. 29 с.

7. *Вершинин И.В., Аниськин В.Н.* О некоторых особенностях подготовки кадров высшей квалификации в условиях современной информационно-образовательной среды / Совершенствование подготовки и аттестации научно-педагогических кадров. Вып. 1. СПб.: Книжный Дом, 2006. С. 129–139.
8. *Ильмушкин Г.М., Аниськин В.Н.* Моделирование системы воспитания патриотизма у студентов в образовательном пространстве вуза с казачьим компонентом // Самарский научный вестник. 2016. № 4 (17). С. 184–191.
9. *Лаптев В.В.* Тенденции развития системы подготовки кадров высшей квалификации на современном этапе развития науки и образования / Аспирантура: проблемы развития. СПб.: Книжный Дом, 2004. С. 10–20.
10. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
11. *Маркова А.К.* Психология профессионализма. М.: Международный гуманитарный фонд «Знание», 1996. 312 с.
12. *Немов Р.С.* Психология: Учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений: В 3 кн. Кн. 1: Общие основы психологии. М.: ВЛАДОС, 2003. 688 с.
13. *Поляков С.Д.* Психопедагогика воспитания и обучения. Монография. М.: Новая школа, 2003. 304 с.
14. *Российская педагогическая энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. В.В. Давыдов.* М.: Большая Российская энциклопедия, 1993. Т. 1. С. 165.
15. *Селевко Г.К.* Энциклопедия образовательных технологий: В 2 т. Т. 2. М.: НИИ школьных технологий, 2006. 816 с.
16. *Сластёнин В.А. Исаев И.Ф., Шиянов Е.Н.* Педагогика: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Академия, 2002. 576 с.
17. *Талызина Н.Ф.* Деятельностный подход к построению модели специалиста // Вестник высшей школы. 1986. №3. С. 10–14.

Reference list

1. *Averina O.* The formation of professional-mathematical competence of ecologists at a higher education institution: Thesis of PhD in Pedagogy: 13.00.08. M., 2007. 23 p.
2. *Anis'kin V., Bogoslovskiy V., Dobud'ko T., Pugach V.* Designing a model of holistic information-educational environment of a higher education institution / Information technology in the social sphere. Samara: PSSHA; Porto-print, 2015. P. 22–27.
3. *Anis'kin V.* Features of the education work of the teacher in terms of a holistic educational environment / Human potential in the XXI century: Education and culture, patriotism and traditions of the Cossacks, a healthy society and innovation economy. Dimitrovgrad: MSUTM named after K. Razumovskiy, 2016. P. 25–30.
4. *Bogoslovskiy V., Anis'kin V., Ivanov D.* Holistic educational environment and its synergistic potential in the prevention of substance use by students on the basis of the biological feedback method // Scientific Opinion. 2014. №8. P. 220–227.
5. *Bordovskaya N., Rean A.* Pedagogy. Textbook for higher education institutions. SBR: Piter, 2000. 304 p.
6. *Vasil'ev V., Kirinyuk A., Tyagunova T.* Requirements for the software test didactic materials and technologies of computer-based testing: Training publication. M.: MSUP, 2005. 29 p.
7. *Vershinin I., Anis'kin V.* Some features of personnel training of higher qualification in the conditions of a modern information-educational environment / Improving the preparation and certification of scientific and pedagogical staff. Vol. 1. SBR.: Knizhnyi Dom, 2006. P. 129–139.
8. *Il'mushkin G., Anis'kin V.* Modeling of the students patriotic education system in education space of a higher education institution with the Cossack component // Scientific Bulletin of Samara. 2016. № 4 (17). P. 184–191.
9. *Laptev V.* Tendencies of highly qualified personnel training system development at the modern stage of development of science and education / Postgraduate studies: Issues of development. SBR.: Knizhnyi Dom, 2004. P. 10–20.
10. *Leont'ev A.* Activity. Consciousness. Personality. Moscow: Politizdat, 1975. 304 p.
11. *Markova A.* Psychology of professionalism. M.: International Humanitarian Fund "Znanie", 1996. 312 p.
12. *Nemov R.* Psychology: Textbook for students of higher pedagogical education institutions: In 3 volumes. Book. 1: General foundations of psychology. M.: VLADOS, 2003. 688 p.
13. *Polyakov S.* Psycho-pedagogy of education and training. Monograph. M.: New School, 2003. 304 p.
14. *Russian Pedagogical Encyclopedia: Vol. 2. / Editor-in-chief V. Davydov.* M.: Great Russian Encyclopedia, 1993. Vol. 1. P. 165.
15. *Selevko G.* Encyclopedia of educational technology: In 2 volumes. Vol. 2. M.: Research Institute of school technologies, 2006. 816 p.
16. *Slastyonin V., Isaev I., Shiyonov E.* Pedagogy: Textbook for students of higher pedagogical education institutions. M.: Akademiya, 2002. 576 p.
17. *Talyzina N.* The activity approach to designing specialist model // Bulletin of Higher School. 1986. №. 3. P. 10–14.

УДК 372.878(075.8)

Безбородова Л.А.,

доктор педагогических наук, профессор кафедры теории и практики начального образования
Института детства Московского педагогического государственного университета

Безбородова М.А.,

кандидат психологических наук, доцент кафедры иностранных языков
Московского педагогического государственного университета

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ШКОЛЬНОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье рассматривается совокупность актуальных показателей базового школьного музыкального образования и воспитания. Большое внимание уделяется содержанию работы и музыкальным методическим приемам воздействия на гиперактивных школьников с выраженным дефицитом внимания. В статье сформулированы принципы музыкального подхода к психолого-педагогическому сопровождению детей в процессе музыкального воспитания. Феномен музыкального сопровождения развития ребенка получил в статье профессиональное осмысление и представлен отбором специально организованных музыкально-двигательных упражнений. Авторами определены педагогические условия, создаваемые учителем на уроке музыки для формирования у учащихся мотивации к обучению и положительной самооценки.

Ключевые слова: музыкальное образование, музыкальное воспитание, гиперактивные дети, дефицит внимания, методические приемы

Bezborodova L.,

Doctor of Pedagogy, Professor of Chair of Theory and Practice of Elementary Education of the Institute of Childhood Development of Moscow Pedagogical State University

Bezborodova M.,

PhD in Psychology, Associate Professor of Chair of Foreign Languages of the Moscow Pedagogical State University

THE RELEVANT ISSUES OF SCHOLASTIC MUSIC EDUCATION

This article is discussed a complex of relevant indicators of a basic scholastic music education and training. The great attention is paid to the work content and music methodical techniques of influence on the hyperactive pupils with a strongly attention deficit. The article is focused the principles of a music approach to the psycho-pedagogical support of the children in a music training process. In the article a phenomenon of a music support of the child development has got a professional reflection and presented a selection of special organized music-movement exercises. The article authors have determined the pedagogical conditions, being created by a teacher for the pupils' motivation formation towards training and positive self-esteem.

Keywords: music education, music training, hyperactive children, attention deficit, methodical techniques

Перед современным школьным музыкальным воспитанием стоит цель – формирование музыкальной культуры и целостного представления о музыкальном искусстве. Это выражается в подготовке ребёнка к эмоционально-ценностному отношению к искусству в процессе накопления школьниками опыта музыкально-творческой деятельности. Музыкальное воспитание школьников целенаправленно на овладение системой опорных ключевых знаний, умений и навыков музыкальной деятельности. Это закладывает базу для их дальнейшего общения с музыкальным искусством, для самообразования и самовоспитания.

Совокупность актуальных показателей современного базового школьного музыкального воспитания составляют следующие признаки:

–это та часть музыкального образования, без освоения которого не может произойти полноценной адаптации выпускников к художественной жизни общества, продолжению собственного музыкального воспитания;

–это музыкальное воспитание в равной мере значимое для различных регионов Отечества, для городской и сельской школы;

–это музыкальное образование, как процесс и содержание, как ориентир и необходимая, достаточ-

ная основа для осуществления каждым из учеников углубленных занятий по избранным ими жанров музыкального искусства;

-образование, эмоционально и эстетически – положительно окрашенное, равно апеллирующее к сознанию и чувствам школьника.

В целях гуманизации самой процедуры воспитания учащихся, действенности функционировании искусства в этом процессе актуальными задачами обучения и воспитания школьников можно считать:

-приобщение к общечеловеческим художественным ценностям, начиная с ценностей художественного творчества собственного народа;

-реализация возможности индивидуального выбора личностно – значимых для школьника видов и жанров искусства; развитие на этой основе индивидуального художественного вкуса, способного не только воспринимать, но и отвергать;

-обретение духовной автономии, развитие собственного внутреннего мира от безликого «мы» к личностному «я», становление внутренней духовной свободы, как основы индивидуальной художественной культуры;

-развитие (посредством привлечения в учебный процесс образцов национально – обусловленных жанров искусства) социально – значимых черт национального и общечеловеческого в личной духовной культуре молодого поколения, в лице его конкретных представителей;

-гуманизация и музыкально-эстетическое наполнение школьного учебного курса, обеспечивая возникновение полноценных художественных и эстетических переживаний.

Целями школьного музыкального образования на современном этапе являются:

-повышение значимости искусства в общем образовании;

- сохранение и развитие сложившейся в России системы школьного музыкального образования и воспитания.

Исходя из них, школьное музыкальное воспитание и образование призвано обеспечить осуществление следующих задач:

-формирование и развитие эстетических потребностей и художественных вкусов учащихся;

-создание в среде школьников эстетически развитой и заинтересованной аудитории слушателей и зрителей, активизирующей художественную жизнь общества;

- приобщение учащихся к ценностям отечественной и зарубежной художественной культуры, образцам народного творчества, классического и современного искусства;

- реализацию нравственного потенциала искусства как средства формирования и развития у учащихся этических принципов и идеалов;

-использование возможностей такого воспитания и образования как фактора интеллектуального совершенствования детей школьного возраста;

- становление культуры межнационального общения посредством ознакомления с художественными традициями народов России;

- использование возможностей искусства, художественно-творческой деятельности в целях коррекционной педагогики, психофизического оздоровления учащихся через использование современных методик арт-терапии;

- привлечение ресурсов музыкального воспитания и образования для социально- культурной адаптации учащихся, для профилактики и коррекции их асоциального поведения;

- освоение базовых художественно-практических навыков;

- выявление художественно – одаренных детей и обеспечение им соответствующих условий для образования и творческого развития. [1]

Осуществление перечисленных целей и задач опирается на необходимость решения современных проблем в области художественной культуры общества, которые отражают испытываемые российским социумом трудности в экономике и социальной сфере. Без осознания и анализа этих трудностей и проблем невозможно ставить и полноценно решать вопросы школьного музыкального воспитания.

Содержание школьного музыкального воспитания и образования включает:

-становление у учащихся культурно-исторической компетентности, основанной на изучении теории и истории музыкального искусства;

- развитие у них художественно-практической компетентности на базе овладения средствами музыкальной выразительности в различных жанрах музыкального искусства;

-выработку музыкального вкуса и оценочных критериев в области искусства, в контексте духовно-нравственных и эстетических идеалов.

Реализация содержания школьного музыкального воспитания и образования происходит на трех уровнях:

- развитие отношения к искусству как к базальному условию разностороннего развития своей личности;

- становление потребности в художественном общении с произведениями различных видов и жанров искусства на основе их адекватной эстетической оценки;

- формирование умений музыкальной деятельности, трактовка этой деятельности как неотъемлемой части собственной жизни. [2]

Основные положения методики преподавания музыки в школе:

1. Историко-художественный подход к изучению произведения, который предполагает раскрытие духовной жизни общества, идеалов, основных направлений современной автору эпохи; показ исторических событий, вызвавших создание произведений.

2. Последовательный подход к комплексному воздействию различных видов искусства при истолковании музыкального образа.

3. Основные способы выполнения музыкально-познавательных заданий: прослушивание, смысловой анализ и художественную оценку музыки.

4. Опора на ранее сформированные музыкально-слуховые представления, на весь предшествующий опыт слушателей.

5. Предъявление музыкально-познавательных заданий различной степени сложности.

6. Изучение крупных циклических музыкальных произведений по отдельным музыкальным образам и линиям сюжетного развития. При этом отдельные образы все время соотносятся между собой, рассматривая их в свете целого.

7. Поскольку восприятие музыки – сложный психический процесс, не всегда удобен принцип хронологического изучения музыкального искусства, приходится считаться с закономерностями развития музыкального восприятия.

Нами был выбран путь: а) от простых по строению произведений, единого настроения, доступного музыкального языка; б) к более сложным музыкальным произведениям, с использованием ассоциаций от знакомых образов литературы, истории и кино; в) затем к использованию менее знакомых образов образительного искусства; г) далее к изучению крупных циклических музыкальных произведений с показом комплексного взаимодействия различных видов искусства.

При этом следует учитывать:

1. образно-эмоциональный принцип моделирования;

2. вопросы стилистической и хронологической близости художественных произведений;

3. единство эстетических позиций авторов;

4. сюжетно-тематическое родство произведений;

5. показ многообразия в единстве.

Художественно-образная сущность изучаемых музыкальных произведений является главной установкой на выполнение художественно-познавательных заданий, другие виды искусства в данном случае играют подкрепляющую роль.

Музыкальное искусство и музыкальные методические приёмы могут стать существенным воздействующим фактором в работе с гиперактивными детьми с выраженным дефицитом внимания. Основными признаками поведения таких детей являются:

неудержимая двигательная и речевая активность, ограниченность внимания и нарушения представлений о «схеме тела». Музыкальное воздействие может осуществляться как:

1. Развитие представлений о «схеме тела» в музыкально-двигательных играх с элементами рефлексотерапии (самомассаж ребенком активных точек на теле в музыкальной игре) через подражание учителю;

2. Удержание внимания на длительных музыкальных фразах в работе над дыханием и пением с сопровождающими движениями;

3. Увеличение объёма и регуляция переключаемости внимания в процессе игры на элементарных и традиционных музыкальных инструментах;

4. Упорядочивание музыкально-двигательной и вокально-интонационной активности ребёнка в заданиях на синхронизацию музыкальных движений и речи в музыкально-пластической деятельности и выписывании графических символов с разной длиной штриха под звучание музыкальной интонации или фразы;

5. Снятие напряжения с произвольных функций удержания внимания через обогащённую сенсорную среду на аутотелическое переживание радости и непроизвольное внимание через приемы сенсорной интеграции и активизации внимания в восприятии и воспроизведении музыкальных, звуковых, цветовых, тактильных и кинестетических образов.

Музыка на уроках и внеклассных занятиях обязательно должна выполнять определённые функции в соответствии с проблемой ребёнка:

снятие повышенной возбудимости ребёнка, удержание внимания, осознанное управление движениями и речью.

Особенности музыкальной работы с гиперактивными детьми на уроках музыки, или во внеурочной деятельности заключаются в следующих принципах: индивидуальное занятие или присутствие такого ребенка в общем классе должно учитывать особенности его внимания. Урок не должен быть монотонным и затянутым, с разными формами работы с чередующейся динамикой произвольного контроля и форм спонтанной игровой активности. Необходимо осуществлять подбор музыкального материала для переключения и постепенного расширения объёма внимания, помогающего детям сбросить эмоциональное напряжение, использовать «лечебный эффект музыки А. Вивальди и В. А. Моцарта», и других несложных образцов классической музыки, фольклора.

В процессе дополнительного внеклассного обучения учитель музыки, опираясь на сильные стороны ребенка, начинает работу с одной отдельной функцией (например, контроль двигательной активности с помощью музыкально-пластической деятельности и игры на элементарных, детских или народных музы-

кальных инструментах). Когда в процессе музыкальных занятий достигаются устойчивые положительные результаты по критерию времени сохранения ребенком контроля за своей музыкально-исполнительской деятельностью, можно переходить к устранению дефицита внимания и контролю двигательной активности. Выбор методических приемов педагогического воздействия на конкретного ученика обусловлен как особенностями самого ученика, так и возможностями учителя. В данном случае не может быть приемов, которые были бы одинаково эффективны для всех детей, а значит, и учить их надо по-разному, исходя из учета музыкального уровня школьников, их психофизиологических особенностей, социокультурных условий, психолого-педагогического стиля учителя и др.

Учитель в классе создает условия для: формирования у учащихся мотивационной обусловленности обучения – через принятие его личности и создание психологически-безопасной для него атмосферы; постепенного развития познавательных функций ребенка, значимых для освоения учебного материала (объем восприятия, характеристики внимания, памяти, мышления и др.); постепенного перехода учеников от внешней регуляции учебной деятельности к саморегуляции и самоконтролю в ней; снижения уровня негативных эмоциональных проявлений учащихся в процессе обучения, снижения уровня школьной тревожности. [3]

Феномен «музыкального сопровождения» развития ребенка получил функционально-профессиональное переосмысление и расширение контекста для понимания и применения:

1) специально организованная музыкальная деятельность младших школьников с нарушениями внимания и гиперактивностью может иметь воспитательное воздействие в направлении развития баланса между возбуждением и торможением нервной системы, как основы для управления вниманием и поведением ребенка в процессе обучения;

2) музыкальные технологии могут обогатить методическое обеспечение психолого-педагогического сопровождения младших школьников, при условии учета фактора «этнослуха» как этнической составляющей в восприятии музыки учащимися.

В процессе музыкального сопровождения учебной деятельности ребенок начинает лучше понимать свои чувства, реже переходит на уровень повышенной возбудимости и плаксивости, становится способен к удержанию и расширению объема и времени внимания, осознанному управлению движениями и речью. Все это приводит к повышению самооценки учащихся с проявлениями нарушенного внимания, улучшаются их коммуникативные навыки.

Принципами музыкального подхода к психолого-педагогическому сопровождению обучения млад-

ших школьников с дефицитом внимания и гиперактивностью являются: принцип превентивности; принцип природосообразности и экологически полезной направленности двигательной активности ребенка; принцип «примарной зоны» музыкального «этнослуха» ребенка; принцип культуросообразности при «восприятии-соисполнении» музыки;

Специально организованными музыкально-двигательными упражнениями (восприятие и исполнение музыкальных фраз и целых произведений в процессе пения) и играми, основанными на интеграции музыки, движения, дыхания, мимики и голоса, могут быть превращения:

- хаотичной шумовой деятельности ребенка в ритмически упорядоченную, подчиненную музыкальному ритму;

- беспорядочной звуковой активности в звучание «идеофонов» – звуков основных стихий – камня, дерева, воздуха, воды, голоса человека (при управляемой учителем импровизации детей);

- импульсивной гиперактивности в управляемую активную музыкальную и музыкально-пластическую деятельность.

Применение музыкальных технологий сопровождения гиперактивных детей на уроках музыки и во внеурочное время позволяет:

- сбрасывать эмоциональное напряжение, разряжать накопленное возбуждение нервной системы ребенка;

- постепенно развивать объем и переключение внимания при восприятии и музыкальном исполнении;

- восстанавливать баланс и развивать внимание через ауто телическое переживание в музыкальной деятельности.

Такой подход возможен, если существует:

- целенаправленность и системность работы учителя музыки;

- наличие у него комплекса необходимых профессиональных знаний возрастной психологии, психологии личности, психологии музыкального образования;

- обладание личностными качествами – гуманностью и толерантностью;

- владение инновационными методами музыкальной терапии (тренинговыми, созерцательными, коммуникативными, творческими);

- обладание комплексом музыкальных способностей для инициирования различных видов творческой музыкальной деятельности учащихся.

Любая ситуация на уроке музыкального искусства может быть педагогически преобразована – и ни одна ситуация в учебном процессе не является заведомо педагогической.

Музыкальное воспитание – это воздействие на процесс развития личности в интересах последней, а

школьное музыкальное образование служит ничем иным как незаменимым средством положительного воздействия на процесс культурного и общего развития школьника в интересах его самого.

Список литературы

1. *Безбородова Л.А.* Теория и методика музыкального образования: учеб.пособие / Л.А.Безбородова. Фланта-Наука, 2014. 240 с.
2. *Безбородова Л.А., Алиев Ю.Б.* Методика преподавания музыки в общеобразовательных учреждениях: учеб. пособие. Спб.: Изд-во «Планета музыки», 2014. 512 с.
3. *Цыпин Г.М.* Музыкальная психология. М.: Академия. 2002. 320 с.

Reference list

1. *Bezborodova L.* The theory and methods of music education: Textbook / L. Bezborodova. Flinta-Nauka, 2014. 240 p.
2. *Bezborodova L., Aliev Yu.* Methods of teaching music in general education institutions: Textbook. SBR.: Publishing house "Planeta Muzyki", 2014. 512 p.
3. *Tsyпин G.* Musical psychology. M.: Akademiya. 2002. 320 p.

УДК 37.08

Володарская Е.А.,

доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории организации науки и науковедения
Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН

Разина Т.В.,

доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии
Ярославского филиала Московского психолого-социального университета

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИКОНОГРАФИЧЕСКОЙ ФИКСАЦИИ ГЕНДЕРНОГО НЕРАВЕНСТВА В НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье анализируются особенности имиджа науки, в частности, гендерного неравенства ученых, зафиксированного в иконографических документах на примере живописи советского периода. Изучаются социальные представления о содержании исследовательской деятельности, особенностях оформления внешности женщины-ученого в восприятии художников. Делается вывод о существовании стереотипного образа исследователя, недооценки роли женщины в науке в советское время, транслируемых в искусстве и целенаправленно формирующих общественное мнение о научной деятельности.

Ключевые слова: имидж, иконографические документы, женщина-ученый, общественное мнение

Volodarskaya E.,

Doctor of Psychology, Leading Researcher the Department of History of Organization of Science and Science Studies
of the Institute of History of Natural Science and Technology named after S. Vavilov of the Russian Academy
of Sciences

Razina T.,

Doctor of Psychology, Associate Professor, Head of Chair of Psychology
of the Yaroslavl Branch of Moscow Psychological-Social University

THE SOCIAL-PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE ICONOGRAPHIC FIXING OF GENDER DISPARITY IN THE SCIENTIFIC-RESEARCH ACTIVITY

This article analyses the characteristics of the science image, among others the gender disparity of scholars, which has fixed in iconographic documents through the example of the Soviet period painting. There are studied the social representations about research activity content, detailing appearance of a female-scholar in the painters perception. The paper concludes about the existence of stereotypical image of a researcher, the role undervaluation of a female in the Soviet period science, broadcasted in artwork and forming purposefully a public mind about the scientific activity.

Keywords: image, iconographic documents, female-scholar, public mind

Одним из информационных источников формирования социальных представлений об объекте, фиксированных в общественном мнении, являются иконографические документы, фиксирующие информацию в виде фотографий, произведений искусства, карикатур и т.д. Подобные документы закрепляют на социальном материале знание о фактах, событиях, явлениях объективной реальности и мыслительной деятельности субъекта.

Иконографические документы стали материалом для психологического анализа в связи с тем, что

они позволяют выявить нормы, ценности, верования людей соответствующего времени, транслирующего ментальное видение определенного социального объекта, выработанного в соответствующем контексте межличностного взаимодействия в рамках конкретной социальной группы. Социально-психологический фокус анализа связан с тем, что содержательные и оценочные категории восприятия социального явления или процесса детерминированы социальным характером формирования и трансляции имиджа на основе существующих социальных представлений [15].

Имидж науки, включающий в себя образ-представление о личности ученого, содержании научного исследования и его результатов, феноменах профессионального сообщества ученых, также выступает объектом иконографической фиксации [3,4,5,8]. Мы полагаем, что изучение иконографических документов, посвященных определенному социальному объекту, в частности, науке, поможет идентифицировать социальные представления о ней, общий культурный код восприятия этого социального института, соответствующего исторической эпохе социализма.

Аспектом общественного мнения о системе взаимодействия науки и общества, содержательных, эмоционально-оценочных и индикативных компонентах образа науки выступает гендерное неравенство в научно-исследовательской сфере, имидж женщины-ученого, имеющий стереотипизированный характер [1,2,6,7]. Механизмом возникновения представлений о больших социальных группах выступает стереотипизация межгруппового восприятия. С одной стороны, стереотип помогает быстро и достаточно надежно отнести воспринимаемую группу к какому-то более широкому классу явлений. Поэтому стереотип важен, так как дает относительно быстрое и схематичное знание действительности. С другой стороны, если стереотип другой группы включает в себя негативные характеристики, предубеждения, то он способствует формированию межгрупповой враждебности, снижению понимания, принятия мнения представителей другой группы.

При сохранении принципа иерархии академической науки для современной отечественной науки характерна феминизация, по размерам и темпам которой Россия опережает другие страны, что проявляется в омоложении кадрового состава женщин-исследователей и в численном перевесе женщин-аспирантов по сравнению с мужчинами-аспирантами. Рост числа женщин-ученых привела к тому, что научные дисциплины стали классифицировать в зависимости от соотношения в них мужчин и женщин: «мужские» – физика, математика, технические науки; «женские» – социальные и гуманитарные науки, а также «нейтральные», куда входят химия и биология.

Неравенство позиций женщин и мужчин проявляется и в оценке научного потенциала ученых. В частности, анализ научной продуктивности женщин-ученых и мужчин-ученых продемонстрировал, что неравенство прав мужчин и женщин заниматься наукой имеют исторические корни, предполагающие науку как особую привилегию мужчин, словно стеклянный потолок, открывающий женщинам перспективы развития, но выстраивающий им невидимые глазом препятствия при движении вперед, когда с увеличением ступени карьерной лестницы, количество женщин, занимающих эти посты, уменьшается [13].

Распределение доли мужчин и женщин на разных уровнях научной карьеры в европейских странах показывает, что, если количество студентов обоего пола примерно равно, то среди ассистентов мужчин около 60%, а число профессоров-мужчин достигает 85%, в то время как женщин этого же профессионального статуса – только 15% [17]. Изучение влияния характеристик семейного окружения на научную продуктивность женщин-ученых Великобритании позволило увидеть, что более продуктивны женщины-ученые, состоящие не в первом, а в последующих по счету браках [11]. Брак женщины-ученого с мужчиной-ученым положительно влияет на ее продуктивность. Лучшие показатели научной продуктивности демонстрируют женщины, не имеющие детей, а среди матерей-ученых более высокие показатели имеют женщины с детьми дошкольного и младшего школьного возраста.

Среди знаковых систем, позволяющих определить принадлежность человека к научному сообществу, могут быть названы, например, такие, как вербальная система – научный язык, которым оперируют ученые, и который отличается по своим лексическим конструкциям от бытового языка; визуальная система, характеризующая отличительные особенности оформления внешности ученого; предметная система, фиксирующая результаты деятельности ученых, по которым можно судить о специфике их деятельности (в частности, научные труды – книги, журналы, брошюры), в отличие от других типов печатной продукции, не затрагивающих научные проблемы.

Анализ образа женщины-ученого в фильмах показывает динамику содержательного компонента имиджа, что не может не коррелировать с изменениями социальной ситуации функционирования науки, переменах в социальных настроениях. Художественные фильмы «Весна» (40-е гг.) или «Девять дней одного года» (60-е гг.) сняты в исторические периоды значительного внимания и государственной поддержки научного сообщества, приоритетности развития науки в нашей стране. В фильме «Весна» одна из героинь Л. Орловой, женщина-ученый, имеет характерную внешность, манеру говорить, одежду, макияж. Этот образ сдержан, строг, серьезен. Он противопоставлен второму персонажу Л. Орловой – ветреной артистке.

Фильм «Девять дней одного года» повествует об ученых-физиках. Главную женскую роль сыграла Т. Лаврова. Актриса создает образ умной, не дающей волю эмоциям женщина, хорошего друга, надежного коллеги-товарища. Имидж ученого вызывает уважение, понимание, поддержку. Результаты изучения художественного образа ученого содержатся в ряде исследований. Помимо перечисленных форм косвенной имиджформирующей информации значительный интерес представляет собой живопись, в которой отра-

жаются социальные представления о науке, соответствующие определенной эпохе, зафиксированные в определенной системе знаков восприятия, фиксирующих индикативный компонент имиджа науки. Первая попытка систематически описать изображение ученого на основе обобщения рисунков американских старшеклассников свидетельствует о том, что ученый – это пожилой или средних лет человек в белом халате, у которого есть очки и борода, производящий экспериментальные исследования в лаборатории, полной книг, (о чем свидетельствуют изображения пробирок, горелок, стеклянных трубок), на лице которого как бы читается: «Эврика! Я нашел!» [14].

Исследование особенностей восприятия турецкими школьниками ученого свидетельствует о том, что помимо традиционного имиджа (серьезный пожилой мужчина в белом халате в окружении научного оборудования) появляются имиджевые компоненты, описывающие молодого смеющегося мужчину, одетого в джинсы и футболку, хотя сохраняющего бороду и очки, что говорит о множественности образов ученого, полученного художественно-выразительными средствами [10, 12, 16].

Изучение визуальных стереотипов ученого-химика, их происхождение и развитие в истории искусства и науки позволило констатировать, что имидж химика как представителя конкретной научной дисциплины содержит наименование химических элементов, описание химической посуды и аппаратуры. Причем, визуальный образ химической профессии зачастую имеет негативные исторические ассоциации, вместе с тем присутствует героизация, возвеличивание ученого-химика художественными средствами на основе идеалов красоты в живописи [18].

Для выявления индикативных компонентов имиджа ученого был предложен специальный рисуночный тест, предполагающий анализ особенностей восприятия личности ученого по рисунку респондента [9]. Результаты рисунков около 5000 респондентов позволили выделить 7 основных компонентов визуального ряда, свидетельствующего о принадлежности субъекта к науке. А именно: одежда (как правило,

белый халат); очки; борода, усы; символы исследований: научные приборы и лабораторное оборудование любого вида; символы знаний: в основном книги и картотеки; «продукты» науки: формулы, классификации и т.д. Данные эмпирической использования данного теста показали, что художественный образ ученого имеет обобщенный характер стереотипа. Важно, что так как данный психодиагностический метод не предполагает вербальной составляющей, его можно использовать в разных возрастных группах, вплоть до младших школьников. Причем, у значительной части респондентов (35 %) наука, ученый вызывали тревожность дискомфорт, которые выражались в рисовании надписей на двери типа «Не входить», «Закрывать» и т.д.

Цель данного этапа исследования заключалась в изучении отражения имиджа науки в художественном творчестве эпохи социалистического реализма, которое исторически соответствует времени наибольшего расцвета науки в нашей стране.

В восприятии художников женщина занимает подчиненное положение, в то время как центральное отводится ученому-мужчине (например, картины Воробьевой И. Н. «На Щелковском витаминном заводе. Разлив сиропа шиповника» 1961 (рис. 1.), Гусева Ю. В. «Биохимики» 1959 (рис. 2.)).

Мужчина-ученый выступает на большинстве изображений как руководящий, проверяющий работу, оценивающий ее. Как показано, например, на полотнах А.Н. Самохвалова («В лаборатории», 1968 (рис. 3.)) и В.Т. Ни («Лаборант завода», 1974 (рис. 4.)) женщины, изображенные на картинах, в основном занимают самые низшие ступеньки научной иерархии – лаборанты.

На полотнах художников середины XX века в СССР женщина-ученый, как правило, не теряет черт женственности (длинные волосы, красивая прическа, юбка, позволяющая наблюдать ноги) и приобретает иногда откровенно эротические черты, например, как на картине Н.Н. Геденидзе «Тайна скалы. Геологи. Купание» (рис. 5.).

В частности, Рыжих В. И. в картине «Поиск» (1976) (рис. 6.) отразил красивую и привлекательную женщину, которая выполняет роль вспомогательного

Рис. 1.

Рис. 2.

Рис. 3.

Рис. 4.

Рис. 5.

Рис. 6.

персонала, в частности ищет данные в картотеке. Она не принимает участия в дискуссии, разгоревшейся в группе мужчин, т.е. не включена в аналитико-дедуктивную работу.

На картине И.И. Симонова «Цеховая лаборатория» (1927) (рис. 7.) роль исследователя, т.е. науки, занимает хрупкая девушка, лица которой не видно. Иными словами, наука обезличена и к тому же еще и безмолвна. Сама девушка и окружающие ее символы научной деятельности (колбы, реторты, емкости с реактивами) написаны светлыми тонами, они полупрозрачны, эфемерны, зыбки, могут рассыпаться в любую минуту. Совершенно иными на данной картине предстают двое мужчин, олицетворяющие в данном случае пролетариат (производство). Они занимают не только центральное место в картине, но и большую ее площадь. Очевидно, художник таким образом намеревался подчеркнуть приоритеты труда физического над умственным, примат пролетариата над интеллигенцией, показать истинных хозяев и «заказчиков» всех научных исследований, которые имеют подчиненное, зависимое положение, имеют более слабые позиции. Так, женщина на данной картине в особенности выглядит слабее мужчин. Мужчины же, напротив, как бы демонстрируют свою силу и даже нарочитую грубость.

Женщина предстает на картинах как некий обобщенный образ ученого, без конкретизации, кто именно изображен. Доказательством тому служат картины В.М. Петрова-Маслакова «Учёные. Заповед-

ное Беломорье» (1930) (рис. 8.), а также мозаика на фасаде Института биологии КНЦ УрО РАН, г. Сыктывкар (1985) (рис. 9.).

В целом для эпохи соцреализма 60-70-х гг. XX века в изображении науки и ученых характерен переход от изображения отдельных ученых (портретов), которых очень много в работах выдающихся российских художников конца XIX – начала XX века (И.Е. Репин, И.Н. Крамской, Н.Н. Ге, М.В. Нестеров, И.Э. Грабарь), к изображениям неких обобщенных образов ученых. Картины становятся все более абстрактными, многофигурными и все чаще демонстрируют зрителю не конкретных ученых, а образ ученого, образ науки. Как правило, это теоретическая физика (М.А. Канаян «Теоретики» (1957)), физика ядра и ее прикладное применение (А.Ф. Бурак «Белоярская АЭС» (1963)), информатика (Э.И. Глебова «Вычислительный центр» (1972)).

Таким образом, в живописи советского периода ученый, мыслитель ассоциировался, прежде всего, с мужчиной. Женщина же олицетворяла науку в целом. Все это указывает на гендерное неравенство в отечественной науке, закрепленное выразительными средствами, что является отражением исторических социокультурных условий функционирования науки и может служить свидетельством эпохи. Итак, советская живопись достаточно полно и точно воссоздает не только фактуальную сторону отечественной науки, но и такие трудноуловимые моменты, как общественное мнение в отношении науки, установки, стереотипы в ее восприятии как лицами далекими от

Рис. 7.

Рис. 8.

Рис. 9.

науки, так и самими учеными. Это делает анализ художественных произведений мощным инструментом психологического исследования (хотя, безуслов-

но, не единственным) социально-психологических аспектов бытия науки как в прошедшие эпохи, так и в наши дни.

Список литературы

1. *Бонкало Т.И., Петрова Е.А.* Особенности национального самосознания современной молодежи // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2015. Т. 14. № 1 (128). С. 5-11.
2. *Козьяков Р.В.* Технология развития коммуникативной компетентности в процессе вузовского обучения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2007. № 4. С. 66-71.
3. *Козьяков Р.В.* Имидж успешного руководителя в представлении менеджеров и рядовых сотрудников // Полиграфист. В помощь руководителю и главному бухгалтеру. 2012. № 56. С. 30-38.
4. *Петрова Е.А.* Современное состояние развития российской имиджологии как науки // Международного симпозиума по имиджологии «Имиджология-2004». Академия имиджологии, Российский государственный социальный университет, Российское психологическое сообщество. 2004. С. 14-21.
5. *Петрова Е.А.* Имиджология: современное состояние и перспективы развития в России // В сборнике: Имиджология: современное состояние и перспективы развития. Материалы Первого Международного симпозиума «Имиджология-2003». 2003. С. 27-30.
6. *Петрова Е.А., Хазова С.А.* Ресурсы личности: проблемы и перспективы исследования // Журнал практического психолога. 2010. № 2. С. 86.
7. *Петрова Е.А.* Трудные жизненные ситуации в предметном поле социальной психологии // СОТИС – социальные технологии, исследования. 2004. № 1. С. 44.
8. *Петрова Е., Родионова А.* От редакции // Корпоративная имиджология. 2007. № 1. С. 2-3.
9. *Chambers D.W.* Stereotypic Images of the Scientist: The Draw-A-Scientist Test // Science Education, 1983, 67(2). P. 255-265.
10. *Finson K.D.* Drawing a Scientist: Wot We Do and Do Not After Fifty Years of Drawings // School Science and Mathematics. 2002. 102. P. 335-346.
11. *Fox M.* Gender, Family Characteristics, and Publication Productivity among Scientists// Social Studies of Science. 2005. 35(1). P. 131-150.
12. *Harper D.* Talking about pictures: a case for photo elicitation // Visual Studies. 2002. Vol. 17. n. 1. P. 13-26.
13. *Kergoat D.* Division Sexuelle du Travail et Rapports Sociaux de Sexe / H.S. Hirata, F. Laborie, H. Le Doare et D. Senotier (Eds.) Dictionnaire Critique du Feminisme. Paris: Presses Universitaires de France, 2000. P. 35-41.
14. *Mead M., Metraux R.* The Image of the Scientist Among High School Students // Science. 1957. n. 126. P. 384-390.
15. *Moliner P.* Les Representations Sociales et les Images. // Les Representations Sociales: Theories, Methods et Applications. / Sous la Direction de G. Lo Monaco, S. Delouvee, P. Rateau. Louvain-la-Neuve: De Boeck Superieur. 2016. P. 419-430.
16. *Turkmen H.* Turkish Primary Students Perceptions about Scientists and What Factors Affecting the Image of the Scientists // Eurasia Journal of Mathematics, Science and Technology Educations. 2008. n. 4. P. 55-61.
17. *Sanchez-Mazas M., Casini An.* Egalite Formelle et Obstacles Informels a L'axention Professionnelle: les Femmes et L'effet «Plafond de Verre» // Information sur les Sciences Sociales. 2005. Vol. 44. 1. P. 141-173.
18. *Shummer J., Spector T.J.* The Visual Image of Chemistry // International Journal for Philosophy of Chemistry. 2007. Vol. 13. P. 3-41.

Reference list

1. *Bonkalo T., Petrova E.* The peculiarities of national identity of the contemporary youth // Scientific Notes of the Russian State Social University. 2015. Vol. 14. № 1 (128). P. 5-11.
2. *Koz'yakov R.* The technology of development of a communicative competence in the process of University education // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Psychological science. 2007. №. 4. P. 66-71.
3. *Koz'yakov R.* The image of a successful manager in the view of managers and average employees // Poligrafist. The instruction to the director and chief accountant. 2012. №. 56. P. 30-38.
4. *Petrova E.* The current state of development of the Russian imageology as a science // International Symposium on Imageology "Imagology-2004". Imageology Academy, Russian State Social University, the Russian Psychological Community. 2004. P. 14-21.
5. *Petrova E.* Imageology: The current state and prospects of development in Russia // In the collection: Imageology: The current status and prospects. Proceedings of the First International Symposium "Science of Image-2003". 2003. P. 27-30.
6. *Petrova E., Khazova S.* The resources of the personality: Issues and prospects of research // Journal of the Practical Psychologist. 2010. №.2. P. 86.

7. Petrova E. Difficult life situations in the subject field of social psychology // SOTERE – social technology, research. 2004. №. 1. P. 44.
8. Petrova E., Rodionova A. From editorial staff // Corporate Imageology. 2007. №. 1. P. 2-3.
9. Chambers D.W. Stereotypic Images of the Scientist: The Draw-A-Scientist Test // Science Education, 1983, 67(2). P. 255-265.
10. Finson K.D. Drawing a Scientist: What We Do and Do Not After Fifty Years of Drawings // School Science and Mathematics. 2002. 102. P. 335-346.
11. Fox M. Gender, Family Characteristics, and Publication Productivity among Scientists // Social Studies of Science. 2005. 35(1). P. 131-150.
12. Harper D. Talking about pictures: a case for photo elicitation // Visual Studies. 2002. Vol. 17. n. 1. P. 13-26.
13. Kergoat D. Division Sexuelle du Travail et Rapports Sociaux de Sexe / H.S. Hirata, F. Laborie, H. Le Doare et D. Senotier (Eds.) Dictionnaire Critique du Feminisme. Paris: Presses Universitaires de France, 2000. P. 35-41.
14. Mead M., Metraux R. The Image of the Scientist among High School Students // Science. 1957. n. 126. P. 384-390.
15. Moliner P. Les Représentations Sociales et les Images. // Les Représentations Sociales: Theories, Methods et Applications. / Sous la Direction de G. Lo Monaco, S. Delouvee, P. Rateau. Louvain-la-Neuve: De Boeck Supérieur. 2016. P. 419-430.
16. Turkmen H. Turkish Primary Students Perceptions about Scientists and What Factors Affecting the Image of the Scientists // Eurasia Journal of Mathematics, Science and Technology Educations. 2008. n. 4. P. 55-61.
17. Sanchez-Mazas M., Casini An. Egalite Formelle et Obstacles Informels a L'axention Professionnelle: les Femmes et L'effet «Plafond de Verre» // Information sur les Sciences Sociales. 2005. Vol. 44. 1. P. 141-173.
18. Shummer J., Spector T.J. The Visual Image of Chemistry // International Journal for Philosophy of Chemistry. 2007. Vol. 13. P. 3-41.

УДК 376.2

Гончарук А.Ю.,

доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры искусств и художественного творчества факультета искусств и социокультурной деятельности Высшей школы музыки им. А.Г. Шнитке Российского государственного социального университета

СОЦИОКУЛЬТУРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ АРТ-ТЕРАПИЯ ДЕТЕЙ-ИНВАЛИДОВ СРЕДСТВАМИ МУЗЫКАЛЬНОГО ИСКУССТВА

В статье рассмотрена авторская методология исследования в области музыкальной арт-терапии реабилитационной деятельности. Анализируются результаты программы «Социокультурно-педагогические основы реабилитационной теории и музыкального искусства», которая разработана автором и была включена в систему групповой музыкотерапии для детей с ограниченными возможностями здоровья. В основу занятий арт-терапевтическими компенсаторными видами музыкальной культуры положены идеи, принципы организации и проведения занятий зарубежными и отечественными музыкотерапевтами, успешно работающими с детьми-инвалидами. Это позволило решать конкретные социокультурно-педагогические задачи, поставленные педагогами. Автор приводит примеры тренингов, которые можно применять в работе с любыми категориями детей с ограниченными возможностями здоровья.

Ключевые слова: социокультурно-педагогическая арт-терапия, дети-инвалиды, средства музыкального искусства, реабилитация, тренинговые занятия, эмотивационные технологии, творческая деятельность

Goncharuk A.,

Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of Chair of Arts and Artistic Creation of the Faculty of Arts and Social-Cultural Activity of the Higher Education Institution of Music named after A. Schnittke of the Russian State Social University

THE SOCIAL-CULTURAL-PEDAGOGICAL ART-THERAPY FOR THE CHILDREN WITH DISABILITIES THROUGH THE MUSIC ART MEANS

This article is discussed the author's methodology of the research in the nature of a music art-therapy rehabilitation activity. It analyzes the results of the program "socio-cultural-pedagogical foundations of the rehabilitation theory and music art", which has been developed and included by the author in the system of a group music-therapy for the children with disabilities in health. The basis of the sessions of art-therapeutic compensatory types of the music culture is the ideas, principles of organization and carrying sessions by the international and domestic music-therapists, which are successfully working with the children with disabilities. This one has enabled us to solve the specific socio-cultural-pedagogical tasks, set by the teachers. The article author has given examples of the training sessions, which can be applied during the work with all categories of the children with disabilities in health.

Keywords: social-cultural art-therapy, children with disabilities, music art means, rehabilitation, training sessions, emotive techniques, creative activity

В последние годы заметно вырос интерес специалистов к социокультурно-педагогическим механизмам воздействия музыки на ребенка с ограниченными возможностями здоровья. Современные дефектологические направления общей педагогики и психологии, в значительной степени, ориентированы на использование в коррекционной реабилитационной деятельности музыкотерапии как важного средства воспитания вполне гармоничной личности ребенка.

На факультете искусств и социокультурной деятельности Высшей школы музыки им. А.Г. Шнитке (Института) Российского государственного социального университета в качестве эксперимента (контрольные группы) проводятся занятия групповой музыкальной терапией для детей с ограниченными физическими и умственными возможностями (аутизм, умственная отсталость, ДЦП, органические поражения ЦНС, синдром Дауна)[1]. В связи с необходимостью проведения занятий музыкотерапией в

неоднородных группах как по возрастному составу детей, так и по структуре, тяжести дефекта каждого из них, – была разработана и апробирована программа «Социокультурно-педагогические основы реабилитационной теории и музыкального искусства», включающая систему групповой музыкотерапии для детей с ограниченными возможностями здоровья на основе программы «Мы друг другу рады!». В основу занятий арт-терапевтическими компенсаторными видами музыкальной культуры положены идеи, принципы организации и проведения занятий зарубежными и отечественными музыкотерапевтами, успешно работающими с детьми-инвалидами (Ж. Некту, Ж. Македа (Франция)), И. Захарова, С. Хатуцкая, А. Виноградова, Т. Степанова, (г. Москва), С. Стангрит (г. Петрозаводск), А. Черкасская (г. Санкт-Петербург). Также была использована универсальная концепция элементарного музицирования и включены в практику мелодические материалы выводов-рекомендаций международных музыкально-педагогических конференций, организованных Обществом Карла Орфа (Австрия)¹. В программе определены цель, задачи, структура и содержание занятий музыкотерапии для различных категорий детей-инвалидов. В музыкотерапии ранее, как правило, не делалось акцента на целенаправленном обучении и, следовательно, овладении нашими реципиентами навыками и умениями профессиональной музыкальной деятельности. Цель и содержание коррекционных, реабилитационных занятий сформулированы, исходя из физических, психических, умственных возможностей самих детей-инвалидов. Поэтому, на групповых занятиях музыкотерапией со студентами и детьми основные элементы занятий направлены на решение не чисто музыкальных задач, но значимых для естественного саморазвития ребенка-инвалида проблем. Программа рассчитана на 2 года, но некоторые дети добровольно посещают группы по 3 – 4 года: таким образом, музыкотерапия для них оказывается сверхценным компенсирующим недомогание интересом и единственно возможной для них «линией взаимосвязи» со «здоровым» окружающим миром [3].

В синтезе поискового и технологического подходов в опытно-экспериментальной арт-терапевтической реабилитационной деятельности сформировались постоянные разнопланово-творческие группы, в которые подбирались дети с учётом их индивидуальных особенностей, возраста, характе-

ра патологии и предшествующего опыта занятий музыкотерапией. Как правило, до объединения детей в группу, каждый ребёнок проходил этап диагностики (мониторинга) для выяснения уровня его психического развития и коммуникационных возможностей, а дети с нарушениями общения вовлекались в этап индивидуальных занятий со специалистами-дефектологами как арт-терапевтами. На данный момент, на факультете функционируют 4 группы экспериментальной музыкотерапии: 2 группы детей с нарушениями общения (аутизмом и близкими к нему состояниями) в возрасте от 4 до 13 лет («Весёлые нотки»), а также 2 разновозрастные группы: «Развитие» и «Дружные ребята» (для детей с нарушениями функций центральной нервной системы, умственной отсталостью, с нервно-психическими, нервно-мышечными дефектами, нарушениями скелета, слуха, зрения, функциональными и органическими аномалиями при хронических соматических заболеваниях). Вновь поступившие дети вводились в группу временно-пробно для выяснения их социальной адаптируемости и психологической совместимости со сверстниками и социокультурологами-педагогами. Особая социокультурно-педагогическая специфика занятий состояла в следующем:

- арт-терапевтические тренинги проходили 2 раза в неделю по 30 – 40 мин. (в зависимости от группы);
- структура проведения занятий была различна в группах для аутичных детей и реципиентов с другими заболеваниями (умственная отсталость, ДЦП, синдром Дауна);
- при необходимости, присутствовали родители (помощь в передвижении по залу для детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата, со сложностями ориентировки в пространстве, выполнение задания вместе с ребёнком – «рука-в-руке», при предшествующей длительной социокультурно-педагогической депривации; знакомство с новым музыкальным материалом; осваивались приёмы взаимодействия с каждым ребёнком, проводилось независимое лонгитюдное наблюдение за динамикой его саморазвития); один и тот же музыкальный материал использовался многократно, чтобы любой воспитанник, в своём индивидуальном темпе, мог его усвоить, постепенно начиная присоединяться к самостоятельному исполнению произведения музыкотерапевтом; – музыкальный материал частично дублировался в разных группах для преемственности. В процессе занятий, некоторые дети либо значительно продвигались в своём развитии, либо начинали вести себя деструктивно, в связи с чем возникала необходимость переводить их в другие группы. В этом случае, детям легче было вливаться в новую группу, освоив музыкальный материал в предыдущей – на занятиях создавалась безоценочная атмосфера особо доверительных взаимоотноше-

¹ «Кармина Бурана» – сценическая кантата немецкого композитора **Карла Орфа**, на собственное либретто, по мотивам средневековых стихотворений из одноимённого сборника, написанная в 1935—1936 годах. Служит эффективным средством вовлечения детей-инвалидов в творческий взаимный с социокультурологами-педагогами ауто-терапевтический поиск.

ний, в которой возможно было быть принятым окружающими, безо всяких условий [2].

Методология исследований в предметной области музыкальной арт-терапии реабилитационной деятельности ориентирована на эмотивационно-технологичное решение конкретных социокультурно-педагогических задач и реализуемых в технологичных разработках-тренингах применительно к любым категориям детей-инвалидов [4]. «Язык души» – так принято говорить о целительной музыке именно потому, что она обладает сильным психотерапевтическим воздействием на подсознательном уровне, – на область нравственно-эстетических ощущений ребенка-инвалида; но нельзя исключать, при этом, что она оказывает и конкретное влияние на области его незаурядного разума [5].

Дать одно исчерпывающе точное определение явлению (или субстанции), называемому концептуально-научным понятийным термином «Арт-терапевтические возможности музыкальной культуры в реабилитационной деятельности с детьми-инвалидами», – невозможно. В историческом контексте, вообще, – становление искусства музыки абсолютно неотделимо от реабилитационно-деятельностного саморазвития чувственных способностей маленького человека-инвалида.

В опытно-экспериментальной части исследования использованы методы наблюдения, интервью; учтены особенности фиксации материала в ходе анализа актуального музыкально-художественного опыта каждого из детей-инвалидов. Мы рассмотрели парадигму применения описательно-биографического и историко-типологического методов исследования. Посредством этого, в музыкально-арттерапевтический процесс включены элементы герменевтического, семиотического и синергетического подходов.

К рецептивной музыкотерапии относим восприятие-слушание музыки, направленное на релаксацию, моделирование положительного психоэмоционального состояния, а также на формирование художественно-эстетического вкуса, воображения, слуховой памяти, активизации умственной деятельности. Активные формы (вокалотерапия и инструментальная терапия, танцотерапия) предполагают целенаправленное социокультурно-педагогическое взаимодействие с личностью ребенка-инвалида, рассматриваемое нами как средство общего гармоничного развития личности, формирования нравственно-эстетического вкуса, потребностей, а также их арт-терапевтической психокоррекции. В нашем опыте, чтобы достичь глубокого влияния музыки на собственный организм, ребёнок-инвалид должен сам активно действовать – петь, играть на музыкальном инструменте, воплощать музыку в движениях) [10]. Вокалотерапия улучшает произношение, развивает

координацию голоса и слуха, укрепляет голосовой аппарат, являясь своеобразным видом дыхательной гимнастики косноязычных. В процессе восприятия музыки расширяется представление о жизни общества, предметном окружении, расширяется кругозор детей путём формирования знаний и представлений. Занятия ритмопластикой способствуют развитию мышления детей-инвалидов, когда каждое задание им нужно понять, осознав правила игры, осмыслив свое место в ней (игре), вовремя включаясь в деятельность. Создаются условия развития внимания, памяти для детей с задержкой психического развития [11].

Для того, чтобы ребёнок с ограниченными возможностями здоровья стал личностью творческой, востребованной в обществе, необходимы психокоррекция и опережающе-интенсивное саморазвитие высших психических функций его эмоционально-волевой, двигательной и социальной сфер. Целью стало создание условий для активизации музыкального потенциала детей и развитие эмоционально-образной сферы средствами музыкотерапии. Проводили занятия, игры, праздники, готовили музыкальные номера, консультировали родителей. Формы организации занятий – групповые, подгрупповые (дуэты, трио) и индивидуальные занятия (с солистами). Типы занятий – типовые, доминантные, тематические, интегрированные, ознакомительные, репетиционные. Методы работы. Наглядный метод (позволяет в конкретных, красочных эмоциональных образах показать детям привлекательность событий окружающей реабилитационной самостоятельности, рассказать о чувствах и действиях людей, отразить красоту природы и т.д.). Наглядный метод включает следующие компоненты: – слуховую наглядность (слушание музыки, исполнительская деятельность); – тактильную наглядность (непосредственное освоение предмета, физическое ощущение телом волновых колебаний музыкального звучания); – зрительную наглядность, которая в процессе музыкального воспитания сочетается со слуховой (показ певческих приёмов, упражнений на тренировку дыхания, дикции, иллюстрации к музыкальным произведениям). Словесный, или вербальный метод (устное обращение к сознанию ребёнка-инвалида способствует осмысленности, содержательности интенсивности его аутотренинговой деятельности). В процессе непринуждённой беседы дети делятся своими впечатлениями от произведения, высказывают своё отношение, дают элементарную оценку. Практический метод включает конкретные проявления особенностей детей-инвалидов в пении, при игре на детских инструментах, естественная музыкально-ритмическая активность, театральная самостоятельность. Необходимо так руководить воспитанниками, чтобы они стремились выполнять задания предельно выразительно. Эвристический метод позволяет ребёнку-инвалиду са-

морerealizovatsya, proyavit svoyu aktivnost i razvivat' emotsionalno-obraznoye vospriyatiye (ispolnyuzya priyem improvizatsii). Printsipy realizatsii proyekta: – gumannosti – uchët lichnostnykh, indivydualnykh i vozrastnykh osobennosti rebënka v protsessе obucheniya; – adaptivnosti – predpolagaet gibkoye primeneniye soderzhaniya i metodov emotsionalno-tvorcheskogo razvitiya detey v zavisimosti ot indivydualnykh i psixofiziologicheskikh osobennostey kazhdogo rebënka; – ucheta interesov – uchët muzykalnykh interesov i napravlennoy rebënka na kazhdyy konkretnyy vid ego reabilitatsionnoy deyatelnosti; – subyektno – subyektnoy vzaimodeystviya – uchët svobody reaktsiy i vyskazyvaniy rebënka, nedopущeniye nasilystvennykh, zhëstkiy mer, ograniчивающих porывы reabilitiruемой lichnosti; – sotsiokulturno-pedagogicheskoy podderzhki – deystviya vospitatelya dolzhny byt' napravleny na okazaniye pomoshchi rebënku-invalidu, ispytyvayemyu te ili inyye zatrudneniya v protsessе obucheniya, snyatiye emotsionalno-obraznoy napryazhënnosti i snizheniye urovnya ne komfortnosti; – professionalnogo sotrudnichestva i sotvorchestva – obyazatelnoye vzaimodeystviye muzykalnogo rukovoditelya i vospitatelya, logopeda, psixologa, tesnoye sotrudnichestvo s semeyey, drugimi spetsialistami, osushchestvlyayushimi reabilitatsiyu detey s ograniченными vozmozhnostyami zdorov'ya; – tselenapravlennoy protsessа korrektsii: pedagogu neobходимо znat', radi kakoy tseli organizuyetsya korrektsionnaya deyatelnost'; – otbora muzykalnogo repertuara – neobходима adaptatsiya muzykalnykh proizvedeniy po opredënnym emotivnym kriteriyam, sootvetstvuyushim vozrastnym osobennostyam detey i s uchëtom meditsinskiykh pokazaniy; – sistemachnosti i posledovatelnoy – neobходимы planomernaya rabota po vospriyatiyu muzyki, postepennoye uslozhneniye estestvennosti melodicheskogo soderzhaniya; – produktivnosti – rezul'tatom raboty po muzykoterapii dolzhn yavlyatsya konkretnyy realnyy tvorcheskyy produkt samego rebënka-invalida, naprimer, emotsionalnyy obraz, voploщënnyy v risunkе, tance, muzitsirovaniy, igre, slove, pesne i t.d.; – sinkretichnosti – obyedineniye raznykh metodov i sposobov khudozhestvenno-tvorcheskoy deyatelnosti detey-invalidov i detey s ograniченными vozmozhnostyami zdorov'ya.

Takim obrazom, avtorskiy proyekt «Muzykal'naya palitra» (muzykoterapiya) yavlyetsya chastyu kompleksnoy sotsiokulturno-pedagogicheskoy reabilitatsii detey-invalidov, rebyat s ograniченными fizicheskimi, umstvennymi vozmozhnostyami, i ispolnyuzetsya v drugiykh podobnykh uchrezhdeniyakh sotsiosfery. Soderzhaniye. Resheniye zadach proyekta zavisit ot privlekatelynosti ne tolyko formy, no i soderzhaniya vseiy sistemy muzykalnogo vospitaniya, ot znachimosti ispolnyuzemogo repertuara, metodov i priyemov ob-

ucheniya, form organizatsii reabilitatsionnoy samodeyatelnosti. Receptivnoye (passivnoye) vospriyatiye muzyki napravleno na relaksatsiyu, rasslableniye, otдых, chyto sposobstvuyet garmonizatsii i ozdorovleniyu rebënka, preodoleniyu neadekvatnykh form povedeniya, snyatiyu negativnogo emotsionalno-obraznogo perenapryazheniya [12]. Ritmoplastika (muzykal'noritmicheskiye dvizheniya). Osnovnaya napravlennoy elementov ritmoplastiki na muzykalnykh zanyatiyakh – eto psixologicheskoye raspkrepощeniye rebënka-invalida cherez osvoeniye samego sobstvennogo tela kak vyrazitel'nogo («muzykal'nogo») instrumeta [13]. Aktsentiruetsya vnimaniye na razvitiy chuystva ritma u detey, dvigatelnykh navykov, artichnosti, bystrotы reaktsii, koordinatsii dvizheniy, osoznannoy ovladeniyu tanceval'nymi, ritmicheskiye dvizheniyami. Na muzykalnykh zanyatiyakh rebëнок-invalid zanimayetsya ritmoplastikoy v kollektive, chyto sposobstvuyet razvitiyu u patsiyentov organizovannosti, disiplinny, otvetstvennosti, vzaimovyruчки, vnimatel'nogo otnosheniya k okruzhayushim, samostoyatel'nosti. V ritmicheskoy plastike dvizheniya dolzhny sootvetstvovat' muzyke, a takzhe byt': – dostupnymi dlya dvigatelnykh vozmozhnostey detey (s tochy zreniya koordinatsii dvizheniy, ловкости, tochnosti, plastichnosti); – ponyatnymi po soderzhaniyu igrovogo obraza (naprimer, dlya mladshiy – mir igruшек, okruzhayushchey prirody, personazhi populyarnykh mulytфильмов; dlya starykh – geroy volshëbnykh skazok, perezhivaniyami razlichnykh sostoyaniy i t.d.); – raznoobraznymi, nestereotipnymi, vключающими razlichnyye iskhodnyye polozheniya: stoya, sidya, lezha, na chetverenykh, na kolenyakh i pr. V etom razdele ispolnyuzyutsya muzykalnyye i teatralnyye igrы, podvizhnyye massovyye treninky s pением, tanceval'nymi dvizheniyami, teatralizatsiyey. Korrektsionno-razvivayushchaya tsel' danного razde-la sostoit v tom, chyto by aktivizirovat' emotsionalnyye obrazy detey-invalidov, nauchit' potrebnosti v kollektivnom vzaimodeystviy, nauchit' vypolnyat' usloviya i pravila igrы, v art-terapiyecheskoy forme zakrepsit' neobходимyye navyky (naprimer, vyrazitel'nosti dvizheniy ili chëtкой artikulatsii pri pении). Igra na det'skiykh muzykalnykh instrumetakh. Dety-invalidy poluchayut prakticheskuyu vozmozhnost' poznachomitsya s udarno-shumovymi instrumetami. Na pervykh zanyatiyakh detyam daetsya vozmozhnost' poprobovat' poigrat' na razlichnykh instrumetakh samostoyatel'no, sravnit' tembry i sposoby izvlecheniya zvuka. Kak pravilo, vse dety s udovольstviem igraют na muzykalnykh instrumetakh, no uchastie v оркестре predpolagaet ryad opredelënniy navykov: neobходимо imet' vnimaniye i vyderzhku, kontrolirovat' svoiy deystviya, chyto by odnovremennо so vseми nachat' igru i zakonchit'; razvivat' chuystvo ritma i vyderzhivat' adekvatnuyu tempu dinamiku. Postepenno trebovaniya

увеличиваются, и дети осваивают правила игры. Используются элементы методики элементарного музицирования вышеупомянутого Карла Орфа (Австрия). Знакомство с нотной грамотой способствует более быстрому усвоению клавиатуры на музыкальных инструментах и более свободной ориентации в ней. Дети (старшая группа с сохранным интеллектом) получают необходимые сведения по основам музыкальной грамоты, а именно: – расположение нот на нотном ста-

не; скрипичный, басовый ключи; – размер; – длительность нот (целая, половинка, четвертная, восьмая); – паузы; – темп.

Все разделы проектного комплекса объединяет игровой метод проведения занятий, который придаёт им привлекательную форму, облегчает процесс запоминания и повышает его эмоционально-образный фон. На каждом этапе занятия ставятся новые задачи, которые стимулируют ребёнка-инвалида мыслить, творить.

Список литературы

1. Александров А.А. Аналитико-катартическая терапия эмоциональных нарушений: Учебное пособие / А. А. Александров. СПб.: СпецЛит, 2014.
2. Вальдес Одриосола М.С. Интуиция, творчество и арт-терапия / М.С. Вальдес Одриосола. М.: ИОИ, 2012. 96 с.
3. Воронова А.А. Арт-терапия для детей и их родителей / А. А. Воронова. Рн/Д: Феникс, 2013. 253 с.
4. Гончарук А.Ю. Социокультурно-педагогические основы мировой культуры: Монография. М.: Перспектива, 2016. 265с.
5. Гончарук А.Ю. Социокультурно-педагогические ценности искусств и религий регионов России (народное художественное творчество): Монография: в 3-х ч. М.: РГСУ–ВШМ, 2017. 168 с.
6. Гончарук А.Ю. Арт-терапевтические возможности музыкального искусства в реабилитационной деятельности с детьми-инвалидами: Монография / Российский государственный социальный университет – Высшая школа музыки им. А. Г. Шнитке. М.: РУСАЙНС, 2017. 178 с.
7. Психокоррекционная и развивающая работа с детьми: Учеб. пособие для студ. сред. пед. учеб. заведений / И.В.Дубровина, А.Д. Андреева, Е.Е.Данилова, Т.В. Вохмянина; Под ред. И.В.Дубровиной.
8. Копытин А.И. Арт-терапия детей и подростков / А.И. Копытин, Е.Е. Свистовская. М.: Когито-Центр, 2006. 197 с.
9. Ляшенко В.В. Арт-терапия как практика самопознания: присутственная арт-терапия / В.В. Ляшенко. М.: Психотерапия, 2014.
10. Мастюкова Е.М., Московкина А.Г. Семейное воспитание детей с отклонениями в развитии: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / под ред. В.И. Селиверстова. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. 408 с.
11. Общая психология / под редакцией В.В. Богословского, А.Г. Ковалева, А.А. Степанова. М.: Просвещение, 1998.
12. Шмелев В.А. Профилактика и цитокинотерапия онкологических заболеваний – эффективное улучшение или замена стандартных методов онкологов: Книга для больных, их родных и близких / В.А. Шмелев. М.: Медпрактика-М, 2012. 128 с.
13. Шушарджан С.В. Музыкаотерапия и резервы человеческого организма. М., Антидор, 1998. 363 с.

Reference list

1. Aleksandrov A. The analytic-cathartic therapy of emotional disturbance: Textbook / A. Aleksandrov. SBR.: SpetsLit, 2014.
2. Valdez Odreozola M.S. Intuition, creativity and therapy / M.S. Valdez Odreozola. M.: IOI, 2012. 96 p.
3. Voronova A. The art-therapy for the children and their parents / A. Voronova. Rostov-on-Don: Feniks, 2013. 253 p.
4. Goncharuk A. The social-cultural and pedagogical foundations of the world culture: Monograph. M.: Prospekt, 2016. 265 p.
5. Goncharuk A. The social-cultural-pedagogical values of arts and religions of the Russia regions (National art creativity): Monograph: in 3 parts. M.: Russian State Social University– Higher Education Institution of Music, 2017. 168 p.
6. Goncharuk A. Art-therapeutic possibilities of music art in rehabilitation activities with children with disabilities: Monograph / The Russian State Social University – Higher Education Institution of Music named after A. Schnittke. M.: RUSAYNS, 2017. 178 p.
7. The psycho-correctional and evolving work with the children: Textbook for the students of secondary pedagogical teaching institutions / I. Dubrovina, A. Andreeva, E. Danilova, T. Vokhmyatina; Under the editorship of I. Dubrovina.
8. Kopytin A. The art-therapy for the children and adolescents / A. Kopytin, E. Svistovskaya. M.: Kogito-Tsentr, 2006. 197 p.
9. Lyashenko V. The art-therapy as a practice of self-knowledge: Public art-therapy / V. Lyashenko. M.: Psychotherapy, 2014.
10. Mastjukova E., Moskovkina A. The family upbringing for the children with developmental disabilities: Textbook for the students of higher education institutions / Under the editorship of V. Selivestrov. M.: Humanitarian Publishing Center VLADOS, 203. 408 p.
11. The general psychology / Under the editorship of V. Bogoslovskiy, A. Kovalev, A. Stepanov. M.: Prosveshchenie, 1998.
12. Shmelev V. The oncologic diseases prevention and cyto-movie-therapy – an effective mend or change the standard methods of oncologists: The book for patients, their families and friends / V. Shmelev. M.: Medpraktika, 2012. 128 p.
13. Shushardzhan S. Music-therapy and the reserves of a human body. M., Antidor, 1998. 363 p.

УДК 378

Клушина Н.П.,

доктор педагогических наук, профессор кафедры социальных технологий Северокавказского федерального университета

Яшуткин В.А.,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей педагогики и современных образовательных технологий Ставропольского государственного педагогического института

ВЛИЯНИЕ СТИЛЕЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО РУКОВОДСТВА НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ СОВМЕСТНОЙ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ

В статье анализируется категория «педагогическое руководство» в контексте управления студенческой группой. Описываются статусные и личностно-ориентированные функции преподавателя как руководителя студенческой группы, авторитарный, демократический и либеральный стили руководства формальной малой группой. Предлагается авторское понимание влияния стилей педагогического руководства на эффективность совместной деятельности академической группы студентов.

Ключевые слова: педагогическое руководство, стили педагогического руководства, малая академическая группа, функции преподавателя как руководителя студенческой группы, эффективность деятельности студенческой группы

Klushina N.,

Doctor of Pedagogy, Professor of Chair of Social Technologies of the North Caucasian University

Yashutkin V.,

PhD in Pedagogy, Associate Professor of Chair of General Psychology and Modern Education Technologies of the Stavropol' State Pedagogical Institute

THE INFLUENCE OF PEDAGOGICAL LEADERSHIP STYLES ON THE EFFICIENCY OF STUDENTS' TRAINING JOINT-COOPERATION

In the article there is analyzed the category "pedagogical leadership" in the context of a student group management. There are addressed status and personality-oriented functions of an educator as a student group leader, as well as the authoritarian, democratic and liberal leadership styles by a formal small group. The article author is suggested its own understanding of pedagogical leadership styles influence on the join-cooperation efficiency of an academic students' group.

Keywords: pedagogical leadership, pedagogical leadership styles, small academic group, educator's functions as a student group leader, cooperation efficiency of student group

При анализе влияния стилей педагогического руководства на эффективность совместной учебной деятельности студентов необходимо отталкиваться от характеристики понятий «педагогическое руководство» и «стиль педагогического руководства». Руководствуясь социально-психологическими источниками, определим понятие «педагогическое руководство малой академической группой» в качестве процесса управления студентами, осуществляемого преподавателем, как посредником между административной университетской властью и членами студенческой группы на основе легитимных властных полномочий, делегированных ему. Педагогическое руководство обеспечивает выполнение академической группой следующих задач:

- целеполагание как определение стратегических, тактических и оперативных целей учебной деятельности;
- создание условий для взаимопонимания между членами академической группы по важнейшим для них проблемам;
- информирование как передача членам академической группы необходимой учебной информации и сбор информации, получаемой в результате обратной коммуникативной связи;
- принятие управленческих решений, обеспечивающее формирование единого мнения академической группы по важнейшим вопросам решения учебных задач и достижения соответствующих учебных целей;

• контроль за учебной деятельностью академической группы [5, с. 266-267].

Прежде чем перейти к характеристике стилей педагогического руководства, отметим, что данные стили формируются в процессе доминирования, сочетания или нереализованности статусных и личностно-ориентированных функций преподавателя как руководителя студенческой группы. Приведем обозначенные функции в таблице 1.

Рассмотрим теперь стили педагогического руководства академической группой студентов. В социальной психологии традиционно выделяют авторитарный, демократический и либеральный стили руководства формальной малой группой.

Авторитарный стиль педагогического руководства академической группой студентов. Общая ориентация преподавателя на реализацию статусных функций обуславливает авторитарный стиль осуществления его руководящей деятельности. Авторитарный стиль педагогического руководства характеризуется определенной директивностью и осуществляется в рамках парадигмы насильственного управления. Современные авторы выделяют сле-

дующие его социально-психологические характеристики:

- исключительно формальные распоряжения и приказы со стороны преподавателя; доминирование абсолютных запретов, часто с угрозами; краткие коммуникативные высказывания, отрицательный эмоциональный тон педагогического общения; положительная и отрицательная оценка преподавателем поведения студентов крайне субъективна; консультирование по вопросам учебной деятельности – бессистемное; позиция преподавателя – «вне» и «над» академической группой; учебные дела в студенческой группе планируются в полном объеме; студенты осведомлены только о ближайших учебных целях, дальние цели – для группы неизвестны; мнение преподавателя – решающее, точка зрения студентов не имеет никакого значения[1];
- доминирование ролевого подхода к достижению целей академической группы, демонстрация преподавателем своего превосходства; командные установки с его стороны [3];
- чрезмерная актуализация формальной роли преподавателя, единолично решающего все учеб-

Таблица 1.

Статусные и личностно-ориентированные функции преподавателя как руководителя студенческой группы

Название функций	Характеристика функций
Статусные функции преподавателя	<ul style="list-style-type: none"> • административно-контрольная функция: контроль за качеством учебной деятельности студентов, требование выполнения ими своих учебных обязанностей, соблюдение соответствующей дисциплины; • стратегическая функция: целеполагание и планирование учебной деятельности академической группы; • организаторская функция: организация учебной деятельности студентов; • инновационная функция: внесение в учебную деятельность академической группы необходимых нововведений; • функция наказания: воздействие на негативное поведение студентов с помощью санкций.
Личностно-ориентированные функции преподавателя	<ul style="list-style-type: none"> • экспертно-информационная функция: консультирование студентов по вопросам учебного характера; • нормативная функция: совершенствование соответствующих нормативных отношений в академической группе, как формального, так и неформального, межличностного характера; • функция управления внутригрупповыми вертикальными и горизонтальными конфликтами: профилактика, разрешение конфликтных ситуаций, защита интересов и прав каждого студента в системе внутригрупповых отношений, проявление уважения и такта в отношениях с академической группой; • креативная функция: делегирование студентам права (в контексте диалогичных форм педагогического взаимодействия) на творческую реализацию себя как субъектов образовательного процесса; • представительская функция: защита интересов и потребностей академической группы во внешних отношениях (в первую очередь перед вышестоящими административными органами власти); • функция реального поощрения: справедливое вознаграждение студентов за реальный результат учебной деятельности; • функция авансирующего поощрения: поощрение авансирующего характера при условии ответственности и добросовестности студентов; • досуговая функция: организация совместных досуговых мероприятий с целью повышения сплоченности академической группы; • воспитательная функция: осуществление воспитательного воздействия на студентов.

ные вопросы; завышенная требовательность ко всем студентам, ограничивающая их самостоятельность и инициативу; отсутствие должного педагогического такта, возможны грубость и запугивание; разъяснение и убеждение как методы педагогического общения не используются, доминирует лишь педагогическое требование [5].

Очевидно, что каждый автор в характеристику авторитарного стиля педагогического руководства вносит свои нюансы. Тем не менее содержательный анализ обозначенных сущностных характеристик позволяет сформулировать следующий вывод: универсальным признаком авторитарного стиля педагогического руководства является необоснованное, беспрекословное подчинение студентов преподавателю, ограничивающего их право и возможности проявлять инициативу, самостоятельность и творчество в процессе достижения учебных целей.

Сформулируем следующий вопрос: является ли авторитарный стиль педагогического руководства априори деструктивным? Н.В. Самоукина выделяет следующие критерии определения стиля руководства: по стремлению руководителя к доминированию – жесткий, мягкий, партнерский стили; по направленности на достижение высоких результатов в учебной деятельности и на удовлетворение индивидуальных, сугубо личных потребностей студентов (самоутверждение, компенсирование личных комплексов и т.д.) [4, с.90]. Руководствуясь мнением Н.В. Самоукиной, констатируем следующее: если преподаватель в своих отношениях со студентами ориентируется на реализацию сложных целей учебной деятельности, то его управленческие действия не обязательно будут деструктивными. Такой стиль авторитарного педагогического руководства складывается при наличии следующих условий:

- *объективные условия:* необходимость беспрекословного подчинения обусловлена сложными учебными целями академической группы, требующими максимального напряжения сил каждого студента;

- *субъективные условия:* в силу особенностей своего характера преподаватель реализовывает в своей профессиональной деятельности исключительно статусные, ролевые функции, считая необязательным переходить со студентами на межличностный уровень отношений. У такого преподавателя отсутствует эгоцентризм, он максимально мобилизован на достижение учебного результата и требует от студентов такой же мобилизации в рамках выполнения ими своих учебных обязанностей. При этом отношение преподавателя к студентам является вполне справедливым. Такой стиль авторитарного педагогического руководства можно обозначить в качестве *авторитарно-делового*, при котором власть преподавателя над студентами является средством достижения учебных результатов.

Следующий стиль авторитарного педагогического руководства (в соответствии с критериями Н.В. Самоукиной) с нашей точки зрения правомерно обозначить в качестве *авторитарно-деспотического*. Этот стиль характеризуется отношением преподавателя к власти как к цели. Такой педагог сознательно или неосознанно стремится к господству над студентами, руководствуясь такими мотивами, как: подавление их личности; их моральная, интеллектуальная и др. эксплуатация; стремление их унижить и т.д. (см. черты авторитарной личности по Э. Фромму) [7].

Демократический стиль руководства академической группой студентов. Противоположным авторитарному является демократический стиль педагогического руководства. Современные авторы дают следующую его характеристику:

- учебные инструкции в форме предложений; товарищеский тон педагогического общения; похвала и порицание – с советами; распоряжения и запреты – с дискуссиями; позиция преподавателя – «над» и «внутри» группы; учебные мероприятия планируются не заранее, а в академической группе; за реализацию предложений отвечают все; все разделы учебной работы не только предлагаются, но и обсуждаются [1];

- привлечение большинства членов академической группы к обсуждению основных вопросов и проблем, принятию определенных решений; взаимное распределение прав и обязанностей для развития самостоятельности и инициативы студентов [5, с. 267].

Несмотря на авторские особенности, в приведенных характеристиках есть общее главное: взаимодействие преподавателя и студентов в рамках принципа диалога; право студентов на учебную самостоятельность и инициативу и, следовательно, возможность их творческой самореализации в системе педагогических отношений [2].

В науке также выделяют **либеральный (попустительский)** стиль педагогического руководства. Данный стиль характеризуется следующим образом: тон педагогических отношений конвенциональный; отсутствие похвалы, порицаний; никакого сотрудничества; позиция преподавателя – незаметно в стороне от академической группы; дела в группе студентов идут сами собой; преподаватель не дает указаний [1].

Рассмотрим теперь стили педагогического руководства как детерминанты эффективности (неэффективности) совместной учебной деятельности студентов. В связи с этим рассмотрим общее понятие совместной деятельности.

Данное понятие является междисциплинарным. В психологическом контексте под совместной деятельностью понимают организованную систему взаимной активности субъектов, предназначенную для целесообразного производства или воспроиз-

водства объектов материальной и духовной культуры. При этом специфическими признаками совместной деятельности являются:

- пространственное и временное сопричастие людей, обуславливающее возможность непосредственного личного контакта между ними, позволяющего участникам деятельности обмениваться действиями, информацией, а также познавать друг друга в общении;

- наличие общей цели, отвечающей общим интересам и потребностям;

- наличие центра организации и руководства совместной деятельностью, который представлен полномочиями или одного человека, или группы участников;

- дифференциация процесса совместной деятельности между участниками, обусловленное спецификой поставленной цели, средств и условий ее достижения, составом и уровнем квалификации исполнителей;

- объединение индивидуальных деятельностных потенциалов в единую согласованную систему, наличие общей мотивации;

- возникновение в процессе совместной деятельности межличностных отношений, которые обусловлены функционально-ролевыми взаимодействиями между участниками и имеют устойчивые временные перспективы для дальнейшего развития. Межличностные отношения изначально детерминированы содержанием совместной деятельности, поэтому оказывают существенное влияние на ее процесс и результаты.

- наличие конечного деятельностного результата [4].

В свою очередь под типом совместной деятельности принято понимать способ взаимодействия между ее участниками в процессе решения групповых задач и достижения соответствующих целей. В числе основных типов можно выделить *совместно-взаимодействующую, совместно-последовательную и совместно-индивидуальную деятельность*.

Совместно-взаимодействующая деятельность предполагает обязательность участия каждого в достижении общей цели и решении общих задач. Деятельность группы направляется руководителем. Соответственно эффективность совместной деятельности в равной степени обусловлена индивидуальными вкладами каждого из ее участников.

Совместно-последовательный тип деятельности отличается от совместно-взаимодействующего временной дифференциацией, а также порядком участия каждого в общей работе. Временная последовательность предполагает, что изначально в деятельность включается первый участник, затем – второй, третий и т. д. Специфика деятельности каждого участника задается особенностями целей совместного преобразования исходного продукта в конечный. Показательный пример совместно-последовательного типа взаимодействия – конвейер, когда результат деятельности одного из участников процесса переходя к другому, становится для последнего предметом деятельности.

Совместно-индивидуальный тип деятельности характеризуется тем, что непосредственное взаимодействие между участниками труда минимизируется. Каждый из исполнителей выполняет свой объем работы. Специфика деятельности обуславливается индивидуальными личностными особенностями и профессиональной позицией каждого. Каждый из участников процесса совместной деятельности представляет результат своего труда в оговоренном виде, в определенное время и место. При таком типе деятельности личностного непосредственного взаимодействия может вообще не быть и осуществляться в опосредованных формах (например, через телефон, компьютерные сети и т.д.). Объединяет разных исполнителей лишь общий предмет труда, который каждым из участников обрабатывается специфическим образом [4].

Значение властных педагогических отношений и соответствующего руководства в наибольшей степени актуализируется при *совместно-взаимодействующей учебной деятельности*, так как для субъектов образовательного процесса в ситуации совместного взаимодействия характерны высокая ориентация на коллективные учебные цели, приверженность авторитету преподавателя, ориентация на групповые нормы и ценности, а также традиционные способы поведения в образовательном процессе.

Представим характеристики и результаты совместной учебной деятельности в академической группе в условиях стилей педагогического руководства в таблице 2.

Таким образом, эффективность совместной учебной деятельности в академической группе студентов детерминирована авторитарно-деловым и демократическим стилем педагогического руководства.

Влияние стилей педагогического руководства на эффективность совместной деятельности академической группы студентов

Стили педагогического руководства	Условия и результаты совместной учебной деятельности студентов
Авторитарно-деспотический стиль педагогического руководства	Программы учебной деятельности, отражающие структуру ее исполнительских компонентов (студенты простые исполнители, при этом преподаватель выдает группе учебную информацию дозированно, по своему усмотрению). Мотивы учебной деятельности обусловлены эмоциональным состоянием страха: допустить ошибку, вызвать неудовольствие преподавателя и т.д.). Так как учебная деятельность является репродуктивно-адаптивной (у студентов нет права принятия решения), то нет и условий для учебного творчества. Следовательно, у студентов не актуализированы мотивы учебной самостоятельности и инициативы. Мотивы поведения студентов обусловлены неприязнью к личности преподавателя (хотя объективно поведение может быть внешне конформным).
Авторитарно-деловой стиль педагогического руководства	Программы учебной деятельности, отражающие структуру преимущественно информационных и исполнительских компонентов учебной деятельности (студенты имеют право получать от преподавателя необходимую учебную информацию в контексте требования общих целей академической группы). В мотивационной структуре учебной деятельности актуализируются мотивы достижения, связанные с совместной деятельностью группы студентов. Тем не менее, у студентов нет должного права в принятии решения, поэтому, учебная деятельность, в целом, является репродуктивно-адаптивной. В целом, студенты могут испытывать уважение к личности преподавателя, так как он показывает пример честной трудовой самоотдачи ради достижения общих учебных целей академической группы.
Демократический стиль педагогического руководства	Программы учебной деятельности, отражающие структуру мотивационно-целевых, информационных и исполнительских компонентов соответствующей деятельности. Доминирование мотивов достижения в решении совместных деятельностных учебных задач. Так как у студентов есть право самостоятельного принятия решения, а также имеет место коллегиальное обсуждение проблем, у членов академической группы формируются мотивы учебной самостоятельности и инициативы, их учебная деятельность преимущественно является продуктивно-творческой. Отношения партнерства и взаимного уважения.
Либерально-попустительский стиль педагогического руководства	Отсутствие необходимой педагогической власти преподавателя. Состояние взаимной безответственности. Совместная учебная деятельность – неэффективна.

Список литературы

1. Андреева Г.М. Социальная психология: Учебник для высших учебных заведений. 5-е изд., испр. и доп. М.: Аспект пресс, 2004. 365 с.
2. Кричевский Р.Л. Если вы руководитель: Элементы психологии менеджмента в повседневной работе. М.: Изд-во «Дело», 1993. 352 с.
3. Психологические основы делового общения: Учебное пособие для руководителей образовательных учреждений, учителей и практических психологов. М.: Илекса, Ставрополь: Сервисшкола, 2002. 192 с.
4. Самоукина Н.В. Психология и педагогика профессиональной деятельности. М.: «Тандем», «Экмос», 1999. 352 с
5. Словарь-справочник по социальной психологии / В. Крысько. СПб.: Питер, 2003. 416 с.
6. Тернер Дж. Социальное влияние. СПб.: Питер, 2003. 256 с.
7. Фромм Э. Авторитарная личность [Текст] / Э. Фромм. Психология и психоанализ власти. Т.2 Хрестоматия // Редактор-составитель Д.Я. Райгородский. Самара, 1999. С. 61-78.

Reference list

1. Andreeva G. Social psychology: Textbook for higher educational institutions. 5th edition, revised and enlarged. M.: Aspekt press, 2004. 365 p.
2. Krichevskiy R. If you are a director: Elements of psychology of management in daily work. M.: Publishing house "Delo", 1993, 352 p.
3. Psychological foundations of business communication: Textbook for directors of education institutions, teachers and practical psychologists. M.: Ilekxa, Stavropol': Servisshkola, 2002. 192 p.
4. Samoukina N. Psychology and pedagogy of professional activities. M.: "Tandem", "Ekmos", 1999. 352 p.

5. Dictionary-handbook of social psychology / V. Krys'ko. SBR. : Piter, 2003. 416 p.

6. *Turner J.* The Social Influence. SBR.: Piter, 2003. 256 p.

7. *Fromm E.* Authoritarian Personality [Text] / E. Fromm. Psychology and Psychoanalysis of Power. Vol. 2 Anthology // Edited and compiled by D. Raygorodskiy. Samara, 1999. P. 61-78.

УДК 377.44

Шкурко Н.М.,

кандидат психологических наук, консультант Московского института государственного управления и права

Козьяков Р.В.,

кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной, общей и клинической психологии
Российского государственного социального университета

Поташова И.И.,

преподаватель Института государственного администрирования

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ ПО ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОМУ СОПРОВОЖДЕНИЮ ОБУЧАЮЩИХСЯ В УСЛОВИЯХ ИНКЛЮЗИИ

Статья посвящена исследованию проблем дополнительной профессионального образования педагогов в сфере работы с детьми с ограниченными возможностями здоровья. Авторы выявили потенциал системы дополнительного образования, изучили процесс повышения квалификации педагогических кадров с точки зрения компетентностного подхода, описали педагогические условия, позволяющие эффективно осуществить дополнительную профессиональную подготовку педагогических кадров по психолого-педагогическому сопровождению обучающихся с ограниченными возможностями здоровья младшего возраста в условиях инклюзии.

Ключевые слова: дополнительное профессиональное образование, дети с ограниченными возможностями здоровья, компетентностный подход, профессиональная компетентность, дополнительная профессиональная программа повышения квалификации

Shkurko N.,

PhD in Psychology, Consultant of the Moscow Institute of Public Administration and Law

Koz'yakov R.,

PhD in Psychology, Associate Professor of Chair of Social, General and Clinical Psychology of the Russian State Social University

Potashova I.,

Lecturer of the Institute of Public Administration

THE PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR CONTINUING PROFESSIONAL EDUCATION IMPLEMENTATION OF THE TEACHING STAFF ON PSYCHO-PEDAGOGICAL SUPPORT OF TRAINEES IN THE INCLUSION CONDITIONS

This article is focused the issues of continuing professional education of educators in matter of work with the children with disabilities in health. The article authors have indentified the continuing education system capability, studied the process of teaching staff professional development from the perspective of a competence approach, defined the pedagogical conditions, allowing to effectively implement the continuing professional training of the teaching staff on psycho-pedagogical support of the young age's trainees with disabilities in health in the inclusion conditions.

Keywords: continuing professional education, children with disabilities in health, competence approach, professional competence, additional training program of professional improvement

1. Введение.

В настоящее время одним из ключевых приоритетов национальной политики в области образования остается обеспечение доступности и качества обучения и воспитания лиц с ограниченными возможностями здоровья (далее – ОВЗ) с учетом их психофизических возможностей и особых образовательных потребностей [1, 6, 13, 14, 16 17]. В целом, благодаря достаточно динамичным процессам создания и внедрения подзаконных правовых нормативных актов, имеются все необходимые предпосылки для обеспечения правового механизма реализации основных положений закона Российской Федерации от 29 декабря 2013 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Закон) [3]. Как показывает анализ опыта внедрения инклюзивных практик, во многих регионах Российской Федерации уже удалось достичь определенных положительных результатов по обеспечению условий для осуществления права каждого ребенка на образование без дискриминации по состоянию здоровья, в том числе, в части организации специальных условий для обучения детей с ОВЗ [4, 5, 7, 9, 12, 15]. В соответствии с российским законодательством специальные условия для получения образования обучающимися с ОВЗ – это условия: 1) применение адаптированных программ, методов воспитания и обучения; 2) использование особых учебных пособий, учебников; 3) использование особых технических средств коллективного и индивидуального обучения; 4) обеспечение услуг помощника (ассистента), обеспечивающего требуемую техническую помощь обучающимся; 5) организация индивидуальных и групповых коррекционных занятий; 6) организация специальной доступной среды в организации; 7) обеспечение других условий, к числу которых может относиться обучение группам (классам) малой наполняемости.

С 1 сентября 2016 года вступили в силу ФГОСы образования инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья, которые включают в ФГОСы специальные требования, учитывающие необходимость введения в образовательное пространство неоднородной по своему составу категории обучающихся лиц с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья. Они предусматривают особенности обеспечения образования обучающихся с ОВЗ с учетом требований к организации пространства, временного режима обучения, рабочего места, техническим средствам обучения, а также с учетом организации комплексного психолого-педагогического сопровождения, отвечающего их особым образовательным потребностям.

Такая полномасштабная работа по созданию условий для обучения детей с ОВЗ в общеобразовательных организациях требует решения задач кадрового обеспечения, повышения квалификации и переподготовки педагогов, специалистов (педаго-

гов-психологов, социальных педагогов), работающих с данной категорией обучающихся, а также влечет за собой необходимость целенаправленной разработки и реализации программ дополнительного профессионального образования в области организации специальных условий и обеспечения качественного психолого-педагогического сопровождения обучающихся с ОВЗ [2, 8, 10, 11].

Если основной задачей высшего и среднего профессионального образования является формирование профессиональных компетенций будущего специалиста, то дополнительное профессиональное образование является базисом для организации оперативных, тактических шагов в вопросах совершенствования и формирования востребованных компетенций, которые обуславливаются социальным запросом общества. В современных нормативно-правовых условиях это повышает творческую самореализацию любого специалиста и делает его конкурентоспособным на рынке труда.

Законом установлено, что основной целью дополнительного профессионального образования является обеспечение соответствия квалификации педагогических работников меняющимся условиям профессиональной деятельности и социальной среды [3]. Учитывая то, что, начиная с 1 сентября 2016 года в любую образовательную организацию может поступить ребенок с ОВЗ, можно с уверенностью сказать, что ресурсы дополнительного профессионального образования становятся актуальными и востребованными. И именно программы повышения квалификации позволят восполнить пробел в системе качественной профессиональной информированности специалистов о коррекционно-развивающих методах, формах и средствах сопровождения обучающихся с ОВЗ, организацией способов их освоения и применения.

Основу дополнительного профессионального образования составляет практико-ориентированный подход, связанный с активной деятельностью слушателей по освоению ими предлагаемых технологий, приобретению компетентности в действиях на основе собственной активности и опыта. Среди других принципиально значимых положений, определяющих потенциал дополнительного профессионального образования, можно выделить следующие:

- разработка содержания программы повышения квалификации с учетом актуального запроса образовательной организации;

- ориентация программ на развитие самостоятельной познавательной деятельности обучаемых, курируемой ведущими преподавателями, консультантами, координаторами;

- оперативный и итоговый контроль за качеством усвоения учебных материалов в виде тестов, программных заданий, творческих разработок и т.п.

2. Методика.

В данной статье представлена дополнительная профессиональная программа повышения квалификации педагогических работников образовательных организаций, осуществляющих инклюзивные практики «Психолого-педагогическое сопровождение обучающихся младшего школьного возраста с ограниченными возможностями здоровья» (далее – Программа). В программы положены следующие принципы:

- гуманистический – создание максимально благоприятных условий для овладения слушателями знаний, соответствующих данной предметной области, для развития и проявления творческой индивидуальности, высоких гражданских, нравственных, интеллектуальных качеств;
- деятельности – не восприятие обучающимся готового знания, а стимулирование деятельности, направленной на «открытие» слушателем нового знания;
- релевантности – обеспечение результатов образования запросам слушателей: специально-предметным, психолого-педагогическим, коммуникативным, социально-педагогическим и др.;
- дифференциации – построение программ, в которых учитываются особенности профессиональной деятельности, приоритеты, должностные обязанности, начальный уровень подготовки слушателей;
- конкретности и адекватности – максимальный учет специфики образовательных организаций.

Ранее в своих исследованиях мы выявили, что содержание профессиональной компетентности специалиста, работающего с детьми инвалидами и лицами включает: мотивационные, личностные, когнитивные, деятельностные компоненты.

В также были определены показатели и уровни сформированности профессиональной компетентности педагогических работников в сфере работы с детьми с ОВЗ:

Исследовательская работа проводилась на базе ведущих вузов Москвы. Исследованием было ох-

вачено 240 слушателей описываемой дополнительной профессиональной программы. Нами были определены состав экспериментальной и контрольной групп, а также критерии, показатели и характеристика уровней сформированности профессиональной компетентности работников в сфере работы с детьми с ОВЗ. Также были подобраны методики для изучения сформированности профессиональной компетентности указанных специалистов.

3. Результаты

На констатирующем этапе было произведено исследование слушателей контрольной и экспериментальной групп. Результаты которого представлены на таблице 1.

Результаты, представленные в таблице можно прокомментировать следующим образом. На начальном этапе в контрольной группе 32,75 % показали высокий уровень профессиональной компетентности, и 29,18 в экспериментальной. Средний уровень профессиональной компетентности в 23,13 % контрольной и 28,10% в экспериментальной группе. Низкий уровень 44,12 % в контрольной и 42,72 % в экспериментальной. Все выше перечисленное позволяет высказать, что средний уровень профессиональной

Формирующий этап экспериментальной работы включал в себя реализацию разработанной Программы формирования профессиональной компетентности специалистов в сфере работы с детьми с ОВЗ в процессе дополнительного профессионального образования.

Целью программы, является формирование и совершенствование профессиональных компетенций работников образовательных организаций в области создания специальных условий и психолого-педагогического сопровождения обучающихся с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) в образовательных организациях. Достижение данной цели возможно через формирование у слушателей:

Таблица 1

Профессиональная компетентность на начальном этапе (контрольная и экспериментальная группы)

Уровень	Контрольная группа (%)	Экспериментальная группа (%)
Констатирующий этап исследования		
Высокий	32,75	29,18
Средний	23,13	28,10
Низкий	44,12	42,72
Средний уровень		
Контрольный этап исследования		
Высокий	35,53	52,9
Средний	24,12	29,42
Низкий	40,35	17,68

1) знаний условий эффективного обучения лиц с ОВЗ и инвалидностью, а также средств методического и технического обеспечения, основных психофизических особенностей, возможностей и особых образовательных потребностей обучающихся с ОВЗ различных категорий с целью проектирования образовательных программ и индивидуальных образовательных маршрутов обучающихся;

2) умений организовать коррекционно-развивающую образовательную среду, осуществить выбор и использование методических и технических средств, осуществлять коррекционно-педагогическую деятельность в организациях образования; организовывать и осуществлять психолого-педагогическое сопровождение семей, воспитывающих ребёнка с ОВЗ; разрабатывать индивидуальные образовательные маршруты в соответствии с требованиями ЦПМПК, а также в соответствии с требованиями ФГОС НОО ОВЗ, ФГОС О у/о к содержанию общего образования и его результатам.

Программа рассчитана на 72 часа, из которых базовая часть учебно-тематического плана программы составляет 12 часов, запланированных для формирования у слушателей мотивационной и когнитивной составляющих профессиональной компетенции в сфере работы с детьми с ОВЗ.

30 часов учебно-тематического плана распределены на изучение (в том числе, практическое) общих и специфических особенностей обучающихся с ОВЗ различных нозологий, наиболее часто встречающихся в инклюзивном пространстве образовательных организаций.

24 часа программы отведены для изучения и практического внедрения на рабочих местах результатов обсуждения таких вопросов организации специальных условий обучения лиц с ОВЗ, как содержательные и технологические особенности проектирования адаптированных основных общеобразовательных программ (АООП) обучения лиц с ОВЗ в соответствии с ФГОС начального общего образования обучающихся с ОВЗ и ФГОС образования для лиц интеллектуальными нарушениями.

Планируемые результаты Программы сформулированы в соответствии с современными профессиональными требованиями к педагогическому работнику, которые отражены, в том числе, в профессиональном стандарте утвержденных приказом Минтруда России от 18.10.2013 № 544н.

Темы Программы распределены по следующим модулям: 1) «Обеспечение права лиц с ОВЗ, инвалидностью на образование: международное и российское законодательство»; 2) «Основы специальной психологии и специальной педагогики в контексте инклюзивного образования»; 3) «Вопросы организации специальных условий обучения лиц с ОВЗ, инвалидностью различных категорий».

Авторами была разработана отдельная система параметрических показателей, отслеживающих уровень воспитанности и социализации обучающихся с ОВЗ. Именно такой подход позволит формировать у специалистов практические умения, навыки отбора методов и приемов обучения и развития детей с ОВЗ.

Наиболее важными показателями индивидуальных особенностей ребенка с ОВЗ младшего школьного возраста является динамика его интеллектуального развития и динамика процесса социализации. Все это рассматривается с учетом проведенных мониторингов: сформированности общеучебных знаний, выявляющий качество предметных знаний обучающихся, а также уровня развития их познавательных способностей и мониторинга сформированности базовых умений и навыков, выявляющий умение использовать свои знания в учебной и практической деятельности.

Также важным условием является преимущественное применение активных и интерактивных инновационных методов обучения в процессе курсов повышения квалификации, к которым относятся тренинги, деловые игры, практико-ориентированные семинары, проектная деятельность, работа в малых группах и др.с активными методами обучения. В процессе проведенного исследования (его экспериментального этапа) с целью эффективного формирования и совершенствования у слушателей требуемых профессиональных компетенций в области работы с детьми с ОВЗ необходимо создание творческой атмосферы, что способствует развитию способности нестандартного мышления, познавательной деятельности, «вкуса» к поисковой работе, готовности к восприятию нового. Адекватное применение активных методов обучения и воспитания в процессе дополнительной профессиональной подготовки специалистов к работе с детьми с ОВЗ, по нашему мнению, является необходимым условием творческого отношения слушателей к обучению и воспитанию этой очень «непростой» категории обучающихся.

Ещё одно педагогическое условие состоит в осуществлении контроля и коррекции описываемого процесса дополнительного профессионального образования. Оценочные материалы представлены в виде промежуточного контроля (практические работы) и итогового контроля: тестирование (оценка когнитивной составляющей формируемых и совершенствуемых компетенций слушателей), и защита групповых проектов по темам: «Программа психолого-педагогического сопровождения обучающегося ОВЗ», «Менеджмент образования лиц с ОВЗ», «Проектирование рабочих программ», «Проектирование адаптированных основных общеобразовательных программ», «Коррекционно-развивающая направленность внеурочной деятельности и дополнительного образования лиц с ОВЗ», позволяющая оценить деятельностную составляющую достижения планируемых результатов Программы.

Изменение профессиональной компетентности слушателей

Группа	Па			Па по K_{cp}
	Высокий	Средний	Низкий	
ЭГ	23,72%	2,32	-26,04%	0,5
КГ	2,78	0	-2,78	0,06
Средний показатель				Коэффициент эффективности $K_{эф}$
Начальный	Заключительный	Начальный	Заключительный	
1,89	1,95	1,87	2,36	

С целью определения эффективности Программы разработана система категориальных показателей мониторинга качества образовательных услуг, включающего в себя мониторинг уровня сформированности универсальных учебных действий обучающихся с ОВЗ, причем акцент сделан как на показатели развития профессиональных компетенций педагогических работников в контексте моделирования адаптированных рабочих программ с учетом нарушений развития обучающихся с ОВЗ различных категорий, так и на показателях обученности и воспитанности данного контингента школьников.

На заключительном этапе эксперимента был организован контрольный срез уровня формирования профессиональной компетентности лиц по работе с детьми с ОВЗ (см. данные в табл. 2).

4. Обсуждение

Сравнение различий между результатами, полученными в обеих группах слушателей (контрольной и экспериментальной), характеризует положительная тенденция увеличения уровня сформированности профессиональной компетентности лиц по работе с детьми с ОВЗ в экспериментальной группе по каждому из представленных выше компонентов.

Необходимо заметить, что поскольку специфика профессиональной деятельности специалистов в сфере работы с детьми с ОВЗ предполагает комплекс-

ную работу, объединяющую усилия педагогов и специалистов службы психолого-педагогического и социального сопровождения образовательной организации, содержание представленной Программы дает возможность дифференцировать обучение для разных категорий специалистов, работающих с детьми с ОВЗ: воспитателей, учителей, педагогов-психологов, социальных педагогов и др. Это позволит указанным специалистам наиболее эффективно развивать и корригировать процессы формирования познавательных навыков и личностного развития детей с ОВЗ в контексте формирования основ психического здоровья, социальной реабилитации и их интеграции в социум.

5. Заключение

Описанное исследование, направленное на оказание помощи специалистам системы дополнительного профессионального образования в повышении эффективности деятельности по формированию профессиональной компетентности педагогических кадров в сфере работы с детьми с ОВЗ, и подробно описывающее алгоритм этого процесса, не претендует на окончательность выводов. Оно может найти свое продолжение как в направлении поиска инновационных технологий обучения, повышающих эффективность процесса дополнительного профессионального образования, так в направлении разработки мониторинга качества образовательных результатов.

Список литературы

1. Бикбулатова А.А., Петрова Е.А., Козьяков Р.В. Трудоустройство инвалидов: мировой опыт и современное состояние // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2016. Т. 15. № 4 (137). С. 6–13.
2. Вовненко К. Б., Кремнева С.Н., Поташова И. И., Сопачева Т. А. Интеграция общего и профессионального образования как условие эффективного формирования профессиональных компетенций у молодых людей с инвалидностью // Вовненко К. Б., Кремнева С.Н., Поташова И. И., Сопачева Т. А. / Среднее профессиональное образование. 2016. №2. С.36–42.
3. Закон Российской Федерации от 29 декабря 2013 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».
4. Козьяков Р.В. Психология и педагогика. М: Директ-Медиа, 2013. 358 с.
5. Козьяков Р.В. Методы и методики диагностики акцентуаций характера. М.: Директ-Медиа, 2013. 250 с.
6. Козьяков Р.В. Методика формирования социальной активности учащихся. М.: Директ-Медиа, 75 с.
7. Козьяков Р.В. Введение в патопсихологию. М.: ООО «Директ-Медиа Пабблишинг», 2016. 254 с.
8. Лещенко С.Г., Крошко И.А. Нарушения письменной речи у младших школьников 8-9 лет / Культурно-оздоровительные услуги в учреждениях образования и досуга: опыт, проблемы, перспективы: Сборник научных статей

- и материалов Всероссийской научно-практической конференции. 2011. С. 75–78.
9. Орлова Е.А., Козьяков Р.В., Козьякова Н.С. Патопсихология. М: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство ЮРАЙТ» (Москва), 2012. 235 с.
10. Поташова И.И. Дополнительная профессиональная подготовка специалистов социального профиля к работе с семьями детей с ограниченными возможностями здоровья: диссертация... кандидата педагогических наук: 13.00.08 / Поташова Ирина Иннокентьевна. Москва, 2013. 185 с.
11. Петрова Е.А., Сагалов М.В., Аристова Ю.В. Формирование представлений дошкольников о здоровом образе жизни: литературно-имиджологический подход // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2016. Т. 15. № 5 (138). С. 86–95.
12. Петрова Е.А., Козьяков Р.В., Лещенко С.Г. Коррекция дислексии у детей младшего школьного возраста: коллективная монография. Москва-Берлин, 2017. 104 с.
13. Петрова Е.А., Козьяков Р.В., Поташова И.И. Современные технологии работы с семьями, имеющими детей с ограниченными возможностями здоровья // В сборнике: Воспитание и обучение детей младшего возраста. Сборник материалов. 2016. С. 822–825.
14. Петрова Е.А., Пчелинова В.В., Козьяков Р.В. Специфика профессионального консультирования учащихся в инклюзивной общеобразовательной среде // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2016. Т. 15. № 4 (137). С. 22–33.
15. Петрова Е.А., Шкурко Н.М., Козьяков Р.В. Социально-педагогические приемы снижения агрессивности младших школьников // Вестник Академии права и управления. 2016. № 42. С. 147–153.
16. Koz'yakov R., Fomina S., Rybakova A., Sizikova V., Petrova E. Educating social-profile specialists for working with a family of a child with health limitations: competence approach // Research Journal of Pharmaceutical, Biological and Chemical Sciences. 2015. Vol. 6. № 1. P. 1852–1861.
17. Petrova E., Potashova I., Koz'yakov R. Modern technologies of working with families of children with disabilities // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2016. № 233. С. 231–235.

Reference list

1. Bikbulatova A., Petrova E., Koz'yakov R. Employment of disabled persons: international experience and current state // Scientific Notes of the Russian State Social University. 2016. Vol. 15. № 4 (137). P. 6–13.
2. Vovnenko K., Kremneva S., Potashova I., Sopacheva T. Integration of the general and professional education as a condition for the effective formation of professional competence of the young people with disabilities // Vovnenko K., Kremneva S., Potashova I., Sopacheva T. / Secondary Professional Education. 2016. № 2. P. 36–42.
3. The Law of the Russian Federation of 29th of December, 2013 № 273-FL "On education in Russian Federation".
4. Koz'yakov R. Psychology and Pedagogy. M: Direct-Media, 2013. 358 p.
5. Koz'yakov R. Methods and techniques of character accentuations diagnostics. M.: Direct-Media, 2013. 250 p.
6. Koz'yakov R. Methods of social activity formation of students. Moscow: Direct- Media, 75 p.
7. Koz'yakov R. The introduction to abnormal psychology. M.: LLC "Direct-Media Publishing", 2016. 254 p.
8. Leshchenko S., Kroshko I. The violations of written speech in the primary school children 8-9 years old / Cultural and recreational services in educational institutions and leisure: Experience, issues, prospects: Collection of scientific articles and proceedings of all-Russian scientific-practical conference. 2011. P. 75–78.
9. Orlova E., Koz'yakov R., Koz'yakova N. Psychopathology. M: Limited Liability Company "Izdatel'stvo YURAYT" (Moscow), 2012. 235 p.
10. Potashova I. The continuing professional training of social profile specialists to work with families, having the children with disabilities in health: Thesis of PhD in Pedagogy: 13.00.08 / Potashova Irina Innokent'yevna. Moscow, 2013. 185 p.
11. Petrova E., Sagalov M., Aristova Yu. The formation of ideas of the preschool children about healthy lifestyle: Literal – image approach // Scientific notes of the Russian State Social University. 2016. Vol. 15. № 5 (138). P. 86–95.
12. Petrova E., Koz'yakov R., Leshchenko S. Correction of dyslexia in the children of young school age: Monograph. Moscow-Berlin, 2017. 104 p.
13. Petrova E., Koz'yakov R., Potashova I. Modern technologies of work with families, having the children with disabilities in health // In book: Education and training of young children. The collection of materials. 2016. P. 822–825.
14. Petrova E., Pchelinova V., Koz'yakov R. The specificity of professional counseling of pupils in the inclusive educational environment // Scientific notes of the Russian State Social University. 2016. Vol. 15. Vol. 4 (137). P. 22–33.
15. Petrova E., Shkurko N., Koz'yakov R. Socio-pedagogical methods of reducing aggression of younger schoolchildren // Bulletin of Academy of Law and Management. 2016. № 42. P. 147–153.
16. Koz'yakov R., Fomina S., Rybakova A., Sizikova V., Petrova E. Educating social-profile specialists for working with a family of a child with health limitations: competence approach // Research Journal of Pharmaceutical, Biological and Chemical Sciences. 2015. Vol. 6. № 1. P. 1852–1861.
17. Petrova E., Potashova I., Koz'yakov R. Modern technologies of working with families of children with disabilities // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2016. № 233. С. 231–235.

УДК 378

Магомедова А.Н.,

кандидат педагогических наук, доцент Дагестанского государственного педагогического университета

Харченко Л.Н.,

доктор педагогических наук, профессор Северокавказского федерального университета

МОДЕЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ, ОСНОВАННАЯ НА НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЯХ БИОЭТИКИ

В статье на основе анализа происходящих в обществе, образовании и науке процессов, предложена модель (структурно-содержательные компоненты и философия) образования, основанного на нравственных ценностях биоэтики. Вступление человечества в новую эпоху своего развития требует новых знаний, перестройки всей системы образования. Новая реальность требует новой объединяющей идеи глобального масштаба, которая и должна быть положена в фундамент образования. Авторы делают вывод о том, что воспитание личности в системе образования нужно осуществлять на основе биоэтических ценностей, что будет способствовать формированию в человеке подлинной интеллигентности и цивилизованности.

Ключевые слова: наука, образование, биоэтика

Magomedova A.,

PhD in Pedagogy, Associate Professor of the Dagestan State Pedagogical University

Kharchenko L.,

Doctor of Pedagogy, Professor of the North Caucasian Federal University

THE MODEL OF EDUCATION, FOUNDED ON BIOETHICS MORAL WORTH

Through the analysis of occurring processes in the society, education and science, in the article there is proposed a model (structural-informative components and philosophy) of education, which has been founded on bioethics moral worth. The humanity entry into a new era of its development is requiring new knowledge, restructuring the entire education system. The new reality is necessitating a new unifying idea on a global scale, which should be put into keystone of education. The article authors conclude that upbringing of the individual in the education system need to be through bioethics worth, which will be contributed to the genuine intelligence and civility formation in a human being.

Keywords: science, education, bioethics

По мнению научного сообщества, человечество прошло не только перелом тысячелетий, но и перелом цивилизаций, который требует от людей утверждения нового образа мыслей и новой структуры ценностей. Человечество вступает, хотя и очень медленно, в эпоху постиндустриального развития, в эпоху ноосферы – в тот период истории, когда биосфера и общество должны развиваться как единый организм, как кооперативная система, способная обеспечить коэволюцию природы и человечества [1, 2].

В России и других странах на первый план стали выходить наукоёмкие производства, формируется «креативная экономика». Такой экономике нужны совсем другие (с другим образованием и ментальностью) специалисты, чем для традиционной промышленности (таблица 1). Достаточно сказать, что доминирующим становится производство информации,

гуманитарно-технического знания, реализуемого затем в виде, например, новейшей техники [1, 6].

Данные таблицы 1, указывают на то, что постиндустриальный этап развития цивилизаций характеризуется обращением общества к человеку («очеловечивание цивилизации»). И, именно поэтому, на данном этапе развития цивилизации всё ярче будут проявляться признаки *кризиса образования*, вызванного, с одной стороны, несоответствием образования всё более возрастающим общественным требованиям, предъявляемым к нему, а, с другой стороны, всё увеличивающимся отставанием образования от науки. Тем более что эти процессы происходят на фоне общего падения во всём мире интереса к учению и, в первую очередь, речь идет о падении интереса к естественнонаучному и техническому образованию. По нашему мнению, по своему масштабу проблему

Требования, предъявляемые к человеку и специалисту экономикой индустриального и постиндустриального этапов развития

Индустриальный этап развития	Постиндустриальный этап развития
Исполнительная точность	Способность к творчеству, креативность
Умение подчиняться власти	Способность быстро реагировать на изменения, непрерывное образование
Смирение с пожизненным однообразным трудом	Инициативность, смена социальных ролей и профессий
Трудности в общении, замкнутость	Коммуникабельность
Специализация	Разностороннее развитие

падения интереса к образованию можно отнести к одной из важнейших социальных проблем общества.

Вступление человечества в новую эпоху своего развития требует новых знаний, перестройки всей системы образования. Понятно, что невозможно положить в фундамент образования идеи, которые идут в разрез с основной тенденцией развивающейся человеческой цивилизации. Новая реальность требует новой объединяющей идеи глобального масштаба, которая и должна быть положена в фундамент образования. Такой объединяющей идеей, как в обществе техногенной цивилизации, так и в постиндустриальном обществе может стать, прежде всего, наука, освобожденная от каких-либо идеологических догм и авторитарности. Почему?

Потому, что наука это составная часть культуры, особая сфера целенаправленной человеческой деятельности, которая включает ученых с их знаниями и способностями, научные и научно-образовательные учреждения и имеет своей задачей исследование (на основе определенных методов познания) объективных законов развития природы, общества и мышления для предвидения и преобразования действительности в интересах, природы, общества и человека. Наука может стать фундаментом образования будущего, поскольку отвечает следующим требованиям [2,8]:

- наука едина для всех стран и народов, населяющих Землю. Научные открытия принадлежат человечеству в целом, а не какой-либо нации или религии;
- научные результаты воспринимаются практически одинаково всеми людьми, независимо от религиозных, национальных или каких-либо других различий;
- в науке в ходе её развития выработаны механизмы разрешения противоречий разумным и логическим (главное, мирным) путями, что представляется важным для мира, перенасыщенного смертоносным оружием огромной (глобальной) уничтожающей силой;
- наука обладает громадным объединяющим потенциалом и в ней проявляется огромный гуманистический смысл, поскольку наука создана людьми и для людей, она является высшим проявлением в человеке человеческого – интеллектуального;

– в современном мире сформировать наиболее полный образ мира (включая национальные и религиозные взгляды) может только наука и соответственно построенное на фундаменте науки образование.

Используя законы и методический арсенал науки, вполне реально предвидеть дальнейшие события на нашей планете, а, следовательно, закладывать возможности в планировании и управлении глобальными процессами.

Инновационный прорыв в становлении экономики знаний возможен в среде высоко интеллектуальной и образованной, в которой доминируют научные, экологические, биоэтические взгляды и подходы.

История науки свидетельствует о том, что в своем познании природы, начиная с самых первых его шагов в древности, человечество прошло через три стадии и вступает в четвертую. Все они звенья одной цепи и отражают определённые типы социально-экономической деятельности человека во взаимодействии с природой.

На первой из них сформировались общие синкретические (нерасчлененные, недетализированные) представления об окружающем мире как о чем-то целом, появилась так называемая натурфилософия (философия природы), превратившаяся во всеобщее вместилище идей и догадок, ставших к XIII – XV столетиям начатками естественных наук.

Затем, именно с XV – XVI веков, последовала аналитическая стадия – мысленное расчленение и выделение частных, приведшее к возникновению и развитию физики, химии и биологии, а также целого ряда других, более частных, естественных наук (наряду с издавна существовавшей астрономией).

Позднее, в XIX – XX веках, постепенно стало происходить воссоздание целостной картины природы на основе ранее познанных частных, т. е. наступила синтетическая стадия её изучения.

Наконец, в настоящее время пришла пора не только обосновать принципиальную целостность (интегральность) всего естествознания, но и ответить на вопрос: почему именно физика, химия и биология (а также психология) стали основными и как бы само-

стоятельными разделами науки о природе, т.е. начинает осуществляться необходимая заключительная интегрально-дифференциальная стадия. Поэтому естествознание как действительно единая наука (и учебный предмет) о природе рождается фактически только теперь. Лишь на данной стадии можно на самом деле рассматривать природу (Вселенную, жизнь и разум) как единый многогранный объект естествознания (природознания) [1, 5].

Фундаментом науки, научно-технического прогресса и необходимым звеном становления гуманистически-разумного постиндустриального общества и информационного социокультурного строя должна стать новейшая революция в образовании. По нашему мнению, нововведения в образовании должны пойти в направлении [5, 7, 8]:

- изменения *содержания образования*, включения в него формирующейся постиндустриальной научной (в большей степени, биологической) картины мира, составленной на основе научных достижений прошлых веков и последних данных таких отраслей знаний, как экология и биоэтика, изучение всемирного научного и природно-культурного наследия с учетом перспектив трансформации общества и самих знаний;

- использования *идей синергетики*, адаптированных к образованию, которые можно применять многопланово, например, в процессе обучения как метод управления образовательным процессом и как метод познания и исследования педагогического процесса; в проектировании содержания программ обучения в качестве учебного материала, необходимого для формирования мировоззренческих, методологических и синергетических знаний и умений; в модернизации образования как методологическое средство реализации идей гуманитаризации, биоэтики и интеграции, и как педагогическое средство развития личности и формирования у нее культурных ценностей и синергетического стиля мышления;

- *гуманизации, экологизации и биоэтизации образования*, приоритета общественных, гуманитарных и экологических дисциплин, наук о жизни и о человеке. Нужно знать всё о своём здоровье и его сбережении. Чтобы стать современным, необходимо изучить теорию циклов и кризисов, знать историю, динамику и взаимодействие цивилизаций, учение о ноосфере, основы культуры мира и социогенетики, изучить многообразие культур, систему биоэтических ценностей, процессов глобализации;

- дальнейшего развития и утверждения *креативной педагогики*, делающей упор не на запоминание нормативного объема знаний, а на развитие творческих способностей обучаемых, умение ориентироваться в быстро меняющейся обстановке и находить нестандартные решения новых проблем, освоение инновационного мышления;

- постепенного отказа в образовании от *прагматизации и стандартизации*, переход от оценки знаний на основе тестов, ориентированных на запоминание и угадывание правильного ответа к системе развития мышления, сообразительности, самостоятельного творческого поиска и оценке сформированности этих умений и процессов. Развивай свою память, логику, учись мыслить, доходить до истины, находить всему объяснение;

- *информатизации процесса обучения*, позволяющей соединить логический и образный методы освоения новых знаний и повысить продуктивность процесса обучения. Однако здесь недопустимо преувеличение, так как информация и компьютер не цель, а средство трансформации образования. Они могут служить как воспитанию, так и разложению личности, поэтому в общении с компьютерами нужно соблюдать правила социальной и интеллектуальной гигиены. Компьютер необходимо рассматривать как средство образования, а не как его цель;

- укрепления тенденций к *формированию системы непрерывного образования, интеграция формального и неформального образования*, охватывающих все стадии жизненного цикла человека – от дошкольного до пенсионного, и далее. Таковы требования времени, чтобы быть компетентным, а, следовательно, востребованным, необходимо заниматься образованием и, прежде всего, самообразованием постоянно, в течение всей профессиональной и иной деятельности;

- развития *экономики образования* как одной из важнейших отраслей, обеспечивающих воспроизводство человеческого капитала. Инвестиции в образование (в том числе личные в собственное образование) – не менее эффективное вложение капитала, чем в основной капитал или технологические инновации. Если мы рассматриваем образование как ресурс повышения конкурентоспособности личности, общества и государства, тона стадии перехода России от индустриального общества к постиндустриальному и информационному обществу, нужно дать шанс российскому образованию не на словах, а на деле занять позицию приоритетной сферы производства человеческих ресурсов, понять и доказать неадекватность отнесения образования и науки к непроизводственной сфере, а преподавателей и ученых – к работникам финансируемой по остаточному принципу сферы.

Внедрение предлагаемой прогностической модели образования, приведет к изменениям в системе образования, в структуре знаний, что постепенно приведет к изменениям в обществе. Становление же цивилизации, основанной на знаниях, неизбежно будет сопровождаться гуманитарно-экологической революцией, смысл которой состоит в том, чтобы предохранить себя от возвращающегося бумеранга антропогенной деструкции природы.

Самая большая ценность для человека – это сам человек. И самая важная цель – это сохранение самого себя и уникального социокультурного кода через сохранение племени, нации, цивилизации и природы. Поиском путей достижения этой цели и должна заниматься наука, преломляясь через призму образования.

Таким образом, предлагаемая концептуальная модель образования, нацеливает на постепенный выход из природно-цивилизационного кризиса, который возможен при условии разворота общества от антропоцентризма к экоцентризму, то есть лицом к себе, к своему переустройству, а не к преобразованию природы, и при соблюдении нескольких требований:

Консолидации (сплочения) человечества под знаменем объективного знания, превращение науки в руководящий инструмент, в «пятую власть» («первая власть» – законодательная, «вторая власть» – исполнительная, «третья власть» – судебная, «четвертая власть» – средств массовой информации, «пятая власть» – знания, науки). Наука, объективная информация о мире, давно превратилась в мощный инструмент общественного развития, хотя это еще недостаточно осознается человечеством.

В стратегии развития государства *поворот к нуждам человека* с постепенным пониманием, что в системно едином человечестве каждый зависит от другого, что любое подавление и неравенство аукается для всех отнюдь не благоприятными последствиями (организмическая модель организации общества, обладающая «планетарным разумом»). Сближение экономических, экологических и биоэтических целей в природопользовании.

Ориентация стратегии развития государства на экоразвитие. Экологизацию жизни. Снижение давления на среду жизни – локальную и глобальную. Важно понять – человеку принадлежит ключевая роль в выборе стратегии и тактики движения в будущее – в согласии с законами природы или вопреки им. Развитие природы и человека в эпоху постиндустриального общества мыслится как процесс коэволюции, взаимовыгодного единства. Процесс коэволюции возможен при условии постепенной смены антропоцентрического мировоззрения на экоцентрическое.

Эти требования составляют систему с отрицательной обратной связью. Развитие первых двух ведет к решению третьей. Срыв в реализации последнего требования обрекает человечество или хотя бы его цивилизацию на гибель.

Становление в России цивилизации основанной на знаниях, предполагает, прежде всего, экологизацию и биоэтизацию науки и внедрение такого образования, которое бы обеспечивало смену психологических установок:

- природу нужно рассматривать и воспринимать как самоценность, понимать и воспринимать ее как субъект;

- становление и развитие психических состояний человека должно обеспечивать сознание и ощущение себя частью природы, формировать установки на взаимопольное, взаимоооздоравливающее взаимодействие;

- воспитание личности в системе образования нужно осуществлять на основе биоэтических ценностей, что будет способствовать формированию в человеке подлинной интеллигентности и цивилизованности [1, 3, 4].

Список литературы

1. Магомедова А.Н., Харченко Л.Н. Природно-цивилизационные взаимоотношения в их динамике и проблемах. Deutschland: LAPLAMBERT Academic Publishing, 2016. 160 с.
2. Харченко Л.Н., Магомедова А.Н. Биоэтический тезаурус. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2016. 36 с.
3. Харченко Л.Н., Магомедова А.Н. Обоснование педагогической категории «Биоэтическое воспитание личности в системе образования» / Мир науки, культуры, образования. 2015. № 2(51). С. 92-98.
4. Харченко Л.Н. Естествознание. 10-11 кл.: учебное пособие для профильных классов общеобразовательных учреждений. М.: Дрофа, 2006. 240 с.
5. Харченко Л.Н. Теория и практика биологического образования в современном педагогическом вузе. Дис. ... докт. пед. наук. Ставрополь, 2002. 399 с.
6. Харченко Л.Н. Теоретико-методологические проблемы естественнонаучного образования (постановка проблемы исследования). Успехи современного естествознания. 2002. № 1. С. 26-43.
7. Харченко Л.Н. Традиции и инновации вузовской системы биологического образования. М.: Изд-во Илекса, 2002. 96 с.
8. Харченко Л.Н. Современная концепция естествознания. Курс лекций. М., 2000. 245 с.

Reference list

1. Magomedova A., Kharchenko L. Natural-civilization relations in their dynamics and problems. Deutschland: LAPLAMBERT Academic Publishing, 2016. 160 p.
2. Kharchenko L. Magomedova A. Bioethics thesaurus. Stavropol: Publishing office of NCFU, 2016. 36 p.
3. Kharchenko L., Magomedova A. Rationale of the pedagogical category "Bioethical education of the individual in the education system" / World of Science, Culture and Education. 2015. № 2(51). P. 92–98.

4. *Kharchenko L.* Natural science. Classes 10-11: Textbook for specialized classes of general educational institutions. M.: Drofa, 2006. 240 p.
5. *Kharchenko L.* Theory and practice of biological education in the contemporary pedagogical higher education institution. Thesis of Doctor of Pedagogy. Stavropol', 2002. 399 p.
6. *Kharchenko L.* Theoretical-methodological issues of natural science education (statement of the research problem). The success of the contemporary natural science. 2002. № 1. P. 26–43.
7. *Kharchenko L.* Tradition and innovation of University system of biological education. M.: Publishing house Ileksa, 2002. 96 p.
8. *Kharchenko L.* The modern concept of natural science. Course of lectures. M., 2000. 245 p.

УДК 378

Исаева М.А.,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры геометрии и методики преподавания математики
Чеченского государственного педагогического университета

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОЕКТНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

В статье рассматриваются педагогические условия формирования проектно-исследовательской культуры студентов педагогических специальностей, такие как: создание творческой атмосферы, способствующей устойчивой мотивации на процесс формирования проектно-исследовательской культуры; практико-ориентированный характер процесса обучения; учет индивидуальных особенностей, способностей и направленности будущих специалистов; разработка и внедрение необходимого научно-методического обеспечения.

Ключевые слова: педагогические условия, студент, проектно-исследовательская культура, практико-ориентированное обучение, творческая атмосфера, учет индивидуальных особенностей, научно-методическое обеспечение

Isaeva M.,

PhD in Pedagogy, Associate Professor of Chair of Geometry and Mathematics Teaching Methodology
of the Chechen State Pedagogical University

THE PEDAGOGICAL CONDITIONS OF DESIGNED-RESEARCH CULTURE FORMATION OF THE STUDENTS MAJORING IN PEDAGOGIES

This article considers the following pedagogical conditions of designed-research culture formation of the students majoring in pedagogies; the development of a creative atmosphere, which is promoting sustained motivation in the process of designed-research culture formation; the practice-oriented nature of training process; the recording of individual characteristics, abilities and the intended specialists' orientation; the develop and implement of necessary scientific-methodological support.

Keywords: pedagogical conditions, student, designed-research culture, practice-oriented training, creative atmosphere, recording of individual characteristics, scientific-methodological support

Процесс формирования проектно-исследовательской культуры будущих педагогов неразрывно связан с процессами педагогического творчества, активизации и стимуляции осмысленного обучения и воспитания. В процессе формирования проектно-исследовательской культуры важным является и система отношений, складывающаяся между преподавателем и студентом. Отсутствие заинтересованности со стороны педагогов в успехах студентов, субъективизм в оценке их знаний негативно сказывается на результатах образовательной деятельности. Усилия педагогов в большей мере должны быть ориентированы на профессиональную идентификацию студентов, развитие необходимых профессиональных и личностных качеств. Для решения поставленных задач формирования проектно-исследовательской культуры студентов педагогических специальностей в процессе обучения в вузе необходимо соблюдение комплекса педагогических условий.

Вопросы учета педагогических условий приобретают педагогическую трактовку в работах В.И. Андреева, С.А. Дыниной, М.В. Зверевой, Н.В. Ипполитовой, А.Я. Найна, Б.В. Куприянова, Н.М. Яковлевой и др. исследователей. В процессе исследования мы основывались на том, что формирование проектно-исследовательской культуры – это не только формирование компетенций, но и формирование важных качеств личности и профессионализма (И.А. Зимняя, А.Л. Зубков, И.Ф. Исаев). Мы понимаем педагогическое условие как целенаправленный отбор, применение элементов содержания, методов обучения для достижения образовательных целей.

Анализ взглядов исследований относительно определения понятия «педагогические условия» позволяет выделить ряд положений, значимых для нашей работы:

1) условия выступают составным элементом педагогической системы;

2) педагогические условия отражают совокупность возможностей образовательной (целенаправленно конструируемые меры воздействия и взаимодействия субъектов образования: методы, содержание, приемы и формы обучения, программно-методическое оснащение образовательного процесса) и материально-пространственной (учебное и техническое оборудование и т.д.) среды, положительно или отрицательно, влияющих на ее функционирование;

3) в структуре педагогических условий присутствуют как внутренние (обеспечивающие воздействие на развитие личностной сферы субъектов образовательного процесса), так и внешние (содействующие формированию процессуальной составляющей системы) элементы;

4) реализация правильно выбранных педагогических условий обеспечивает развитие и эффективность функционирования педагогической системы [1].

Комплекс педагогических условий мы рассматриваем как совокупность

взаимообусловленных компонентов, наличие которых будет содействовать повышению уровня проектно-исследовательской культуры.

Педагогические условия в контексте нашего исследования рассматриваются нами как совокупность внешних и внутренних обстоятельств образовательного процесса, методов, форм и принципов, которые позволят сформировать высокий (творческий) уровень проектно-исследовательской культуры студента.

Из данного понимания вытекают задачи обоснования педагогических условий формирования проектно-исследовательской культуры:

- разработка методологических оснований формирования проектно-исследовательской культуры, включающих взаимосвязь всех компонентов деятельности: целей, задач, методов, форм, условий, критериев, уровней, результатов;

- применение практико-ориентированных технологий формирования проектно-исследовательской культуры с включением мотивационного, творческого, личностно-деятельностного, операционального и практического компонентов.

Основная цель обоснования педагогических условий формирования проектно-исследовательской культуры – создание образовательной среды, способствующего формированию исследовательской грамотности, исследовательской креативности, профессионального самосовершенствования и педагогического мастерства. При разработке комплекса педагогических условий необходимо учитывать следующие педагогические подходы (системный, деятельностный, контекстный, компетентностный).

Нами определены следующие педагогические условия, способствующие процессу формирования

проектно-исследовательской культуры студентов педагогических специальностей:

1. Создание творческой атмосферы, способствующей устойчивой мотивации на процесс формирования проектно-исследовательской культуры.

2. Практико-ориентированный характер процесса обучения.

3. Учет индивидуальных особенностей, способностей и направленности будущих специалистов.

4. Разработка и внедрение необходимого научно-методического обеспечения.

Для прочного усвоения профессиональных знаний требуется сформировать положительное отношение, интерес студентов к изучаемому материалу. Решение этой задачи заключается в создании творческой атмосферы, которое обеспечивает индивидуализацию и дифференциацию обучения с учетом способностей студентов, интересов и склонностей, формирует устойчивые познавательные интересы, что способствует повышению мотивации, творческой активности.

Продуктивная подготовка студента вероятно при условии формирования смыслового, ценностного уровня мотивации, что в целом полагает наличие потребности к познанию и изучению, стремления учитывать различные факторы в профессиональной сфере. Этап организации творческой атмосферы ориентирован на актуализацию уже имеющихся знаний, развитие личностного интереса к приобретению новых знаний, личного творческого отношения к учебному материалу. При этом сочетаются групповая и индивидуальная формы работы, активизируется участие студента в образовательном процессе. Стимулировать мотивацию студентов очень сложно, так как интересы людей разнятся. Тем не менее, такое явление, как творческая атмосфера, вызывает интерес практически у всех обучающихся. Педагогу необходимо определить, на какие мотивы студентов опираться во время занятия, какие мотивы следует поддержать или «перестроить», какие из них следует сформировать в соответствии с поставленной целью. Только таким образом можно создать благоприятную творческую атмосферу для успешного обучения.

Преподаватель, создавая творческую атмосферу в состоянии эффективно развить изначальную мотивацию, правильно поставив цель, создав атмосферу заинтересованности в аудитории и среду успешности учебного процесса. Среда обучения – эмоциональная атмосфера, которая мотивирует работу студентов и их желание достичь определенных целей.

Одно из условий успешного процесса формирования проектно-исследовательской культуры студентов педагогических специальностей заключается в практико-ориентированном характере процесса обучения. Целенаправленный процесс формирования

и развития знаний и умений прикладного характера, ориентированных на потребности практики; сочетание различных форм и средств подготовки предлагает использование учебно-методического обеспечения, традиционных и инновационных технологий (деловые и ролевые игры, «кейс-ситуации», тренинги и т.д.) позволяют максимально индивидуализировать, активизировать процесс профессиональной подготовки.

Наряду с традиционными аудиторными занятиями в форме лекций, семинаров, практических занятий, уместно применение различных актуальных форм совместной учебной и профессиональной деятельности. Кроме того, проведение внеаудиторных мероприятий, усиливающие познавательный интерес к исследуемой проблеме у студентов и способствующих ориентации на дальнейшее развитие практико-ориентированных компетенций, включают: конкурсы, круглые столы, конференции и др.

Оптимальное и умелое сочетание педагогом разнообразных средств и форм подготовки приводит к достижению необходимого уровня профессиональной компетентности студентов. Современные технологии предлагают новые разработки для формирования проектно-исследовательской культуры (мультимедийные средства, цифровое учебно-методическое обеспечение), способствующие более качественному овладению профессиональной деятельностью. Применение практико-ориентированных технологий в процессе обучения позволяют максимально активизировать, индивидуализировать и, вследствие чего, интенсифицировать процесс формирования структурных компонентов проектно-исследовательской культуры.

Использование практико-ориентированного характера обучения обусловлена следующими обстоятельствами: в рамках практико-ориентированного подхода значительно повышается эффективность обучения благодаря повышению личностного статуса студента и практико-ориентированному содержанию изучаемого материала; в процессе взаимодействия в системе «педагог-студент» постоянно действует об-

ратная связь; практико-ориентированный характер развивает интерес к творческой деятельности.

Основные этапы практико-ориентированного обучения для студента представлены на рис. 1.

Выстраивание процесса практико-ориентированного обучения позволяет максимально приблизить содержание дисциплин к будущей профессиональной деятельности студентов, что дает потенциал проектировать целостный учебный процесс, а также способствует созданию условий для целенаправленного формирования конкурентоспособности будущих педагогов. Реализация практико-ориентированного обучения содействует улучшению имеющихся технологий и образовательных программ, созданию условий для подготовки будущих специалистов, располагающих качественно новым уровнем профессиональных компетенций, готовых к будущей деятельности в сложившихся современных условиях.

Содержание практико-ориентированного обучения включает:

- теоретическую сторону: лекционные занятия, семинары, общие занятия с приглашенными специалистами;
- практическая или прикладная часть: ролевые и деловые игры, практические и семинарские занятия, производственная или учебная практики;
- самостоятельная работа, включающая работу с курсовыми и дипломными проектами, работу в библиотеках и в компьютерных классах, выполнение иных проектов, исследовательская работа, создание своего портфолио.
- участие студентов в разнообразных проектах, в том числе созданных как в группе, так и вместе с педагогом.

В процессе практико-ориентированного обучения абсолютным приоритетом является реализация такой деятельности, которая организуется и осуществляется с целью приобрести запланированный результат. Для этого и сам процесс обучения должен быть устроен не традиционным способом. Оно должно быть реорганизовано в характерный вид деятель-

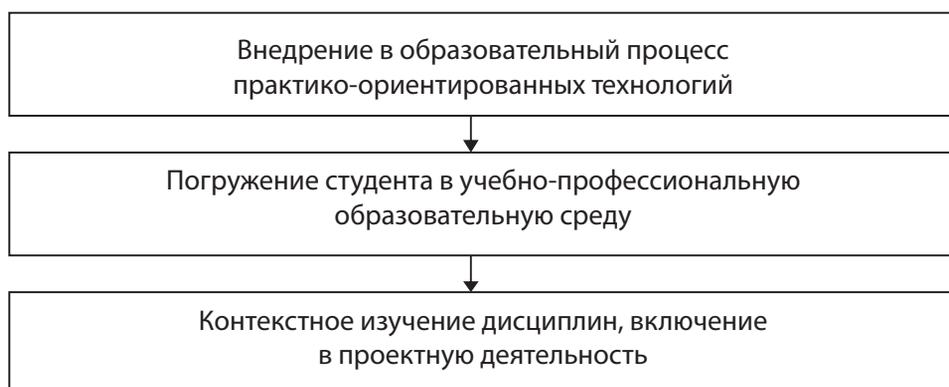

Рис. 1. Основные этапы практико-ориентированного обучения студентов

ности, составленных из многих единичных актов деятельности, организованных в единое целое и направленных на достижение конкретной цели.

В документах ФГОС профессионального образования подчеркивается необходимость усиления практической направленности подготовки педагогических кадров, предлагается повышение числа зачетных единиц на практические занятия, на организацию педагогической практики. Практико-ориентированный характер обучения обеспечивает улучшение качества профессиональной подготовки будущих специалистов благодаря усилению практической направленности организации и содержания образовательного процесса в вузе. Это значит, что все профессионально значимые качества осваиваются именно в практической деятельности. Практико-ориентированный характер обучения предполагает: выявление и обоснование актуальных вопросов и проблем образования; определение задач и содержания подготовки студентов с учетом выявленных педагогических проблем, существующих в профессиональной деятельности студентов педагогических специальностей; освоение студентами современных технологий в процессе учебной и внеучебной деятельности в вузе. Практико-ориентированный характер обучения необходимо использовать при проектировании основной образовательной программы и программ дисциплин учебного плана, определении целей и задач.

Практико-ориентированное обучение является неотъемлемой частью профессионального образования. Оно должно представлять собой интересную, познавательную деятельность, обусловленную желанием студентов получить умения практического характера по получаемой профессии. Необходимо говорить о том, что практическое обучение должно быть максимально приближенным к действиям, осуществляемым в рамках будущей профессии. Практика в образовательном процессе опирается на теоретические предпосылки, а любой теоретический материал нуждается в практическом подтверждении. Для организации практической деятельности необходимо иметь фундамент, позволяющий осмысливать и анализировать осуществляемые или предполагаемые действия. Следовательно, практико-ориентированный характер обучения, возможно, осуществлять на занятиях как практического, так и теоретического характера, поскольку в любой теории заложена возможность ее последующего применения на практике.

Важное условие – учет индивидуальных особенностей, студентов педагогических специальностей основан на глубоком знании черт личности студентов, особенностей психических процессов и состояний. Данное условие обеспечивает профессиональную направленность личности, формирование

ценностных ориентаций, учет индивидуальных особенностей, психологическую комфортность. Личностное развитие несет в себе учет возрастных и индивидуальных особенностей, которые нужно учитывать в процессе обучения. С возрастом проявляются некоторые особенности мышления, мотивация, социальные проявления и т.д.

Знание индивидуальных особенностей студентов дает возможность не только реализовывать дифференцированный подход, но и осознанно, профессионально найти наиболее эффективные методы и формы организации образовательного процесса, направленные на формирование проектно-исследовательской культуры. Учет индивидуальных особенностей студентов подразумевает как ориентацию на индивидуально-психологические особенности, выбор и использование соответствующих приемов и методов, разнообразных вариантов заданий. При подготовке программ и учебных планов, реализации различных направлений в обучении обязательно учитываются индивидуальные особенности.

Следующее педагогическое условие – разработка и внедрение научно-методического обеспечения представляющее собой совокупность научно-методических материалов, содержащих учебные материалы в соответствии с профессиональной образовательной программой (методические рекомендации и материалы, учебно-методические пособия, учебные программы, использование ИКТ и др.).

Важность разработки и внедрения учебно-методического и научно-методического обеспечения в процесс обучения связана с тем, что создание всего комплекса современных учебных продуктов и разнообразных методических средств их реализации позволяет в несколько раз повысить результативность процесса обучения. Создание рабочих программ, учебно-методических пособий и комплексов по преподаваемым дисциплинам, позволяет более продуктивно осуществлять педагогическую деятельность. Тщательно подобранные и взаимосвязанные единым подходом учебные пособия, задания, дополнительная литература и другие элементы научно-методического обеспечения в своей совокупности раскрывают содержание учебного предмета, укрепляют межпредметные и междисциплинарные связи и усиливают практическую направленность курса. Для успешного восприятия сложного учебного материала необходимы разнообразные методические средства, позволяющие им в короткие сроки устранить имеющиеся пробелы в знаниях. Кроме этого, внедрение учебно-методического обеспечения позволяет повысить качество самостоятельной работы студентов, способствует формированию и развитию у студентов логического мышления, воображения, методических навыков и других

Одним из важнейших источников научно-методического обеспечения образовательного процесса в вузе являются собственные разработки преподавателей. Для этого преподаватель должен владеть необходимыми знаниями в области методических проблем современной педагогики, основами научно-методической и учебно-методической работы, включающей: структурирование и преобразование научного знания в учебный материал, методы методической проработки профессионально-ориентированного материала, методы и приемы составления задач, упражнений, тестов по различным темам, систематику учебных и воспитательных задач, методы и приемы устного и письменного изложения предметного материала и пр. Очевидно, что успешное решение данных профессионально – значимых задач должно базироваться на прочном научном фундаменте, гарантирующем соблюдение оптимального сочетания фундаментальных и практических знаний, использование интерактивных технологий обучения, освоение стратегий и технологий применения знаний, что лишней раз доказывает важность формирования проектно-исследовательской культуры студентов.

Одним их основных условий построения современного содержания высшего образования является обеспечение высоко уровня готовности педагогов вузов к профессионально-методической работе, содержащей разработку и проектирование содержания учебных материалов и форм, использование современных технологий работы с учебным материалом и представление их в соответствии с нынешними требованиями.

Основными аспектами учебно-методической составляющей образовательного процесса в вузе и преподавании учебных дисциплин являются: разработка электронных учебников и учебно-методических пособий, применение активных методов обучения при проведении практических занятий, улучшение контроля учебно-познавательной деятельности, разработка тестовых методик и т.п. Учебно-методическое обеспечение образовательного процесса должно выделяться разнообразием, отвечать требованиям вариативных государственных образовательных программ; разрабатываться для организации всех видов учебной деятельности и различаться комплексностью.

Рассмотренные педагогические условия формирования проектно-исследовательской культуры студентов педагогических специальностей неразрывно взаимосвязаны и составляют единый комплекс. Формирование проектно-исследовательской культуры студентов необходимо осуществлять на протяжении всего периода вузовского обучения.

Таким образом, разработанный комплекс педагогических условий должен быть обращен на поэтапное формирование проектно-исследовательской культуры, и только при комплексном осуществлении выделенных условий можно разрешить исследуемую нами проблему. Отмеченные педагогические условия обеспечивают целостность разработанной нами модели, ее соответствие концептуальным параметрам, что в итоге способствует достижению поставленной цели.

Список литературы

1. Алипханова Ф.Н., Алиева Р.Р. Виды общепедагогических умений и их содержание // Вестник Московского института государственного управления и права. 2016. № 15. С. 24–28.
2. Галкина И.В. Гуманитаризация образования как неотъемлемая часть формирования профессионально значимых качеств будущих экономистов // Вестник Брянского государственного университета. 2010. № 1. С. 171–174.
3. Романенко Н.М. Организационно-педагогические условия, влияющие на процесс самообразования студентов // Человеческий капитал. 2015. № 1 (73). С. 86–88.
4. Романенко Н.М. Сущность и содержание применения педагогических технологий в профессиональном образовании // Вопросы гуманитарных наук. 2008. № 3 (36). С. 293–296.
5. Таранова Т.Н. Сущностная характеристика инновационной методической культуры педагога // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 5. С. 188.
6. Таранова Т.Н., Горювая В.И. Культура. Образование. Культурация / Т. Н. Таранова, В. И. Горювая. Москва, 2003.
7. Умаев А.У., Алиева Р.Р. Профессиональная деятельность преподавателя вуза // Вестник Московского института государственного управления и права. 2016. № 14. С. 127–131.

Reference list

1. Alipkhanova F., Alieva R. The types of general pedagogical skills and their content // Bulletin of the Moscow Institute of Public Administration and Law. 2016. № 15. P. 24–28.
2. Galkina I. The education humanitarization of as an integral part of the professionally significant qualities formation of the intended economists // Bulletin of the Bryansk State University. 2010. № 1. P. 171–174.
3. Romanenko N. The organizational-pedagogical conditions, influencing the process of students' self-education // Human Capital. 2015. № 1 (73). P. 86–88.
4. Romanenko N. The nature and content of the pedagogical technologies implementation in professional education // Issues of Humanitarian Sciences. 2008. № 3 (36). P. 293–296.

5. *Taranova T.* The essential characteristic of an innovative methodological culture of an educator // Modern Issues of Science and Education. 2012. № 5. P. 188.
6. *Taranova T., Gorovaya V.* Culture. Education. Culturation / T. Taranova, V. Gorovaya. Moscow, 2003.
7. *Umaev A., Alieva R.* Professional activity of a lecturer of a higher education institution // Bulletin of the Moscow Institute of Public Administration and Law. 2016. №14. P. 127–131.

УДК: 37.01

Комарова В.В.,

старший преподаватель кафедры начального и дошкольного образования
Государственного социально-гуманитарного университета

Ануфриева О.В.,

доцент кафедры музыки Государственного социально-гуманитарного университета

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ НА ОСНОВЕ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

В рамках данной статьи рассматривается правовое сознание и поведение молодого гражданина как способ формирования правовой культуры. Правовое сознание тесно связано с принятием традиционных ценностей. В статье раскрываются основные понятия: правовое воспитание, правовая культура, традиционные ценности, религиозные организации. Авторы выделяют важную роль традиционных ценностей в профилактике противоправного религиозного поведения подрастающего поколения.

Ключевые слова: правовое воспитание, традиционные ценности, правовая культура, противоправное поведение, феномен религии

Komarova V.,

Senior Lecturer of Chair of Elementary and Preschool Education of the State Social-Humanitarian University

Anufrieva O.,

Associate Professor of Chair of Music of the State Social-Humanitarian University

THE YOUTH LEGAL EDUCATION THROUGH THE TRADITIONAL VALUES

Through this article there is considered a legal consciousness and behavior of the young citizen as a way to form the legal culture. The legal consciousness is closely connected with the acceptance of the traditional values. This article is developed the following key concepts: the legal education, the legal culture, the traditional values and religious institutions. The article authors are emphasized the traditional values important role in the prevention of wrongful religious behavior of the growing generation.

Keywords: legal education, traditional values, legal culture, wrongful behavior, religion phenomenon

Правовое воспитание представляет собой формирование правового сознания и поведения молодого гражданина, которое направлено на формирование высокого уровня правовой культуры. Правовая культура является частью общей культуры и взаимодействует с другими сферами культуры. Для повышения уровня правовой культуры личности необходима работа по привитию традиционных ценностей, начиная с младшего школьного возраста.

Традиционные ценности содержат значительный потенциал по воспитанию молодого поколения и профилактике противоправного поведения. К числу ценностей, играющих огромную роль в формировании стабильного социума в условиях многонациональности и поликонфессиональности РФ относят традиционные религиозные ценности. На современном этапе религия является важнейшим фактором, влияющим на поведение граждан. При этом необходимо учитывать

тот факт, что уровень религиозности среди части молодежи (в ряде регионов) значительно выше по сравнению с представителями среднего и старшего возраста.

Другой отличительной тенденцией современной ситуации в РФ, которую необходимо учитывать в воспитании молодого поколения является то, что интерес к религии перешел из области культуры и образования, в практическую плоскость, в область правовых отношений. Это касается увеличения числа преступлений и снижения возраста правонарушителей, совершающих преступления по мотивам ненависти на национальной и религиозной основе.

Недооценка роли религиозного фактора, показала к каким разрушительным последствиям может привести использование религии в качестве идеологической основы для политической борьбы.

История России обладает огромным опытом по формированию правового сознания, на основе тра-

диционных религиозных ценностей. Современные правовые системы имеют истоки в традиционных религиях. Отход от традиций показал опасность появления негативных тенденций и активного внедрения антиценностей в сознание молодого поколения, следствием этого выступает рост противоправного поведения, который может выражаться в проявлении ксенофобии, национализма и экстремизма.

Ситуация в России подтвердила необходимость осмысления феномена религии. Исторический опыт России показывает, что на основе традиционных ценностей формировалось правовое сознание многих поколений. Правовое сознание представляет собой совокупность идеологических и психологических структурных элементов, которые включают в себя взгляды, оценки, установки, представления личности относительно целей и принципов права, состояния основных прав и свобод человека, действующей правовой системы.

К важнейшим традиционным ценностям можно отнести религиозные традиции народов России. История последних десятилетий российского государства показала, насколько к опасным последствиям может привести игнорирование значения понятия «религия». Пример возрождения интереса к этому явлению в 90-годы, после разрушения идеологической системы, показал каким мощным фактором, объединяющей силой может выступить религия [1]. Однако необходимо отметить, что в последнее время в обществе распространяются не только традиционные для России религиозные организации, но и интенсивно распространяется «феномен новой религиозности». Получили распространение на территории Российской Федерации религиозные организации, деятельность которых приводит к нарушению российского и международного законодательства и к столкновению с традиционными религиозными направлениями. Данные религиозные организации вступают в конфликт с традиционными религиозными ценностями, деятельность данных организаций нарушает права человека и основные свободы, которые гарантируются законодательством [2].

С учетом перечисленных тенденций, важно изучать изменения в религиозной ситуации в РФ, которые позволяют планировать работу по профилактике ксенофобии, национализма и экстремизма в молодежной среде, по предупреждению противоправного религиозного поведения, что особенно опасно в России, где исторически складывалось общество поликонфессиональное. В силу возрастных особенностей, социальных характеристик и остроты восприятия окружающей обстановки молодежная среда является той частью общества, в которой наиболее быстро происходит накопление и реализация негативного протестного потенциала.

При отсутствии планомерной работы в области правового воспитания и формирования навыков правовой культуры сложно избежать в будущем конфликтов в области культуры межнациональных и межрелигиозных отношений. Религиозный и национальный состав Российской Федерации отличается многообразием, вызванным особенностью становления и развития Российского государства. Значительное влияние на формирование отличительных характеристик наций оказали религиозные традиции. В Преамбуле к Федеральному закону от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» говорится, что данный Закон принят в подтверждение права каждого на свободу совести и свободу вероисповедания, а также на равенство перед законом, независимо от отношения к религии и убеждений, основываясь на том, что Российская Федерация является светским государством, признавая особую роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры, уважая христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России, считая важным содействовать достижению взаимного понимания, терпимости и уважения в вопросах свободы совести и свободы вероисповедания [3].

В соответствии со ст. 3 п. 1 Конституции Российской Федерации все граждане России обладают равными конституционными правами.

В ст. 3 п. 1 Конституции Российской Федерации указывается на многонациональный состав российского народа,

ст. 5. п. 3 указывает на равноправие народов Российской Федерации,

ст. 6. п. 2 говорит о равенстве прав и обязанностей каждого гражданина Российской Федерации,

ст. 13 п. 5 содержится запрет на разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни [4].

Однако, несмотря на действующие в России конституционные запреты, в ряде регионов наблюдается рост социальной напряженности, отмечаются проявления ксенофобии, ненависти и вражды, национальной и религиозной нетерпимости, особенно заметно в молодежной среде. Поэтому изучение проблем и профилактическая работа по предупреждению данного вида противоправного поведения входит в число острейших проблем, важно уделять внимание правовому воспитанию молодежи.

В современной России религиозный фактор часто уступает место этническому, становится взаимосвязанным с ним. В современном мире происходят активные процессы этнического возрождения. Сущность этого феномена заключается в увеличении роли этничности в общественных процессах, возрож-

дения интереса к этнической культуре, языку, обычаям, традициям, образу жизни на фоне нарастающей глобализации человеческой деятельности и может содержать сильный конфликтогенный потенциал. Конфликт возникает если этническое возрождение активно использует национальную или религиозную идеи, важнейшим элементом которых является создание суверенного национального или религиозного государства [5]. На территории бывшего советского пространства и стран восточной Европы усилилась деятельность националистических и религиозных организаций. Одним из проявлений такого взаимодействия является распространение религиозного экстремизма или религиозно-политического экстремизма, который является базой для возникновения религиозных конфликтов.

Мировые религии (христианство, буддизм, ислам) базируются на важнейших человеческих ценностях: на терпимости и человеколюбию, не могут являться агрессивными по своей сути. Однако есть

религиозные течения, которые прямо оправдывают насилие и жестокость. Насилие, экстремизм и разжигание расовой, межнациональной или межрелигиозной вражды, а равно и оскорбление религиозных чувств верующих наказываются в уголовном порядке.

России на законодательном уровне активно выступает за сохранение традиционных религиозных ценностей, являющихся основой формирования здорового общества, не допускающего появления противоправных тенденций в религиозной сфере.

В заключении необходимо отметить, что огромную роль в профилактике противоправного религиозного поведения играют традиционные ценности, заложенные в основных религиозных системах. Обращение к традиционным ценностям будет способствовать формированию правового сознания, и выступать препятствием для распространения среди молодого поколения проявлений ксенофобии, национализма и экстремизма, а также любых проявлений противоправного поведения.

Список литературы

1. Роль средств массовой информации в профилактике проявлений религиозного экстремизма / Горохова В.В., Горохова И.В. // Вестник Московского университета МВД России: 2016. № 7. С.78-81.
2. Методика, направленная на профилактику проявлений терроризма и экстремизма среди детей и молодежи в образовательной среде / Вихрян А.П., Горохова В.В., Горохова И.В., Ерофеева М.А., Нарбут Н.П., Пузанова Ж.В., Юнусов А.М. Москва, 2015.
3. Федеральный закон от 2 сентября 1997 г. № 125 – ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Сборник законодательства Российской Федерации. 1997. № 39, ст. 7666 – 7678.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г).
5. Предупреждение преступности в России: Монография / под ред. проф. Ю.М. Антоняна.: ДГСК МВД России, 2014. С.290.
6. Комарова В.В. Самообразование как стимул успешного формирования профессионально значимых качеств учителя начальной школы / Сб.: Психология притеснения: обидчики и обиженные. Всероссийская науч. – практ. конф. Москва – Коломна: КГПИ, 2003. С. 560 – 562.
7. Психологические особенности подростков, склонных к экстремистскому поведению экстремизма / Майкова Е.С., Бонкало Т.И // Ученые записки: Том 1. 2013. № 2. С.122–125.
8. Проблемы вовлечения молодого поколения в новые религиозные объединения, деструктивной направленности в России / Горохова В.В., Комарова В.В., Штыркова Т.В. // Человеческий капитал. 2015. № 4 (76). С. 150–153.

Reference list

1. The role of the mass media in the prevention of religious extremism / Gorokhova V., Gorokhova I. // Bulletin of the Moscow University of the Interior Ministry of Russia: 2016. № 7. P. 78–81.
2. The technique, aimed at the preventing manifestations of terrorism and extremism among the children and youth in educational environment / Vikhryan A., Gorokhova V., Gorokhova I., Erofeeva M., Narbut N., Puzanova Zh., Yunusov A. Moscow, 2015.
3. The Federal Law dated 2nd of September, 1997 № 125 – FL “On freedom of conscience and religious associations” // Collection of Laws of the Russian Federation. 1997. № 39, Articles 7666 – 7678.
4. The Constitution of the Russian Federation (adopted by the popular vote on 12th of December, 1993).
5. The criminality prevention in Russia: Monograph / Under the editorship of Professor Yu. Antonyan.: Department of Government Service and Personnel of Interior Ministry of Russia, 2014. P. 290.
6. Komarova V. The self-education as an incentive for the successful formation of teacher’s professionally significant qualities in an elementary school / Digest: The psychology of oppression: the oppressors and offended. All-Russian Scientific-Practical Conference. Moscow–Kolomna: KSPI, 2003. P. 560 – 562.
7. The psychological characteristics of adolescents who are prone to extremist behavior of the extremism / Maykova E., Bonkalo T. // Scientific notes: Volume 1. 2013. № 2. P. 122–125.
8. The issues of the young generation involvement in new religious associations, having a destructive orientation in Russia / Gorokhova V., Komarova V., Shtyrkova T. // Human Capital. 2015. № 4 (76). P. 150–153.

УДК 377.6

Цуникова Т.Г.,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии Института кибернетики Московского технологического университета

Щенникова Ю.В.,

аспирант кафедры педагогики и психологии Института кибернетики Московского технологического университета

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К УПРАВЛЕНИЮ ФОРМИРОВАНИЕМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ТЕХНИЧЕСКОМ КОЛЛЕДЖЕ

В статье акцентируется внимание на антропологическом подходе к управлению формированием профессиональной компетентности, основанной на выборе совокупных методологических инструментов. Исследуется образовательный процесс достижения системного единства локально-нормативной базы образовательного процесса и проектирования антропопрактик, формирующих личностное поле развития студента, при этом объектом исследования является личностно-ориентированный образовательный процесс с целью формирования не только компетентностного выпускника, но и цельной личности, способной к реализации внутренних рациональных мотивов, социально-грамотной и граждански зрелой. Сделан обзор, приведены выводы.

Ключевые слова: система управления качеством, методологические подходы, антропопрактики, инструментарий проектирования

Tsunikova T.,

PhD in Pedagogy, Associate Professor of Chair of Pedagogy and Psychology of the Institute of Cybernetics of Moscow Technological University

Shchennikova Yu.,

Postgraduate student of Chair of Pedagogy and Psychology of the Institute of Cybernetics of Moscow Technological University

THE ANTHROPOLOGICAL MANAGEMENT APPROACH OF PROFESSIONAL COMPETENCE FORMATION AT A TECHNICAL COLLEGE

The article focuses on the anthropological management approach of professional competence, which is based on the total selection of methodological tools. There is examined an education process of the systematic unity achieving the education process local-normative base and anthrop-practices designing, which are forming the personal field of a student's development, herewith an object of the study is a personally-oriented education process for the purpose to form a competent graduate not only, but a whole personality, capable to implement the internal rational motives, as a socially-competent and civilly mature. There is offered an overview, there are presented conclusions.

Keywords: quality management system, methodological approaches, anthrop-practices, designing tool

Введение

Развитие педагогической науки всегда отражает особенности доминирующего технологического уклада в обществе. По системному принципу построены все сложные педагогические феномены, где формирующим системным фактором является выбор состава (конфигурации) образовательных подходов и педагогических конструктов (структура, процесс, субъекты, функция, состояние, объект воздействия, системный эффект, структурная оптимизация [1] и т.п.).

В соответствии с требованиями концепции Всеобщего управления качеством (TQM), международных и российских стандартов качества (ИСО) наиболее перспективными и актуальными решениями в проблеме управления качеством профессиональной подготовки, являются процессный и системный подходы. Также в проблеме управления имеет место функциональный подход. ФГОСы задают компетентностный подход.

Данное исследование акцентирует внимание на антропологическом подходе к управлению фор-

мированием профессиональной компетентности (рис.1.), основанной на выборе совокупных методологических инструментов, таких как процесс, функция-форма частной образовательной процедуры или антропопрактики, системный эффект, содержательная оптимизация нормативной базы образовательного процесса.

Обзор привлекаемых образовательных подходов в исследовании

Системный подход к управлению формированием профессиональной компетентности предполагает выявление, понимание и менеджмент различных взаимосвязанных с субъективизацией образовательного процесса элементов, процессов, отношений и связей, а также использование аппарата и данных различных наук для достижения качества на всех уровнях образования, выбора разнообразных форм и методов его обеспечения.

Как результат образуется многослойный «теоретический пирог» [2]:

- общенаучные философские, социологические, системологические теории, положения и идеи;
- педагогические, психологические, квалитологические теории, положения и идеи;
- специализированные теории (дидактика, аксиология, теория управления и т.д.).

Каждый элемент системы педагогической поддержки образовательного процесса в колледже будем рассматривать как самостоятельные подсистемы, имеющие специфическую структуру и содержание (рис. 2.).

Процессный подход в исследовании ориентирован на нормотворческую и управляющую деятель-

ность руководителя колледжа, профессорско-преподавательского состава (далее – ППС) на осуществление мер, направленных не только на достижение результата образования, выраженного в образованности студентов, но и воздействие на все структурные элементы учебно-воспитательного процесса, от которых зависит достижение требуемого качества подготовки выпускников [5].

Априорно следует по нашему мнению учитывать и другие подходы на уровне планирования деятельности ППС: *программно-целевой, управленческий, прогностический, технологический, и т.п.*

Обоснование антропологического подхода в исследовании

Сложилась ситуация, когда внедрение ФГОС, нормативно-указательного характера директив высшего уровня управления образованием привело к искажению целевых ориентиров образовательной политики в сторону стандартизации в противовес парадигмам личностно-ориентированного и вариативного обучения.

Объектом данного исследования является личностно-ориентированный образовательный процесс с целью формирования не только компетентностного выпускника, но и цельной личности, способной к реализации внутренних рациональных мотивов, социально-грамотной и граждански зрелой. Целью такого образовательного процесса ставится достижение системного единства локально-нормативной базы образовательного процесса и проектирования антропопрактик, формирующих личностное поле развития студента. Тогда задачами такого исследования стано-

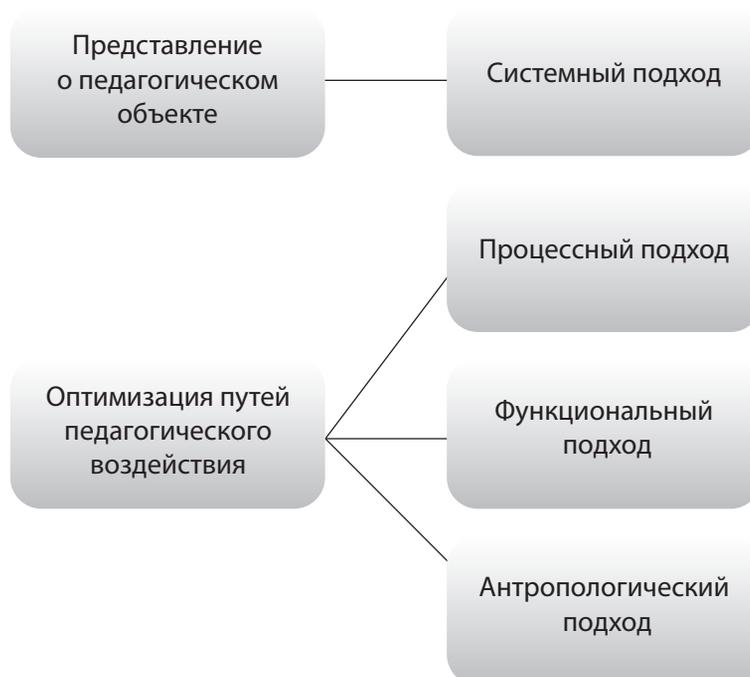

Рис. 1. Систематизация современных методологических подходов к изучению формирования профессиональной компетентности выпускников технического колледжа[3]

Рис. 2. Методологические уровни исследования проблемы исследования

взяты адекватные целям нормотворческие процедуры регулирования образовательной деятельности в колледже, проектируемые дидактические инструменты и антропопрактики.

Таким образом, объект, цели и задачи данного исследования обуславливают использование собственно антропологического подхода к формированию профессиональной компетентности выпускников и академического персонала в техническом колледже.

Идея исследования заключается в сбалансированном решении двух взаимосвязанных задач нормотворческого и антропопрактического характера, что в свою очередь, свои специфические критерии отбора дидактических средств и принципов построения образовательной подсистемы педагогической поддержки формирования профессиональной компетентности выпускников колледжа [4]:

- использование собственно педагогической теории и практики, педагогических технологий и средств создания, функционирования и развития подсистемы формирования профессиональной компетентности;

- насыщение педагогическим содержанием, придание педагогической целесообразности другим элементам системы качества образовательной системы колледжа, напрямую не связанным с педагогической теорией и практикой (педагогическое обеспечение управляющих и контролирующих процедур менеджмента качества, ориентация материально-технического, финансового, информационного обеспечения на решение задач образовательного учрежде-

ния в направлении устойчивого развития результативной деятельности ППС и др.).

В такой ситуации качество результата и процесса формирования профессиональной подготовленности выпускников к реалиям современного рынка труда будет проявляться и как социальная адаптивность, гражданская зрелость (антропопрактический аспект деятельности субъектов).

Это, в свою очередь, подразумевает способ саморганизации путем саморегуляции своих способностей, особенностей и интеграции составляющих и решений различного рода противоречий для достижения устойчивого развития. Став субъектом процесса профессиональной и социальной адаптации, личность вырабатывает индивидуальный способ организации деятельности, отвечающий качествам личности, её целеполаганию, и мотивации, и объективным характеристикам данного вида профессиональной подготовки. С понятием субъектности выпускника с развитой профессиональной адаптивностью связывают такие характеристики, как самостоятельное, творческое мышление, активность, чувство социальной и нравственной ответственности, психологическая и профессиональная готовность, профессиональная надежность, духовность, творческий потенциал.

Методологический и дидактический инструментарий

Инструментарий такого рода исследований разработан в рамках ряда отраслей педагогики: философии, психологии, педагогики, культурологии, где сформулированы основные идеи о способности че-

ловека к преодолению себя (С.Л. Франк, М.К. Мамардашвили), о возможности актуализации ценностных ориентаций и активизации резервных возможностей (А.В. Брушлинский, А.М. Матюшкин), об общении как среде деятельности и развития человека (А.А. Бодалев, Л.А. Петровская), о проблеме совершенствования отдельной личности в контексте жизненного пути (Б.Г. Ананьев, Н.И. Рыбников, Ш. Бюлер, А. Маслоу и др.) и особого качества личности, связанного со стремлением к совершенству, способностью восходящего развития и ценностным отношением к другой личности (С.Л. Рубинштейн).

Концептуально исследование ориентировано на проектирование оценочного инструментария и совокупности антропопрактик.

При этом в качестве основных *показателей результативности* образовательного процесса в колледже приняты показатели полноты и степени приближения к государственным образовательным нормам, в качестве которых принимаются новообразования в личности, качество знаний, способы деятельности, вероятностные характеристики сформированности профессиональных компетенций.

Эффективность обучения соответственно измеряется показателями потенциального качества антропопрактик – совокупности частных образовательных процедур, средств и методов и пр., организационно-педагогических условий, в том числе управляющих, корректирующих процедур СМК колледжа в направлении организации пространства адаптивной про-профессиональной деятельности студентов.

Феноменологический аспект [5] «позволяет привлечь в исследование специфический комплекс маркетинговых подходов и методов, ориентиро-

ванный на рынок образовательных услуг, служащий формированию и достижению целей выбора образовательной траектории субъектом, *т.е., инструментом управления становится любой фактор образовательной деятельности, приводящий к изменению инновационных свойств элемента системы, и, в конечном счете, качества образовательного продукта – искомого качества выпускника».*

Квалитологический аспект применен в классическом его понимании – как качество достигаемого результата, выраженное в качественных, условно-метрических и критериальных оценках.

Выводы:

Для организации педагогического сопровождения развития социально-адаптивного антропопрактического пространства развития выпускника в сочетании с системой менеджмента качества технического колледжа (норморегулирующий аспект) обоснован антропологический подход для выделения основных результатов обучения и воспитания выпускников в рамках профессиональной подготовки, обеспечивающих их культурную и профессиональную идентичность, социальную и профессиональную компетентность, включая самоучинг собственного развития, с позиции которого выпускник рассматривается как субъект совершенствования, обладающий самостоятельностью в выборе целей и эталонов профессиональной деятельности.

Профессиональная адаптивность выпускника выступает как мера и способ творческой самореализации субъекта в освоении, передаче и создании профессиональных ценностей и технологий, т.е. трансляции профессиональной культуры.

Список литературы

1. *Гайдамашко И.Г., Филатов С.В., Цуникова Т.Г. Методические рекомендации по проведению исследования проблем управления качеством профессиональной подготовки бакалавров в техническом университете / Учебное пособие. Издание повторное переработанное. М.: ТранАрт, 2014. С.17.*
2. *Ивлиева И.А., Панасюк В.П., Чернышова Е.К. Управление качеством профессионального образования: Терминологический словарь. СПб.: Институт профтехобразования РАО, 2001. 40 с.*
3. *Реан А. А., Бордовская Н. В., Розум С. И. Психология и педагогика / А. А. Реан Н. В. Бордовская, С. И. Розум / под общ. ред. А. А. Реана. СПб.: Питер, 2008. 432 с.*
4. *Цуникова Т.Г., Гайдамашко И.В., Пугачева Е.В. Метод кластерного модельного управления при формировании профессиональной мобильности выпускников технических университетов / Педагогика. 2016. № 6. С. 50–52.*
5. *Цуникова Т.Г., Чепурная Ю.В. Модель управления формированием профессиональной мобильности инженерно-технических кадров бакалавров на основе организационно-деятельностного подхода / Мир образования – Образование в мире. 2016. № 1. С. 154–159.*
6. *Цуникова Т.Г., Чепурная Ю.В., Пугачева Е.В. Управление формированием профессиональной мобильности выпускников в техническом вузе / Педагогика. 2016. № 3. С. 74–77.*

Reference list

1. *Gaydamashko I., Filatov S., Tsunikova T. Methodical recommendations for the study of quality management issues of professional training of Bachelors in technical university / Textbook. Edition arranged. М.: TranArt, 2014. P.17.*
2. *Ivlieva I., Panasyuk V., Chernyshova E. The quality management professional education: Glossary of terms. SBR.: Institute of Vocational Education of the RAO, 2001. 40 p.*

3. *Rean A., Bordovskaya N., Rozum S. Psychology and Pedagogy / A. Rean, N. Bordovskaya, S. Rozum / Under the general editorship of A. Rean. SBR.: Piter, 2008. 432 p.*
4. *Tsunikova T., Gaydamashko I., Pugacheva E. The method of management cluster model in the formation of professional mobility of technical universities graduates / Pedagogy. 2016. №6. P. 50–52.*
5. *Tsunikova T., Chepurnaya Yu. The management model formation of professional mobility of a technical staff of Bachelors on the basis of the organizational-activity approach / World of Education – Education in World. 2016. №1. P. 154–159.*
6. *Tsunikova T., Chepurnaya Yu., Pugacheva E. Managing the formation of professional mobility of technical universities graduates / Pedagogy. 2016. № 3. P. 74–77.*

Анисимов В.Г.,

доктор технических наук, профессор, профессор кафедры информационных систем в экономике и менеджмента Санкт-Петербургского государственного политехнического университета Петра Великого
e-mail: An-33@rambler.ru

Anisimov V.,

Doctor of Technology, Professor, Professor of Chair of Information Systems
in Economics and Management of the Saint-Petersburg State Polytechnic University of Peter the Great

Анисимов Е.Г.,

доктор технических наук, доктор военных наук, профессор,
директор Научно-исследовательского института Российской таможенной академии
e-mail: An-33@rambler.ru

Anisimov E.,

Doctor of Technology, Doctor of Military Sciences, Professor, Director
of the Research Institute of Russian Customs Academy

Аниськин В.Н.,

кандидат педагогических наук, доцент, декан факультета математики,
физики и информатики Самарского государственного социально-педагогического университета
e-mail: vnaniskin@gmail.com

Anis'kin V.,

PhD in Pedagogy, Associate Professor, Dean of the Faculty of Mathematics, Physics and Informatics
of the Samara State Social-Pedagogical University

Анненков А.Ю.,

кандидат юридических наук, доцент кафедры Государственного и административного права
Тульского государственного университета
e-mail: lex97531@mail.ru

Annenkov A.,

PhD in Law, Associate Professor of Chair of State and Administrative Law of the Tula State University

Ануфриева О.В.,

доцент кафедры музыки Государственного социально-гуманитарного университета
e-mail: anufrieva.7@mail.ru

Anufrieva O.,

Associate Professor of Chair of Music of the State Social-Humanitarian University

Бажанов С.В.,

доктор юридических наук, профессор, академик Петровской академии наук и искусств, старший советник
юстиции, ведущий научный сотрудник отдела проблем прокурорского надзора и укрепления законности
в сфере экономики НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации
e-mail: svb-1956@mail.ru

Bazhanov S.,

Doctor of Law, Professor, Academician of the Petrovskaya Academy of Sciences and Arts, Senior Counselor
of Justice, Leading Researcher of the Department of Issues of Public Prosecutor's Supervision and Consolidation
of Legality in the Matter of Economy of the Research Institute of Academy
of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation

Безбородова Л.А.,

доктор педагогических наук, профессор кафедры теории и практики начального образования
Института детства Московского педагогического государственного университета
e-mail: Purity2002@mail.ru

Bezborodova L.,

Doctor of Pedagogy, Professor of Chair of Theory and Practice of Elementary Education
of the Institute of Childhood Development of Moscow Pedagogical State University

Безбородова М.А.,

кандидат психологических наук, доцент кафедры иностранных языков
Московского педагогического государственного университета
e-mail: Purity2002@mail.ru

Bezborodova M.,

PhD in Psychology, Associate Professor of Chair of Foreign Languages
of the Moscow Pedagogical State University

Богословский В.И.,

доктор педагогических наук, профессор, начальник управления подготовки
и аттестации кадров высшей квалификации Российского государственного
педагогического университета им. А.И. Герцена
e-mail: vib@herzen.spb.ru

Bogoslovskiy V.,

Doctor of Pedagogy, Professor, Head of the Department of Training
and Top-Qualification Staff Certification
of the Herzen State Pedagogical University

Бут Н.Д.,

доктор юридических наук, старший советник юстиции, заведующая отделом
проблем прокурорского надзора и укрепления законности в сфере экономики
НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации
e-mail: ndbut@mail.ru

Booth N.,

Doctor of Law, Senior Counselor of Justice, Head of the Department
of Issues of Public Prosecutor's Supervision
and Consolidation of Legality in the Matter of Economy of the Research Institute
of Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation

Володарская Е.А.,

доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории организации
науки и науковедения Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН
e-mail: eavolod@gmail.com

Volodarskaya E.,

Doctor of Psychology, Leading Researcher the Department of History of Organization of Science
and Science Studies of the Institute of History of Natural Science and Technology
named after S. Vavilov of the Russian Academy of Sciences

Гендон А.Л.,

кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры финансового контроля, анализа
и аудита Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова
e-mail: Gendon1@yandex.ru

Gendon A.,

PhD in Engineering Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Chair
of State Financial Control, Accounting and Audit of Plekhanov Russian University of Economics

Глухарева Л.И.,

доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой международного права
Российского государственного гуманитарного университета
e-mail: liglur@mail.ru

Glukhareva L.,

Doctor of Law, Associate Professor, Head of Chair of International Law of the Russian
State Humanitarian University

Гончарук А.Ю.,

доктор педагогических наук, профессор, профессор
кафедры искусств и художественного творчества
факультета искусств и социокультурной деятельности
Высшей школы музыки им. А.Г. Шнитке Российского государственного социального университета
e-mail: a-goncharuk@bk.ru

Goncharuk A.,

Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of Chair of Arts and Artistic Creation of the Faculty of Arts
and Social-Cultural Activity of the Higher Education Institution of Music named after A. Schnittke
of the Russian State Social University

Егупов В.А.,

кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Московского института государственного управления и права
e-mail: egupov1981@mail.ru

Егупов В.,

PhD in Law, Associate Professor of Chair of State-Legal Disciplines
of the Moscow Institute of Public Administration and Law

Елин В.М.,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры информационной безопасности
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
e-mail: velin@hse.ru

Elin V.,

PhD in Pedagogy, Associate Professor of Chair of Information Security
of the Higher School of Economics National Research University

Жарова А.К.,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры инноваций и бизнеса в сфере информационных технологий Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
e-mail: alexmin@bk.ru

Zharova A.,

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of Chair of Innovations and Business
In Field of Information Technologies of the Higher School of Economics National Research University

Ильмушкин Г.М.,

доктор педагогических наук, профессор, профессор Демитровградского инженерно-технологического института – филиала Национального исследовательского ядерного университета
e-mail: gera1946@yandex.ru

Iľ'mushkin G.,

Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of the Demitrovgrad Engineering-Technological
Institute – Branch of National Research Nuclear University

Исаева М.А.,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры геометрии и методики преподавания математики
Чеченского государственного педагогического университета
e-mail: 171308@mail.ru

Isaeva M.,

PhD in Pedagogy, Associate Professor of Chair of Geometry and Mathematics Teaching Methodology
of the Chechen State Pedagogical University

Казаков В.Н.,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственного
и административного права Тульского государственного университета
e-mail: vladimir.kazakov.53@mail.ru

Kazakov V.,

Doctor of Law, Professor, Professor of Chair of State and Administrative Law of the Tula State University

Казюлин Ю.В.,

аспирант Московского финансово – промышленного университета
e-mail: Sk7007@mail.ru

Kazyulin Yu.,

Postgraduate student of the Moscow University for Industry and Finance

Климова А.О.,

аспирант Юридического института Московского государственного университета
путей сообщения Императора Николая II
e-mail: annaolegovna666@gmail.ru

Klimova A.,

Postgraduate student of the Law Institute of Moscow State University of Railway Engineering
of the Nicholas II Emperor

Клушина Н.П.,

доктор педагогических наук, профессор кафедры социальных технологий
Северокавказского федерального университета
e-mail: kaf.socteh@yandex.ru

Klushina N.,

Doctor of Pedagogy, Professor of Chair of Social Technologies of the North Caucasian University

Козьяков Р.В.,

кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной, общей и клинической психологии
Российского государственного социального университета
e-mail: kozyakovroman@yandex.ru

Koz'yakov R.,

PhD in Psychology, Associate Professor of Chair of Social, General and Clinical Psychology
of the Russian State Social University

Комарова В.В.,

старший преподаватель кафедры начального и дошкольного образования
Государственного социально-гуманитарного университета
e-mail: viktorija_kom_73@mail.ru

Komarova V.,

Senior Lecturer of Chair of Elementary and Preschool Education of the State Social-Humanitarian University

Крупеня Е.М.,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права
Юридического института Московского городского педагогического университета
e-mail: krupenyaem@yahoo.com

Krupenya E.,

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of Chair of Theory and History
of State and Law of the Law Institute of the Moscow City Pedagogical University

Куницын А.С.,

кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Курского филиала Московского института государственного управления и права
e-mail: migup46@yandex.ru

Kunitsyn A.,

PhD in History, Associate Professor of Chair of State-Legal Disciplines
of the Kursk Branch of Moscow Institute of Public Administration and Law

Магомедова А.Н.,

кандидат педагогических наук, доцент Дагестанского государственного
педагогического университета
e-mail: aika-san@mail.ru

Magomedova A.,

PhD in Pedagogy, Associate Professor of the Dagestan State Pedagogical University

Маковкина С.А.,

старший преподаватель кафедры экономики и управления Уральского института управления,
филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
e-mail: svetlana.makovkina@ui.ranepa.ru

Makovkina S.,

Senior Lecturer of Chair of Economics and Management of the Ural Institute of Management,
the Branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration

Михайлова Н.В.,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры истории государства и права Московского
университета МВД России имени В.Я. Кикотя, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации
e-mail: net-46@mail.ru

Mikhaylova N.,

Doctor of Law, Professor, Professor of Chair of History of State and Law of the Moscow University of Interior
Ministry of Russia named after V. Kikotya, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation

Нарутто С.В.,

доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права
Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина
e-mail: svetanarutto@yandex.ru

Narutto S.,

Doctor of Law, Professor of Chair of Constitutional and Municipal Law
of the Moscow State Law University named after O. Kutafin

Олигова М.Б.,

аспирант Российской международной академии туризма
e-mail: mgsusalikhov@yandex.ru

Oligova M.,

Postgraduate student of the Russian International Academy of Tourism

Ольховик И.В.,

кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономические теории»
Белорусского национального технического университета
e-mail: olhovik-irina@mail.ru

Ol'khovik I.,

PhD in Economics, Associate Professor of the Chair "Economic Theories"
of the Belarusian National Technical University

Поташова И.И.,

преподаватель Института государственного администрирования
e-mail: ira.potashova@gmail.com

Potashova I.,

Lecturer of the Institute of Public Administration

Разина Т.В.,

доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии
Ярославского филиала Московского психолого-социального университета
e-mail: razinat@mail.ru

Razina T.,

Doctor of Psychology, Associate Professor, Head of Chair of Psychology
of the Yaroslavl Branch of Moscow Psychological-Social University

Салихов Б.В.,

доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры теории регионоведения
Московского государственного лингвистического университета, профессор кафедры менеджмента и маркетинга
Московского университета им. С.Ю.Витте, главный научный сотрудник Института проблем рынка РАН
e-mail: mgsusalikhov@yandex.ru

Salikhov B.,

Doctor of Economics, Professor, Professor of Chair of Theory of Region Studies of the Moscow State Linguistic
University, Professor of Chair of Management and Marketing of the Moscow Witte University, Chief Researcher
Fellow of the Institute of Market Problems of the Russian Academy of Sciences

Салихова И.С.,

доктор экономических наук, профессор кафедры бухгалтерского учета, налогообложения
и таможенного дела Московского университета им. С.Ю.Витте, доцент, главный научный сотрудник Института
проблем рынка РАН
e-mail: irinasalikhova@yandex.ru

Salikhova I.,

Doctor of Economics, Professor of Chair of Accounting, Taxation and Customs Affairs of the Moscow Witte University,
Associate Professor, Chief Researcher Fellow of the Institute of Market Problems of the Russian Academy of Sciences

Сауренко Т.Н.,

доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой таможенного дела
Российского университета дружбы народов
e-mail: Tanya@saurenko.ru

Saurenko T.,

Doctor of Economics, Professor, Head of Chair of Customs Affairs
of the Peoples' Friendship University of Russia

Смоленский А.М.,

соискатель кафедры таможенного дела Российского университета дружбы народов
e-mail: An-33@rambler.ru

Smolenskiy A.,

Degree-seeking student of Chair of Customs Affairs of the Peoples Friendship University of Russia

Таева Н.Е.,

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права,
доцент Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина
e-mail: tayeva@mail.ru

Taeva N.,

PhD in Law, Associate Professor of Chair of Constitutional and Municipal Law, Associate Professor
of the Moscow State Law University named after O. Kutafin

Тепляков И.И.,

аспирант, ассистент кафедры конституционного и международного права Уральского института управления,
филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
e-mail: z-nit@yandex.ru

Терлуаков I.,

Postgraduate student, Teaching Assistant of Chair of Constitutional and International Law
of the Ural Institute of Management, the Branch of Russian Academy of National Economy
and Public Administration

Усманова Т.Х.,

доктор экономических наук, профессор Департамента
Менеджмента Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
e-mail: Utx.60@mail.ru

Usmanova T.,

Doctor of Economics, Professor of the Department of Management of Financial University
under the Government of the Russian Federation

Харченко Л.Н.,

доктор педагогических наук, профессор Северокавказского федерального университета
e-mail: innov_harchenko@mail.ru

Kharchenko L.,

Doctor of Pedagogy, Professor of the North Caucasian Federal University

Цуникова Т.Г.,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии Института кибернетики
Московского технологического университета
e-mail: tsunikova@mirea.ru

Tsunikova T.,

PhD in Pedagogy, Associate Professor of Chair of Pedagogy and Psychology of the Institute of Cybernetics
of Moscow Technological University

Шамаров П.В.,

кандидат военных наук, докторант Национального института им. Екатерины Великой
e-mail: hkmu@mail.ru

Shamarov P.,

PhD in Military Sciences, Doctoral student of Ekaterina the Great National Institute of Russia

Шкурко Н.М.,

кандидат психологических наук, консультант Московского института государственного управления и права
e-mail: NShkurko@mail.ru

Shkurko N.,

PhD in Psychology, Consultant of the Moscow Institute of Public Administration and Law

Шугрина Е.С.,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного университета имени О.Е. Кутафина, директор Центра поддержки и сопровождения органов местного самоуправления Высшей школы государственного управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: shugrina-es@ranepa.ru

Shugrina E.,

Doctor of Law, Professor, Professor of Chair of Constitutional and Municipal Law of the Moscow State University named after O. Kutafin, Director of the Center of Supporting and Supervision of Local Self-Government Authorities of the Higher Level Public Administration School of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Шингарева Н.В.,

кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
e-mail: net-46@mail.ru

Shingareva N.,

PhD in Law, Associate Professor of Chair of History of State and Law of the Moscow University of Interior Ministry of Russia named after V. Kikotya

Щенникова Ю.В.,

аспирант кафедры педагогики и психологии Института кибернетики Московского технологического университета
e-mail: sch_yliay@mail.ru

Shchennikova Yu.,

Postgraduate student of Chair of Pedagogy and Psychology of the Institute of Cybernetics of Moscow Technological University

Яшуткин В.А.,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей педагогики и современных образовательных технологий Ставропольского государственного педагогического института
e-mail: mail@sspi.ru

Yashutkin V.,

PhD in Pedagogy, Associate Professor of Chair of General Psychology and Modern Education Technologies of the Stavropol' State Pedagogical Institute

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Общие требования

К оформлению материалов, представляемых для публикации в журнале «Вестник Академии права и управления», который является междисциплинарным и охватывает следующие области знания: юридические науки, экономические науки, педагогические науки.

К публикации принимаются авторские материалы – научные (практические) статьи, обзоры (обзорные статьи), рецензии, научные отчеты, аналитические статьи, соответствующие **тематике** журнала.

1. Содержание статьи должно соответствовать тематике, научному уровню журнала. Авторский материал, предлагаемый к публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях.

Автор несет ответственность за точность воспроизведения имен, цитат, формул. Название статьи должно соответствовать содержанию.

2. Объем авторского оригинала (включая список литературы, таблицы и надписи к рисункам) не должен превышать 0,8 авторского листа (32 тысячи знаков, включая пробелы).

Предоставленный материал должен быть подготовлен в текстовом редакторе – **Microsoft Word**.

Рисунки предоставляются в формате ***.JPEG** или ***.bmp**. Подрисовочная подпись состоит из номера и названия (**Рисунок 1. ...**) Графики, диаграммы и прочее рекомендуется выполнять в программах **MS Excel** или **MS Graph**.

Таблицы должны иметь заголовки и порядковые номера. В тексте должны быть ссылки на представленные рисунки и таблицы. Сноски даются в тексте в [квадратных скобках], например: [3: с. 57], их нумерация должна соответствовать списку литературы, размещенному в конце статьи **в алфавитном порядке**, ссылки на комментарии приводятся в (**круглых скобках**).

Постраничные сноски не допускаются.

Допускаются смысловые выделения полужирным шрифтом.

3. В электронном виде материал для публикации предоставляется в виде нескольких отдельных файлов, названия которых должны начинаться с ФИО автора (авторов).

Структура основного файла, содержащего текст статьи на русском языке:

- УДК статьи – на первой странице в левом верхнем углу;
- название статьи;
- краткая информация об авторе (авторах) статьи;
- аннотация статьи на русском языке (информативное изложение содержания статьи, не более 800 знаков);

- ключевые слова на русском языке (до 15 слов или словосочетаний, характеризующих содержание статьи; приводятся в именительном падеже и печатаются строчными буквами, через запятые);

- текст статьи (текст – в формате А 4; гарнитура – Times New Roman; размер (кегель) шрифта – 14; межстрочный интервал – одинарный; все поля – 2 см, отступ (абзац) – 1 см, без переносов;
- список литературы приводится в алфавитном порядке – сначала указываются источники на русском языке, затем – на иностранных языках.

Информация, обязательная к представлению на английском языке:

- название статьи;
- ФИО, краткая информация об авторе (авторах) статьи (научная степень, звание, должность, место работы, e-mail);

- аннотация статьи;
- ключевые слова.

Сноски и список литературы оформляются в соответствии с ГОСТ 7.5-2008 (Библиографическая ссылка) (без разделительных тире). Обязательно указание издательства, а также общего количества страниц в источнике и интервала страниц для журнальных статей и публикаций в сборниках.

Количество источников в пристатейном библиографическом списке не более 35.

Как в русскоязычном, так и в англоязычных источниках, включенных в пристатейный список литературы, указываются все авторы каждой публикации (не более 3; если авторов больше – др.).

4. Отдельными файлами высылаются:

- копии всей содержащейся в материале графики – рисунков, схем (в формате JPEG или TIFF (разрешение не менее 300 dpi), а также формул и таблиц;
- анкета автора по представленной форме.

Форма анкеты автора (пожалуйста, заполняйте без сокращений)

ФИО (на русском и английском языках)	
Место работы (наименование организации на русском и английском языках)	
Должность, с указанием структурного подразделения (на русском и английском языках)	
Ученая степень (на русском и английском языках)	
Ученое звание (на русском и английском языках)	
Адрес электронной почты для контактов	
Адрес для отправки авторского экземпляра (обязательно указать индекс)	
Наименование статьи (на русском и английском языках)	

Статьи, подготовленные аспирантами, соискателями ученой степени кандидата наук, принимаются к рассмотрению только при наличии письменной рекомендации научного руководителя (заведующего кафедрой). Плата с аспирантов за публикацию не взимается.

Гонорары авторам не выплачиваются.

Напоминаем авторам: одно из требований ВАК – включение издания в систему Российского индекса научного цитирования, что сопряжено с размещением представленных материалов статей в открытом доступе в сети Интернет. Направляя материалы в редакцию журнала, автор заведомо соглашается на размещение своих материалов в открытом доступе в сети Интернет.

Авторскому коллективу выдается один экземпляр журнала.

Позиция редакции может не совпадать с точкой зрения авторов.

Редакция оставляет за собой право редакционной правки статьи.

**Просьба к авторам высылать материалы в полном комплекте,
в ином случае они будут возвращаться без рецензирования.**

Подготовленные материалы необходимо отправить по адресу: rio@migup.ru

ВЕСТНИК
АКАДЕМИИ ПРАВА И УПРАВЛЕНИЯ
№ 1 (46)
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

– М.: НОУ ВПО «Московский институт государственного управления и права», 2017 – 218 с.

Журнал зарегистрирован
в Министерстве Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

СМИ зарегистрировано 28.04.2000 г.
с изменениями 30 апреля 2013 г.; 11 февраля 2015 г.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-60768

Подписано в печать 27.03.2017
Формат 60x84/8. Печать офсетная.
Гарнитура Myriad Pro.
Тираж 5000 экз.
Усл.-печ. л. 25,3

Адрес редакции:

115487, Москва, ул. Садовники, д. 2.
Тел./факс: (499) 271-66-52.
www.migup.ru; e-mail: rio@migup.ru
Подписной индекс – **45012**

Отпечатано в типографии
ООО «Сам Полиграфист»
Заказ №